

Прогрессивная

ЭКОНОМИКА

Международный
научно-исследовательский
журнал

№ 8 / 2025

Главный редактор журнала:

Рощина Лидия Николаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Международная торговля и таможенное дело», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Заместитель главного редактора:

Куликова Ирина Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Международная торговля и таможенное дело», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Члены редакционной коллегии:

по направлению 5.2.1. Экономическая теория:

Грузков Игорь Владимирович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории, маркетинга и агроэкономики, заместитель декана экономического факультета по научной работе, Ставропольский государственный аграрный университет, Ставрополь, Россия

Палаш Светлана Витальевна, доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики и экономической безопасности, Костромской государственный университет, Кострома, Россия

Рахмеева Ирина Игоревна, доктор экономических наук, и.о. заведующего кафедрой «Экономическая теория и прикладная социология», Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

Скаржинская Елена Матвеевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры бизнес-информатики и сервиса, Костромской государственный университет, Кострома, Россия

по направлению 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике:

Конюховский Павел Владимирович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры отраслевой экономики и финансов, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Рахмеева Ирина Игоревна, доктор экономических наук, и.о. заведующего кафедрой «Экономическая теория и прикладная социология», Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

Скаржинская Елена Матвеевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры бизнес-информатики и сервиса, Костромской государственный университет, Кострома, Россия

по направлению 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика:

Алексеева Наталья Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Организация производства и экономический анализ», Удмуртский государственный аграрный университет, Ижевск, Россия

Бабина Юлия Витальевна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Промышленная экология», РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина, Москва, Россия

Боткин Игорь Олегович, доктор экономических наук, профессор кафедры «Разработка и эксплуатация нефтяных и газовых месторождений» (РЭНГМ), заместитель директора по

научной работе Института нефти и газа им. М.С. Гущериева, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

Власова Екатерина Яковлевна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Природообустройство и водопользование», Уральский государственный горный университет, Екатеринбург, Россия

Гаврилова Татьяна Михайловна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и промышленный менеджмент», Коломенский институт (филиал) «Московский политехнический университет», Коломна, Россия

Качалова Елена Шайдаговна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, Институт технологий управления, МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия

Леденева Марина Викторовна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Экономика и управление», Волгоградский институт бизнеса, Волгоград, Россия

Маклахов Алексей Васильевич, доктор экономических наук, профессор, советник ректора, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия

Махошева Салима Александровна, доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом «Экономика знаний и опережающее региональное развитие» Института информатики и проблем регионального управления – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия

Пономаренко Наталья Шахрияровна, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой информационных систем управления, Донецкий государственный университет, Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия

Секисов Александр Николаевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры технологии, организации, экономики строительства и управления недвижимостью Кубанского государственного технологического университета и доцент кафедры строительного производства Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия

Таймасханов Хасан Элимсултанович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономическая теория и государственное управление», Грозненский государственный нефтяной технический университет им. акад. М.Д. Миллионщикова, Грозный, Чеченская Республика, Россия

по направлению 5.2.4. Финансы:

Афанасьева Оксана Николаевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры финансов и валютно-кредитных отношений ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации», ВАВТ Минэкономразвития России, Москва, Россия

Боткин Игорь Олегович, доктор экономических наук, профессор кафедры «Разработка и эксплуатация нефтяных и газовых месторождений» (РЭНГМ), заместитель директора по научной работе Института нефти и газа им. М.С. Гущериева, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

Качалова Елена Шайдаговна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, Институт технологий управления, МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия

Львова Надежда Алексеевна, доктор экономических наук, профессор кафедры теории кредита и финансового менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Магомаева Лейла Румановна, доктор экономических наук, заведующая кафедрой «Информационные системы в экономике», директор института цифровой экономики и

технологического предпринимательства», Грозненский государственный нефтяной технический университет им. акад. М.Д. Миллионщикова, Грозный, Чеченская Республика, Россия

Шамрай-Курбатова Лидия Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, проректор по учебной работе и управлению качеством, профессор РАЕ, Волгоградский институт бизнеса, Волгоград, Россия

по направлению 5.2.5. Мировая экономика:

Коростышевская Елена Михайловна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и экономической политики СПбГУ, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Леденева Марина Викторовна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Экономика и управление», Волгоградский институт бизнеса, Волгоград, Россия

Рощина Лидия Николаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Международная торговля и таможенное дело», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Таймасханов Хасан Элимсултанович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономическая теория и государственное управление», Грозненский государственный нефтяной технический университет им. акад. М.Д. Миллионщикова, Грозный, Чеченская Республика, Россия

Таранов Петр Владимирович, доктор экономических наук, профессор кафедры «Международная торговля и таможенное дело», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Трапезникова Ирина Сергеевна, доктор экономических наук, доцент Кафедры экономики предприятия, предпринимательства и инноваций, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Хапилин Станислав Анатольевич, доктор экономических наук, профессор кафедры «Международная торговля и таможенное дело», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

по направлению 5.2.6. Менеджмент:

Барбашин Максим Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, кафедра ТЭЛАНО, Донской государственный технический университет (ДГТУ), Ростов-на-Дону, Россия

Лазарев Владимир Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и менеджмент», Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск, Россия

Осипов Анатолий Константинович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Менеджмент и право», Удмуртский государственный аграрный университет, Ижевск, Россия

Соколова Надежда Геннадьевна, доктор экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент», Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, Ижевск, Россия

Столярова Алла Николаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Менеджмент и экономика», Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна, Россия

по направлению 5.2.7. Государственное и муниципальное управление:

Зотов Владимир Борисович, доктор экономических наук, профессор, кандидат технических наук, почётный работник высшего образования, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Государственный университет управления (ГУУ), Москва, Россия

Никитаева Анастасия Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информационной экономики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Палаш Светлана Витальевна, доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики и экономической безопасности, Костромской государственной университет, Кострома, Россия

ИНН / ОГРНИП: 310263101740 / 321312300063333

ISSN электронной версии: 2713-1211

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-82380 выдан 23.12.2021 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Префикс DOI: 10.54861

E-mail: progressive-science@yandex.ru

Сайт: <https://progressive-economy.ru>

© Прогрессивная экономика, 2025 г.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Кацемир Я.В. ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПОЛИТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ	8
Хапилин С.А., Иванова О.Б., Хапилин А.Ф. К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ НА ОСНОВЕ РИСКООРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ.....	19
Киселева Р.Ф. К ВОПРОСУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ РЕФОРМЫ КЛАССИФИКАЦИИ СРЕДСТВ РАЗМЕЩЕНИЯ 2025 ГОДА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСТИНИЧНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ	31
Заруба Д.С. ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ФИСКАЛЬНЫХ УГРОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	51
Абдрахманова А.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ НАМЕРЕНИЙ МОЛОДЕЖИ В БИЗНЕС-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	62
Ануфриева А.А., Девятова Н.С. СМЕНА ПАРАДИГМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ ГОРОДОВ РОССИИ	74
Васюков О.Н. МЕТОДИКА ЭКСПРЕСС-ДИАГНОСТИКИ СОСТОЯНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КОМПАНИИ КАК ЯДРА БИЗНЕС-ЭКОСИСТЕМЫ	92
Кудинов В.В., Каченкова В.Д., Джур А.А. САМООЦЕНКА ОРГАНИЗАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОХРАНОЙ ТРУДА.....	105
Воронин Н.Д. ДНК-МЕНЕДЖМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ БИЗНЕСОМ.....	117
Залян Э.С., Сиваев С.Б. ТАРИФНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛИВНЕВЫХ КАНАЛИЗАЦИЙ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ.....	129

Анисимов А.В., Золотов А.В.

ВЛИЯНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА НА ЗАНЯТОСТЬ В ОСНОВНЫХ СЕКТОРАХ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ..... 151

Жуйков В.И.

ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ РАСХОЖДЕНИЕМ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ЦЕЛЯХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ..... 160

Оболешева Е.Е.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОЦЕНКЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА РАЗВИТИЕ БЕЗНАЛИЧНОГО ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ 172

Иванов А.В., Куйбеда Д.И.

МОДЕЛИРОВАНИЕ «УМНЫХ ГОРОДОВ» КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЖКХ..... 182

Корчагин А.М.

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ САНКЦИЙ НА ДИНАМИКУ ИНВЕСТИЦИЙ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: МАТЕМАТИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЗА 2017-2024 ГОДЫ..... 196

Рыбалов М.А.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ РАБОТЫ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ОСНОВЕ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ 212

Слесаренко С.Д., Кладиева А.И., Бардаков В.С.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ИСКАЖЕНИЯ НА РОССИЙСКОМ ФОНДОВОМ РЫНКЕ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОГНИТИВНЫХ БИАСОВ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ИНВЕСТОРОВ..... 221

Сафонова Ю.Р.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ..... 234

Слесарчук А.О.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АВТОНОМНОГО ГРУЗОВОГО ТРАНСПОРТА ДО 2030 ГОДА..... 248

Слесаренко С.Д., Кладиева А.И., Бардаков В.С.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ БЛОКЧЕЙН В БАНКОВСКУЮ СИСТЕМУ РОССИИ 262

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Международный научно-исследовательский журнал

«Прогрессивная экономика»

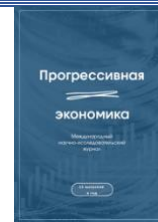
№ 8 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/formirovanie-genderno-orientirovannoj-politiki-upravleniya-personalom/

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности ВАК: 5.2.6

УДК 331.108.244

DOI: 10.54861/27131211_2025_8_8

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПОЛИТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

Кацемир Я.В., кандидат экономических наук, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, г. Новороссийск, Россия

Аннотация. Гендерное неравенство в экономических возможностях населения имеет многочисленные измерения, охватывающие трудоустройство и модель занятости, уровень зарплаток и владения активами, возможности карьерного роста или привлечения к предпринимательской деятельности. В связи с этим, на текущем этапе социально-экономического развития актуальным становится вопрос интеграции гендерной политики в стратегии управления персоналом предприятий. Автором поставлена цель разработать и обосновать модель интеграции гендерной политики в систему управления персоналом предприятия как инструмента повышения эффективности организационной деятельности. Научная новизна исследования заключается в выявлении ключевых проблем, с которыми сталкиваются компании при разработке и внедрении гендерной политики, включая сопротивление изменениям, стереотипное мышление и отсутствие четких методологических подходов. На примере предприятия ресторанной индустрии ООО «Цех» подробно рассматриваются основополагающие принципы гендерного взаимодействия и сфера управления персоналом. Проведенный анализ показал наличие значительных гендерных диспропорций, которые прослеживаются по ключевым параметрам: количественному составу сотрудников, возрастной структуре персонала, распределению по уровням управления и подразделениям, системе оплаты труда и процессам подбора персонала. Сделан вывод, что успешная интеграция гендерной политики в стратегию управления персоналом не только повысит эффективность организации, но и создаст более справедливую и инклюзивную рабочую среду, способствующую развитию потенциала всех сотрудников, независимо от их пола. Практическая значимость полученного научного результата заключается в том, что развитие гендерной экономики, как самостоятельного направления, требует фундаментального пересмотра традиционных концепций управления предприятиями.

Ключевые слова: гендерная политика, гендерное взаимодействие, гендерный дисбаланс, принципы гендерного взаимодействия, стратегия управления персоналом.

FORMATION OF A GENDER-ORIENTED PERSONNEL MANAGEMENT POLICY

Katsemir Y.V., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory, Economics and Management, Admiral Ushakov Maritime State University, Novorossiysk, Russia

Abstract. Gender inequality in the economic opportunities of the population has numerous dimensions, covering employment and employment model, level of earnings and ownership of assets, opportunities for career growth or involvement in entrepreneurial activity. In this regard, at the current stage of socio-economic development, the issue of integrating gender policy into the personnel management strategies of enterprises is becoming relevant. The author aims to develop and substantiate a model for integrating gender policy into the personnel management system of an enterprise as a tool to increase the effectiveness of organizational activities. The scientific novelty of the study is to identify the key problems faced by companies in the development and implementation of gender policy, including resistance to change, stereotypical thinking and lack of clear methodological approaches. Using the example of the restaurant industry enterprise Tsekh LLC, the fundamental principles of gender interaction and the field of personnel management are considered in detail. The analysis showed the presence of significant gender disparities, which can be traced in key parameters: the quantitative composition of employees, the age structure of staff, distribution by management levels and divisions, the remuneration system and recruitment processes. It is concluded that the successful integration of gender policy into the HR management strategy will not only increase the effectiveness of the organization, but also create a more equitable and inclusive work environment that promotes the development of the potential of all employees, regardless of their gender. The practical significance of the scientific result obtained lies in the fact that the development of gender economics as an independent field requires a fundamental revision of traditional enterprise management concepts.

Keywords: gender policy, gender interaction, gender imbalance, principles of gender interaction, personnel management strategy.

JEL classification: J16, M12, J24, M51.

Для цитирования: Кацемир Я.В. Формирование гендерно-ориентированной политики управления персоналом // Прогрессивная экономика. 2025. № 8. С. 8–18. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_8.

Статья поступила в редакцию: 01.08.2025 г. Одобрена после рецензирования: 07.08.2025 г. Принята к публикации: 08.08.2025 г.

For citation: Katsemir Y.V. (2025). Formation of a gender-oriented personnel management policy. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 8, 8–18, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_8 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 01/08/2025. Approved after review: 07/08/2025. Accepted for publication: 08/08/2025.

Введение

В контексте активного развития демократических институтов и формирования гражданского общества особое значение приобретает вопрос организации взаимодействия сотрудников предприятия с учетом принципов гендерной политики. Практически все сферы деятельности предприятия в определенной степени связаны с гендерными особенностями, которые проявляются в экономическом, социальном, морально-психологическом, правовом и других аспектах. Мотивация, развитие персонала, коммуникации, профессиональная и управленческая культура, лидерство, психологический комфорт, принятие управленческих решений и другие практики менеджмента персонала ярко отражают гендерную политику, которую проводят предприятия, однако зачастую такая политика не лишена гендерного неравенства на всех уровнях. Гендерное неравенство в экономических возможностях населения имеет многочисленные измерения, охватывающие трудоустройство и модель занятости, уровень зарплаток и владения активами, возможности карьерного роста или привлечения к предпринимательской деятельности [1, с. 95].

Особенности гендерной составляющей раскрывают существующие в обществе тенденции, которые транслируются в организационное пространство компании, отражая количественные и качественные параметры гендерного взаимодействия, то есть он является важным индикатором, который нужно принимать во внимание при формировании стратегии управления персоналом. Однако в реальной жизни отечественные предприятия в основном пренебрегают гендерным фактором, а гендерно-ориентированная составляющая обычно отсутствует в стратегии управления персоналом. Таким образом, целью данной статьи является освещение теоретических и практических аспектов гендерной политики предприятия при формировании его стратегии управления персоналом.

Обзор литературы

Численность публикаций, посвященных гендерной политике, которую рассматривают как на макроуровне, так и на микроуровне, постоянно растет, охватывая широкое поле проблемных вопросов. Эволюция гендерных отношений в современном обществе характеризуется значительным повышением роли женщин в социально-экономической сфере. Данный процесс способствует постепенному разрушению устаревших гендерных стереотипов и переосмыслению традиционных представлений о распределении социальных ролей. Примечательно, что американские ученые Р. Питерсон и К. Вермейер охарактеризовали происходящие изменения как «тихую революцию глобального масштаба» [2, с. 3-5]. Предложенное авторами определение актуализирует глубину и значимость трансформационных процессов, затрагивающих фундаментальные основы гендерных отношений в современном мире.

История концепции гендерного равенства восходит к эпохе Просвещения XVII и XVIII веков, когда впервые были сформулированы

гуманистические идеи о гендерном равенстве. Важной вехой стало эссе Пулена де ла Барра «О равенстве обоих полов» [3] и заявление Шарля Фурье о том, что расширение прав и возможностей женщин является основой социального прогресса. Идеи вышеуказанных авторов постепенно обрели теоретическую и правовую основу, которая позволила женщинам добиться права на образование и равный труд в конце XIX века, а также избирательных прав в начале XX века. На рубеже XX и XXI веков появился новый подход, который признает гендерное неравенство не только социальной, но и экономической проблемой. Указанный сдвиг в понимании нашел отражение в международном дискурсе и был закреплен в документах ООН, в частности в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [4].

Гендерное равенство стало особенно важным в контексте экономического развития. По словам директора-распорядителя МВФ Кристалины Георгиевой, гендерное равенство является ключевым фактором экономического роста. Женщины, которые составляют половину населения земного шара, должны в полной мере участвовать в развитии мира, а неравная оплата труда остается серьезным препятствием как для достижения равенства, так и для экономического развития. Статистика подтверждает важность этой проблемы: по словам Георгиевой, сокращение гендерного разрыва в странах с высоким уровнем неравенства может привести к увеличению ВВП на 35% [5].

Эксперты, такие как Дебора Гринфилд из МОТ, подтверждают, что гендерная дискриминация остается глобальной проблемой, которая ограничивает экономический рост и экономическую устойчивость, поскольку женщины сталкиваются с трудностями при поиске работы и получают меньшую оплату за равноценную работу [6]. Однако несмотря на широкое представление гендерной проблематики в научных исследованиях различных областей знаний, без внимания остаются исследования гендерной политики в формировании стратегии управления персоналом предприятий.

Материалы и методы

Теоретическая основа исследования основана на комплексном подходе к анализу гендерных аспектов управления персоналом. основополагающими источниками являются научные публикации отечественных и зарубежных исследователей в области гендерных исследований, управления человеческими ресурсами и организационной психологии. Нормативная база исследования включает международные и внутригосударственные правовые акты, регулирующие вопросы гендерного равенства в сфере труда. Особое внимание уделяется Конвенции МОТ № 111 о дискриминации в сфере труда и занятий [7], конституционным положениям о равенстве прав и свобод человека и гражданина, а также специальным указам Президента Российской Федерации в области гендерной политики [8; 9].

Методологическая основа исследования представлена совокупностью общенаучных и специальных методов познания. основополагающим методологическим подходом является гендерный, который учитывает социокультурные различия между полами, анализирует специфику трудовых

отношений и прогнозирует последствия кадровой политики. Методы исследования по данной теме включают анализ статистических данных, сравнительный анализ показателей, системный подход к изучению кадровой политики и социологические методы исследования.

Результаты и обсуждение

Среди многих факторов повышения эффективности деятельности предприятия и его конкурентоспособности выделяют социально ориентированный менеджмент, в котором особое внимание обращается на гендерное взаимодействие. Идеология, направленная на соблюдение гендерного баланса в системе менеджмента персонала, отражает также социальную ответственность предприятий, их готовность вводить эффективную гендерную практику и соответствовать международным стандартам. Учитывая вышесказанное, в стратегии управления персоналом гендерная политика должна строиться на принципах партнерства, релевантности, паритетности, открытости, гармоничности, прозрачности и иметь четко выраженный системный характер. [10, с. 7-13]

Состояние гендерного взаимодействия на предприятии в определенной степени определяется уровнем его корпоративной культуры, которая устанавливает ценностные ориентации и влияет на гендерные поведенческие роли в любом коллективе. В данном контексте можно отметить, что управление разнообразием рабочей силы требует изменений в культуре работы организации. Чрезвычайно важно, чтобы каждый работник понимал направление развития и свою роль в процессе изменений. Данное положение должно стать составляющей кадровой политики, особенно в отношении рационального использования женского потенциала. Введение понятия «гендер» в культуру управления даст возможность женщинам занять достойное место в любой организации [11].

В управленческой практике, в частности в управлении персоналом, гендерные особенности проявляются, прежде всего, в подходах к:

- решению проблем;
- стилю управления;
- формированию межличностных отношений;
- формированию корпоративной культуры;
- технологий лидерства;
- командного сотрудничества;
- карьерного развития;
- разрешение конфликтных ситуаций.

Анализ гендерной политики и ее роль в формировании стратегии управления персоналом проведен на базе предприятия ООО «Цех», которое предоставляет услуги в ресторанной индустрии, поскольку именно в этой сфере женщины и мужчины почти равноценны в своей профессиональной компетентности. Анализируя состояние гендерной политики на этом предприятии, автор выделил чувствительные к гендеру основные моменты, в частности: численность в разрезе отделов, возрастную структуру, оплату

труда, карьерный рост, текучесть кадров, уровень конфликтности, стиль руководства.

Среднесписочная численность штатных работников исследуемого предприятия в 2023 г. составляла 1 760 человек, в 2024 г. выросла и составила 2 010 человек. В структуре персонала анализируемого предприятия преобладают мужчины, доля которых составляет 56%, доля женщин, соответственно, - 44%. Существенное различие наблюдается в разрезе уровней управления, поскольку на институциональном уровне доля мужчин составляет 100%, на управленческом уровне доля мужчин составляет 51%, женщин – 49%, технический уровень представлен так: 64% – мужчины, 36% – женщины. Ощутимым является структурный гендерный дисбаланс в разрезе отделов предприятия. Наибольшая диспропорция наблюдается в архитектурно-дизайнерском отделе, в котором насчитывается 90% мужчин и только 10% женщин, и логистическом отделе, где доля мужчин составляет 75%, а доля женщин – 25%. Однако есть отделы, в которых доминируют женщины, в частности это отдел управления персоналом, который полностью укомплектован представителями женского пола, в структуре бухгалтерии 85% составляют женщины, соответственно, доля мужчин – 15%. (Рис.1). Итак, формируя стратегию управления персоналом, важно обеспечить гендерный баланс, учитывая, конечно, специфику работы и функциональных обязанностей.

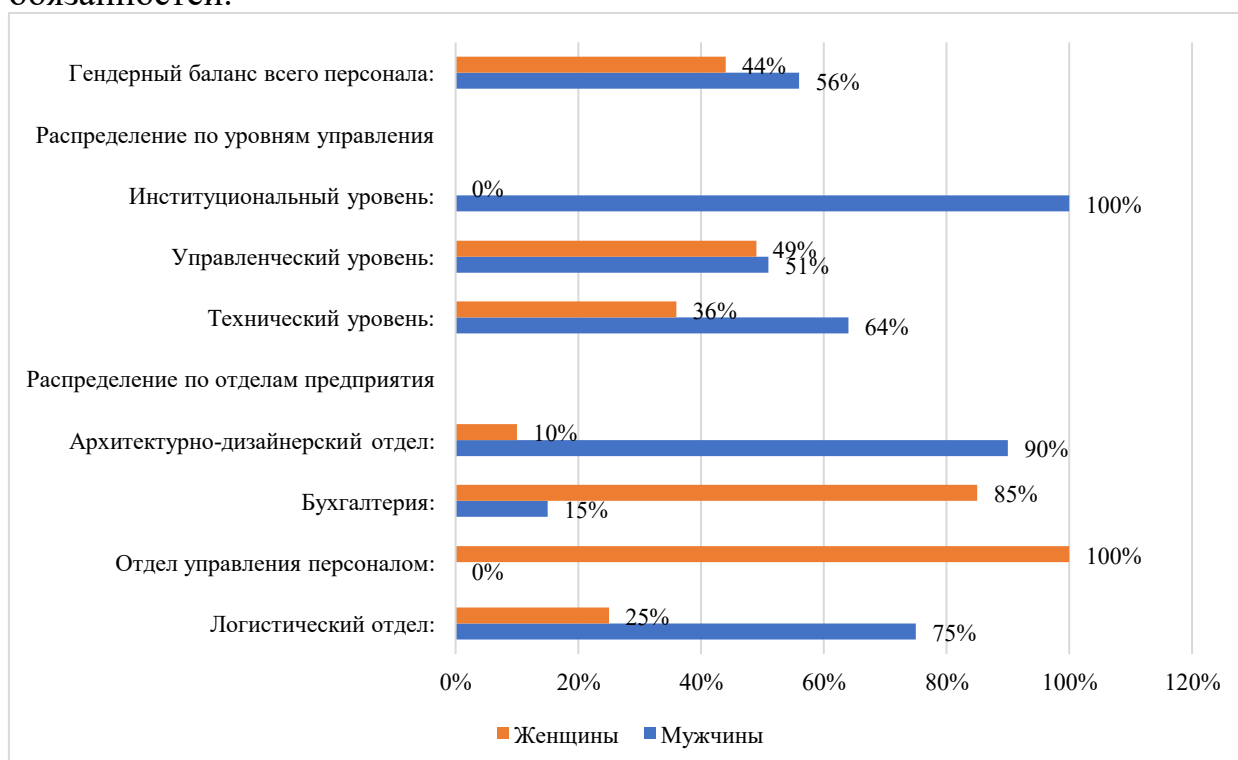

Рис. 1. Гендерный баланс предприятия «Цех»
Источник: составлено автором по данным предприятия «Цех»

Как показало исследование, на институциональном уровне вовсе нет женщин. Однако добиться изменений на институциональном уровне труднее

всего, следовательно, изменения нужно внедрить с низовых уровней. Разрабатывая стратегию управления персоналом, руководство предприятия уже учло проблемные аспекты и заложило в новую стратегию новации, направленные на снижение гендерного неравенства. В частности, запланировано ввести дополнительные вакантные места для женщин, прежде всего на техническом уровне. Для этого есть весомые основания, поскольку сеть заведений расширила свою деятельность, открыв сеть книжных магазинов-кофеен с вакансиями для представителей женского пола.

Интересной выглядит возрастная структура в гендерном разрезе, поскольку на предприятии преобладают мужчины младшего возраста (70% в возрасте до 25 лет и около 70% в возрасте от 25 до 30 лет), а женщины старшего возраста (более 60% в возрасте более 45 лет). (Рис. 2).

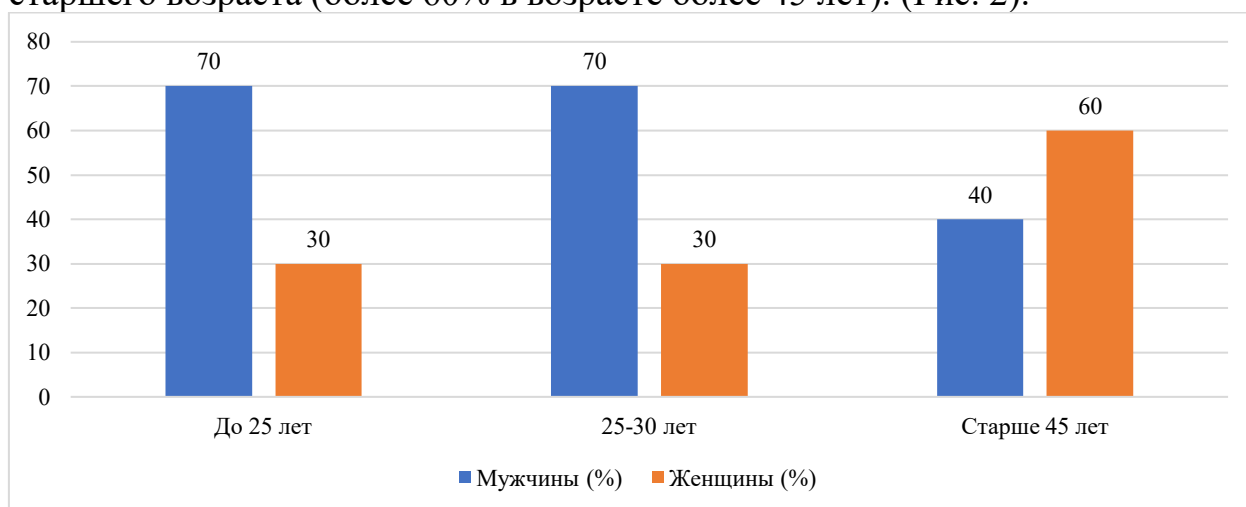

Рис. 2. Возрастная структура персонала по гендерному признаку

Источник: составлено автором по данным предприятия «Цех»

Такая картина обусловлена тем, что большинство молодых людей работает в производственном отделе, то есть это весь обслуживающий персонал в заведениях компании, все официанты, бармены, продавцы сети. А поскольку в сети большинство заведений, где обслуживающим персоналом берут только мужчин, поэтому и вакансий больше для мужского пола в молодом возрасте. Меньше всего женщин работает на предприятии в возрасте 30-35 лет, поскольку это активный репродуктивный возраст женщин, которые занимаются семьей и воспитанием детей. Доминируют женщины в возрасте после 40 лет, доля которых составляет более 60%. Это объясняется желанием женщин иметь постоянную работу, тогда как мужчины в этой возрастной категории стремятся к карьерному росту и либо ищут еще лучшую и высшую должность в других компаниях, либо открывают свой бизнес.

Анализ оплаты труда в гендерной плоскости показал существующую дифференциацию заработной платы в структуре отделов и подразделений. В частности, на производственном уровне оплата труда одинакова для мужчин и женщин и зависит от профессиональных навыков персонала, а не его пола. Однако, например, в отделе маркетинга, логистики или сертификации

заработная плата также является сдельной, однако ставка у женщин ниже, чем у мужчин.

Программа гендерной политики на ближайший период нацелена на то, чтобы максимально приблизить и уравнивать заработные платы женщин и мужчин, поэтому и предприятию необходимо произвести изменения в системе оплаты труда. Довольно большой разрыв между заработными платами есть у руководства среднего звена – почти 6% расхождения в средней среднемесячной заработной плате мужчин и женщин, выполняющих одинаковые функции. Наибольший разрыв между заработной платой мужчин и женщин наблюдается в отделе логистики и составляет 15%. Формируя новую стратегию управления персоналом, для улучшения ситуации в системе оплаты труда на предприятии в каждом отделе ввели премию «Самый лучший работник месяца», которая служит мотиватором для поднятия престижа труда женщин и их стимулирования.

В стремлении к карьерному развитию наблюдается больший интерес мужчин, чем женщин, поскольку женская половина персонала преимущественно ориентирована на комфортные условия труда. И такая ситуация является типичной для большинства отечественных предприятий. Оценка отношения руководства к карьерному развитию своего персонала показала, что высший менеджмент предприятия заинтересован в развитии персонала, его креативности и прилагает усилия для обеспечения своих работников карьерным ростом, учитывая гендерный аспект. На предприятии есть возможность карьерного роста, ведь оно развивается, постоянно открываются новые заведения, куда нужен персонал и есть возможность занимать там высшие должности, то есть часто происходит процесс ротации кадров.

Для улучшения и упрощения возможностей карьерного развития для женской половины персонала на предприятии ввели курс тренингов «Карьера для женщины», где женщины делятся собственным опытом и советами как совмещать семейную жизнь и работу, как правильно строить карьеру, как добиться успехов и профессионально совершенствоваться. Женщины охотно посещают тренинги и в будущем хотят создать еще и «Свой клуб». С целью высвобождения времени для профессионального совершенствования женщин при головном офисе предприятия открыли дошкольное учреждение для детей работников. Для удобства график работы детского сада согласован с графиком дел офисных работников предприятия.

На предприятии наблюдается довольно высокая текучесть кадров. Коэффициент текучести в 2023 г. составлял 0,261, но в 2024 г. снизился и равнялся 0,081. Почти 68% мужчин из числа принятых выбыло на протяжении года, тогда как женщин выбыло 40% из принятых в течение года. На текучесть кадров влияет то, что в сети заведений работает большая доля студентов, которые трудоустраиваются временно, стремясь максимально выгодно совместить обучение и заработок. Среди представителей студенческой среды особенно много мужчин, которые в основном трудоустраиваются в

ресторанной сфере, понимая, что это временный труд. Обычно сотрудники увольняются по собственному желанию.

В политике набора персонала руководство предоставляет преимущество представителям мужского пола, ориентируясь на возрастную ценз от 25 до 30 лет. Что касается лояльности персонала, то большинство женщин, которых взяли на работу еще в самом начале основания компании, продолжают плодотворно работать на этом предприятии и за этот период времени достигли карьерного роста. В то же время многие мужчины, которые в начале функционирования предприятия занимали руководящие должности, уволились с предприятия и перешли в другие компании, переехали в другие города или страны, открыли собственные предприятия. Учитывая такую ситуацию, предприятию необходимо решать проблему мотивирования персонала и в стратегии управления персоналом закладывать мотивационные рычаги.

Анализ уровня конфликтности показал, что женщины конфликтуют чаще, чем мужчины. Причины конфликтов бывают разные, чаще всего из-за условий труда, несоблюдения администрацией своих обещаний по премированию или оплате труда. Для выявления намерения руководства предприятия улучшить состояние гендерной политики в контексте формирования стратегии управления персоналом на предприятии было проведено исследование относительно уровня гендерной политики, удовлетворения системой менеджмента, условиями труда, руководством, коллективом и предприятием в целом. По мнению почти всех работников предприятия, значительно легче и интереснее работать в смешанном коллективе, где присутствуют и женщины, и мужчины. Большинство опрошенных считает, что женщина однозначно должна получать заработную плату наравне с мужчиной, если условия их труда и функциональные обязанности одинаковы. Более 70% опрошенных считает, что лучшим руководителем является именно женщина, учитывая более лояльный стиль управления, больший уровень эмпатии, взвешенность и толерантность. В целом 75% опрошенных довольны как предприятием, его корпоративной культурой, так и коллективом в целом. Также более 60% опрошенных рекомендовали бы это предприятие как место трудоустройства, которое имеет перспективу. Результаты опроса свидетельствуют об оптимистическом восприятии рекомендаций, направленных на позитивное гендерное взаимодействие и интеграцию в стратегии управления персоналом предприятия.

Заключение

В условиях развития интеграционных процессов и построения гражданского общества растет внимание к гендерной политике как на макро, так и на микроуровне. Гендерная политика становится не только составляющей гендерной системы, но и эффективным инструментом менеджмента, отвечающим социогуманистическим тенденциям современного мира. Учитывая сказанное, эффективное управление персоналом предприятия

должно учитывать гендерный компонент как часть стратегии управления персоналом. Гендерный диалог и партнерство будут способствовать реализации потенциала каждого члена коллектива предприятия, повышая его конкурентоспособность. Именно учет гендерного аспекта обогатит культуру управления персоналом и поможет адекватно и своевременно реагировать на изменения в обществе.

Исследуемое предприятие ООО «Цех» является социально ответственным, поэтому пытается решать гендерную проблему, закладывая в стратегию управления персоналом принципы гендерного равенства, которые бы гармонизировали отношения персонала и способствовали эффективному сотрудничеству. Исследование показало, что сегодня на предприятии существует определенная гендерная диспропорция как в численной, возрастной структуре персонала, особенно в разрезе уровней и подразделений, так и в оплате труда и подбора персонала. Однако, понимая важность и актуальность проблемы, высший менеджмент предприятия прилагает усилия для обеспечения равноправного участия мужчин и женщин во всех процессах и управленческих решениях и старается эффективнее использовать женский потенциал в управлении. Перспективы дальнейших исследований многогранны, учитывая актуальность гендерной тематики, ее масштабность, отсутствие системно-комплексных исследований и реального прогресса в практической плоскости.

Прежде всего целесообразно категориально обогащать поле исследования, идеологически, концептуально и методологически развивать гендерную политику на всех уровнях, закладывая, таким образом, основы культурной репрезентации гендера. В практическом смысле важно экспериментировать с технологиями развития гендерного взаимодействия персонала, оценивая продуктивное и непродуктивное взаимодействие и исследовать тенденции проявления всех составляющих гендерного взаимодействия персонала. Кроме того, учитывая активные процессы развития информационного общества, в котором стираются выразительные гендерные различия, необходимо продолжать исследования, направленные на формирование адекватных моделей деловых отношений в бизнес-среде.

Формирование эффективной гендерно-ориентированной политики управления персоналом требует комплексного подхода, учитывающего как общие закономерности управления, так и специфические особенности гендерных групп. Практическая реализация данной политики помогает повысить эффективность деятельности организации и раскрыть потенциал всех сотрудников, независимо от пола.

Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку методологических основ реализации гендерно-ориентированной политики и оценку ее влияния на эффективность деятельности организаций.

Литература

1. Гендерная политика в России и в мире: экономика, управление, общество : материалы Всероссийской научной конференции, Иваново, 25 июня 2021 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2021. 220 с.
2. Хохлова Т.П. Выявление гендерных аспектов менеджмента–фактор повышения эффективности управления // Менеджмент в России и за рубежом. 2001. №. 2. URL: <http://www.mevriz.ru/articles/2001/2/928.html>.
3. De l'égalité des deux sexes [О равенстве двух полов] (1673). URL: https://fr.wikisource.org/wiki/De_l'égalité_des_deux_sexes/texte-entier.
4. Повестка в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/>.
5. Международный валютный фонд. Пресс-релиз №22263. URL: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2022/07/22/pr22263-imf-md-kristalina-georgieva-announces-the-imf-new-gender-strategy>.
6. Почему у женщин нет равных с мужчинами возможностей на рынке труда. URL: <https://rg.ru/2019/06/19/pochemu-u-zhenshchin-net-ravnyh-s-muzhchinami-vozmozhnostej-na-rynke-truda.html>.
7. Конвенция N 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий» (принята в г. Женеве 25.06.1958 на 42-ой сессии Генеральной конференции МОТ). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120760/.
8. Указ Президента Российской Федерации от 04.03.1993 г. № 337 «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/3176>.
9. Национальная стратегия в интересах женщин на 2023–2030 годы, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 4356-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405965441/>.
10. Кучигина С.К. Гендерные аспекты современного рынка труда: моногр. Пенза: ПГУАС, 2013. 120 с.
11. Матюшина Ю.С. Гендерный подход к управлению персоналом высшей школы. Воронежский госуниверситет // Кадровик. Кадровый менеджмент», 2007. № 1. URL: <https://hr-portal.ru/article/gendernyy-podhod-k-upravleniyu-personalom-vysshey-shkoly>.
12. Козлова Н.Н., Монахова Ю.А., Успенская В.И., Бутузова И.В. Гендерные аспекты управления персоналом: самооценка лидерских качеств и карьерных перспектив у студентов высшей школы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2021. № 4 (56). С.133–142
13. Латуха М.О., Хасиева Д.Д., Веселова А.С., Шагалкина М.В., Селивановских Л.В. Гендерно-ориентированные практики управления талантливыми сотрудниками в российских компаниях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2020. № 19 (1). С. 34–66.

Международный научно-исследовательский журнал

«Прогрессивная экономика»

№ 8 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/napravleniya-unifikaczii-i-povysheniya-effektivnosti-upravleniya-riskami-v-tamozhennoj-sfere-v-evrazijskom-ekonomicheskom-soyuze/

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3

УДК 339.543.6

DOI: 10.54861/27131211_2025_8_19

К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ НА ОСНОВЕ РИСКОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

Хапилин С.А., доктор экономических наук, профессор кафедры Экономики и таможенного дела, Ростовский институт защиты предпринимателя, г. Ростов-на-Дону, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0977-1018>

Иванова О.Б., доктор экономических наук, профессор кафедры Финансы, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2868-7898>

Хапилин А.Ф., кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры Международной торговли и таможенного дела, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7988-777X>

Аннотация. Статья посвящена проблеме повышению эффективности проведения таможенного контроля на основе рискоориентированного подхода в Евразийском экономическом союзе. Проблема исследования заключается в наличии существенных различий в национальных моделях таможенного администрирования стран-участниц ЕАЭС, которые проявляются в неоднородности цифровой инфраструктуры, дублировании процедур и несогласованности применения системы управления рисками. В статье показано, что именно унификация методик оценки рисков, стандартизация цифровых решений и согласованное применение современных технических средств контроля способны обеспечить баланс между задачами экономической безопасности и упрощением внешнеэкономической деятельности. Результатом исследования является предложение следующих рекомендаций для повышения эффективности проведения таможенного контроля: унификация нормативно-методической базы; создание единой цифровой среды контроля, основанной на интегрированных платформах «единого окна», модернизация

технической инфраструктуры, в том числе посредством внедрения интеллектуальных пунктов пропуска и инспекционно-досмотровых комплексов; развитие института уполномоченных экономических операторов как инструмента снижения контрольной нагрузки на добросовестных участников внешнеэкономической деятельности. Реализация данных мер позволит повысить согласованность и результативность таможенного контроля в ЕАЭС, а также создать условия для устойчивого развития интеграционного пространства.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, система управления рисками, таможенное администрирование, таможенный контроль, уполномоченный экономический оператор.

ON THE ISSUE OF INCREASING THE EFFECTIVENESS OF CUSTOMS CONTROL BASED ON A RISK-BASED APPROACH IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Khapilin S.A., Doctor of Economics, Professor of the Department of Economics and Customs Affairs, Rostov Institute of Entrepreneur Protection, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0977-1018>

Ivanova O.B., Doctor of Economics, Professor of Finance, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2868-7898>

Khapilin A.F., Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Associate Professor of the Department of International Trade and Customs Affairs, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7988-777X>

Abstract. The article is devoted to the problem of increasing the effectiveness of customs control based on a risk-based approach in the Eurasian Economic Union. The problem of the study lies in the presence of significant differences in the national models of customs administration of the EAEU member states, which are manifested in the heterogeneity of the digital infrastructure, duplication of procedures and inconsistency in the application of the risk management system. The article shows that it is the unification of risk assessment methods, standardization of digital solutions and the coordinated use of modern technical controls that can ensure a balance between the tasks of economic security and simplification of foreign economic activity. The result of the study is the proposal of the following recommendations for improving the effectiveness of customs control: unification of the regulatory and methodological framework; creation of a unified digital control environment based on integrated single window platforms, modernization of technical infrastructure, including through the introduction of intelligent checkpoints and inspection complexes; development of the institute of authorized economic operators as a tool to reduce the control burden on bona fide participants in foreign economic activity. The implementation of these

measures will increase the coherence and effectiveness of customs control in the EAEU, as well as create conditions for the sustainable development of the integration space.

Keywords: Eurasian Economic Union, risk management system, customs administration, customs control, authorized economic operator.

JEL classification: F02, F15, F53.

Для цитирования: Хапилин С.А., Иванова О.Б., Хапилин А.Ф. К вопросу о повышении эффективности проведения таможенного контроля на основе рискоориентированного подхода в Евразийском экономическом союзе // Прогрессивная экономика. 2025. № 8. С. 19–30. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_19.

Статья поступила в редакцию: 28.07.2025 г. Одобрена после рецензирования: 08.08.2025 г. Принята к публикации: 09.08.2025 г.

For citation: Khapilin S.A., Ivanova O.B., Khapilin A.F. (2025). On the issue of increasing the effectiveness of customs control based on a risk-based approach in the Eurasian economic union. *Progressivnaya ekonomika* [Progressive Economy], 8, 19–30, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_19 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 28/07/2025. Approved after review: 08/08/2025. Accepted for publication: 09/08/2025.

Введение

Роль таможенных органов выходит далеко за рамки технических процедур оформления грузов и взимания платежей. Таможенные органы становятся одним из ключевых элементов систем обеспечения экономической безопасности государства, защиты национальных интересов и пресечения незаконного оборота товаров, а эффективность работы таможенных органов влияет на инвестиционный климат, уровень конкурентоспособности внутреннего рынка и сбалансированность торговых потоков, создавая условия для устойчивого развития внешнеэкономической деятельности [1]. В то же время чрезмерные административные барьеры и избыточный контроль способны замедлять товарооборот и снижать привлекательность экономического пространства для бизнеса, актуализируя необходимость поиска оптимального баланса между контролем и упрощением процедур.

В контексте растущего санкционного давления и глобальной турбулентности, особое значение для развития России приобретает развитие интеграционных объединений, способных формировать устойчивые торгово-экономические связи. Евразийский экономический союз выступает одним из наиболее значимых региональных проектов, направленных на создание единого экономического пространства, обеспечение свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. В рамках интеграции стимулируются процессы развития инфраструктуры, формирования новых транспортно-логистических маршрутов и повышении общей экономической активности в пространстве ЕАЭС. Так, в период с 2015 по 2024 годы объём взаимной торговли между государствами Союза практически удвоился и достиг порядка

100 млрд долларов США, а доля внутренней торговли во внешнеторговом обороте приблизилась к 20% [2].

При этом именно таможенные органы оказываются в центре интеграционных процессов: их деятельность не только регламентирует порядок пересечения границ, но и определяет степень эффективности функционирования общего экономического пространства. Стратегические направления развития Союза акцентируют внимание на необходимости цифровизации и унификации таможенного администрирования, внедрения современных инструментов контроля, включая систему управления рисками (СУР), позволяющую перераспределять ресурсы в пользу наиболее значимых зон риска и минимизировать административное давление на добросовестных участников внешнеэкономической деятельности [3]. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что поиск эффективных форм и методов организации таможенного контроля в ЕАЭС становится не только технической задачей, но и фактором стратегического развития Союза.

Внутренние проблемы взаимодействия таможенных органов ЕАЭС

В рамках интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе действует система нормативно-правовых актов, регулирующих взаимодействие таможенных органов государств-членов. Ключевое место в этой системе занимает Договор о Евразийском экономическом союзе, определяющий общие принципы функционирования Союза и формирующий правовую основу его деятельности, включая таможенное регулирование. Важным элементом является Таможенный кодекс ЕАЭС, регулирующий порядок осуществления таможенного контроля и унифицирующий процедуры на пространстве Союза. Кроме того, в процессе взаимодействия стран-участниц применяются международные договоры, заключаемые в рамках ЕАЭС, а также решения и иные акты органов Союза, которые конкретизируют и развивают положения учредительных документов.

Но несмотря на наличие нормативно-правовой базы, внутри ЕАЭС, сохраняются существенные различия в национальных моделях таможенного администрирования. Согласно отчету Международного валютного фонда, даже при условии подписания соглашений о сотрудничестве между таможенными службами наибольшие трудности возникают не на стадии их заключения, а при практической реализации положений таких документов. Нередко сотрудничество остается формальным ввиду недостаточной политической воли или отсутствия выработанной стратегии совместных действий [5]. К числу факторов, препятствующих эффективному функционированию соглашений, относятся институциональные различия между странами, риски, связанные с обеспечением защиты передаваемой информации, а также разночтения в регулировании ключевых сфер взаимодействия, включая вопросы качества управления и контрольных процедур. Существенное влияние оказывают и расхождения в национальных приоритетах, а также ограниченный опыт судебных органов в интерпретации и применении подобных соглашений. К примеру, каждое государство в рамках

интеграции реализует собственные цифровые решения в области «единого окна» и автоматизированных платформ, что приводит к отсутствию единой интегрированной системы на пространстве Союза.

Так, в Казахстане и Беларуси внедрены достаточно развитые цифровые инструменты, тогда как в Российской Федерации процесс их масштабирования затянулся вследствие совокупности технических и организационных факторов. Согласно источникам, в Казахстане была сформирована стратегия внедрения «единого окна», утверждены стратегические документы, на законодательном уровне закреплены принципы «однократности предоставления информации» и эквивалентности электронных и бумажных форм документов, а также реализована государственная информационная система «Е-лицензирование». В Беларуси функционируют базовые элементы «единого окна» – подача электронных разрешительных документов, взаимодействие с государственными органами через онлайн-сервисы, оплата услуг и предоставление документов в электронном виде. В то же время в России до сих пор не завершены работы по межведомственному обмену информацией, отсутствует полное покрытие электронными сервисами, и многие ведомства проявляют низкую степень координации [6]. Именно нехватка согласованной технической инфраструктуры, различия в уровне автоматизации и слабая межведомственная интеграция служат препятствиями на пути формирования наднационального механизма «единого окна» в ЕАЭС.

Дополнительные противоречия проявляются в сфере таможенного декларирования и контроля: в ряде стран-участниц активно применяется электронное декларирование, тогда как в других сохраняется значительная зависимость от бумажных форм [7]. Наиболее высокий уровень цифровизации достигнут в Беларуси и Казахстане, где законодательно закреплён приоритет электронной формы подачи деклараций и реализованы национальные информационные системы, позволяющие подавать документы и взаимодействовать с таможенными органами в онлайн-режиме. В Российской Федерации электронное декларирование также является основной формой, однако значительная часть процедур по-прежнему сопровождается бумажными документами, что связано с техническими ограничениями и особенностями правоприменительной практики. В Армении и Кыргызстане электронное декларирование используется в ограниченном объёме и часто сосуществует с традиционной бумажной формой, что отражает различия в уровне развития национальной цифровой инфраструктуры и снижает степень унификации таможенных процедур в рамках Союза.

Внутренние разногласия между странами ЕАЭС оказывают заметное негативное влияние как на функционирование таможенных органов, так и на условия ведения внешнеэкономической деятельности, приводя к дублированию и избыточным проверкам. Различия в процедурах и недостаточный уровень цифровизации вызывают систематические задержки: процесс оформления экспортных грузов может занимать несколько дней, а

необходимость предоставления значительного объёма сопровождающих документов удлинняет срок выпуска. На практике участники внешнеэкономической деятельности вынуждены неоднократно представлять одни и те же сведения различным ведомствам, кроме того, неоднородность правоприменительной практики снижает прозрачность контроля: по идентичным критериям добросовестные экспортеры оцениваются по-разному в разных странах, что порождает новые барьеры во внутренней торговле.

Совокупность данных факторов снижает эффективность таможенного контроля: добросовестные участники внешнеэкономической деятельности сталкиваются с бюрократическими издержками и избыточными проверками, а ресурсы таможенных органов расходуются не оптимальным образом. Вследствие несовершенств механизмов обмена информацией и несогласованности процедур управления рисками «контроль нередко оказывается чрезмерным для добросовестных экспортеров и одновременно недостаточным для выявления реальных нарушений» [8].

В сложившихся условиях всё большее значение приобретает развитие риск-ориентированного подхода, который рассматривается в качестве ключевого инструмента гармонизации контрольных процедур. На заседании Объединённой коллегии таможенных служб было неоднократно отмечено, что таможенные органы государств Союза уже перешли на использование данного механизма, а к апрелю 2024 г. запланировано внедрение единой системы управления рисками при контроле таможенной стоимости [9]. Также в рамках заседания было указано, что унификация системы управления рисками позволит устранить различия в правоприменении и барьеры во внутренней торговле, обеспечив «равномерность контроля и взаимное доверие» между национальными таможенными службами [9].

Рискоориентированный подход в таможенном контроле ЕАЭС

Рискоориентированный подход в таможенном контроле является ключевым элементом повышения эффективности надзорной деятельности в условиях цифровизации и глобализации, его основная задача заключается в минимизации избыточного давления на участников внешнеэкономической деятельности при сохранении высокого уровня соблюдения законодательства [10]. Рискоориентированный подход позволяет аккумулировать ресурсы на наиболее значимых объектах контроля, что, в сущности, соответствует общим трендам совершенствования системы государственного регулирования и административной реформы, о чём свидетельствует опыт внедрения риск-ориентированных методов в других сферах контроля, например в налоговом администрировании [11].

Нормативно-правовая база ЕАЭС закрепляет применение системы управления рисками (СУР) в главе 50 Таможенного кодекса, где предусмотрен принцип выборочности контроля [12, ст. 310 п. 4]. В развитие этих положений Евразийская экономическая комиссия и национальные органы стран-участниц разрабатывают стратегические документы (например, «Стратегия–2025» [13]) и создают механизмы унификации методик оценки рисков. Россия

характеризуется достаточно высокой степенью технологической зрелости СУР: автоматизированные алгоритмы распределяют участников ВЭД по уровням риска (низкий, средний, высокий), а центры электронного декларирования обеспечивают до 99% оформления деклараций в цифровом формате. В Беларуси СУР применяется на основе национальной концепции, предусматривающей упрощение процедур для участников низкого уровня риска. Казахстан акцентирует внимание на интеллектуальной категоризации декларантов и применении электронных деклараций, при этом особый статус получают уполномоченные экономические операторы. Армения и Киргизия внедряют СУР в соответствии с положениями ТК ЕАЭС, формируя национальные стратегии управления рисками и упрощённые механизмы для благонадёжных участников ВЭД. Все страны ЕАЭС развивают систему управления рисками, однако реализация подхода происходит с разной скоростью и с использованием различных технологических решений (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительные характеристики реализации рискоориентированного подхода в таможенном контроле стран ЕАЭС

Страна	Нормативная база	Особенности СУР	Технологические решения
Россия	ТК ЕАЭС, Приказ ФТС № 615 (2018)	«Субъектно-ориентированный подход»; автоматическое распределение по уровням риска	Центры электронного декларирования (99% деклараций); ИИ-модели (31 критерий); инспекционно-досмотровые комплексы
Беларусь	Концепция СУР, акты ГТК	Выборочность контроля; упрощённые процедуры для низкорисковых операторов	Программные средства анализа рисков
Казахстан	Национальное законодательство о СУР	Категоризация участников (низкий, средний, высокий риск); статус УЭО	Электронные декларации; базы данных для профилей риска
Армения	Закон «О таможенном регулировании» (2022)	Применение СУР при выборе форм контроля; «авторизации» для надёжных участников	Информационные системы для анализа рисков
Киргизия	Национальное право в гармонизации с ТК ЕАЭС	Имплементация общих норм СУР	Использование цифровых платформ для контроля

Источник: составлено авторами по данным [14; 15]

Так, Беларусь и Казахстан больше ориентируются на снижение нагрузки на бизнес при сохранении качества контроля. Армения и Киргизия пока находятся на этапе адаптации союзных норм, постепенно внедряя цифровые инструменты и упрощённые режимы для благонадёжных участников ВЭД, а в России наблюдается наиболее высокий уровень автоматизации и

результативности, сочетая масштабное использование электронного декларирования и интеллектуальных технологий.

Одной из ключевых задач Евразийского экономического союза является создание единого пространства таможенного администрирования, где система управления рисками играет роль основного инструмента повышения эффективности контроля. Несмотря на нормативное закрепление принципов выборочности в Таможенном кодексе ЕАЭС и наличие общих стратегических ориентиров, на практике сохраняется проблема недостаточной унификации информационных ресурсов и методик применения СУР (см. таблицу 1). Разные государства используют отличающиеся программные комплексы, критерии и подходы к минимизации рисков: в России СУР основана на глубокой цифровизации, автоматическом распределении деклараций и применении ИИ-алгоритмов, тогда как в Армении и Киргизии использование подобных технологий находится лишь на этапе становления. Более того, даже в случае одинаковых рисков страны применяют разные меры их минимизации, что затрудняет выработку единых профилей риска.

В ответ на этот вызов создана рабочая группа при Объединённой коллегии таможенных служб ЕАЭС, которая постепенно унифицирует ключевые элементы СУР, включая стоимостные профили по сотням товарных кодов [16]. Также в рамках координации работы системы управления рисками Союзного государства России и Беларуси был создан Межгосударственный центр, задача которого заключается в разработке и утверждении единых профилей риска, которые одновременно применяются всеми таможенными органами двух стран [17]. При перемещении товаров через границу России и Беларуси используется единый набор критериев и мер минимизации рисков, что исключает различия в подходах и обеспечивает равномерное применение контроля. Центр также занимается сбором и анализом информации о таможенных операциях, мониторингом выявленных рисков, а при необходимости координирует деятельность мобильных групп на границах. Таким образом, деятельность Межгосударственного центра по координации работы системы управления рисками позволяет создавать унифицированные стандарты контроля, сокращать административные издержки и повышать прозрачность процедур. Полученный опыт подтверждает, что практическая унификация СУР возможна и эффективна на наднациональном уровне, и его распространение на весь ЕАЭС может существенно повысить согласованность и результативность таможенного администрирования в Союзе.

Повышение результативности таможенного контроля в ЕАЭС напрямую связано с модернизацией технической инфраструктуры и внедрением интеллектуальных решений. По состоянию на сегодняшний момент, наибольший прогресс достигнут именно в Российской Федерации, где реализуется проект создания «интеллектуальных пунктов пропуска», которые предполагают интеграцию информационных ресурсов различных государственных органов, автоматический анализ деклараций и применение перспективных технических средств контроля [18]. Так, новые инспекционно-

досмотровые комплексы (ИДК) порталного типа позволяют сканировать транспортные средства без остановки, а использование систем искусственного интеллекта для обработки изображений существенно снижает время контроля и минимизирует человеческий фактор. В пилотном режиме технологии уже внедряются на отдельных пограничных пунктах, например на МАПП Тагиркент-Казмаляр [19].

Опыт России и Беларуси показывает, что автоматизация и интеллектуализация процедур позволяют одновременно ускорить оформление грузов и повысить выявляемость нарушений. В Казахстане и Беларуси внедрение электронного декларирования и интеллектуальной категоризации участников ВЭД также ведёт к снижению нагрузки на бизнес при сохранении качества контроля. В Армении и Киргизии ставка делается на адаптацию союзных норм и упрощение процедур для благонадёжных операторов. Таким образом, эффективность таможенного контроля в ЕАЭС напрямую зависит от развития унифицированных механизмов СУР и их технологической поддержки. Распространение опыта Союзного государства и использование интеллектуальных пунктов пропуска могут стать основой для формирования единой цифровой среды контроля, обеспечивающей баланс между безопасностью и свободой внешнеэкономической деятельности.

При этом на пути внедрения инновационных технологий в процессы функционирования СУР сохраняется ряд нерешённых вопросов. Прежде всего, несмотря на очевидные преимущества применения инспекционно-досмотровых комплексов как ключевого элемента интеллектуальных пунктов пропуска, их широкое внедрение в рамках ЕАЭС наталкивается на серьёзные ограничения. Главная проблема заключается в том, что такие системы являются крайне дорогостоящими в установке и последующем обслуживании, а также требуют наличия высококвалифицированного персонала. В результате в обозримой перспективе невозможно обеспечить ими все автомобильные и железнодорожные пункты пропуска Союза, а это означает, что пока будет сохраняться фрагментарный характер применения современных технических средств, контроль будет осуществляться с использованием смешанной модели, сочетающей порталные, стационарные и мобильные ИДК, затрудняя формирование единой технологической инфраструктуры таможенного контроля. Такая несогласованность создаёт риски снижения общей эффективности системы управления рисками в ЕАЭС, увеличивая вероятность пропуска недеklarированных грузов, дублирования процедур и возникновения узких мест в логистических потоках.

Кроме того, в отличие от других технических средств контроля, для которых ЕЭК уже разработала единые типовые требования (системы радиационного контроля, видеонаблюдения, средства поиска и идентификации запрещённых веществ), в отношении ИДК до сих пор отсутствуют унифицированные стандарты, что препятствует формированию единой инфраструктуры таможенного контроля и снижает эффективность применения СУР на всей территории Союза. Положительный пример

показывает Республика Беларусь, где создан ситуационно-аналитический центр, работающий в круглосуточном режиме, обеспечивающий оперативный анализ данных о работе пунктов пропуска, формирование профилей риска и повторную обработку изображений ИДК, позволяющий в конечном итоге повысить качество управления рисками и ускорить принятие решений [20].

Еще одним направлением повышения результативности СУР остаётся развитие института уполномоченных экономических операторов (УЭО), поскольку их включение в категорию низкого уровня риска позволяет существенно снизить контрольную нагрузку на добросовестных участников ВЭД, а автоматизация процессов оформления для таких операторов позволяет реализовать преимущества данного статуса. Практика показывает, что число таких операторов в странах ЕАЭС остаётся относительно невысоким по сравнению с Китаем или Индией, что указывает на необходимость дальнейшего стимулирования их развития [21].

Таким образом, повышение эффективности таможенного контроля в рамках СУР требует комплексного подхода: модернизации технической инфраструктуры пунктов пропуска, выработки единых стандартов применения интеллектуальных систем и расширения института УЭО. Реализация совокупности указанных мер позволит создать целостную и согласованную систему, обеспечивающую не только защиту экономических интересов государств-членов ЕАЭС, но и благоприятные условия для развития внешнеэкономической деятельности.

Заключение

Проведённый анализ показал, что таможенные органы в рамках Евразийского экономического союза выполняют не только функцию технического оформления и контроля, но и становятся важнейшим элементом интеграционных процессов, влияя на устойчивость экономического пространства, инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность внутреннего рынка. Однако различия в национальных моделях администрирования, неоднородность цифровой инфраструктуры и несогласованность в применении процедур приводят к дублированию проверок, затягиванию сроков оформления и повышению административных издержек для бизнеса. Это снижает эффективность контроля и создаёт барьеры во внутренней торговле, что противоречит стратегическим целям Союза.

В данных условиях особое значение приобретает внедрение и развитие риск-ориентированного подхода, который позволяет сосредоточить ресурсы таможенных органов на наиболее значимых направлениях контроля, одновременно снижая нагрузку на добросовестных участников внешнеэкономической деятельности. Унификация методик СУР и формирование единых цифровых стандартов являются ключевыми условиями повышения результативности таможенного контроля в ЕАЭС. Распространение опыта Союзного государства России и Беларуси, а также внедрение интеллектуальных пунктов пропуска и развитие института

уполномоченных экономических операторов способны стать основой формирования согласованной и эффективной системы таможенного администрирования.

Литература

1. Рощина Л.Н., Соленая С.В. Роль таможенно-тарифного регулирования во внешнеторговой деятельности государства // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 32–48.
2. Eldar Alisherov: Eurasian economic integration ensures a noticeable growth of key development indicators of the EAEU countries. URL: <https://eec.eaeunion.org/en/news/eldar-alisherov-evraziyskaya-ekonomicheskaya-integratsiya-obespechivaet-zametnyy-rost-klyuchevykh-po>.
3. Рощина Л.Н., Таранов П.В. Таможенное администрирование в условиях глобальной турбулентности: фактический контроль на южных рубежах // Прогрессивная экономика. 2025. № 1. С. 195–209.
4. Нормативная правовая база // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/catr/nontariff/normativ.php>.
5. Международный валютный фонд. Таможенные вопросы. Укрепление таможенной службы в меняющемся мире / А. А. Перес Азкаррага, Т. Мацудайра, Ж. Монтанья-Рантье, Я. Надь, Р. Дж. Кларк. Вашингтон, округ Колумбия: Международный валютный фонд, 2022. 366 с.
6. Механизм «единого окна» в ЕАЭС – реальность и перспективы // Таможенная академия. URL: <https://customs-academy.net/?p=22048>
7. Кириленко В.П., Абрамова Т.А. Таможенный контроль в Евразийском экономическом союзе и Европейском союзе: сравнительный анализ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. №3 (45). С. 92–100.
8. Халиуллов Р.Ф., Капканщикова С.В. Проблема эффективности таможенного контроля при экспорте // Актуальные исследования. 2025. № 11 (246). Ч.1. С. 73–75.
9. Состоялось заседание Объединенной коллегии таможенных служб стран ЕАЭС // Общественный совет при ФТС России. URL: <https://www.osfts.ru/novosti/2024/5153-sostoyalos-zasedanie-obedinennoj-kollegii-tamozhennykh-sluzhb-stran-eaes>.
10. Газиев Э.А., Азизова Е.А. Риск-ориентированный подход в контрольно-надзорной деятельности // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № 1. URL: <https://esj.today/PDF/05FAVN125.pdf>.
11. Иванова О.Б., Костоглодова Е.Д., Хапилин А.Ф., Хапилин С.А. Key trends in fiscal and customs-tariff policy under new conditions of Eurasian economic integration // Финансовые Исследования. 2024. № 24 (4). С. 20–34.
12. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // СПС консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/.

13. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 N 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // СПС консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375194/ced9836a3e92e559dba5cc0b3d658abc7768c03d/.

14. Хусаинова В.Ю., Сидорова Е.Ю. Применение риск-ориентированного подхода при контроле таможенной стоимости товаров // Хозяйство и право. 2023. № 09. С. 97–112.

15. Бондарь Е.Г., Колесникова Т.В. Система управления рисками как инструмент таможенного протекционизма в условиях изменения экономической политики России // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 6. URL: <https://esj.today/PDF/02ECVN623>.

16. Барцаев А.В. О формировании системы управления в Евразийском экономическом союзе: аспекты международного таможенного сотрудничества // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2022. № 4 (101). С. 83–88.

17. Постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства от 10.10.2022 № 4 «О создании Межгосударственного центра для координации работы по управлению рисками, а также для реализации аналитических функций и мониторинга совершения таможенных операций Таможенного комитета Союзного государства и обеспечении организационных и материально-технических условий его работы». URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/23b00004/>.

18. Давыдов Р.В. ФТС России создает будущий облик государственной границы. Интеллектуальный пункт пропуска // Интеллектуальный пункт пропуска в России и мире: компетентностный подход к созданию: Сборник докладов Всероссийской практической конференции, Санкт-Петербург. Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет "ЛЭТИ" им. В.И. Ульянова (Ленина), 2022. С. 3–6.

19. Биктимирова А.А., Шевчук П.С. Использование искусственного интеллекта на примере функционирования инспекционно-досмотрового комплекса портального типа // Технологические инновации и научные открытия: Сборник трудов по материалам XVI Международного конкурса научно-исследовательских работ. Уфа: ООО «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2024. С. 6–12.

20. Шевчук П.С. Совершенствование таможенного контроля транспортных средств международной перевозки в условиях создания интеллектуальных пунктов пропуска // Академический вестник Российской таможенной академии. 2023. № 1 (50). С. 30–35.

21. Худжатов М.Б. Совершенствование института уполномоченного экономического оператора в Российской Федерации // Стратегии бизнеса. 2022. № 1. С. 8–12.

Международный научно-исследовательский журнал

«Прогрессивная экономика»

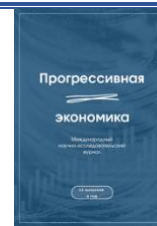
№ 8 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/k-voprosu-predvaritelnoj-oczenki-reformy-klassifikaczii-sredstv-razmeshheniya-2025-goda-i-pravovogo-regulirovaniya-deyatelnosti-gostinichnyh-predpriyatij/

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности ВАК: 5.2.6

УДК 37.014

DOI: 10.54861/27131211_2025_8_31

К ВОПРОСУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ РЕФОРМЫ КЛАССИФИКАЦИИ СРЕДСТВ РАЗМЕЩЕНИЯ 2025 ГОДА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСТИНИЧНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

*Киселева Р.Ф., эксперт по гостиничному бизнесу,
ООО «ХоститалитиГрупп»; соискатель ученой степени кандидата
экономических наук, Южный Федеральный Университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3922-038X>*

Аннотация. Целью статьи является выявление «белых пятен», недоработок, неточностей и «узких мест» механизмов самооценки и классификации средств размещений для выработки фундамента с целью изменения и совершенствования механизма регулирования классификации средств размещений. Авторская гипотеза заключается в том, что систематическая аналитическая работа с оценкой качества проведения процедуры самооценки средств размещений, анализа Единого реестра объектов классификации в сфере туристической индустрии, а также процедуры классификации формируют фундамент для более качественного развития гостиничного рынка. Необходимая аналитика технической процедуры проведения самооценки и классификации средств размещений должна стать системным инструментом и основой для дальнейшей корректировки механизмов и инструментов для совершенствования системы самооценки и классификации средств размещений. Научная новизна исследования заключается в предоставлении научно-практического анализа произведенной реформы по классификации средств размещений, государственного регулирования, предоставлении аналитики, ряда конкретных ошибок, системных недоработок. На сегодняшний момент системная работа в данном научно-практическом направлении не ведется и требуется более системный жесткий подход. Настоящее исследование строится на разборе примеров самооценки и классификации, а также принципов ведения Единого реестра объектов классификации в сфере туристической индустрии на примере одного из регионов страны – Вологодской области. Полученные результаты носят научно-практический характер в связи с тем, что отражают итоги взаимодействия автора как эксперта с представителями гостиничного бизнеса и регионального органа исполнительной власти в сфере туризма.

Ключевые слова: национальный проект «Туризм и гостеприимство», Вологодская область, платформа «Гостеприимство», Единый реестр классификации объектов

туристской индустрии, Министерство туризма и международных связей Вологодской области.

ON THE PRELIMINARY ASSESSMENT OF THE 2025 REFORM OF THE CLASSIFICATION OF ACCOMMODATION FACILITIES AND THE LEGAL REGULATION OF HOTEL BUSINESSES

*Kiseleva R.F., Hotel Business Expert, HospitalityGroup LLC; Candidate of
Science degree Candidate of Economic Sciences, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3922-038X>

Abstract. The purpose of the article is to identify "white spots", flaws, inaccuracies and "bottlenecks" in the mechanisms of self-assessment and classification of accommodation facilities in order to develop a foundation for changing and improving the mechanism for regulating the classification of accommodation facilities. The author's hypothesis is that systematic analytical work assessing the quality of the self-assessment procedure for accommodation facilities, analysis of the Unified Register of Classification Facilities in the travel industry, as well as classification procedures form the foundation for a better development of the hotel market. The necessary analysis of the technical procedure for conducting self-assessment and classification of accommodation facilities should become a system tool and the basis for further adjustment of mechanisms and tools to improve the system of self-assessment and classification of accommodation facilities. The scientific novelty of the research consists in providing a scientific and practical analysis of the reform carried out on the classification of placement facilities, government regulation, providing analytics, a number of specific errors, and systemic flaws. At the moment, systematic work in this scientific and practical area is not underway, and a more systematic, rigorous approach is required. This study is based on the analysis of examples of self-assessment and classification, as well as the principles of maintaining a Unified register of classification objects in the field of the tourism industry using the example of one of the regions of the country - the Vologda Oblast. The results obtained are of a scientific and practical nature due to the fact that they reflect the results of the author's interaction as an expert with representatives of the hotel business and the regional executive authority in the field of tourism.

Keywords: national project "Tourism and Hospitality", Vologda region, the platform "Hospitality", the Unified Register of classification of objects of the tourism industry, the Ministry of Tourism and International Relations of the Vologda region.

JEL classification: O38, D2, L11.

Для цитирования: Киселева Р.Ф. К вопросу предварительной оценки реформы классификации средств размещения 2025 года и правового регулирования деятельности гостиничных предприятий // Прогрессивная экономика. 2025. № 8. С. 31–50. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_31.

Статья поступила в редакцию: 04.08.2025 г. Одобрена после рецензирования: 11.08.2025 г. Принята к публикации: 12.08.2025 г.

For citation: Kiseleva R.F. (2025). On the preliminary assessment of the 2025 reform of the classification of accommodation facilities and the legal regulation of hotel businesses. *Progressivnaya ekonomika* [Progressive Economy], 8, 31–50, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_31 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 04/08/2025. Approved after review: 11/08/2025. Accepted for publication: 12/08/2025.

Введение

Начиная с 2020 года, развитие гостиничной отрасли в Российской Федерации перешло на новый этап, обусловленный началом реализации национального проекта «Туризм и гостеприимство», в рамках которого были сформированы условия для цифрового продвижения гостиничных, а также усилены государственное регулирование и контроль рынка средств размещения. Одним из ключевых результатов реализации данного проекта стало структурирование гостиничного рынка по типам размещения и «звёздным категориям», обеспечившее единообразие требований и повысившее прозрачность отрасли. Первая комплексная реформа в сфере классификации гостиничных предприятий была проведена в 2020 году, однако уже в 2025 году наблюдается новый этап развития, который характеризуется полной цифровизацией государственной услуги по классификации средств размещения. Владельцам предоставлена возможность самостоятельной оценки объектов и присвоения статуса «без звёзд» посредством электронных сервисов. Параллельно стартовал второй национальный проект «Туризм и гостеприимство», нацеленный на ускоренное развитие туристической инфраструктуры, рост числа квалифицированных кадров и расширение внутреннего туристического потока [1].

Данные преобразования закреплены в нормативно-правовой базе, в том числе в Постановлении Правительства РФ от 27.12.2024 № 1951 «Об утверждении Положения о классификации средств размещения», Постановлении Правительства РФ от 27.12.2024 № 1952 «Об утверждении Правил классификации средств размещения и правил формирования и ведения единого реестра объектов классификации в сфере туристской индустрии», а также в изменениях, внесённых в Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 № 1853 «Об утверждении правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации» [2–5].

Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется высокой динамикой трансформации гостиничного рынка, появлением новых организационно-правовых процедур, а также практическими сложностями, возникающими у представителей отрасли при прохождении процедур самооценки и классификации. Изменения в нормативном регулировании, введённые в 2025 году, сопровождаются определёнными противоречиями и неоднозначной трактовкой отдельных положений, что требует научного осмысления, анализа практики их применения и выработки предложений по

оптимизации регулирования в целях повышения эффективности развития гостиничной отрасли. В исследовании проводится анализ гостиничного рынка региона (на примере Вологодской области) с целью выявить «белые пятна», недоработки, неточности и «узкие места» механизмов самооценки и классификации средств размещения для выработки фундамента для изменения и совершенствования механизма регулирования классификации средств размещения.

Обзор литературы

Вопросами перехода от добровольной к обязательной классификации гостиничных предприятий в Российской Федерации занимались такие исследователи и практики отрасли, как Е.В. Шумакова [6], О.В. Пасько [7], И.Н. Суворова [7], Р.М. Арсений [8], М.А. Гурина [9], Т.И. Сокольская [9], О.В. Гончарова [9], Г.М. Дехтярь [9], Т.И. Спатарь-Казаченко [9], Р.Ф. Киселева [10], Т.В. Ефимцева [11], Д.А. Козлов [12], Л.Л. Духовная [13], М.Р. Уеданова [14], Т.И. Зворыкина [14]. Оценку реформы 2025 года и вопросов самооценки средств размещения, а также анализ деятельности гостиничного рынка и перспектив его развития представили в своих работах Р.Ф. Киселева [1], А.П. Лаврова [15], А.В. Кучумов [16], П.Ю. Еремичева [16], И.Ю. Богданов [16], Е.В. Ползикова [17], Е.Л. Заднепровская [17], С.Г. Холмовский [18], Т.Е. Платонова [19], К.С. Голин [20] и др.

Однако несмотря на освещение исследуемой проблематики, в научной литературе все еще отсутствует достаточное количество научно-практических материалов и исследований по обзору изменению законодательства в сфере реформ законодательного регулирования гостиничного рынка РФ с 2020 года по настоящее время. Также важно отметить, что в дискурсе не представлены аналитические исследования научно-практического прикладного характера «изнутри» гостиничного рынка с изучением качества введенных реформ по самооценке, классификации средств размещения и их реальных последствий для рынка и всех его участников: как отельеров, представителей бизнеса, так и экспертов по классификации.

Материалы и методы

Информационной базой исследования послужили законодательные и нормативные акты Российской Федерации, работы российских исследователей, данные государственной статистики, данные Единого реестра объектов классификации в сфере туристической индустрии, а также обзор гостиничного рынка Вологодской области. Методами исследования стали метод анализа и синтеза.

Результаты и обсуждение

Обсуждая виды средств размещения, следует сделать уточнение, что к гостиничной индустрии с 01 января 2025 года относят средства размещения следующих типов: гостиницы и различные гостиничные варианты от хостелов, апарт-отелей, мотелей до комплексов апартаментов, а также следующие категории – базы отдыха (в том числе глэмпинги), кемпинги и санатории. Все эти четыре категории относятся к средствам размещения с 01

января 2025 года согласно Постановления 1951 от 27.12.2024 г. «Об утверждении Положения о классификации средств размещения» [2]. Большим прорывом стало включение в данное Постановление четких определений типов средств размещений, терминологии, которая дает возможность отельерам, владельцам и потенциальным участникам гостиничного рынка видеть четкие критерии, что такое «база отдыха», «гостиница», «кемпинг» и «санатории» (см. таблицу1).

Таблица1

**Дифференциация типов средств размещения согласно Постановления
Правительства РФ № 1951 от 27.12.2024 г.**

Тип средства размещения	Определение и характеристика
Гостиница	К типу средств размещения "гостиница" относятся средства размещения, в которых предоставляются услуги средств размещения и которые используются для временного размещения и обеспечения временного проживания физических лиц в помещениях (номерах), в том числе многоместных, расположенных в здании (строении), части здания (строения) с отдельным входом или в нескольких зданиях, строениях (корпусах) при условии наличия отдельного входа в здание, строение (корпус), объединенных одной территорией, находящихся под единым управлением юридического лица или индивидуального предпринимателя, осуществляющего деятельность, связанную с использованием гостиницы, и являющегося собственником (арендатором) средства размещения или лицом, уполномоченным собственником средства размещения или собственниками помещений (номеров) в составе средства размещения.
Кемпинг	К типу средства размещения "кемпинг" относятся средства размещения, представляющие собой территорию с обозначенными границами и контролируемым доступом, которая используется для временного размещения физических лиц и обеспечения временного проживания на оборудованных и благоустроенных участках территории, на которых могут предоставляться для размещения в том числе некапитальные строения (сооружения). На территории кемпинга допускается наличие зданий (строений и сооружений) и иного имущества, предназначенного для административно-хозяйственных целей, размещения санитарных узлов, пунктов общественного питания.
База отдыха	К типу средств размещения "база отдыха" относятся средства размещения, в которых предоставляются услуги средств размещения, услуги по организации досуга и отдыха и которые используются для временного размещения и обеспечения временного проживания физических лиц в отдельных зданиях, строениях и сооружениях, расположенных на едином земельном участке или смежных земельных участках. К базам отдыха могут относиться туристские базы, "глэмпинги", модульные некапитальные и иные аналогичные средства размещения.
Санаторий	К типу средств размещения "санаторий" относятся средства размещения санаторно-курортных организаций, в которых предоставляются услуги средств размещения, услуги по временному проживанию физических лиц

	в помещениях (номерах), расположенных в здании (зданиях), части здания, и услуги по санаторно-курортному лечению в соответствии с Федеральным законом "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации".
--	--

Источник: составлено автором

Следует также обратить внимание, что Постановление Правительства РФ № 1951 от 27.12.2024 г. также расшифровывает понятие, что относится к гостиницам, их подвиды, однако не дает детальные характеристики и понятийный аппарат каждого подвида, что также рождает споры в экспертном сообществе и формирует непонимание и некомпетентность у отельеров (см. таблицу 2).

Таблица 2

Подвиды гостиниц согласно Постановления Правительства РФ № 1951 от 27.12.2024 г.

Подвиды гостиниц	К гостиницам могут относиться отели (городские, загородные, курортные и другие), мотели, ботели, апарт-отели, хостелы, пансионаты и иные аналогичные средства размещения, в том числе модульные некапитальные средства размещения.
------------------	--

Источник: составлено автором

Стоит также отметить, что с 2025 года также ужесточились требования к хостелам, что существенно отразилось на рынке и количестве хостелов, соответствующих новым критериям. Например, ранее номера хостела могли размещать до 12 человек. Сейчас же эта цифра равняется 8. Бурные обсуждения, недовольство действующих игроков и предложения по послаблению экспертным сообществом активно проходили в конце 2024 года. Ужесточения связаны с огромным количеством нелегальных средств размещения данного типа, большого количества систематических нарушений, а также элементарным комфортом гостей.

Категорийность средств размещения и работа в Едином реестра объектов классификации в сфере туристической индустрии

Реформа 2020 года по классификации гостиниц и иных средств размещения подразумевала классификацию на категории от «без звезд» до «пять звезд» только аккредитованной организацией, имеющей аттестат аккредитации и специальную подготовку специалистов по классификации и аттестат аккредитации на проведение данной процедуры. Более того, процедура, безусловно, была на платной основе с выдачей Свидетельства о классификации, действующего 3 года после проведения процесса.

Однако, цифровизация государственных услуг в области сферы гостеприимства с 2025 года предоставляет отельерам самостоятельно проходить самооценку средства размещения, определяя тип предприятия, автоматически получая статус «без звезд». Данное нововведение представлено Постановлением Правительства РФ № 1952 от 27.12.2024 года «Об утверждении Правил классификации средств размещения и правил

формирования и ведения единого реестра объектов классификации в сфере туристской индустрии», которое также отменяет Свидетельства о классификации и вводит Единый реестр объектов классификации в сфере туристской индустрии, размещенный на сайте Федеральной Службы аккредитации «Гостеприимство».

Единый реестр объектов классификации в сфере туристской индустрии включает информацию по всем регионам страны, в том числе имея возможность использовать фильтры в настройках по поиску объектов как по наименованию самого средства размещения, так и по наименованию владельца в зависимости от организационно-правовой формы. Также пользователь может выбрать фильтры по статусу объектов: «действует», «приостановлен», «прекращен» (см. рис. 1).

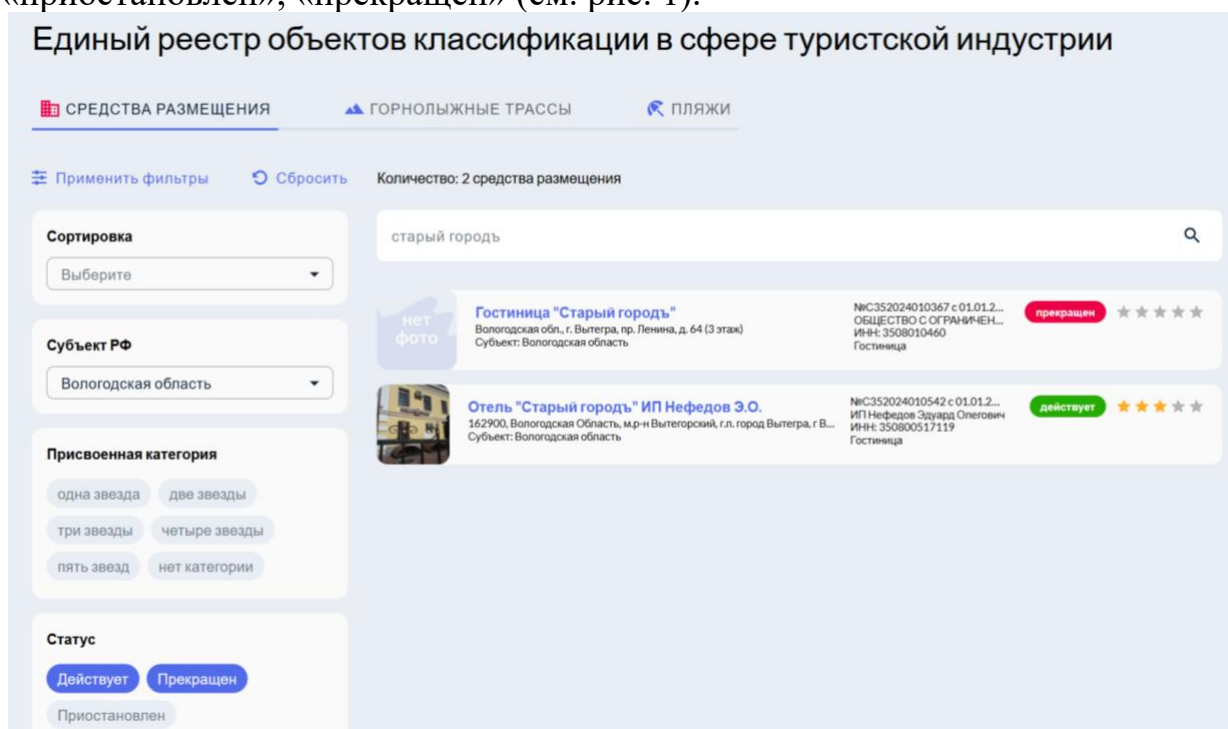

Рис. 1. Пример отображения гостиницы с разными статусами фильтра в Едином реестре объектов классификации в сфере туристской индустрии

Источник: составлено автором

Это означает, что, попадая в Единый реестр и ведя деятельность, средств размещения числится в статусе «действует». Когда же объект вынужден приостановить деятельность, региональный орган исполнительной власти присуждает статус «приостановлен», например, при выявлении нарушений деятельности, категоричности и т.д. при работе гостиничного предприятия. Статус «прекращен» отмечается тогда, когда следует прекратить реестровую запись в случае итогового прекращения ведения деятельности по предоставлению гостиничных услуг по данному конкретному адресу или в связи со сменой наименования владельца.

Реестр объектов классификации туристской индустрии доступен абсолютно любому пользователю коммуникационно-информационной сети «Интернет»

для прозрачной деятельности гостиничного рынка. Так, любой контрагент, потребитель, гость и заинтересованное лицо может ознакомиться с тем, что средство размещения ведет легальную деятельность и находится в Едином реестре.

Как правило, каждое средство размещения имеет свою карточку объекта в Едином реестре, где представлена базовая информация о предприятии:

- тип средства размещения;
- категория «звездности» (от «без звезд» до «пяти звезд»);
- данные о владельце;
- фактическом адресе;
- базовом оснащении и спектре предоставляемых услуг;
- кол-ве номерного фонда;
- категориях номеров (рис.2).

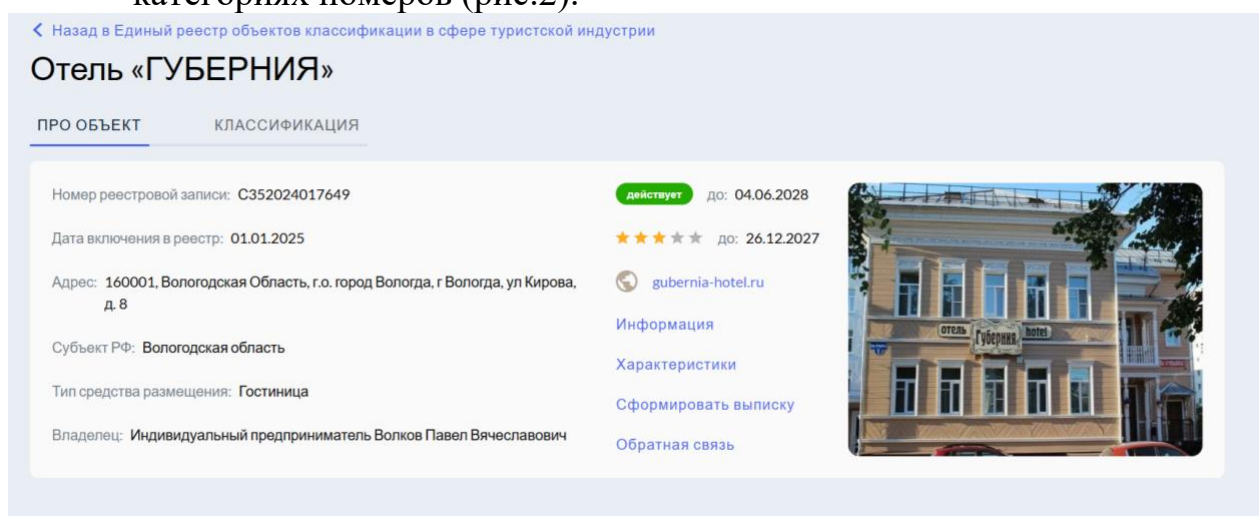

Рис. 2. Пример карточки средства размещения в Едином реестре объектов классификации в сфере туристской индустрии

Источник: составлено автором

Важно также и то, что каждому объекту присваивается номер реестровой записи и ссылки на размещение в Едином реестре. Также вместо бумажных свидетельств о классификации отельер может сформировать электронную Выписку по объекту для предоставления по месту требования или разместить в общедоступном месте средства размещения, где предоставляется основная информация о предприятии (рис.3).

РОСАККРЕДИТАЦИЯ
федеральная служба по аккредитации

**ВЫПИСКА ИЗ ЕДИНОГО РЕЕСТРА ОБЪЕКТОВ КЛАССИФИКАЦИИ
В СФЕРЕ ТУРИСТСКОЙ ИНДУСТРИИ**

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОБЪЕКТЕ

Номер реестровой записи: C352024017649

Тип средства размещения: Гостиница
Дата начала действия: 04.06.2025
Дата окончания действия: 04.06.2028

Наименование: Отель «ГУБЕРНИЯ»

Адрес: 160001, Вологодская Область, г.о. город Вологда, г Вологда, ул Кирова, д. 8

Субъект РФ: Вологодская область

Телефон: +78172239977
Электронная почта: info@gubernia-hotel.ru

Адрес официального сайта: gubernia-hotel.ru

Категория: три звезды
Дата начала действия: 27.12.2024
Дата окончания действия: 27.12.2027

Аккредитованная организация: АА-037-2022
Номер свидетельства: АА-037-2022
Дата выдачи: 02.12.2022

ИНФОРМАЦИЯ О ВЛАДЕЛЬЦЕ

Наименование: Индивидуальный предприниматель Волков Павел Вячеславович

ОГРН: 312352510900051
ИНН: 352508188483
КПП:

Ссылка на запись: <https://tourism.fsa.gov.ru/ru/resorts/hotels/c5c64270-c607-11ef-92da-5d1d81f3fd89/about-resort>

QR-код

Дата формирования выписки: 27.07.2025

Рис. 3. Пример выписки из Единого реестра объектов классификации туристической индустрии

Источник: составлено автором

Стоит также подчеркнуть, что средство размещения не имеет право вести деятельность по предоставлению гостиничных услуг без проведения процедуры самооценки и размещения в Едином реестре объектов классификации в сфере туристической индустрии. Если же, попав в Реестр, предприятие претендует на определенную категорию, то есть «звездность» - от одной до пяти - вторым этапом следует обратиться в аккредитованную организацию для прохождения процедуры классификации с привлечением аттестованных экспертов по классификации для оценки и проведения аудита гостиничного предприятия (рис. 4).

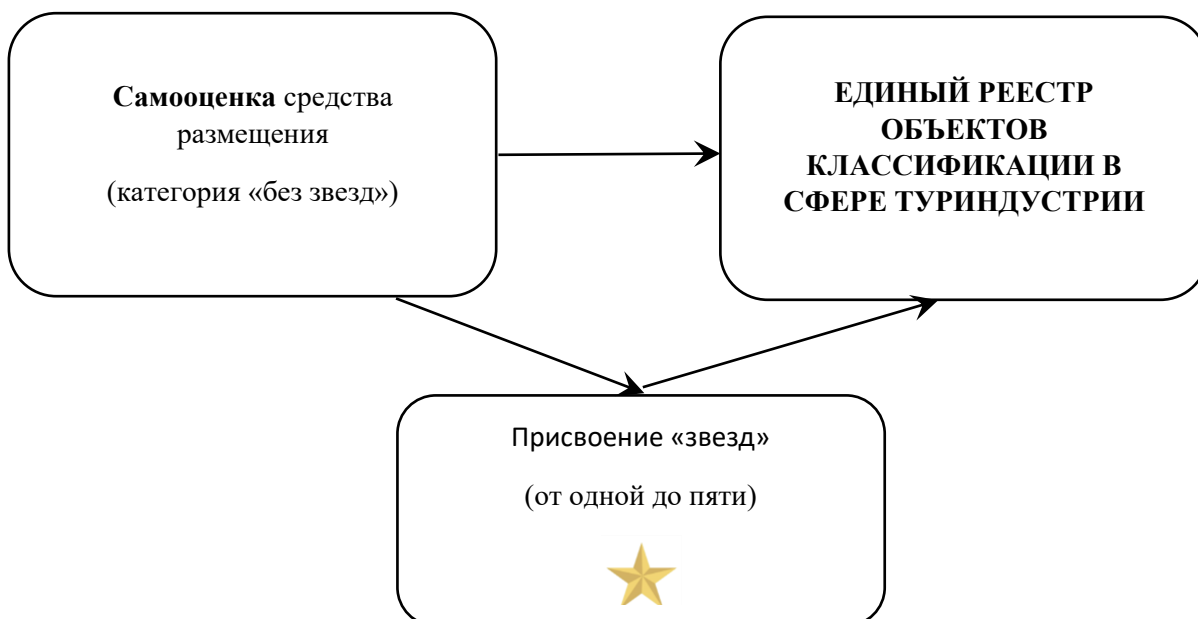

Рис. 4. Схема порядка прохождения процедуры самооценки и классификации средств размещения в РФ с 01 января 2025 года

Источник: составлено автором

Как и прежде, самооценка и классификация, действуют в течение 3 лет, после чего стоит вновь подтверждать категорию. Присвоение «звезд», получение категории невозможно без прохождения самооценки. Преимуществом является доступность, бесплатность процедуры самооценки. Большая часть рынка на сегодняшний день имеет статус «без звезд». Так, по официальным данным платформы «Гостеприимство» на 26.07.2025 г. рынок включает 23968 средств размещения, из которых 14160 единиц имеют статус «без звезд» (таблица 3).

Таблица 3

Дифференциация средств размещения по категориям на 26.07.2025 г. согласно данных портала «Гостеприимство»

Всего объектов	Категории средств размещения					
	«Без звезд»	«Одна звезда»	«Две звезды»	«Три звезды»	«Четыре звезды»	«Пять звезд»
23968	14160	573	2006	4787	2054	368

Источник: составлено автором

Кардинальные реформы коснулись и рынка аккредитованных организаций, где ужесточению подверглись требования к организациям и количеству официально трудоустроенных и специально обученных экспертов теперь уже с определенным сроком опыта работы. С сентября 2025 года ожидается резкое уменьшение аккредитованных организаций, в разы, что подразумевает со стороны госрегулятора повышения качества проведения

процедур классификации средств размещения и полную беспристрастность экспертов при оценке предприятий на то или иное количество «звезд». Большая часть экспертов также лишится работы в связи с тем, что до этого совмещали работу в гостиничных предприятиях с экспертной деятельностью, что сейчас запрещено госрегулятором.

Оценивая работу самого Единого реестра объектов классификации в сфере туристической индустрии и процедуру прохождения самооценки следует обратить внимание на стагнацию практической работы и деятельности огромного числа средств размещения в начале 2025 года. У многих гостиниц подходила к концу классификация, однако механизм, работа цифрового реестра по факту была не отлажена. И какие бы отчеты не предоставлялись Правительству РФ о качественной реализации проекта, эксперты по классификации, отельеры столкнулись в первые месяцы с невозможностью своевременно пройти самооценку, классификацию и получать ответы на возникающие в формате «снежного кома» вопросы. Эксперты по классификации также столкнулись с огромным числом технических не проработок реестра, заторможенной работой технической поддержки системы и, самое главное, постоянными сбоями облачной цифровой системы разработанного для прохождения данной процедуры приложения. Данный факт вызвал дискуссии у отельеров и экспертов по классификации, оказавшихся вплоть до середины апреля в тисках «сырой» системы. Ситуация стала улучшаться стабильно только с мая 2025 года. Совершенно очевидно, что при своем инновационно-ориентированном векторе экономике страны, технически система проведения процедур самооценки и классификации средств размещения была крайне недоработанной с технической стороны вопроса.

Процедуры самооценки и классификации средств размещения включают в себя два этапа: формальная часть с заполнением личной карточки объекта в личном кабинете средства размещения на платформе «Гостеприимство» и проведение фотофиксации средства размещения при помощи мобильного приложения «Мобильный инспектор» (рис. 5).

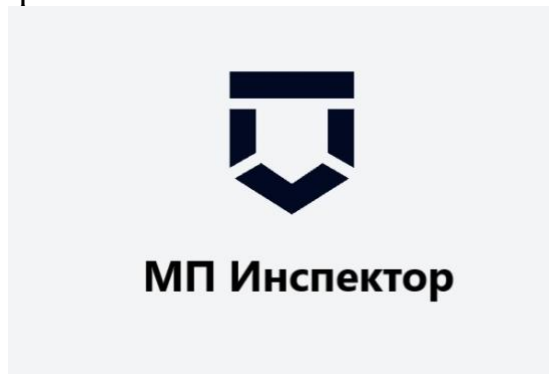

Рис. 5. Логотип мобильного приложения Мобильный инспектор для проведения процедур по самооценке и классификации средств размещения

Источник: составлено автором

Именно на этапах проведения фотофиксации возникла огромная проблема при передаче данных в облачную систему. Многие отельеры в буквальном смысле ожидали обновление системы и передачу фото после проведения фотофиксации в течение месяца в личные кабинеты для отправки данных на согласование специалистам Федеральной службы Росаккредитации. Безусловно, это вызывало огромное количество возмущения среди отельеров, не имеющих достаточных законодательных и цифровых компетенций. Данный факт стал также неким «подрывом» лояльности представителей гостиничного бизнеса и экспертов по классификации к самой государственной системе на начальном этапе запуска системы и начала работы.

На сегодняшний день до сих зафиксированы неточности и разночтения в данных при заполнении отельерами и экспертами по классификации электронных протоколов об оснащении средства размещения, характеристиках и наполнении номерного фонда, что также требует четкой и прозрачной доработки электронной системы. К ошибкам относятся дублирование некоторых пунктов в разделах заявления, ошибочное включение излишних требований, которые предъявляются на объекты более высокой категории.

Стоит также обратить внимание на пакет документов, который должны предоставлять представители средств размещения при прохождении самостоятельной процедуры оценки средства размещения по типу. К ним относятся:

- документы на недвижимость (выписка из ЕГРН на здание или помещение, земельный участок), договор аренды;
- договор на вывоз мусора (ТБО).

Достаточно частой проблемой является непонимание представителями средств размещения сути каждого документа, правил корректного оформления договоров аренды. Большое количество отказов, по опыту оказания содействия автором средства размещения прохождения самооценки, связано с невнимательностью к документации: часто направляют в заявлении не подписанный договор аренды или на вывоз ТБО. Другой ошибкой также является некорректное указание или отсутствие, несовпадение фактического адреса средства размещения и адреса, указанного в договоре на вывоз ТБО. Стоит подчеркнуть, что заключение договоров на вывоз твердых бытовых отходов, наличие баков и мусорных площадок стало для отельеров новой задачей: многие, чем меньше отель по емкости номерного фонда, тем больше их владельцев вовсе вынуждены были заключать фиктивные договора на вывоз твердых бытовых отходов для соблюдения формальностей процедуры самооценки. При направлении заявления на согласование, фиктивные договора с организациями, занимающиеся, например, вывозом строительного мусора, а не ТБО, были приняты специалистами, и процедура самооценки проходила успешно. Соответственно, прозрачность рынка и

деятельность средств размещений, что значит, что и сама цель детального заполнения цифрового заявления поставлены под сомнения.

Требуемые документы (договор аренды, правоустанавливающие документы, договора ТБО) подгружаются в отсканированном виде подгружаются в электронное заявление в формате PDF. Касаясь вопроса недвижимости и правоустанавливающих документов, следует поднять один из острейших вопросов отрасли, который заключается в необходимости при заполнении заявления указывать кадастровый номер здания или земельного участка средства размещения, внесенного в Федеральную адресную информационную систему ГАР ФИАС [21]. Это означает, что любое здание или земельный участок, помещение должны включать как кадастровый номер, так и адресную привязку к нему, зафиксированную в электронном реестре ГАР ФИАС. Это усугубило быстрое прохождение процедуры самооценки большей части средств размещений, так как присвоение адреса производит лично владелец объекта недвижимости, что создало дополнительные сроки и увеличило общий срок прохождения процедуры самостоятельной оценки типа средств размещений. Проверить наличие привязки кадастрового номера объекта недвижимости можно на официальном сайте Государственного адресного реестра, введя свои данные (рис.6).

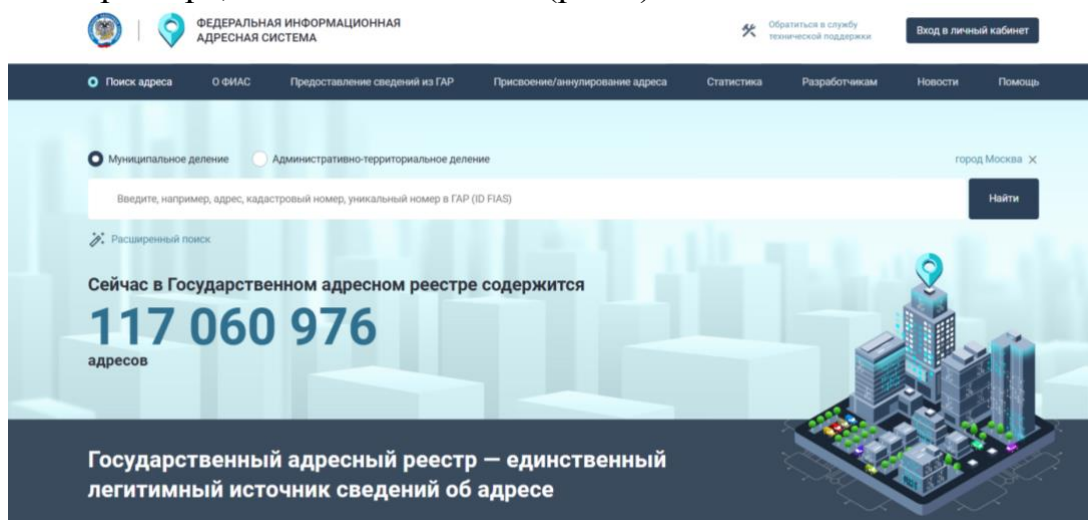

Рис. 6. Сайт Государственного адресного реестра Федеральной информационно-адресной системы

Источник: составлено автором

Как показывает практика, после оформления заявления на присвоение адреса в электронной системе, сроки внесения и обновления общей системы составляют в среднем до 2 недель. Официальный срок присвоения адреса и обновления системы составляет 5 рабочих дней, однако на практике часто специалисты муниципалитетов, отвечающих за обновление системы перегружены. Контроль за данным вопросом также находится лично на каждом отеле.

Стоит также отдать должное представителям Федеральной службе аккредитации, которыми был создан официальный оперативный чат по

самооценке средств размещения для отельеров и экспертов в мессенджере, где происходит прямой диалог по ошибкам, рассмотрением технических сбоев, ответам на вопросы отельеров, разборам конкретных кейсов и ситуаций, а также уточнений причин отказа в согласовании самооценки средства размещения. Данный факт, безусловно, доказывает огромный прорыв в сфере цифровизации и инновационно-ориентированном векторе развития отрасли и плотном взаимодействии представителей госрегулятора и гостиничных сообществ, а также экспертов.

Изменения в КоАП РФ

24 июня 2025 года Государственной Думой РФ были приняты изменения в Кодекс об административных правонарушениях по статье 14.3, которые коснулись таких вопросов, как обязательное нахождение средства размещения в Едином реестре объектов классификации в сфере туристической индустрии, так и например, размещения важных сведений - ссылки на карточку гостиницы в Едином реестре и наличие номера реестровой записи на всех публичных ресурсах с информацией о средстве размещения – от сайта гостиницы до договора о предоставлении гостиничных услуг, предоставляемом Потребителю (таблица 4).

Таблица 4

Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях»

Нарушение	Штраф	Повторное нарушение или неисполнение предписания
Отсутствие средства размещения в реестре или действие прекращено	Должностные лица: от 50 до 70 тыс. руб. Юридические лица: от 300 до 450 тыс. руб.	Должностные лица: от 70 до 100 тыс. руб. Юридические лица: от 1/40 до 1/25 дохода
Несоответствие средства размещения к типу	Должностные лица: от 30 до 40 тыс. руб. Юридические лица: от 100 до 170 тыс. руб.	Должностные лица: от 40 до 60 тыс. руб. Юридические лица: от 200 до 300 тыс. руб.
Использование в рекламе, названии, типа и (или) категории, которые не соответствуют информации в реестре	Должностные лица: от 30 до 40 тыс. руб. Юридические лица: от 150 до 250 тыс. руб.	Должностные лица: от 40 до 60 тыс. руб. Юридические лица: от 200 до 350 тыс. руб.
Размещение сведений о средстве размещения без ссылки на реестр	Должностные лица: от 10 до 30 тыс. руб. Юридические лица: от 30 до 50 тыс. руб.	Должностные лица: от 30 до 50 тыс. руб. Юридические лица: от 50 до 100 тыс. руб.

Источник: составлено автором

На момент проведения исследования автор проводил анализ Единого реестра объектов классификации в сфере туристической индустрии по Вологодской области. Были выявлены вопросы, связанные с тем, что ряд средств размещения имел сразу несколько карточек объекта в статусе «действует». Связано это было с тем, что средства размещения на сегодняшний день имеют ответственность в рамках Кодекса об административных нарушениях только по вопросу отсутствия в Едином реестре. Однако, при прекращении гостиничной деятельности, смене организационно-правовой формы владельцы средств размещения не подают по собственной инициативе данные и корректирующую информацию в региональные органы исполнительной власти в сфере туризма и отрасли гостеприимства в связи с отсутствием закрепленной законодательной ответственности. Тем самым в ходе исследования было выявлено увеличение количества средств размещения по региону, что было связано с дублированием реестровых записей. Например, в реестре было выявлено 2 карточки объекта хостела «Гастроль», где были указаны разные организационно-правовые формы и данные владельца – ООО и ИП. Соответственно совершенно логично повысить уровень ответственности в законодательной форме о своевременном уведомлении регионального органа исполнительной власти об изменении информации. Если данный вопрос не будет решен законодательно, вырастает уровень погрешности формирования общей статистической отчетности по количеству средств размещения в регионах. Такая ситуация наблюдалась в Вологодской области, где на момент исследования ряд задублированных записей не были учтены Министерством туризма и международных связей, после чего вопросы решались путем запроса представителей Министерства в гостиничные предприятия с требованием пояснений.

Опыт Вологодской области. Динамика прохождения процедуры самооценки средств размещения

Статистика и динамика успешного прохождения процедуры самооценки средствами размещения по стране неоднородна и неоднозначна. Регионы отличаются различным внутренним фокусом на сферу туризма, а также самим статусом туристических регионов с достаточно развитой гостиничной системой. Удовлетворительный результат отражает Вологодская область, регион с еще неполностью раскрытым, бездонным и еще недостаточно оцененным жителями страны туристическим потенциалом. За последние несколько лет регион ожил, активно перенаправив фокус на туристический сектор и качественную реализацию национального проекта «Туризм и гостеприимство». На момент публикации данной статьи в регионе насчитывается 193 средства размещения по данным Единого реестра объектов классификации в сфере туристической индустрии тогда, когда еще на начало июня данный показатель равнялся 191 единице (таблица 5).

Таблица 5

Средства размещения Вологодской области (по данным Единого реестра объектов классификации в сфере туриндустрии на 01.01.2025 г)

Всего объектов	Категории средств размещения					
	«Без звезд»	«1 звезда»	«2 звезды»	«3 звезды»	«4 звезды»	«5 звезд»
193	112	6	22	40	12	1

Источник: составлено автором

Среди объектов, которые вошли в реестр - средства размещения, давно работающие на рынке, но принявшее единственно верное решение по легализации гостиничного бизнеса. Стоит отметить, что наличие единственного объекта категории «пять звезд» говорит о стагнации гостиничного рынка региона в целом. Касаясь типов средств размещения, данные Единого реестра предоставляют данные о 8 единиц санаториев, 182 единицы гостиниц и 3 базы отдыха. Средства размещения типа «кемпинг» вовсе отсутствуют пока в официальном реестре.

Если производить оценку динамики прохождения процедуры самооценки, то согласно докладу Министра туризма и международных связей Вологодской области С.Ю. Пахниной на совещании с представителями туриндустрии в г. Череповце Вологодской области, которое состоялось 27 июня 2025 года, лидерами прохождения процедуры самооценки в федеральном масштабе стали Запорожская область, республика Алтай и Астраханская область (таблица 6).

Таблица 6

Рейтинг регионов-лидеров по самооценке средств размещения

Место в рейтинге	Регион
1	Запорожская область
2	Республика Алтай
3	Астраханская область
4	Республика Мордовия
5	Ненецкий автономный округ

Источник: составлено автором

Также важно раскрыть динамику прохождения процедуры внутри конкретных регионов, например, в Вологодской области. Так, на начало июня 2025 года Вологодская область находилась на 75 месте среди всех регионов страны, что показывает о наличии отсутствия профессионального интереса бизнес-сообществ к вопросам соблюдения нововведений законодательства несмотря на избыточное количество проведенных мероприятий с

представителями туриндустрии организационно-просветительской направленности и предложенных инструментов, как со стороны Министерства туризма и международных связей Вологодской области, так и Федеральной Службы Аккредитации (рис. 7).

Сямженский	100	Устюженский	13
Верховажский	50	Череповец	8
Вожегодский	50	Череповецкий	8
Кичменгско-Городецкий	50	Кирилловский	7
Нюксенский	50	Вологодский	0
Чагодощенский	40	Вытегорский	0
Бабушкинский	33	Грязовецкий	0
Шекснинский	33	Кадуйский	0
Вологда	33	Междуреченский	0
Бабаевский	20	Никольский	0
Белозерский	20	Сокольский	0
Вашкинский	20	Тарногский	0
Тотемский	20	Усть-Кубинский	0
Великоустюгский	14	Харовский	0

Рис. 7. Мониторинг самооценки средств размещения Вологодской области по данным на 27 июня 2025 года

Источник: составлено автором

Однако, после ряда мероприятий совместно с Министерством туризма и международных связей Вологодской области ситуация выровнялась. Проявился большой интерес к нововведениям. К сожалению, отельное сообщество, а именно управленческие кадры в принципе не успевают в вопросе повышения в том числе цифровых компетенций, что вынуждает обращаться как в бесплатные органы по туризму, так и частные консалтинговые компании для прохождения процедуры самооценки. Касаясь работы и трудовой занятости экспертов по классификации, а также специалистов, которые компетентны в вопросах самооценки, следует отметить, что проведение самооценки и содействие в прохождении процедуры самооценки в среднем оценивается по стране как отдельная услуга в 10-15 тыс. рублей при удаленном сопровождении и проведении до результата согласования. Таким образом, многие специалисты по классификации, которые не прошли по новым требованиям для проведения классификации средств размещения имеют новый фронт работ, который не имеет перспектив к окончанию.

В Вологодской области на июнь 2025 года зарегистрированы 2 организации, производящие как классификацию средств размещения, так и консалтинг в том числе по части прохождения самооценки: Союз «Торгово-промышленная палата Вологодской области», гостиничная консалтинговая и

управляющая компания ООО «ХоспиталитиГрупп». Со своей стороны представители Министерства туризма и международных связей, эксперты Торгово-промышленной палаты региона, а также специалисты частного сектора оказывали полноценную, в том числе бесплатную консультационную поддержку по прохождению самооценки средств размещения региона, что подтверждает лояльность регионального органа государственного контроля, аккредитованных организаций к гостиничному бизнесу и его стимулированию к соблюдению нововведений гостиничного законодательства, а также повышению профессиональных компетенций. Более того, для оперативного прохождения самооценки средств размещения до 01 сентября 2025 года были привлечены и дополнительные отделы муниципалитетов для проведения консультаций представителям гостиничного сектора, например, при мэрии города Череповца этот вопрос взял на себя отдел экономической политики и инвестиционного развития. Стоит отметить и сплоченность самого гостиничного сообщества региона, а также особую активность в столице региона, где собственники небольших отелей проявили интерес не только к процедуре самооценки, но и стали приводить в порядок иные организационные и сервисные вопросы деятельности своих предприятий.

Автор подчеркивает, что предварительно делать выводы о качестве проведенной реформы пока рано. Окончание 2025 года отразит общие тенденции, однако прозрачность и чистота процедуры, и достижение главной цели по формированию максимально открытого и качественного гостиничного рынка пока не приближаются в связи с формированием новых методов «обхода» законодательных требований отельерами.

Заключение

В результате исследования был отражен анализ рынка средств размещения Вологодской области, произведена оценка Единого реестра объектов классификации в сфере туристической индустрии. Были отражены основные неточности и ошибки ведения реестра гостиничных объектов, а также предложены инструменты для устранения данных проблем в рамках работы региональных органов исполнительной власти и внесения дополнительных штрафов в КоАП РФ. В ходе исследования также была выявлена острая необходимость в более детальном региональном контроле Единого реестра объектов классификации туристической индустрии. Отражены основные проблемы всей реформы самостоятельной оценки средств размещения отельерами, которые должны быть устранены государственным регулятором. Автор ожидает окончания 2025 года для формирования оценки общей ситуации развития гостиничного рынка, однако большой шаг по развитию индустрии, безусловно, произведен.

Литература

1. Киселева Р.Ф. Анализ состояния системы подготовки молодых специалистов в рамках национального проекта «Туризм и гостеприимство» и практического запроса гостиничного бизнеса Российской Федерации // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 97–116.
2. Официальный сайт Правительства РФ. Постановление Правительства РФ № 1951 от 27.12.2024 г. «Об утверждении Положения о классификации средств размещения». URL: <http://government.ru/docs/all/157184/>.
3. Официальный сайт Правительства РФ. Постановление Правительства РФ № 1952 от 27.12.2024 г. «Об утверждении Правил классификации средств размещения и правил формирования и ведения единого реестра объектов классификации в сфере туристской индустрии». URL: <http://government.ru/docs/all/157162/>.
4. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462.
5. Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 № 1853 «Об утверждении правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368292.
6. Шумакова Е.В. Переход к обязательной классификация гостиниц и иных средств размещения как новое направление повышения их конкурентоспособности // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 8А. С. 312–317.
7. Пасько О.В., Суворова И.Н. Обзор классификационных требований к гостиницам в России // Стандарты и качество. 2019. № 6. С. 102–105.
8. Арсений Р.М. Проблемы обеспечения качества гостиничных услуг в новых условиях // Сервис в России и за рубежом. 2022. № 3 (100). С. 45–55.
9. Гурина М.А., Сокольская Т.И., Гончарова О.В., Дехтярь Г.М., Спатарь-Козаченко Т.И. К вопросу о государственном регулировании сферы туризма на региональном уровне: теоретические аспекты и результаты практической деятельности // Сервис в России и за рубежом. 2021. Т.15. № 4. С. 90–109.
10. Киселева Р.Ф. Система классификации гостиниц в РФ как основа системы управления качеством // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2022. № 2. С. 130–138.
11. Ефимцева Т.В. Классификации гостиниц в Российской Федерации. Актуальные проблемы российского права. 2018. №11. С. 26–31.
12. Козлов Д. А. Современная классификация средств размещения // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 4–4. С. 775–779.

13. Духовная Л.Л. Современные подходы к классификации средств размещения: зарубежный и российский опыт // Сервис в России и за рубежом. 2017. № 1 (71). С. 17–28.

14. Уелданова М.Р., Зворыкина Т.И. Классификация и добровольная сертификация гостиниц: инструменты повышения лояльности потребителей // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2025. № 1. С. 48–51.

15. Лаврова А.П. Основные тенденции развития в сфере гостиничного бизнеса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 3. С. 156–162.

16. Кучумов А.В., Еремичева П.Ю., Богданов И.Ю. Государственное регулирование туризма в России: современные тенденции и перспективы // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15. № 3. С. 1725–1738.

17. Ползикова Е.В., Заднепровская Е.Л. Анализ тенденций классификации предприятий размещения в России // Компетентность. 2025. № 1. С. 48–53.

18. Холмовский С.Г. Нормативно-правовой аспект классификации средств размещения в России // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 165–169.

19. Платонова Т.Е. Российский гостиничный бизнес – состояние, проблемы и перспективы развития в современной экономике // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 6–2. С. 238–242;

20. Голин К.С. Актуальные проблемы эффективности российского законодательства в сфере предоставления гостиничных услуг: сборник трудов конференции. // научные исследования: веторы развития: материалы Междунар. науч.-практ. Конф. Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2018. С. 229–231.

21. Официальный сайт Федеральной адресной информационной системы ГАР ФИАС. URL: <https://fias.nalog.ru/>.

Международный научно-исследовательский журнал

«Прогрессивная экономика»

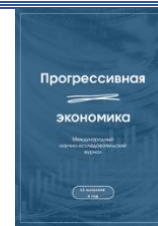
№ 8 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/organizacziionno-ekonomicheskij-mehanizm-nejtralizaczii-fiskalnyh-ugroz-ekonomicheskoy-bezopasnosti/

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3

УДК 336.22:331.556.4

DOI: 10.54861/27131211_2025_8_51

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ФИСКАЛЬНЫХ УГРОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Заруба Д.С., аспирант, Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова, г. Королев, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8488-9633>

Аннотация. В статье представлен разработанный организационно-экономический механизм, направленный на обеспечение экономической безопасности региона-донора трудовых ресурсов в условиях крупной городской агломерации. Целью настоящей статьи является разработка организационно-экономического механизма, способного нейтрализовать данную угрозу. Исследуется проблема системного фискального истощения, возникающего из-за зачисления НДФЛ по месту работы, а не по месту жительства налогоплательщиков. В отличие от существующих подходов, предлагающих дотационное выравнивание, новизна представленного механизма заключается в создании системы замкнутого цикла, трансформирующей угрозу в ресурс развития. Ядром предлагаемого авторского механизма является целевое реинвестирование возвращенной части налоговых доходов в стимулирование и поддержку внутреннего предпринимательства. Методологическую основу составили системный анализ, экономическое моделирование и методы организационного проектирования, с использованием официальных статистических данных и действующей нормативно-правовой базы. Результаты исследования показали, что внедрение механизма позволяет существенно снизить фискальные потери, увеличить занятость в секторе малого и среднего предпринимательства, повысить инвестиционную активность и укрепить экономическую безопасность региона. Практическая значимость работы заключается в возможности реализации механизма в рамках существующего законодательства на основе межбюджетных соглашений, что обеспечивает его применимость без масштабных законодательных изменений. Направления дальнейших исследований связаны с разработкой детальной эконометрической модели для оценки мультипликативных эффектов и адаптацией предложенного подхода для других агломераций России, испытывающих аналогичные дисбалансы.

Ключевые слова: экономическая безопасность, межбюджетные отношения, фискальное истощение, маятниковая миграция, агломерация, механизм экономической безопасности, устойчивое развитие.

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM FOR NEUTRALIZING FISCAL THREATS TO ECONOMIC SECURITY

*Zaruba D.S., Postgraduate Student, LEONOV Moscow Region University of
Technology, Korolev, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8488-9633>

Abstract. The article presents a developed organizational and economic mechanism aimed at ensuring the economic security of a region that is a donor of labor resources in a large urban agglomeration. The purpose of this article is to develop an organizational and economic mechanism capable of neutralizing this threat. The article examines the problem of systemic fiscal depletion resulting from the transfer of personal income tax at the place of work, rather than at the place of residence of taxpayers. Unlike existing approaches offering subsidized equalization, the novelty of the presented mechanism is to create a closed-loop system that transforms a threat into a development resource. The core of the proposed author's mechanism is the targeted reinvestment of the returned portion of tax revenues into stimulating and supporting domestic entrepreneurship. The methodological basis is based on system analysis, economic modeling and organizational design methods, using official statistical data and the current regulatory framework. The results of the study showed that the introduction of the mechanism can significantly reduce fiscal losses, increase employment in the small and medium-sized business sector, increase investment activity and strengthen the economic security of the region. The practical significance of the work lies in the possibility of implementing the mechanism within the framework of existing legislation on the basis of inter-budgetary agreements, which ensures its applicability without major legislative changes. The directions of further research are related to the development of a detailed econometric model for estimating multiplicative effects and the adaptation of the proposed approach for other agglomerations of Russia experiencing similar imbalances.

Keywords: economic security, inter-budgetary relations, fiscal depletion, pendulum migration, agglomeration, mechanism of economic security, sustainable development.

JEL classification: H12, H60, F52.

Для цитирования: Заруба Д.С. Организационно-экономический механизм нейтрализации фискальных угроз экономической безопасности // Прогрессивная экономика. 2025. № 8. С. 51–61. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_51.

Статья поступила в редакцию: 05.08.2025 г. Одобрена после рецензирования: 12.08.2025 г. Принята к публикации: 12.08.2025 г.

For citation: Zaruba D.S. (2025). Organizational and Economic Mechanism for Neutralizing Fiscal Threats to Economic Security. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 8, 51–61, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_51 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 05/08/2025. Approved after review: 12/08/2025. Accepted for publication: 12/08/2025.

Введение

Обоснование актуальности темы. В экономике, основанной на знаниях, основным фактором обеспечения конкурентоспособности является создание инноваций на основе результатов научных исследований, которые оформляются в качестве объектов интеллектуальной собственности. Интеллектуальная собственность играет важную роль в обеспечении конкурентоспособности современных предприятий, поэтому ее интеграция в коммерческую деятельность является сущностью инновационной работы. Для эффективного развития и поддержания конкурентоспособности на рынке каждая компания должна сосредоточиться на создании инноваций и внедрении инновационных решений, а также уметь защищать результаты своей деятельности. На региональном уровне эти принципы транслируются в необходимость формирования среды, способствующей развитию предпринимательского потенциала как ключевого драйвера инновационного роста.

Однако, развитие такого потенциала сталкивается с системными угрозами, особенно в условиях крупных городских агломераций. Ключевой проблемой является фискальный дисбаланс, вызванный маятниковой трудовой миграцией, что наиболее остро проявляется в Московской агломерации. Действующий порядок зачисления налога на доходы физических лиц по месту работы, а не проживания, приводит к системному фискальному истощению региона-донора трудовых ресурсов. Московская область, неся полную социальную нагрузку, теряет значительную часть налогового потенциала, который необходим для поддержки и стимулирования тех самых инновационных предприятий. Потери бюджета области в 2023 году оцениваются в 277,2 миллиарда рублей, что подрывает основы ее экономической безопасности.

Таким образом, целью статьи является разработка организационно-экономического механизма, способного нейтрализовать данную угрозу. Научная новизна настоящего исследования заключается в предложении авторской модели замкнутого цикла, которая трансформирует фискальную угрозу в целевой инвестиционный ресурс для развития внутреннего предпринимательского потенциала, создавая тем самым условия для инновационного развития региона.

Обзор литературы

Понятие экономической безопасности региона и угрозы, связанные с межбюджетными отношениями, анализировали многие отечественные исследователи. В работах С.А. Потокиной, О.Н. Бочаровой и О.И. Ланиной раскрывается сущность и общие механизмы обеспечения экономической безопасности, которые служат теоретической основой для выявления специфических угроз [1]. Проблемы развития крупнейших агломераций и сопутствующие им вызовы подробно рассмотрены в исследованиях Н.В. Зубаревич, которая отмечает высокую концентрацию экономических ресурсов

в городах-ядрах и усугубление диспропорций с периферийными территориями [2].

Центральная проблема фискальных потерь регионов-доноров из-за несовершенства механизма зачисления НДС находится в фокусе внимания целого ряда авторов. Так, К.С. Вартапетов системно анализирует проблему распределения данного налога в агломерациях, указывая на его несправедливый характер [3]. Р.Р. Гимранов исследует перспективы перехода к зачислению НДС по месту жительства, отмечая как преимущества, так и значительные административные барьеры для такой реформы [4]. Схожие выводы делают Т.В. Чернова и Е.В. Сидоренко, которые на примере конкретных регионов демонстрируют негативные последствия существующего порядка для бюджетов-доноров [5]. Эмпирическая база для оценки масштаба проблемы подкрепляется исследованиями А.Г. Махровой и ее соавторов, которые с помощью современных методов анализа данных оценивают реальные потоки маятниковой миграции в Московском регионе [6]. В свою очередь, значимость развития внутреннего предпринимательства как фактора устойчивости региональной экономики подчеркивается в работах Ю.Б. Рубина, где анализируется сущность и методы оценки предпринимательского потенциала [7].

Анализ научных источников показал, что проблема фискального истощения регионов-доноров в агломерациях хорошо идентифицирована и описана в научной литературе. Исследователи сходятся во мнении о несовершенстве текущего механизма распределения НДС. Однако большинство предлагаемых решений сводятся либо к необходимости кардинального изменения федерального законодательства, что сопряжено с высокими политическими и административными издержками, либо носят характер общих рекомендаций. Таким образом, сохраняется научный пробел в части разработки конкретных, практически реализуемых на региональном уровне организационно-экономических механизмов, способных не просто компенсировать потери, а трансформировать существующую угрозу в целевой ресурс для стратегического развития.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы познания. В работе применен системный анализ, который позволил определить ключевые элементы механизма нейтрализации угроз и их взаимосвязи. Для проектирования финансовых потоков и оценки последствий внедрения предложенных решений был использован метод экономического моделирования. Метод организационного проектирования применялся для разработки структуры взаимодействия участников, включая органы власти и институты развития. Информационно-статистической базой исследования послужили официальные данные Федеральной службы государственной статистики и Федерального казначейства. Нормативно-правовую основу составили положения Бюджетного кодекса Российской

Федерации [8] и Налогового кодекса Российской Федерации [9], регулирующие межбюджетные отношения и порядок уплаты НДС.

Результаты и обсуждение

Классические подходы к экономической безопасности, разработанные Л.И. Абалкиным [10], В.К. Сенчаговым [11] и другими, связывают ее с устойчивостью и способностью противостоять угрозам. Однако эти подходы ограничены при анализе регионов внутри крупных агломераций, поскольку традиционные модели рассматривают регион как изолированную систему, игнорируя мощные межрегиональные потоки и специфические фискальные экстерналии. Для адекватного анализа требуется новое определение, смещающее акцент с пассивной защищенности на активную способность региона к фискальному удержанию доходов. Экономическая безопасность региона определяется как его способность через развитие собственного предпринимательского потенциала генерировать и удерживать бюджетные доходы для выполнения социальных функций, минимизируя фискальные потери от своего положения в агломерации. Вводится категория экономической безопасности региона-донора трудовых ресурсов, характеризующая его устойчивость к угрозам из-за зависимости от центра агломерации. Она измеряется уровнем фискальной уязвимости, который отражает соотношение оттока НДС к общему налоговому потенциалу региона.

Угроза фискального истощения заложена в бюджетно-налоговую систему [8]. Первопричиной является механизм уплаты НДС по месту регистрации работодателя, а не месту жительства работника, закрепленный в Налоговом кодексе РФ [9]. Этот механизм, нейтральный для большинства регионов, становится источником системного дефицита для сателлитов агломераций. В результате Московская область несет всю нагрузку по содержанию инфраструктуры, а налоговые доходы от ее жителей аккумулируются в бюджете Москвы.

Проблема несправедливого распределения НДС давно обсуждается в научной среде. Исследователи, в частности К.С. Вартапетов [3], Р.Р. Гимранов [4] и Т.В. Чернова [5], указывают на несовершенство этого порядка. Сложившаяся ситуация создает извращенный стимул: инвестируя в качество жизни, регион-донор способствует дальнейшему оттоку НДС. Согласно исследованиям А.Г. Махровой, ежедневный поток трудовых мигрантов из области в Москву достигает 1,1–1,5 миллиона человек, что подтверждает масштаб проблемы [6]. На основе этих оценок и данных официальной статистики о среднемесячной заработной плате был произведен расчет потенциальных потерь бюджета Московской области от недополученного НДС. Для анализа масштаба и фискальных последствий маятниковой миграции рассмотрим данные, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Оценка масштаба и фискальных последствий маятниковой миграции для бюджета Московской области, 2021-2023 гг.

№	Показатель	2021	2022	2023
Масштаб миграции				
1	Численность населения, занятого в экономике МО, тыс. чел.	3999	4400	4584
2	Оценка среднесуточной численности маятниковых мигрантов в Москву, тыс. чел.	1000	1100	1150
3	Доля маятниковых мигрантов в общей численности занятых, %	25,01	25,00	25,09
Расчетные фискальные потери бюджета МО (в абсолютных цифрах)				
4	Среднемесячная номинальная з/п в г. Москве, руб.	112768	140669	154502
5	Потенциальные потери НДФЛ (13%) млн. руб./год	175918,08	241388,004	277176,588
Относительная оценка потерь (проверочные показатели)				
6	Налоговые и неналоговые доходы бюджета МО, млн. руб.	832634,6	950571,3	1121958,1
7	Фактически собранный НДФЛ в бюджет МО, млн. руб.	191100	228100	254000
8	Потери НДФЛ в % от собственных доходов бюджета	21,13	25,39	24,70
9	Отношение «потерянного» НДФЛ к «собранному», %	92,06	105,83	109,13

Источник: составлено автором по данным [6; 10]

Анализ результатов показывает колоссальный масштаб проблемы. В 2023 году 1,15 миллиона маятниковых мигрантов формировали четверть всей занятости в регионе, а потенциальные потери бюджета Московской области от недополученного НДФЛ составили 277,2 миллиарда рублей, что является прямым фискальным ущербом. Наиболее убедительным доказательством угрозы выступает отношение потерянного НДФЛ к фактически собранному на территории области, которое достигло 109,1%. Это означает, что регион теряет больше налоговых доходов от своих резидентов, чем собирает, и является чистым донором фискального капитала, что требует нового механизма межбюджетного регулирования.

Для нейтрализации угрозы предлагается организационно-экономический механизм, ядром которого является налоговое якорение. Под ним понимается целевой возврат части НДФЛ от региона-реципиента в бюджет региона-донора для финансирования специального фонда, направленного на развитие внутреннего предпринимательского потенциала. Инструмент носит компенсационный, а не дотационный характер, и направлен на инвестиции в будущее развитие. Его правовой основой может служить институт горизонтальных субсидий, предусмотренный Бюджетным кодексом РФ [8], позволяющий заключать межбюджетные соглашения. Такое решение

реализуемо на уровне двусторонних договоренностей, что упрощает его внедрение.

Практическая реализация механизма предполагает создание Фонда целевого капитала Предпринимательский потенциал Подмосковья. Модель эндаумента обеспечит долгосрочную устойчивость, так как на программы поддержки будет направляться только инвестиционный доход. Основным источником капитала станут средства от налогового якорения, с предлагаемой ставкой возврата 15% от НДФЛ мигрантов, дополненные бюджетными ассигнованиями и пожертвованиями. Управление Фондом должен осуществлять прозрачный Наблюдательный совет при обязательном ежегодном аудите. Для наглядного представления принципа работы механизма рассмотрим его блок-схему на рисунке 1.

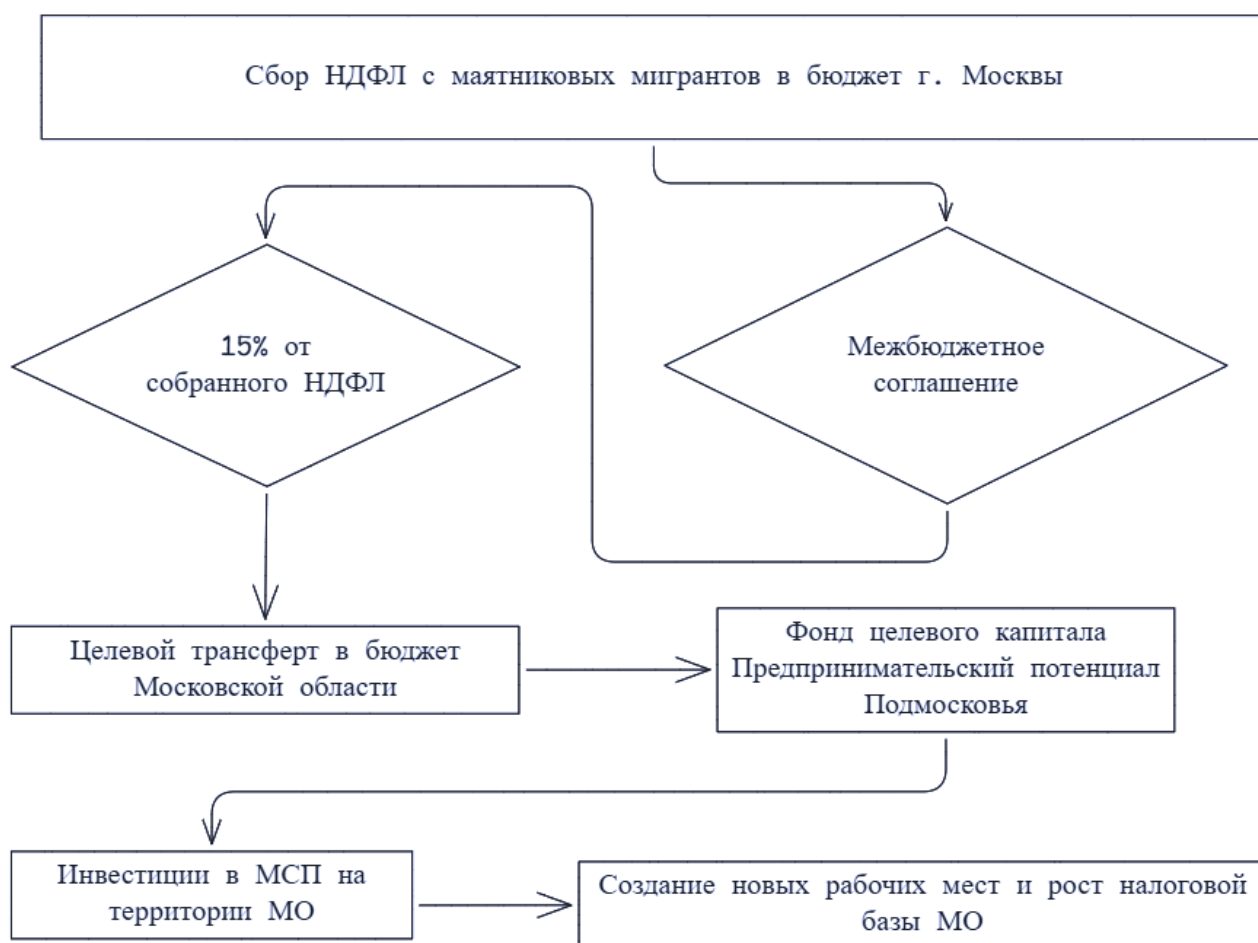

Рис. 1. Блок-схема механизма «налогового якорения»

Источник: составлено автором

Представленная схема демонстрирует логику замкнутого цикла, в котором фискальный отток трансформируется в источник для инвестиций, направленных на укрепление экономической базы региона-донора. Внедрение предложенного механизма позволяет кардинально изменить логику развития

региональной экономики, перейдя от деструктивного «порочного круга» к созидательному «добродетельному циклу». Существующий порочный круг можно описать следующей последовательностью: разрыв в заработных платах стимулирует маятниковую миграцию, которая приводит к оттоку НДФЛ. Фискальная эрозия, в свою очередь, подрывает способность региона инвестировать в развитие экономики и поддерживать предпринимательство, что консервирует дефицит качественных рабочих мест и вновь подталкивает население к поиску занятости в столице.

Механизм «налогового якорения» разрывает эту негативную цепь и запускает добродетельный цикл. Возвращенные средства НДФЛ через Фонд целевого капитала инвестируются в развитие местного малого и среднего предпринимательства. Это приводит к созданию новых качественных рабочих мест на территории Московской области, что постепенно сокращает вынужденную маятниковую миграцию. В результате растет собственная налоговая база региона, что укрепляет его фискальную устойчивость и предоставляет новые ресурсы для дальнейшего развития. Для визуализации этого трансформационного процесса рассмотрим модель добродетельного цикла на рисунке 2.

Рис. 2. Модель добродетельного цикла, формируемого механизмом «налогового якорения»

Источник: составлено автором

Конечная цель механизма заключается не в полном прекращении миграции, что невозможно в рамках единой агломерации, а в изменении ее природы – от вынужденной, продиктованной отсутствием альтернатив, к добровольной, основанной на свободном выборе между сопоставимыми по привлекательности рынками труда.

Для количественной оценки эффективности предложенного механизма было проведено сценарное моделирование на период до 2035 года. В основу модели заложены консервативные оценки мультипликативных эффектов, основанные на кейнсианских принципах и адаптированные к региональному уровню. Модель учитывает прямые, косвенные и индуцированные эффекты от первоначального инвестиционного импульса, который составляет 41,6 миллиарда рублей ежегодно, что соответствует 15% от расчетных потерь НДФЛ за 2023 год. Результаты моделирования показывают, что реализация интервенционного сценария с внедрением механизма «налогового якорения» приводит к существенному улучшению ключевых индикаторов экономической безопасности. Для сравнительной оценки рассмотрим прогнозные значения наиболее критичных показателей в таблице 2.

Таблица 2

Прогнозное изменение ключевых индикаторов экономической безопасности Московской области к 2035 г.

Профиль / Индикатор	2023 (факт)	Зона риска	2035 (прогноз)	Зона риска
I. Фискальная устойчивость				
Отношение «потерянного» НДФЛ к «собранному», %	109,1%	Кризис	45,2%	Предкризис
II. Макроэкономическая динамика				
Доля инвестиций в основной капитал в ВРП, %	17,2%	Кризис	23,5%	Предкризис
III. Предпринимательский потенциал				
Динамика численности занятых в МСП, %	-0,3%	Кризис	+4,1%	Норма
IV. Социально-демографическая стабильность				
Соотношение з/п (МО/Москва)	0,86	Предкризис	0,92	Норма

Источник: составлено автором

Анализ прогнозных данных показывает, что к 2035 году механизм позволит создать около 277 000 новых качественных рабочих мест в секторе МСП, что приведет к перелому негативного тренда в динамике занятости. Это, в свою очередь, приведет к сокращению доли маятниковых мигрантов и повышению относительного уровня заработной платы до 92% от московского. Кардинально улучшится и фискальное здоровье региона: отношение «потерянного» НДФЛ к «собранному» снизится более чем в два раза, переведя проблему из разряда экзистенциальной угрозы в управляемый структурный фактор. Расчет итогового интегрального показателя экономической безопасности демонстрирует его снижение с 1,083, что соответствует «предкризисному» уровню, до 0,552, что означает переход Московской области в «стабильное» состояние.

Предложенный организационно-экономический механизм является стратегическим сдвигом от тактики латания дыр в бюджете к стратегии формирования экономической самодостаточности через целенаправленные инвестиции. В отличие от нецелевых дотаций, он создает устойчивый

источник финансирования для качественного роста. Реализация сопряжена с рисками. Политический риск заключается в возможном сопротивлении Москвы делиться доходами, что минимизируется позиционированием соглашения как вклада в сбалансированное развитие агломерации. Административный риск связан с расчетом НДФЛ и прозрачностью работы Фонда, что требует многоуровневой системы контроля. Экономический риск конкуренции с московскими предприятиями снижается за счет целевой поддержки секторов с конкурентными преимуществами. Перспективы дальнейших исследований лежат в расчете мультипликативных эффектов и адаптации модели для других агломераций России.

Заключение

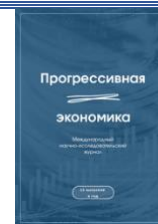
В процессе исследования автором было выявлено, что действующий механизм зачисления налога на доходы физических лиц порождает системную угрозу фискального истощения для регионов-доноров трудовых ресурсов в составе крупных агломераций. Главным научным результатом является разработка и обоснование организационно-экономического механизма, основанного на концепции налогового якорения, который позволяет нейтрализовать данную угрозу. Доказано, что предложенный механизм, включающий создание целевого эндаумент-фонда, трансформирует безвозвратный отток налогового капитала в стратегический инвестиционный ресурс для развития внутреннего предпринимательского потенциала. Это обеспечивает переход от компенсации текущих потерь к созданию условий для долгосрочного устойчивого роста, разрывая порочный круг экономической зависимости.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой детальной эконометрической модели для количественной оценки мультипликативных эффектов от реализации механизма на валовой региональный продукт и уровень занятости. Кроме того, важным направлением является адаптация предложенной модели для других крупных агломераций Российской Федерации, сталкивающихся со схожими проблемами межбюджетных дисбалансов.

Литература

1. Потокина С.А., Бочарова О.Н., Ланина О.И. Сущность и механизмы обеспечения экономической безопасности региона // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 3. С. 82–90.
2. Зубаревич Н.В. Московская агломерация: старые и новые вызовы развитию // Урбанистика. 2015. № 4. С. 15–26.
3. Вартапетов К.С. Проблема распределения НДС в крупнейших городских агломерациях России // Финансовый журнал. 2018. № 3. С. 58–70.
4. Гимранов Р.Р. Проблемы и перспективы зачисления НДС в бюджеты субъектов РФ по месту жительства налогоплательщиков // Финансы и кредит. 2016. № 32 (704). С. 16–29.
5. Чернова Т.В., Сидоренко Е.В. Проблемы распределения налога на доходы физических лиц между бюджетами регионов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 3. С. 91–98.
6. Махрова А.Г., Бабкин, Р.А., Кириллов П.Л. Пространственно-временные особенности маятниковых миграций в Московском регионе // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 2. С. 249–256.
7. Рубин Ю.Б. Предпринимательский потенциал и его оценка // Современная конкуренция. 2016. Т. 10, № 1 (55). С. 131–149.
8. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 04.06.2024) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
10. Абалкин, Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–13.
11. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность регионов России : монография / [и др.] ; под ред. В. К. Сенчагова. Н. Новгород, 2012. 254 с.
12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: стат. сб. / Росстат. Москва, 2024. 1128 с.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 8 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/transformacziya-predprinimatelskih-namerenij-molodezhi-v-biznes-deyatelnost/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.6
УДК 338.1
DOI: 10.54861/27131211_2025_8_62

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ НАМЕРЕНИЙ МОЛОДЕЖИ В БИЗНЕС-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

*Абдрахманова А.А., доцент, Севастопольский государственный
университет, г. Севастополь, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5915-1987>*

Аннотация. Целью статьи является исследование механизмов трансформации предпринимательских намерений молодежи в реальную предпринимательскую деятельность. Предпринимательство является эффективным инструментом повышения устойчивости национальной экономики, который позволяет создавать дополнительные рабочие места, обеспечивать рост ВВП, способствовать повышению качества выпускаемой продукции и предоставляемых услуг. Важность данного вида деятельности подтверждается реализацией широкого комплекса мер поддержки, реализуемых государством. Перспективы развития малого и среднего предпринимательства в значительной мере определяются степенью вовлеченности молодежи в данный вид деятельности. Согласно приведенных результатов исследований, процесс формирования предпринимательских компетенций у молодежи представляет собой многоступенчатую деятельность, которая может охватывать разные этапы формирования личности. Исследование существующих моделей освоения предпринимательских компетенций показало то, что одним из ключевых факторов успешности предпринимательского образования является возможность установления фокуса на создании инновационного продукта, имеющего ценность для внешнего мира. Предлагаемый автором подход позволяет получать адекватную обратную связь от заинтересованных сторон и запускать глубинные процессы обучения, которые в дальнейшем могут приводить к созданию устойчивых предприятий. В статье выполнен анализ предпринимательской среды в РФ, описаны особенности восприятия условий для реализации предпринимательской деятельности, выявлены инструменты развития предпринимательских компетенций у молодежи, способствующие трансформации предпринимательских намерений в реальный бизнес.

Ключевые слова: предпринимательство, образование, компетенция, обучение, развитие, проактивность, создание ценности.

TRANSFORMATION OF YOUTH ENTREPRENEURIAL INTENTIONS INTO BUSINESS ACTIVITIES

*Abdrakhmanova A.A., Associate Professor, Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5915-1987>

Abstract. The aim of the article is to study the mechanisms of transformation of entrepreneurial intentions of young people into real entrepreneurial activity. Entrepreneurship is an effective tool for improving the sustainability of the national economy, which allows to create additional jobs, ensure GDP growth, and contribute to improving the quality of products and services. The importance of this type of activity is confirmed by a wide range of support measures implemented by the state. The prospects for the development of small and medium-sized enterprises are largely determined by the degree of involvement of young people in this type of activity. According to the above research results, the process of formation of entrepreneurial competences in young people is a multi-stage activity that can cover different stages of personality formation. The study of existing models of entrepreneurial competences development has shown that one of the key factors of entrepreneurial education success is the ability to establish a focus on the creation of an innovative product of value to the outside world. This approach allows to get adequate feedback from stakeholders and to trigger deep learning processes that can lead to the creation of sustainable enterprises. The article analyses the entrepreneurial environment in the Russian Federation, describes the peculiarities of the perception of conditions for the implementation of entrepreneurial activity, and identifies the tools for the development of entrepreneurial competencies among young people that facilitate the transformation of entrepreneurial intentions into real business.

Keywords: entrepreneurship, education, competence, training, development, proactivity, value creation.

JEL classification: J24, L26, M13.

Для цитирования: Абдрахманова А.А. Трансформация предпринимательских намерений молодежи в бизнес-деятельность // Прогрессивная экономика. 2025. № 8. С. 62–73. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_62.

Статья поступила в редакцию: 06.08.2025 г. Одобрена после рецензирования: 13.08.2025 г. Принята к публикации: 14.08.2025 г.

For citation: Abdrakhmanova A.A. (2025). Transformation of Youth Entrepreneurial Intentions into Business Activities. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 8, 62–73, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_62 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 06/08/2025. Approved after review: 13/08/2025. Accepted for publication: 14/08/2025.

Введение

Развитие предпринимательства сопровождается усилением конкурентной среды, подталкивает компании к поиску наиболее эффективных бизнес-моделей. Данные процессы оказывают позитивное влияние на производительность труда, динамику ВВП, развитие технологий, обеспечивают более высокую устойчивость в условиях турбулентности внешней среды (санкции, нарушение цепочек поставок и другие факторы). В период с 2021 по 2023 год доля малого и среднего предпринимательства (МСП) в ВВП РФ составила 20,8%, 20,6% и 21% соответственно [1]. В то время как, согласно данным Всемирного банка и ООН, к МСП относится большинство предприятий во всем мире (около 90%). МСП вносит значительный вклад в создание рабочих мест (более 70% занятости населения) и глобальное экономическое развитие (за счет МСП обеспечивается свыше 50% ВВП во всем мире). МСП остается ядром экономики для большинства обществ. Такие данные свидетельствуют о том, что развитие сферы предпринимательства в РФ имеет значительный потенциал и может выступить драйвером для укрепления национальной экономики. Продвижение сектора МСП является одним из приоритетных направлений развития экономики РФ, что подкрепляется соответствующими инициативами, закрепленными в национальных проектах «Малое и среднее предпринимательство» (2019-2024), а также «Эффективная и конкурентная экономика» (2025-2030).

Одним из целевых показателей национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика» является реальный прирост дохода на одного работника субъекта малого и среднего предпринимательства – 128,1 %. То есть в текущем национальном проекте происходит смещение фокуса с количественных на качественные показатели. В частности, показатели, отражающие качественное развитие сектора МСП. Данные изменения направлены на запуск структурных изменений с целью формирования экономики предложения. Такая политика является ответом на предстоящие вызовы, касающиеся перспектив развития рынка труда (дефицит трудовых ресурсов), а также необходимости обеспечения потенциала для развития приоритетных секторов экономики. Драйвером развития сектора МСП является вовлечение молодежи в данную сферу деятельности. Таким образом, целью статьи является исследование успешных практик вовлечения молодежи РФ в предпринимательскую среду и поиск эффективных механизмов трансформации предпринимательских намерений в реальный бизнес.

Обзор литературы

Существуют разные подходы и модели формирования предпринимательских компетенций. В 2018 году Советом Европейского союза предложены рекомендации о ключевых компетенциях для непрерывного обучения [2]. Данные рекомендации основаны на модели European Reference Framework (модель ключевых компетенций для непрерывного обучения). Первая версия рекомендаций по ключевым компетенциям для непрерывного обучения предложена в 2006 году. В рекомендациях от 2018 года определены

восемь ключевых компетенций: компетенции грамотности; многоязычная компетенция; компетенции в области математики, технологий и техники; цифровая компетенция; личностные, социальные и обучающие компетенции; гражданская компетентность; предпринимательская компетентность; культурная осведомленность и компетентность в выражении своих взглядов. Предпринимательская компетентность подразумевает способность использовать возможности и идеи, превращая их в ценности для других. Она основана на креативности, критическом мышлении и решении проблем, инициативе и настойчивости, а также способности работать в команде для планирования и управления проектами, имеющими культурную, социальную или финансовую ценность. Данная компетентность позволяет развивать проактивный подход к решению широкого спектра вопросов как повседневного характера, так и задач из профессиональной сферы.

В 2016 году Европейской комиссией была предложена модель EntreComp [3]. Основная цель – создание модели компетенций, позволяющей гражданам максимально эффективно раскрывать свой потенциал во всех сферах жизни. В модели компетенций EntreComp все компетенции сгруппированы по областям: «Идеи и возможности» (креативность, видение, умение распознавать ценные идеи, этическое и устойчивое мышление), «Ресурсы» (мотивация и упорство, финансовая грамотность, самооффективность, мобилизация ресурсов) и «В действии» (инициативность, планирование и менеджмент, командная работа, обучение через опыт, работа в условиях неопределённости). Всего выделено 15 компетенций с 8 уровнями мастерства. В модели более подробно описываются первые 3 уровня (базовый, средний, продвинутый).

Модель предпринимательского образования Laskeus предполагает реализацию подхода, основанного на последовательном освоении предпринимательских компетенций с переходом от более широкого понимания предпринимательства как деятельности, направленной на решение социальных проблем, до более узкого понимания предпринимательства. В результате применения данного подхода происходит последовательная трансформация индивида путём развития предпринимательских компетенций. Цель – способствовать раскрытию потенциала предприимчивости людей, создающих новые виды ценностных результатов в различных сферах деятельности. Реализация подхода рассматривается в контексте образовательного процесса. К моменту окончания образования обучающиеся могут иметь цель – создание устойчивого предприятия. Такие предприятия фактически становятся реальным бизнесом, создающим рабочие места и выступающим основанием для экономического роста. Обучение происходит через повторяющиеся взаимодействия со внешним миром. Эти активности направлены на создание ценности, имеющей инновационную составляющую. Модель предпринимательского образования выглядит как процесс освоения предпринимательских компетенций путем выполнения учебных заданий в условиях внешней среды, предполагающих возникновение

ситуаций и событий, вызывающих эмоциональный отклик у обучающихся [4]. Согласно модели Laskéus задания обучающихся направлены на создание ценности (предпочтительно инновационной) для внешних заинтересованных лиц. При этом ценность основана на выявленных студентами в ходе итерационного процесса проблем и возможностей. Студенты несут полную ответственность за данный процесс. Такая деятельность предполагает многократные взаимодействия с внешним миром. Эти взаимодействия зачастую сопряжены с неопределённостью, неоднозначностью и другими чувствами. Такая деятельность побуждает глубинное обучение [5].

В работе [6] рассматривается использование проектного подхода в обучении как инструмента освоения трансверсальных компетенций, связанных с предпринимательством. В исследовании подход реализуется среди студентов первого года обучения путем разработки проекта, направленного на выявление потребностей внешнего мира, разработки комплекса мер по их удовлетворению и их реализации с последующей презентацией полученных результатов.

Анализ российского и международного опыта в сфере обучения предпринимательству показывает наличие определенного разрыва между образовательными потребностями и содержанием образовательных программ в сфере предпринимательства. Согласно результатам исследования Сорокина П.С., Черненко С.Е., Вятской Ю.А. [7], навыки, приобретенные в результате предпринимательского образования, относятся преимущественно к части специфических навыков. В то время как имеется явный запрос на получение общих навыков. Образовательные результаты отличаются в зависимости от выбранной программы в формальном и неформальном секторе. Особый интерес представляет проработка блоков навыков, которые бы сформировали обязательную базу всех инициатив по обучению предпринимательству. Данная информация смогла бы выступить фундаментом для формирования понимания «общего предпринимательского человеческого капитала».

В рамках Международного научного конгресса «Роль бизнеса в трансформации общества – 2023» состоялся круглый стол «Предпринимательское образование как предмет научного исследования» [8]. В процессе дискуссии было отмечено следующее:

- при построении системы обучения предпринимательству важно учитывать специфику (национальную, культурную, региональную);
- важность фокусировки на вовлечении студентов в практическую предпринимательскую деятельность, но с поддержкой соответствующих специальных структур и специалистов. Среди которых особого внимания заслуживает роль наставника в обучении предпринимательству, а также работа стартап-студий как особой структуры, выполняющей поддерживающую роль, имеющую особое значение особенно на ранних этапах функционирования стартапов;
- среди важных эффектов предпринимательского образования стоит отметить не только создание новых продуктов, компаний, получение дохода,

но и само развитие человеческого капитала, реализацию инициатив, направленных на решение проблем локальных сообществ, а также создание эффективных команд;

– акцентирование внимания на развитии социального капитала в процессе обучения предпринимательству. Например, привлечение к обучению студентов действующих предпринимателей способствует повышению вероятности открытия студентами юридического лица, что является индикатором выбора профессионального пути [8].

Анализ научных источников показал, что вопросам поиска эффективных моделей освоения предпринимательских компетенций уделяется значительное внимание. При этом предпринимательские компетенции рассматриваются в разных аспектах: как одна из ключевых составляющих непрерывного обучения, позволяющая обеспечивать разностороннее развитие индивиду и раскрывать собственный потенциал, а также как фундамент будущей профессиональной деятельности [9].

Материалы и методы

Методологическую основу работы составляют методика и результаты оценки, полученные в рамках одного из наиболее масштабных проектов в сфере исследования предпринимательства GEM (Global Entrepreneurship Monitor), Глобальный мониторинг предпринимательства. GEM существует с 1999 года и объединяет исследователей из более 120 стран [10]. С 2006 года проводится мониторинг предпринимательства в России. В данном проекте предпринимательская деятельность рассматривается несколько шире, чем информация, представленная в официальных статических сборниках. Объектом исследования выступают не только официально оформленные субъекты предпринимательской деятельности, но и лица, имеющие возможности и намерения для старта предпринимательской деятельности. Реализация проекта GEM направлена на повышение осведомленности властей в сфере предпринимательства, результаты исследования могут выступать в качестве информационной базы при принятии решений относительно разработки релевантных мер поддержки, направленных на развитие сектора МСП.

Результаты и обсуждение

Предпринимательская среда развивается под действием как внешних, так и внутренних факторов. С одной стороны, предпринимательская инициатива исходит от индивида (определяется его стремлениями, личными качествами, окружением). С другой стороны, вероятность того, что намерения воплотятся в реальную предпринимательскую деятельность, в значительной мере, зависит от условий ведения бизнеса. Ведение предпринимательской деятельности сопряжено с принятием риска и готовностью нести ответственность. Официальная статистика свидетельствует о негативной тенденции, связанной со смертностью бизнеса. Динамика показателей открытия и закрытия МСП в РФ в период с 2015 по 2024 годы приведена на рисунке 1.

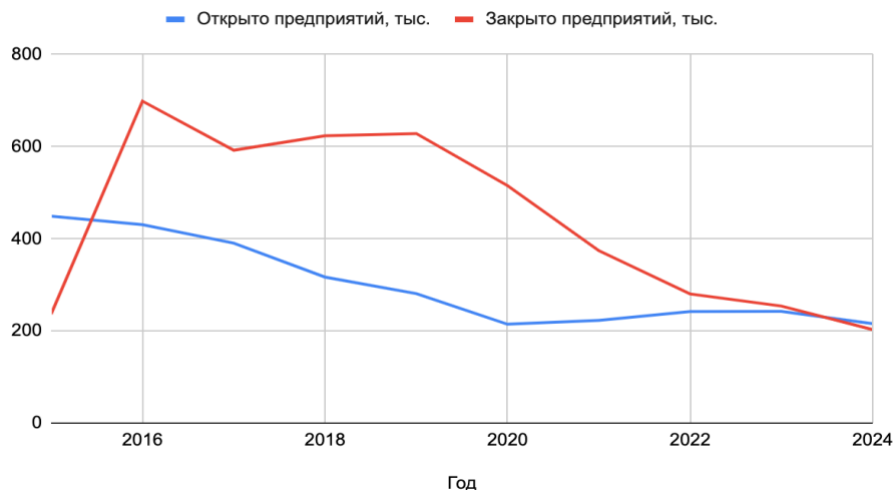

Рис. 1. Динамика открытия и закрытия бизнеса в РФ

Источник: составлено автором по данным [1]

Представленные результаты свидетельствуют о наличии устойчивой тенденции к сокращению количества открываемых предприятий. Это может быть связано с усложнением условий ведения бизнеса. Период спада наблюдается, начиная с пандемии COVID-19 и продолжается в 2024 году. Анализ динамики показателя закрытия предприятий свидетельствует о высоком уровне смертности бизнеса в РФ. Однако, важно отметить тот факт, что значительная часть предприятий была исключена по решению ФНС в рамках работы по выявлению компаний с признаками фиктивного бизнеса.

Развитие предпринимательской сферы напрямую связано с уровнем инвестиционной активности предприятий МСП. Исследование факторов, ограничивающих инвестиционную деятельность малых предприятий, показало следующее распределение (рисунок 2).

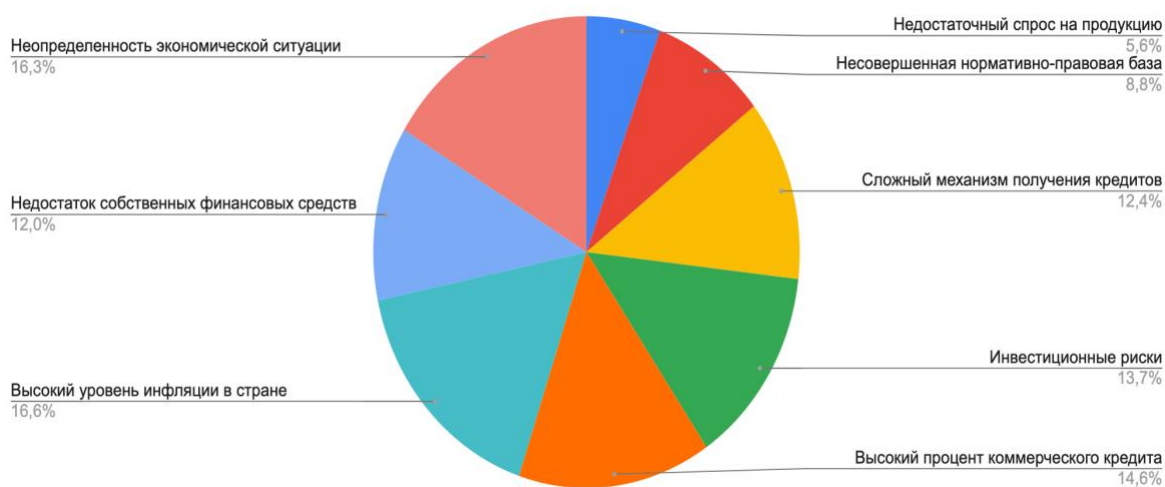

Рис. 2. Факторы, ограничивающие инвестиционную деятельность МСП

Источник: составлено автором по данным [1]

Данные свидетельствуют о том, что дальнейшее развитие субъектов МСП в РФ связано с возможностью преодоления барьеров, в первую очередь, экономического и финансового характера. Поддержка начинающих предпринимателей создаст более безопасные условия для запуска бизнеса и окажет позитивное влияние на его выживаемость. Следует отметить наличие значительной поддержки МСП со стороны государства. Информация о мерах поддержки представлена в таблице 2.

Таблица 2

Информация о мерах поддержки субъектов МСП

Наименование формы поддержки	Количество получателей поддержки (субъектов МСП)	Объем полученной субъектами МСП поддержки	
Финансовая поддержка	2 157 774	Рубли	2 976 478 763 931
Информационная поддержка	244 138	Единицы	124 443
Образовательная поддержка	558 345	Часы	12 570 117
Консультационная поддержка	1 890 031	Часы	52 468 893
Имущественная поддержка	27 221	Рубли	15 531 153 765
Инновационная поддержка	6 551	Рубли	1 076 085 265

Источник: составлено автором по данным [11]

Мониторинг состояния предпринимательской экосистемы является важной задачей и может использоваться в качестве инструмента получения информации о состоянии общества. Данная информация необходима для принятия обоснованных решений в части разработки мер по поддержке предпринимательских инициатив и дальнейшей оценки эффективности их реализации.

Структура необходимых знаний, навыков и компетенций меняется в зависимости от этапа развития предпринимательских компетенций и определяется типом предпринимательской активности. В методологии исследования GEM выделяются разные типы предпринимательской активности: ранняя предпринимательская активность (TEA), устоявшееся предпринимательство (EVO), внутрифирменное предпринимательство (EEA). Следует отметить то, что ранняя предпринимательская активность - ключевой индикатор предпринимательской активности. Уровень данной активности свидетельствует о состоянии предпринимательской экосистемы страны и может выступать в качестве опережающего индикатора.

Вероятность трансформации предпринимательских намерений в действующий бизнес в значительной мере зависит от уровня владения

специфическими навыками и знаниями, необходимыми для создания и ведения бизнеса [12]. Согласно результатам исследований, проведённых в рамках проекта GEM, в России данный показатель соответствует нижним границам, начиная с 2006 года. Респонденты из РФ оценивали уровень владения знаниями и навыками для ведения бизнеса как недостаточный.

При анализе коэффициента корреляции Пирсона между показателями «Страх провала» и «Благоприятные условия» была выявлена средняя теснота взаимосвязи (0,64). Расчет выполнен на основании данных, полученных из отчета «Мониторинг предпринимательской активности. Россия 2023/2024» [13]. Исследование взаимосвязи между показателями «Знания и опыт» и «Страх провала» выявило наличие средней тесноты взаимосвязи (значение коэффициента корреляции Пирсона составило 0,51). Расчет коэффициента корреляции Пирсона между показателями «Благоприятные условия» и «Знания и опыт» составил 0,85, что соответствует высокой тесноте взаимосвязи. Полученные результаты можно интерпретировать следующим образом: знания и опыт в сфере предпринимательства помогают индивиду увидеть больше возможностей для реализации предпринимательской деятельности и оценить имеющиеся условия как благоприятные. Восприятие условий для ведения предпринимательской деятельности как благоприятных приводит к снижению уровня страха провала и способствует стимулированию вовлечения в предпринимательство. Таким образом повышается вероятность перехода от предпринимательских намерений к запуску реального бизнеса.

При более детальном анализе восприятия благоприятности условий для запуска бизнеса наибольший оптимизм наблюдается среди респондентов в возрасте от 18 до 35 лет. Что можно рассматривать как один из аргументов в пользу поддержки молодёжного предпринимательства. Ввиду более благоприятного восприятия, молодёжь способна более активно вовлекаться в разработку и реализацию предпринимательских проектов. Дополнительным стимулом здесь выступает тот факт, что данная группа воспринимает предпринимательскую карьеру как наиболее перспективную (с возрастом этот показатель имеет тенденцию к снижению).

Что касается мер поддержки и формирования положительного образа предпринимателя в СМИ, соцсетях и других источниках, то данные мероприятия оказывают позитивное влияние на формирование предпринимательских намерений. Несмотря на то, что предпринимательские намерения могут в итоге не трансформироваться в реальную деятельность, они являются важным аспектом предпринимательской деятельности. Также следует отметить и то, что уровень предпринимательских намерений у молодежи (18-35 лет) значительно выше, чем у людей более старшего возраста. Уровень предпринимательских намерений молодежи (18-35 лет) в 2023г. в РФ незначительно уступал аналогичному показателю среди действующих предпринимателей. Что касается среднего возраста раннего российского предпринимателя, то наибольшая активность отмечена в возрастной группе от 25 до 34 лет. В контексте развития молодёжного

предпринимательства это может быть связано с реализацией инициатив в сфере разного рода поддержки молодежи на более ранних этапах (гранатовые конкурсы, акселераторы, программы подготовки и прочие инициативы), что в дальнейшем приводит к созданию собственного бизнеса. Также раннее предпринимательство в данной возрастной группе может быть обусловлено определённой свободой таких людей (отсутствием острой необходимости в обеспечении семьи, получении стабильного дохода, более легким отношением к рискам провала бизнеса).

Исследование связи предпринимательской активности и уровня образования свидетельствует о том, что в России высока доля респондентов с высшим образованием, проявляющих высокий уровень интереса к сфере предпринимательства. Доля ранних и устоявшихся предпринимателей в РФ в 2023 году была выше среди людей с высшим образованием по отношению к людям со средним общим и средним специальным образованием [13]. Такая тенденция подтверждает целесообразность ведения активной работы по развитию предпринимательских экосистем в российских вузах.

В настоящее время реализуется ряд проектов, направленных на вовлечение талантливой молодежи в сферу предпринимательства. В наиболее значимым из них стоит отнести: инициативы федерального проекта «Платформа университетского технологического предпринимательства», программа «Стартап как диплом», всероссийский конкурс «Стартап как диплом», программа молодёжного предпринимательства «Росмолодёжь.Предпринимай», программа поддержки проектов «Росмолодёжь.Гранты», всероссийская программа развития молодёжного предпринимательства «Я в деле», международный инженерный чемпионат CASE-IN и другие проекты.

Следует отметить наличие растущего интереса со стороны молодежи к предпринимательской деятельности [14], что подтверждается количеством университетов-участников программы «Стартап как диплом», а также количеством студентов, защитивших ВКР в формате «Стартап как диплом» (рисунок 3).

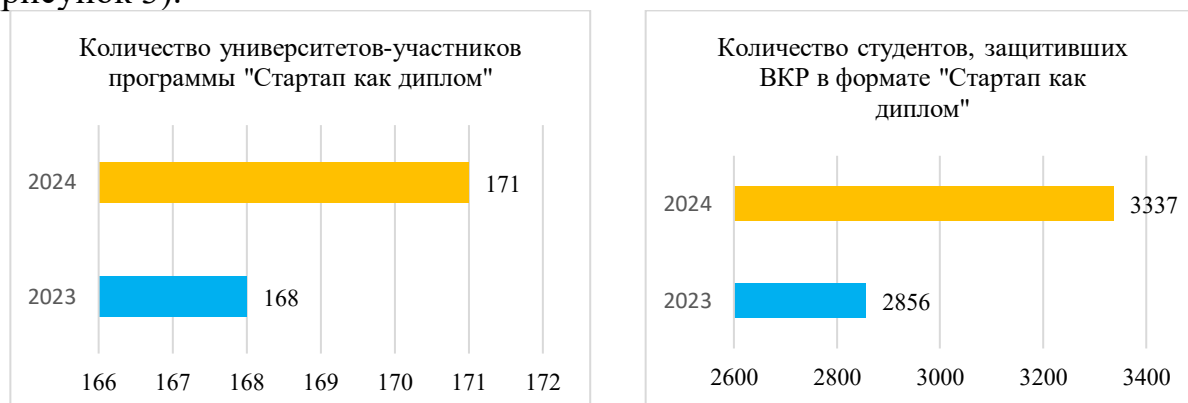

Рис. 3. Результаты реализации программы «Стартап как диплом» за 2023 и 2024 годы

Источник: составлено автором по данным [15]

Представленные данные свидетельствуют о наличии высокого интереса со стороны студенческого сообщества к реализации предпринимательской траектории развития. При этом важным представляется направление, связанное с поиском механизмов поддержки эффективной трансформации предпринимательских намерений молодежи в реальную бизнес-деятельность.

Заключение

В процессе исследования автором была выявлена важность разработки релевантных инициатив в части формального и неформального образования в сфере предпринимательства, поскольку именно знания и опыт способствуют формированию более комплексного восприятия возможностей для реализации собственных инициатив. Ввиду высокого интереса со стороны молодежи к предпринимательской траектории развития как возможного профессионального выбора, важным представляется исследование практик трансформации предпринимательских намерений в реальную бизнес-деятельность. Поскольку предпринимательские намерения молодежи выступают в качестве опережающего индикатора развития МСП в России, то дальнейшее развитие механизмов трансформации данных намерений имеет значительный потенциал с точки зрения развития национальной экономики.

Перспектива дальнейших исследований заключается в проведении анализа кейсов трансформации предпринимательских намерений в создание реального бизнеса с целью глубинного понимания барьеров, а также факторов успеха, способствующих более эффективному переходу из одного состояния в другое.

Литература

1. Малое и среднее предпринимательство в России. 2024 // Стат.сб. М.: Росстат. 2024. 97 с.
2. Рекомендация Совета Европейского союза от 22 мая 2018 г. о ключевых компетенциях для непрерывного обучения (2018/C 189/01). URL: https://www.eumonitor.eu/9353000/1/j4nkv6yhcbpeywk_j9vvik7m1c3gyxp/vkoy5emzgazo#.
3. Bacigalupo M. The European Entrepreneurship Competence Framework (EntreComp). A conceptual model built and tested by the European Commission's joint research centre // Journal of Creative Industries and Cultural Studies: JOCIS. 2019. № 4. P. 38–53.
4. Lackéus M., Williams Middleton K. Venture creation programs: bridging entrepreneurship education and technology transfer // Education+ training. 2015. Vol. 57. № 1. P. 48–73.
5. Lackéus M. Entrepreneurship in education: What, why, when, how. Background paper for OECD. URL https://www.oecd.org/en/publications/entrepreneurship-in-education_cccac96a-en.html.

6. Crespi P., Queiruga-Dios M., Queiruga-Dios A. The challenge of developing entrepreneurial competence in the university using the project-oriented learning methodology // *Frontiers in psychology*. 2022. Vol. 13. P. 966064.
7. Сорокин П.С., Черненко С.Е., Вятская Ю.А. Навыки как результат обучения предпринимательству в России: спрос и предложение // *Образование и саморазвитие*. 2024. Т. 19. №. 1. С. 159–174.
8. Никольский В.С. и др. Предпринимательское образование как предмет научного исследования // *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32. № 6. С. 38–53.
9. Komarkova I. et al. Entrepreneurship competence: An Overview of Existing concepts, Policies and initiatives-in-depth case studies report. URL <https://www.simulimpresa.com/wp-content/uploads/2020/10/jrc96180.pdf>.
10. Отчет «Мониторинг предпринимательской активности. Россия 2023/2024». URL: https://disk.yandex.ru/i/LwkKg14tmuC_pw.
11. Статистика оказания поддержки субъектам МСП, URL: <https://rmsp-pp.nalog.ru/statistics-report.html>.
12. Mitchelmore S., Rowley J. Entrepreneurial competencies: a literature review and development agenda // *International journal of entrepreneurial Behavior & Research*. 2010. Vol.16 (2). P. 92–111.
13. Мониторинг предпринимательской активности (Россия 2023/2024). URL: https://gsom.spbu.ru/research/research_statistics/gem/.
14. Национальный отчет GUESSS (Глобальное исследование предпринимательского духа студентов в России в 2023г.). URL: <https://fmc.hse.ru/mirror/pubs/share/1018018427.pdf>.
15. Программа «Стартап как диплом». URL: https://rmpvo.ru/projects/startup_like_diploma/.

Международный научно-исследовательский журнал

«Прогрессивная экономика»

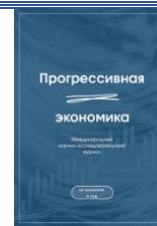
№ 8 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/smena-paradigmy-soczialno-ekonomicheskogo-razvitiya-severnih-gorodov-rossii/

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3

УДК 332.1

DOI: 10.54861/27131211_2025_8_74

СМЕНА ПАРАДИГМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

*Ануфриева А.А., кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и управления человеческими ресурсами, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6032-2621>*

*Девятова Н.С., кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления и управления человеческими ресурсами, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1073-8795>*

Аннотация. Целью статьи является обоснование необходимости актуализации парадигмы социально-экономического развития и пространственной организации северных городов России. На примере Бодайбинского района Иркутской области показана несостоятельность реактивного подхода к социально-экономическому развитию городских поселений, основанного на следовании советской традиции создания «северных городов». При том, что северные районы страны в экономическом плане и в советский период, и в настоящее время были и остаются сырьевыми сегментами российской экономики, смена основных экономических акторов на территории северных городов и мотивов их хозяйственной деятельности, развитие технологий, глобализация рынков сбыта добываемых северными городами ресурсов, демографические сдвиги, интенсивная цифровизация и автоматизация не только экономических, но социальных процессов, а также социальные изменения в российском обществе безусловным образом подрывают эффективность использования старых форм и методов социально-экономического развития и пространственной организации северных городов. Поиск парадигмы «нового северного города» должен стать закономерной реакцией научного сообщества и органов публичной власти на произошедшие институциональные изменения и первым шагом к разработке методологической базы планирования социально-экономического и пространственного развития таких городов.

Ключевые слова: северные города, социально-экономическое развитие, социально-экономическое развитие, планирование, Бодайбинский район.

CHANGING THE PARADIGM OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT IN RUSSIA'S NORTHERN CITIES

Anufrieva A.A., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration and Human Resource Management, Baikal State University, Irkutsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6032-2621>

Devyatova N.S., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration and Human Resource Management, Baikal State University, Irkutsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1073-8795>

Abstract. The purpose of the article is to substantiate the need to update the paradigm of socio-economic development and spatial organization of northern cities. The example of the Bodaibo district of the Irkutsk region shows the inconsistency of the reactive approach to the socio-economic development of urban settlements on its territory, based on following the Soviet tradition of creating "northern cities". Despite the fact that the northern regions of the country in economic terms both in the Soviet period and at present were and remain raw material segments of the Russian economy, the change of the main economic actors in the territory of northern cities and the motives of their economic activity, the change in the technological structure of production, including in the resource extraction industries, the globalization of markets for the resources extracted by northern cities, demographic shifts, intensive digitalization and automation of not only economic but also social processes, as well as social changes in Russian society undoubtedly undermine the effectiveness of using old forms and methods of socio-economic development and spatial organization of northern cities. The search for a paradigm of a "new northern city" should become a natural reaction of the scientific community and public authorities to the institutional changes that have taken place and the first step towards developing a methodological basis for planning the socio-economic and spatial development of such cities.

Keywords: northern cities, socio-economic development, socio-economic development, planning, Bodaibo district.

JEL classification: O18, R11, R58.

Для цитирования: Ануфриева А.А., Девятова Н.С. Смена парадигмы социально-экономического развития северных городов России // Прогрессивная экономика. 2025. № 8. С. 74–91. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_74.

Статья поступила в редакцию: 10.08.2025 г. Одобрена после рецензирования: 18.08.2025 г. Принята к публикации: 19.08.2025 г.

For citation: Anufrieva A.A., Devyatova N.S. (2025). Changing the paradigm of socio-economic development in Russia's northern cities. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 8, 74–91, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_74 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 10/08/2025. Approved after review: 18/08/2025. Accepted for publication: 19/08/2025.

Введение

Планирование социально-экономического развития города – это систематический процесс определения перспектив развития города, установления стратегических приоритетов и целевых ориентиров развития с разработкой конкретных мер их достижения, с учетом местных ресурсов и потребностей местных сообществ, осуществляемый на относительно регулярной основе. Главным целевым ориентиром социально-экономического развития любого города в самом общем смысле является повышение уровня и качества жизни его населения, и вот здесь заведомо более слабая конкурентная позиция у северных городов.

Российский Север долгие годы был привлекательным и в материальном плане, и по условиям работы, местом жительства для всех жителей Советского Союза. Переход от командной экономики к рыночной в 90-х гг. XX в. разрушил сложившуюся систему ведения хозяйственной деятельности в северных городах России, а новая система складывалась стихийно, можно сказать «на ощупь» без сформированной государством позиции о месте, значении и роли северных городов в экономике России. Как результат – отток населения с северных территорий, спад экономической деятельности и даже закрытие населенных пунктов.

Большинству северных городов свойственна удаленность от основных центров расселения, что свою очередь, ведет к высоким транспортным издержкам, а это делает экономическую деятельность как по ресурсодобыче, так и в градообслуживающей сфере более затратной. Что еще более усугубляется узким рынком сбыта. Северные города, зачастую небольшие по своей численности населения, существуют в изоляции и имеют рынки внутреннего потребления с ограниченной емкостью.

В настоящее время и на будущий стратегический период потенциал экономического развития северных территорий обеспечен прежде всего ресурсодобывающими предприятиями. Градообразующие предприятия северных городов продолжают быть основным работодателем в территории, вносят свой вклад в городской бюджет, помогают функционировать социальной сфере. Однако, сложные климатические условия северных городов, их удаленность, ограниченная емкость внутренних рынков увеличивают удельные затраты по созданию и содержанию инженерной и социальной инфраструктуры территории. В рамках советской экономики эти затраты ложились на государство, но и основным эксплуататором месторождений тоже было государство. Денежные притоки от работы экономики северного города и денежные оттоки по содержанию и развитию северного города были сконцентрированы в одних руках. Сейчас частные ресурсодобывающие компании, если и готовы участвовать в развитии

северных городов, то только строго в рамках своих стратегических целей развития бизнеса и точно не в ущерб рентабельности производства.

Сегодня дискуссия о векторе социально-экономического развития северных территорий и городов ведется в рамках двух противоположных подходов. Первый рассматривает северные территории, прежде всего, как источник добычи природного ресурса. Такой подход предполагает главенство вахтового метода организации работы по добыче ресурса, а критерием эффективности становится маржинальность ресурсодобычи.

Второй подход сохраняет важность природных ресурсов как источника экономического освоения и развития территории, но предполагает и необходимость оседлого метода освоения, а значит создания новой качественной среды проживания, способной удерживать население на территории и аккумулировать необходимые трудовые ресурсы.

Целью настоящей статьи является обоснование необходимости актуализации парадигмы социально-экономического развития и пространственной организации северных городов России на примере Бодайбинского района Иркутской области.

Обзор литературы

Анализ современных исследований позволяет сделать вывод, что мнения представителей различных школ, федеральных корпораций и органов власти, региональных и местных властей, местных сообществ и предпринимателей не консолидированы системным представлением о новой природе функционирования и развития северных территорий и городов. Замятина Н.Ю. в своей работе [1] приходит к аналогичному выводу: «Вызов разработки новой российской теории освоения ресурсов и пространств Севера и Арктики неоднократно возникал в последние десятилетия. Однако всегда находились объективные обстоятельства, которые откладывали это императивное требование для будущего... после 30 лет непрерывного реформирования российской экономики, становится очевидной потребность в целостном взгляде на новый процесс освоения и его законы, драйверы, уровни и институты».

Актуализация подходов к решению государственной задачи освоения и удержания северных территорий России в современных рыночных условиях деятельности ведется исследователями в нескольких направлениях. Изучению демографических проблем северных территорий посвящены работы [2; 3; 4; 5]. Справедливо отмечается, что для того, чтобы природно-экономический потенциал северных территорий мог быть вовлечен в хозяйственный оборот, регионы должны иметь достаточный демографический и трудовой потенциалы. Практика последних десятилетий показывает, что северные города теряют накопленные здесь ресурсы труда.

В последние годы отмечается смещение стратегических приоритетов пространственного развития с северной на арктическую проблематику в нормативно-правовых актах как федерального, так и регионального уровня. Во многом этому способствовало принятие в 2020 г. ключевого документа,

определяющего долгосрочные планы в регионе – Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. Проведенное исследование [2] доказало более высокую демографическую устойчивость полностью арктических регионов, что во многом протекционизмом их опережающего развития.

Единая концепция и механизм пространственного развития территорий Севера России в настоящее время отсутствуют. Отдельные их элементы прослеживаются в стратегических документах федерального уровня (Стратегия пространственного развития РФ до 2025 г., Транспортная стратегия РФ на период до 2030 г. и др.), схемах территориального планирования субъектов РФ (где каждый регион отражает свои приоритеты, выбирает конкретный инструментарий управления пространственным развитием), стратегиях социально-экономического развития регионов (где зачастую определяются центры роста).

Неблагоприятная демографическая ситуация в северных территориях требует поиска новых оптимальных моделей, технологий их пространственного освоения. Анализу проблемы выбора между вахтовым методом организации производства на территории или созданием / сохранением поселений с постоянным населением посвящена работа [6].

«Во времена СССР хозяйственное освоение Севера носило широкомасштабный характер и было комплексным, включая перемещение в северные районы больших масс постоянного населения (так называемая оседлая технология освоения). Оседлая технология предполагает постоянное проживание, что определяет ряд экономических, социальных, медицинских проблем. К тому же необходимость создания социально-культурной и бытовой инфраструктуры требует значительных как единовременных, так и текущих расходов, сопоставимых с затратами на формирование производственной инфраструктуры. В этой связи возникает вопрос о целесообразности оседлой (традиционной) формы освоения арктических территорий» [6].

«Длительная промышленная эксплуатация природных ресурсов (минерально-сырьевых, топливно-энергетических, лесных) превращает развитие сырьевых территорий в сложный социально-экономический процесс. Так, по мере строительства городов и поселков оно сопровождалось урбанизированным заселением территорий, при этом для вторых и последующих поколений последние стали родиной» [7].

Поэтому общий переход на вахтовый способ ресурсодобычи в северных городах даже в долгосрочной перспективе выглядит нереальным, но для построенных еще советское время северных городов объективной необходимостью становится поиск новой оптимальной модели функционирования.

Важно отметить, что уровень урбанизации северных территорий является достаточно высоким. Хотя в последние десятилетия XX в. во многих странах на фоне продолжающегося роста одних городов стал заметен

противоположный процесс – городское сжатие. Негативные демографические процессы и экономический спад зачастую идут параллельно или последовательно в разном порядке, именно долгосрочная депопуляция выделяется как наиболее важная и отчетливая черта сжимающихся городов. Многие исследователи отмечают процесс сжатия городов как естественный, но для одних городов сжатие является временным этапом, но для других оно принимает необратимый характер [8; 9; 10]. Риск необратимости процесса сжатия для в основе своей ресурсодобывающих северных городов крайне высок, особенно если вызван снижением спроса на добываемый ресурс или снижением рентабельности его добычи. Процессы сжатия северных городов рассмотрены на примере Воркуты, Архангельска. Работ, посвященных вопросам городского сжатия малых городов численностью 10-15 тыс. чел., авторы в системе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU не представлено. Таким образом, анализ научных источников показал, что до сих пор ни в управленческих, ни в научных кругах нет единства мнений по стратегии социально-экономического развития северных территорий России и формированию новой парадигмы северных городов.

Материалы и методы

Основными материалами для настоящей статьи послужили нормативные правовые акты Российской Федерации, официальные данные Федеральной службы государственной статистики, литературные источники. В качестве методов исследования использовались статистические методы сравнения, обобщения и аналитической обработки информации

Результаты и обсуждение

Объектом настоящего исследования выступают городские населенные пункты Бодайбинского района Иркутской области (официальное название муниципального образования – муниципальное образование г. Бодайбо и района). Бодайбинский район, площадью 92 тысячи квадратных километров, расположен, в северо-восточной части Иркутской области, в местности, приравненной к районам Крайнего Севера, и является самым восточным районом региона. Бодайбинский район граничит на севере и северо-востоке с Республикой Саха (Якутия), на юге и юго-востоке – с Республикой Бурятия и Забайкальским краем, на западе – с Мамско-Чуйским районом Иркутской области.

Удаленность от областного центра г. Иркутска по автомобильным дорогам оно составляет 1 600 км, воздушным транспортом – 1 095 км, от ближайшей железнодорожной станции п. Таксимо (респ. Бурятия) до г. Иркутска по железной дороге – 2 138 км.

Освоение территории началось в 1864 г. как приисковая Бодайбинская резиденция (склад грузов), обслуживающая Ленский золотопромысловый район; название по расположению в устье р. Бодайбо, правого притока Витима. Ленские прииски стали широко известны во второй половине 19 века. В песчано-галечных отложениях по долинам рек были найдены богатейшие

золотые россыпи. Первая россыпь официально зарегистрирована в 1846 г. С 1925 г. Бодайбо имеет официальный статус города.

Численность населения территории по состоянию на 01.01.2025 г. составила 12,6 тыс. чел. Согласно данным таблицы 1, наблюдается устойчивое снижение демографических показателей в Бодайбинском районе Иркутской области.

Таблица 1

Основные демографические показатели Бодайбинского района Иркутской области за 2022–2024 гг.

Показатели	Показатель численности, чел.		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Численность постоянного населения на 31 декабря, чел.	13 124	12 706	12 623
Родившихся	136	148	136
Умерших	318	249	288
Естественный прирост (+), убыль (-)	-182	-101	-152
Прибывшие (+)	315	285	507
Убывшие (-)	1 288	602	438
Миграционный прирост (снижение)	- 973	-317	+69
Увеличение (снижение) численности населения	- 1 155	- 418	- 83

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Почти 56% населения района проживает в административном центре – г. Бодайбо, а общая динамика численности города начиная с 1994 г. носит устойчиво отрицательный характер (рис. 1).

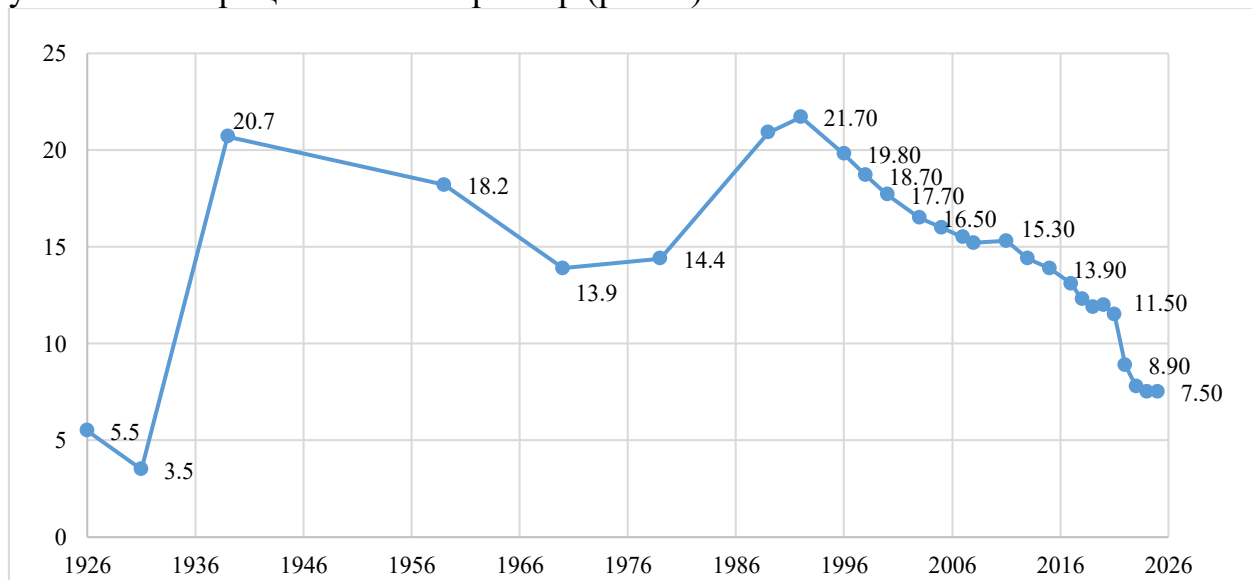

Рис. 1. Динамика численности административного центра Бодайбинского района – г. Бодайбо, тыс. чел.

Источник: составлено авторами по данным [11]

Численность населения Бодайбинского района, находящегося в трудоспособном возрасте, составляет 6 863 человека, а его доля в общей численности равна 54,4% (табл. 2).

Таблица 2

Возрастная структура населения Бодайбинского района по состоянию на 01.01.2025 г.

Возрастные группы	Чел.	Уд. вес. %
лица моложе трудоспособного возраста (0-15 лет)	3 207	25,4
лица в трудоспособном возрасте (мужчины 16-59 лет; женщины 16-54 года)	6 863	54,4
лица старше трудоспособного возраста (мужчины 60 лет и старше; женщины 55 лет и старше)	2 553	20,2
Итого	12 623	100

Источник: составлено авторами по данным [12]

Плотность населения района составляет 0,16 чел./км². На территории района все 13 населенных пунктов (табл. 3).

Таблица 3

Численность населения Бодайбинского района в разрезе населенных пунктов

Ранг н.п. по численности населения	Населенный пункт	тип	Численность населения		Тренд динамики	Удаленность от административного центра, км
			Чел.	Уд. вес, %		
1	Бодайбо	Город	7 500	55,5	↘	-
2	Мамакан	Рабочий поселок (пгт)	1 768	13,1	↗	16,5 (с использованием парома)
3	Кропоткин	Рабочий поселок (пгт)	1 036	7,7	↘	128
4	Балахнинское	Рабочий поселок (пгт)	925	6,8	↘	22,3
5	Артемовский	Рабочий поселок (пгт)	910	6,7	↘	64,7
6	Перевоз	Поселок	842	6,2	↘	270
7	Маракан	Рабочий поселок (пгт)	378	2,8	↘	136
8	Васильевский	поселок	50	0,4	↘	46
9	Апрельск	поселок	25	0,2	↘	64
10	Большой Патом	село	52	0,4	↘	более 500 (время в пути на а/м 2 д 5 ч)
11	Кяхтинский	поселок	21	0,2	↘	15,5
12	Светлый	поселок	6	0,0	↘	177 (время в пути на а/м 5 ч. 15 мин)
13	Нерпо	село	0	0,0	↘	200

Источник: составлено авторами по данным [11; 12]

Учитывая условия проживания граждан в малочисленных населенных пунктах Бодайбинского рай-она, стоит проблема необходимости закрытия поселков Васильевский (входит в состав Балахнинского городского поселения, удаленность от районного центра – 46 км, численность фактически проживающего населения – 50 чел.) и Апрельск (входит в состав Артемовского городского поселения, расстояние до районного центра - 64 км, до п. Артемовский – 6 км, численность фактически проживающего населения – 25 чел.). Дальнейшее существование и развитие поселков Васильевский и Апрельск признано неперспективным. Строительство промышленных объектов не планируется.

На территории района с целью организации муниципально-территориального устройства образовано 6 муниципальных образований, в том числе 5 городских поселений и 1 сельское поселение (табл. 4).

Таблица 4

Муниципально-территориальное устройство муниципального образования г. Бодайбо и района Иркутской области

№	Муниципальное образование	Административный центр	Кол-во н.п.	Население, чел.	Площадь, кв. км	Плотность населения чел./ кв. км*
1	Артемовское городское поселение	рабочий посёлок Артемовский	3	↘945	9 904,35	0,10
2	Балахнинское городское поселение	рабочий посёлок Балахнинский	3	↘978	1 943,77	0,50
3	Бодайбинское городское поселение	город Бодайбо	2	↘ 8 921	26 708,85	0,33
4	Кропоткинское городское поселение	рабочий посёлок Кропоткин	2	↘1 042	14 509,74	0,07
5	Мамаканское городское поселение	рабочий посёлок Мамакан	1	↗ 1 768	2 024,75	0,87
6	Жуинское сельское поселение	посёлок Перевоз	2	↘757	36 854,36	0,02

* для сравнения: средняя плотность населения РФ – 8,5 чел. на 1 кв. км, Иркутской области – 3 чел. на 1 кв. км.

Источник: составлено авторами

Окраинно-периферийное географическое местоположение района предопределило низкую транспортную освоенность территории. На территории Бодайбинского муниципального образования представлены автомобильный, водный, авиационный, за исключением железнодорожного.

Воздушный транспорт является стратегическим в обеспечении регулярного внешнего пассажирского и грузового сообщения. В

Бодайбинском муниципальном образовании функционирует аэропорт. Из г. Бодайбо осуществляются перевозки в г. Иркутск, Таксимо, Перевоз. Стоимость авиабилетов Иркутск-Бодайбо составляет от 18 до 32 тыс. р. в одну сторону. Субсидированные тарифы на перелеты из Иркутска в Бодайбо в 2025 году не доступны.

Состояние взлетно-посадочной полосы зависит от погодных условий. В период таяния снега в весенний период и затяжных дождей летом происходит размывание поверхности взлётно-посадочной полосы, что не позволяет аэропорту г. Бодайбо принимать и отправлять пассажирские и грузовые рейсы. Важность работы аэропорта обусловлена вахтовым методом работы на золотых приисках.

На территории Бодайбинского муниципального образования находится 26,62 км автомобильных дорог с асфальтобетонным покрытием и 76,76 км. автомобильных дорог с грунтовым покрытием общего пользования местного значения в границах муниципального образования. На территории района осуществляется 3 внутригородских, 2 пригородных, 2 межмуниципальных, 5 внутрирайонных (межгородских) маршрутов. Доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения – 51,3%.

Золотодобывающие предприятия, ведущие свою деятельность на территории района, организуют деятельность по строительству и содержанию автодорог и искусственных сооружений, но только тех, что имеют для них производственное значение.

В соответствии с постановлением Правительства Иркутской области автодорога Таксимо–Бодайбо, включена в Перечень автомобильных дорог общего пользования регионального или межмуниципального значения Иркутской области. Строительство автодороги ведется с 1985 г. В состав строительства дороги входит строительство мостового перехода через реку Витим, который является одним из элементов этой дороги. С 1995 г. объект находилось в стадии незавершенного строительства, в декабре 2024 г. строительство мостового перехода через р. Витим в районе угольного склада сдвинулось с мёртвой точки. Мост позволит обеспечить непрерывное круглогодичное движение автотранспорта и соединит Бодайбинский район с железнодорожной станцией Таксимо.

Бодайбинский район – промышленный: удельный вес промышленности в объёме реализации в целом по району составляет 86 %, в основном это золотодобывающие предприятия. С момента открытия золота на территории района уже более 150 лет его добыча служит основой жизнедеятельности. При этом один из старейших золотопромышленных центров России отличается от других золотодобывающих регионов страны редкой стабильностью уровня добычи драгметалла, что свидетельствует об уникальности Ленского золотоносного района.

Развитие отрасли обеспечивают на протяжении ряда лет крупные золотодобывающие компании, осуществляющие деятельность на рудных месторождениях: АО «Полюс Вернинское», АО «Высочайший», ООО «ГРК «Угахан», ООО «Друза». На россыпных месторождениях продолжают работать: АО «ЗДК «Лензолото», ЗАО «Артель старателей «Витим», ООО «Друза», ООО «Угахан», ООО «АС «Иркутская», ЗАО «ГПП «Реткон», ООО «АС «Лена», ООО «АС «Сибирь» и др.

Устойчивость социально-экономического развития таких районов зависит в первую очередь от объемов экономически доступных запасов природного сырья, рыночной конъюнктуры. 2024 г. войдет в историю российской и мировой золотодобычи как год, когда стартовал флагманский проект компании «Полюс» «Сухой Лог». Месторождение «Сухой Лог» – крупнейшее по запасам золоторудное месторождение в мире. С начала опытно-промышленной разработки бодайбинское месторождение уже дало первую тонну драгоценного металла. В настоящее время на месторождении продолжается масштабная работа по строительству горно-обогатительного комбината. Реализация проекта имеет также большой социальный эффект не только для Бодайбинского района, но и для Иркутской области, поскольку ожидается создание более 1,5 тыс. рабочих мест.

Строительство горно-обогатительного комбината «Светловский» – еще один масштабный проект, который осуществляется в Бодайбинском районе, который является одним из приоритетных в Иркутской области и имеет статус реализации инвестиционного проекта. Его значимость признана также на федеральном уровне. Запуск ГОК «Светловский» планируется в сентябре 2025 г. Предприятие будет перерабатывать до 3,5 млн. тонн руды в год и производить до 3,1 тонны золота после выхода фабрики на проектную мощность. Вышеуказанные проекты являются основой кластера «Драгоценные металлы», который предусмотрен в плане мероприятий по реализации Стратегии Сибирского федерального округа.

Объемы золотодобычи в Бодайбинском районе по отношению к предыдущему году отражены в таблице 5. Показано, что выручка от золотодобычи в общем объеме выручки от реализации продукции, работ, услуг за 2024 г. составила 67,9% (для сравнения в 2023 г. – 76,8%).

Таблица 5

Динамика объемов золотодобычи в Бодайбинском районе в 2020–2024 гг.

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Добыча золота, кг	25 125,3	24 389,73	24 531,43	21 659,68	19 362,45
% к предыдущему году	100,3	97,1	100,6	88,3	89,4

Источник: составлено авторами по данным [12]

В экономике Бодайбинского района занято 15,59 тыс. чел. с учетом иностранных трудовых мигрантов, которые составляют порядка 49,2% в общей численности трудовых ресурсов района. В разрезе отраслей сфер деятельности наибольшая доля, занятых в золотодобывающей отрасли – 60,3%.

По состоянию на 01.01.2025 г. в Бодайбинском районе уровень безработицы составил – 0,08% (областной показатель – 0,40%). Структура вакансий не изменяется последние несколько лет. Более 65% составляют квалифицированные специалисты рабочих профессий для промышленных предприятий: бульдозеристы, экскаваторщики, водители автомобилей, машинисты буровых установок, слесари-ремонтники, машинисты котельных, слесари по ремонту оборудования и пр.; для бюджетных учреждений: хореографы, учителя географии, биологии, математики, начальных классов, педагоги-организаторы, инструкторы по физической культуре, врачи-терапевты, педиатры, хирурги и др.

Среднемесячная заработная плата работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) за 2024 год в Бодайбинском районе составила 167 671,40 р., что в 1,9 раза больше показателя среднемесячной заработной платы по Иркутской области (для сравнения среднемесячная заработная плата работников организаций в сфере образования Бодайбинского района составила только 74 796,7 р., в сфере здравоохранения – 69 040 р.) [12, 13].

Уровень обеспеченности населения объектами инженерной и социальной инфраструктуры за последние десятилетия существенно не изменился. Жилищно-коммунальная сфера района в основе своей была создана еще в рамках советской экономики. Сегодня усилия органов публичной власти нацелены в основном на реконструкцию, ремонт и поддержание в рабочем состоянии уже давно существующих систем. Сдерживающими факторами и проблемами развития района являются:

- износ объектов водоснабжения (от 30 до 70%). Одним из следствий такого положения стало обострение проблемы обеспечения населения района достаточным количеством качественной питьевой воды;
- отсутствие современных очистных сооружений канализации;
- износ теплоизоляции на тепловых сетях составляет 50%, из-за чего потери тепловой энергии в процессе производства и транспортировки значительно превышают допустимый уровень.

Ввод в действие жилых помещений, приходящихся в среднем на 1 жителя района в 2024 г. составил 0,105 кв. м., что в 6 раз меньше среднего значения этого показателя по Иркутской области. В сфере образования функционируют 19 муниципальных образовательных организаций и одно областное учреждение СПО (см. табл. 6).

Таблица 6

Распределение муниципальных образовательных организаций по территории Бодайбинского района

Населенный пункт	тип	Школы	д/с	СПО	ВУЗ
Бодайбо	Город	4	4	Бодайбинский горный техникум**	-
Мамакан	Рабочий поселок (пгт)	1	1	-	-
Кропоткин	Рабочий поселок (пгт)	1	1	-	-
Балахнинское	Рабочий поселок (пгт)	1	1	-	-
Артемовский	Рабочий поселок (пгт)	1	1	-	-
Перевоз	Поселок	1	1	-	-
Маракан	Рабочий поселок (пгт)	-	-	-	-
Васильевский	поселок	-	-	-	-
Апрельск	поселок	-	-	-	-
Большой Патом	село	-	-	-	-
Кяхтинский	поселок	-	-	-	-
Светлый	поселок	-	-	-	-
Нерпо	село	-	-	-	-

** Список специальностей: Маркшейдерское дело, Открытые горные работы, Обогащение полезных ископаемых, Эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования, Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям), юриспруденция.

Источник: составлено авторами по данным [12]

Число объектов социальной инфраструктуры уменьшается. В Бодайбо с учебного года 2025/2026 закрывается школа № 4. Ее ученики переходят в образовательное учреждение № 1, а педагоги и сотрудники трудоустраиваются в городские организации. Преобразования связаны с тем, что сократилось количество учеников, пояснили в местной администрации [14]. Показательной является ситуация со школой в п. Мамакан. В 2008 г. здание старой школы серьезно пострадало от пожара, до настоящего времени условий, соответствующих требованиям организации образовательного процесса в поселке нет.

На территории Бодайбинского района медицинское обслуживание населения осуществляется ОГБУЗ «Районная больница г. Бодайбо»: в г. Бодайбо на базе районной больницы; в п. Перевоз на базе участковой больницы на 8 коек, на базе врачебной амбулатории – в п. Мамакан, п. Балахнинский, п. Кропоткин, п. Васильевский; в п. Артемовский на базе поселковой (городской) больницы на 7 коек. Медицинские учреждения, оказывающие высокотехнологичную медицинскую помощь на территории Бодайбинского района, отсутствуют.

Одной из самых острых проблем района является кадровый дефицит для сферы образования, здравоохранения, культуры.

Обеспеченность педагогическими кадрами составила 82,8% (в 2023 г. – 83,0%), по видам организаций: в общем образовании (школы) – 83,9% (в 2023г. – 85,4%), в дошкольных учреждениях – 84,8% (в 2023 г. – 84,8%), в дополнительном образовании – 68,9% (в 2023 г. – 70,2%). Укомплектованность медицинскими работниками на 01.01.2025 г. составила: врачами – 53,9%, средним медицинским персоналом – 57,8% младшим медицинским персоналом – 78,6%, прочие – 85,5%.

Администрацией района проводилась работа по созданию условий для оказания медицинской помощи населению Бодайбинского района: в соответствии с подпрограммой «Кадровое обеспечение учреждений образования, культуры, здравоохранения МО г. Бодайбо и района» муниципальной программы «Развитие территории МО г. Бодайбо и района» на 2020-2025 гг. молодым и приглашенным специалистам предоставляется денежная выплата в течение 3 лет (за каждый отработанный год) равными долями по истечении полного отработанного года:

- в медицинской организации, молодым и приглашенным специалистам: специалисту с высшим медицинским образованием, заключившему договор с медицинской организацией – 344 829 руб. (с учетом НДФЛ), специалисту со средним медицинским образованием, заключившему договор с медицинской организацией – 172 413 руб. (с учетом НДФЛ);

- специалистам учреждений образования, имеющим высшее профессиональное образование – 517 242 руб. (с НДФЛ); специалистам учреждений образования, имеющим среднее профессиональное образование – 258 621 руб. (с НДФЛ).

В рамках этой подпрограммы в 2024 г. прибыло на работу в медицинские организации 13 чел., в том числе: 8 врачей и 5 специалистов среднего медицинского персонала. Уволились из числа ранее прибывших по программе 23 чел., в том числе: 11 – врачей и 12 специалистов среднего медицинского персонала [12].

За счет средств Фонда социальной поддержки работников ОГБУЗ «Районная больница г. Бодайбо» производилась оплата расходов по найму жилья вновь прибывшим специалистам в сумме до 10 000 руб. ежемесячно, но не более фактической стоимости найма жилья, до момента приобретения жилья в собственность; выплата единовременной денежной компенсации для обустройства вновь прибывших специалистов до 100 000 руб.; материальная помощь в случае сложной жизненной ситуации; компенсационные выплаты по возмещению затрат на проезд в общественном транспорте к месту работы и обратно.

Анализ муниципальных программ муниципального образования г. Бодайбо и района, а также муниципальных образований на его территории,

позволяет сделать вывод, что предусмотренные ими мероприятия и проекты направлены на поддержание существующего уровня обеспеченности объектами социальной и инженерной инфраструктуры и оказания социально-значимых услуг, о развитии речь не идет.

Согласно Стратегии социально-экономического развития муниципального образования города Бодайбо и района на период до 2030 года (далее – Стратегия) [15] «Бодайбинский район к 2030 году должен стать привлекательным местом для жизни, отдыха и воспитания детей. Территорией социально-экономического развития Бодайбинского района в долгосрочной перспективе будет движение в сторону наращивания промышленных производств (добыча золота, энергетика, обрабатывающие производства) через создание условий для развития малого и среднего бизнеса. Создание благоприятных условий ведения бизнеса будет способствовать улучшению инвестиционной привлекательности района, как для внутренних, так и внешних инвесторов. Качественное образование, создание условий для улучшения качества медицинского обслуживания, доступные культурные блага, благоустроенное жилье, высокий уровень безопасности, улучшение благоустройства населенных пунктов района будут способствовать привлечению и удержанию в районе высококвалифицированных специалистов».

К сожалению, как показал анализ положений Стратегии, новых идей, концепций, механизмов по достижению данных стратегических приоритетов развития района, у органов местного самоуправления нет.

В Стратегии социально-экономического развития Иркутской области до 2030 г. [16] территории Бодайбинского района упоминаются в двух ключах:

- улучшение транспортной доступности территории (развитие аэропортовой инфраструктуры, строительства моста через р. Витим, сохранение сети региональных дорог);
- перспективы развития золотодобывающей промышленности, связанные с увеличением добычи рудного золота в Бодайбинском районе области.

К 2030 г. планируется создание Бодайбинской опорной территории развития (Бодайбинской ОТР). В результате ее формирования ожидается создание около 3,9 тыс. новых рабочих мест, исходя из этого планируется увеличение численности постоянного населения района до 17,0 тыс. человек [16]. Механизмы увеличения численности именно постоянного населения района в рассматриваемом документе не указаны. Более того, сомнительным является вообще способность Бодайбинского района обеспечить в следующие 5 лет дополнительные 4-5 тыс. чел. жильем, качественными услугами ЖКХ и социальной сферы.

Заключение

В процессе исследования авторами было выявлено, что экономика Бодайбинского района и его городских поселений является мало диверсифицированной. Продолжающееся убывание численности населения района в 2020-2024 гг. не связано с сокращением объемов добычи золота. На фоне развития золотодобывающей отрасли Бодайбо и реализации крупных инвестиционных проектов продолжает терять население.

Основной источник дохода населения – это заработная плата работников золотодобывающей промышленности и сопутствующих обслуживающих производств. Уровень заработной платы в бюджетной сфере, где в основном занято постоянное население района в разы меньше. Государство не в состоянии предложить уровень заработной платы и другие условия, которые бы позволили решить проблему обеспеченности кадров в сфере образования, культуры и здравоохранения. Предпринимаемые меры по привлечению специалистов для работы в Бодайбинском районе на постоянной основе не являются эффективными.

Определены основные признаки сжатия городских поселений Бодайбинского района, при этом анализ основных документов стратегического планирования на государственном и муниципальном уровне не позволяет сделать вывод о признаках внедрения модели «управляемого сжатия» территории. Органами власти (местного, регионального или федерального уровня) не разработана и не принята программа специальных мер, нацеленных на уменьшение отрицательных последствий городского сжатия, таких как:

- переселение жителей удаленных районов населенных пунктов или пригородных поселков в избранную часть сжимающегося населенного пункта в целях уменьшения общей площади активно используемой городской территории;
- прекращение эксплуатации части социальной и коммунальной инфраструктуры в закрываемых районах города или пригородных поселках;
- пересмотр транспортной схемы, схемы теплоэнергоснабжения и др.

Напротив, планируется рост постоянного населения района. В качестве механизмов определены повышение транспортной доступности и создание рабочих мест частными инвесторами.

Основные меры управленческого воздействия в основном носят реактивный характер: ремонт существующей инженерной и дорожной инфраструктуры, созданной еще в советское время, реализация мероприятий региональных программ и национальных проектов в социальной сфере, ориентированных на актуальные потребности населения района, но без учета долгосрочной перспективы усиления тренда сжатия городов.

По мнению авторов, планирование социально-экономического развития Бодайбинского района игнорирует сложившиеся на протяжении последних десятилетий экономические и социальные реалии, а следовательно, является не актуальным. Сегодня создание рабочих мест в северных территориях не гарантирует приток в эту территорию постоянного населения, тем более, если

рабочие места создаются частным инвесторов, выбор способа привлечения трудовых ресурсов диктуется мотивами экономической рентабельности. Планирование социально-экономического развития муниципального района органами местного самоуправления Бодайбо без встраивания в систему планирования социально-экономического развития севера Иркутской области на государственном уровне не представляется действенным и выглядит как провозглашение приоритетов развития без каких-либо действенных механизмов реализации в виду ограниченности полномочий органов муниципальной власти и средств местных бюджетов.

Прежние модели заселения и организации инфраструктуры северных городов уходят в прошлое, и регионам придется перестраиваться под новые реалии. Сегодня требуется создание методологического инструментария для социально-экономического развития северных городов, основой для которого должна быть сформулирована новая парадигма такого развития с учетом не только сложившихся реалий, но и уже четко обозначившихся трендов на стратегическую перспективу в части автоматизации и роботизации производственных процесс, внедрение технологий искусственного интеллекта, зелёная энергетика изменения в трудовых мотивах трудоспособного населения и др.

Литература

1. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 5–27.
2. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Вызовы и противоречия в развитии Севера и Арктики: демографическое измерение // Арктика: экология и экономика. 2022. Т. 12. № 1. С. 111–122.
3. Фаузер В.В. Демографические проблемы северных регионов России: сокращение численности населения и снижение рождаемости // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2015. № 1. С. 129–144.
4. Фаузер В.В., Фаузер Г.Н., Назарова И.Г., Коршунов Г.В. Тенденции и перспективы социально-экономического развития северных регионов России: демография, труд, миграция, расселение / отв. ред. д.э.н., профессор В.В. Фаузер. М.: Экон-информ, 2012. 311 с.
5. Недосека Е.В., Шарова Е.Н., Шорохов Д.М. Убывающие города российской Арктики: статистические тренды и публичный дискурс о причинах оттока населения // Арктика и Север. 2024. № 54. С. 169–189.
6. Козлов А. В., Гутман С. С., Рытова Е. В., Захаров А. Н. Проблема выбора технологий освоения Арктических территорий: опыт России и Норвегии // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. № 4. С. 19–28.

7. Логинов В.Г. Особенности развития северных регионов сырьевой ориентации // Экономика региона. 2008. №4. С. 161–172
8. Данькин М.А. «Компактный город» на Севере и в Арктике – как повысить качество городского хозяйства в северных городах за счет механизмов «управляемого сжатия» // Региональная энергетика и энергосбережение. 2023. № 2. URL: <https://energy.s-kon.ru/kompaktnyj-gorod-na-severe-i-v-arktike-kak-povysit-kachestvo-gorodskogo-hozyajstva-v-severnyh-gorodah-za-schet-mehanizmov-upravlyаемого-szhatiya/>
9. Гунько М.С., Еременко Ю.А., Батунова Е.Ю. Стратегии планирования в условиях городского сжатия в России: исследование малых и средних городов // Мир России. 2020. №3. С. 121–141
10. Секушина И.А., Патракова С.С. Стратегические приоритеты пространственного развития европейского севера России // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2021. № 2. С. 63–74.
11. Народная энциклопедия городов и регионов России «Мой Город». URL: https://www.mojgorod.ru/irkutsk_obl/bodajbo/index.html.
12. Отчеты о работе мэра и администрации муниципального образования города Бодайбо и района. Официальный сайт муниципального образования г. Бодайбо и района. URL: https://bodaybo38.ru/page/bodaybo38_rubrics-informatsiya.
13. Статистика России: информационный портал. URL: <https://bdex.ru/russia/?type=info>.
14. Новостной портал «38NEWS». URL: <https://38news.ru/news/v-bodaybo-zakryli-shkolu-iz-za-malogo-kolichestva-uchenikov>.
15. Официальный сайт Официальный сайт муниципального образования г. Бодайбо и района. URL: <https://bodaybo38.ru/page/268c6da1acab431f808fabe341ed3565>.
16. Закон Иркутской области от 10 января 2022 года № 15-ОЗ «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2036 года // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/403353341/>.

Международный научно-исследовательский журнал

«Прогрессивная экономика»

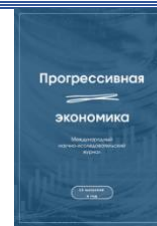
№ 8 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/metodika-ekspress-diaagnostiki-sostoyaniya-proizvodstvennoj-kompanii-kak-yadra-biznes-ekosistemy/

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности ВАК: 5.2.6

УДК 334.78

DOI: 10.54861/27131211_2025_8_92

МЕТОДИКА ЭКСПРЕСС-ДИАГНОСТИКИ СОСТОЯНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КОМПАНИИ КАК ЯДРА БИЗНЕС- ЭКОСИСТЕМЫ

*Васюков О.Н., доцент, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6219-1103>

Аннотация. Целью статьи является представление методики (организационной процедуры) экспресс-диагностики состояния производственной бизнес-экосистемы инструментами современного менеджмента. Результатом исследования выступает трёхэтапная экспресс-диагностика основывается на комплексной оценке 6-ти ключевых параметров (рыночная позиция и влияние, сетевая интеграция и партнёрства, технологическая и цифровая зрелость, организационная гибкость и инновационность, финансовая устойчивость и инвестиционная привлекательность, управление данными аналитика) через объективные цифровые метрики и использовании реальных данных IoT, ERP, CRM и ИИ-аналитики вместо экспертных опросов. Диагностика состояния производственной компании на соответствие ключевым параметрам ядра бизнес-экосистемы производится в 3 этапа, состоит из оценки шести ключевых параметров, каждый из которых оценивается на основании трёх показателей. Шкала значений ключевых показателей представлена минимальными, средними и максимальными пороговыми значениями. Предложенная методика характеризуется научной новизной и отличается от ранее известных, акцентом на экосистемный потенциал компании. Автоматизированный сбор данных вместо ручного аудита и интеграция ИИ для генерации гипотез позволяет выявить «узкие места» и точки роста для перехода к модели бизнеса, ориентированного на экосистему, получать симуляцию сценариев до внедрения изменений, а также принимать решения на основе аналитически обоснованных выводов, а не интуиции.

Ключевые слова: организационная процедура, инструменты менеджмента, производственная бизнес-экосистема, экосистемно-эвристический подход, компания-лидер.

METHODOLOGY FOR RAPID DIAGNOSTICS OF A MANUFACTURING COMPANY AS THE CORE OF A BUSINESS ECOSYSTEM

*Vasyukov O.N., Associate Professor, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6219-1103>

Abstract. The purpose of the article is to present the methodology (organizational procedure) for rapid diagnostics of the state of the industrial business ecosystem using modern management tools. The result of the study is a three-stage rapid diagnosis based on a comprehensive assessment of 6 key parameters (market position and influence, network integration and partnerships, technological and digital maturity, organizational flexibility and innovation, financial stability and investment attractiveness, data management analytics) through objective digital metrics and the use of real data IoT, ERP, CRM and AI analytics instead of expert surveys. Diagnostics of the state of a manufacturing company for compliance with the key parameters of the core of the business ecosystem is performed in 3 stages, consisting of an assessment of six key parameters, each of which is evaluated based on three indicators. The scale of values of key indicators is represented by minimum, average and maximum thresholds. The proposed methodology differs from the previously known ones by focusing on the ecosystem potential of the company. Automated data collection instead of manual auditing and the integration of AI to generate hypotheses makes it possible to identify bottlenecks and growth points for the transition to an ecosystem-oriented business model, to simulate scenarios before implementing changes, and to make decisions based on analytically sound conclusions rather than intuition.

Keywords: organizational procedure, management tools, production business ecosystem, ecosystem-heuristic approach, leading company.

JEL classification: L23, L25, M11.

Для цитирования: Васюков О.Н. Методика экспресс-диагностики состояния производственной компании как ядра бизнес-экосистемы // Прогрессивная экономика. 2025. № 8. С. 92–104. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_92.

Статья поступила в редакцию: 14.08.2025 г. Одобрена после рецензирования: 21.08.2025 г. Принята к публикации: 22.08.2025 г.

For citation: Vasyukov O.N. (2025). Methodology for rapid diagnostics of a manufacturing company as the core of a business ecosystem. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 8, 92–104, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_92 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 14/08/2025. Approved after review: 21/08/2025. Accepted for publication: 22/08/2025.

Введение

Переход к новому технологическому укладу на рубеже нового тысячелетия потребовал от деловых партнёров развивать взаимодействие на основе «интеграции отдельных ресурсов и получения доступа к объединённым ресурсам» [1, с. 1822]. Быстро изменяющиеся запросы потребителей на производство новых товаров и услуг, потребовали от участников экономической деятельности сотрудничества в вопросах исследования рынка, создания новых технологий и бизнес-процессов. Как отмечал М. Портер, главным драйвером устойчивого развития экономики является необходимость согласованных действий бизнес-партнёров и принятие общих правил взаимодействия [2].

Следует отметить, что развитие производственных систем происходит в условиях постоянно возникающих противоречий между участниками экономических отношений. Противоречивость целей участников производственных систем могут способствовать возникновению «конфликтов между стоимостью и качеством, эффективностью и гибкостью, скоростью и настройкой, или использованием ресурсов и экологической устойчивостью» [3, с. 480]. Под влиянием меняющихся рыночных условий, цифровой трансформации, инновационных технологий, новых запросов потребителей продукции изменяются формы и содержание противоречий. Динамичный характер противоречий требует новых форм взаимодействия бизнес-партнёров, в рамках которых формируются предпосылки для эффективного разрешения возникающих противоречий.

Формой, создающей условия для согласования действий между деловыми партнёрами, является бизнес-экосистемы, основной характеристикой, по мнению J.F. Moore [4], является объединение различных стейкхолдеров на основе ценностного предложения. При этом важной характеристикой бизнес-экосистем является самостоятельность «экономических социальных или организационных агентов и их групп, а также продуктов (результатов) их деятельности, способность к самостоятельному функционированию и развитию в течение значимого периода времени за счет кругооборота материальных, информационных, энергетических и иных ресурсов» [5, с. 40]. Целью взаимодействия экономических акторов в экосистемах является обмен ресурсами и инновациями для получения дополнительных преимуществ для каждого из участников взаимодействия [6; 7].

Такая совокупность разнородных, но дополняющих друг друга субъектов экономической деятельности, должны быть организованы таким образом, чтобы генерировать определённый результат на уровне экосистемы, в том числе и результат, выходящий за рамки деятельности любого из участников экосистемы [8]. Особенность бизнес-экосистем производственного типа состоит в том, что продуктовая составляющая, которая характеризуется элементами, типичными для производственных

систем: материального потока, ресурсов и инфраструктурой, необходимых для создания исходящего потока ценностей [9].

Аналитики, собственники и менеджеры бизнеса, эксперты становятся участниками постоянных дискуссий, в которых обсуждается вопрос: как организовать эффективное управление производственной бизнес-экосистемой, которое бы позволило достигать коллективной цели – создания потока ценностей при безусловном соблюдении условия получения дополнительных выгод всеми участниками производственной бизнес-экосистемы? Как организовать диагностику состояния производственной бизнес-экосистемы для выработки стратегии взаимодействия всех участников экосистемы? *Цель* настоящего исследования заключается в том, чтобы представить методику (организационную процедуру) экспресс-диагностики состояния производственной бизнес-экосистемы инструментами современного менеджмента.

Обзор литературы

Теоретическая база исследования основывается на трудах российских и зарубежных авторов. Основоположник экосистемного подхода J.F. Moore (Дж. Мур) в своей работе «The Death of Competition: Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems» [4] описал понятие бизнес-экосистемы, как сообщества взаимосвязанных производителей и потребителей, взаимодополняющих друг друга в границах этой системы. По мнению Дж. Мура отличительной чертой таких сообществ является объединение вокруг инновационных идей, как сотрудничающих, так и конкурирующих между собой компаний, охватывающих множество отраслей экономики. Фактически, новая модель организации бизнеса стала стимулирующим фактором промышленной трансформации, перенеся конкурентную борьбу отдельных компаний в конкуренцию экосистем.

Причиной появления бизнес-экосистем стала до предела обострившаяся конкурентная борьба компаний за лояльность потребителя. Результатом противостояния стало снижение нормы прибыли при достаточно высоком уровне транзакционных издержек, связанных с завоеванием и удержанием потребителя. Решение в разоряющем противостоянии было найдено – перейти от прямого столкновения компаний, в борьбе за власть на рынке, к всеобъемлющему сотрудничеству, кооперации ресурсов и усилий. Динамизм всех экономических процессов и неопределенность внешней среды способствовало этому процессу. Новая модель ведения бизнеса позволила снизить предельные затраты на привлечение новых и повысить лояльность существующих клиентов, а также выработать долгосрочную стратегию устойчивого развития.

Российские исследователи Р.М. Качалов и Ю.А. Слепцова в исследовании «Бизнес-экосистемы в кризисных условиях: выявление факторов риска описали факторы риска в деятельности бизнес-экосистем в кризисных условиях» [10]. Авторы обосновывают тезис о том, что по пространственно-временному признаку выделяются четыре типа базовых

подсистем бизнес-экосистемы: объектные, процессные, проектные и средовые. В условиях нарастающих рисков внешней среды уменьшается время для принятия управленческих решений по минимизации рисков в каждой из компаний бизнес-экосистемы. Особенно актуальным становится вопрос взаимного согласования и структурирования деятельности на основе общих стандартов всех компаний, входящих в бизнес-экосистему.

В.В. Куимов, Е.В. Щербенков, Л.В. Юшкова в работе «Переход к экосистемным платформенным взаимодействиям бизнесов региона – основа инновационного развития в новом технологическом укладе» исследовали вопросы готовности региональных бизнесов к развитию в бизнес-экосистемных форматах как драйверов перехода в новый технологический уклад в условиях цифровой трансформации [1]. Авторы обосновывают гипотезу, что в региональные производственные компании при условии соответствия их базовым характеристикам в ближайшей перспективе будут развиваться в постиндустриальном бизнес-экосистемном формате. Экосистемный формат позволяет компаниям повысить производственную эффективность, увеличить скорость вывода на рынок новых продуктов за счёт синергетического эффекта от взаимодействия исследовательских подразделений компаний – структурных компонентов бизнес-экосистем. Цифровые технологии позволяют выходить на новый уровень взаимодействия с клиентами, поставщиками, создавать цифровые модели предприятий (цифровых двойников).

Г. Б. Клейнер в своей работе «Экономика экосистем: шаг в будущее» сформулировал подход к бизнес-экосистемам, как частному случаю социально-экономической экосистемы [5]. Автор подчёркивает фундаментальную интегрирующую роль экосистем в кооперации производства, науки и образования. Обосновывает и доказывает гипотезу о том, что создание и распространение экосистем позволит нивелировать противоречия, возникающие в процессе научно-технических и социально-экономических изменений. Теоретической базой развития экономики будущего, как экономики экосистем, должно стать построение теории экосистем и разработка теории управления экосистемами.

Российские исследователи В. Д. Маркова и С. А. Кузнецова в работе «Экосистемы как инновационный инструмент роста бизнеса» показали направления изменения способов партнёрства и конкуренции участников бизнес-экосистем, когда бизнес-экосистемы становятся «механизмом совместного развития участников на основе комплементарных инноваций и распределенного творчества» [11, с. 151]. Авторы определяют возможности стратегического выбора развития компаний и трансформацию функциональных ролей участников экосистем.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют системная экономическая теория, а также положения экосистемно-эвристического подхода к управлению бизнес-экосистемами производственного типа.

Интеграция эвристических методов (ТРИЗ, когнитивное моделирование, морфологический анализ) в цифровую среду создают новый стандарт стратегического управления для сложных структур.

Результаты и обсуждение

Экосистемный подход организации бизнеса предполагает, что компании, разрабатывая стратегии развития, выбирают в качестве ключевых принципов:

- ориентацию на максимальное удовлетворение потребностей потребителей производимых товаров и услуг;
- развитие новых форм партнёрства между участниками бизнес-экосистем, основанное на системе правил, стандартов, интерфейсов, ориентированных на создание «интегрированного ценностного предложения для клиентов в режиме «одного окна»» [11, с. 157].

Условие максимального удовлетворения постоянно изменяющихся потребностей клиентов компаний возможно при условии гибкости бизнеса, модульности бизнес-экосистемы. Продукты, предлагаемые потребителям бизнес-экосистемами, производятся независимыми компаниями, но при этом компании решают одну задачу, обеспечивая бесшовную коммуникацию с потребителем продукта. Конкуренция между компаниями – участниками бизнес-экосистемы способствует сокращению сроков внедрения инноваций, регулирует ценообразования на продукт, ставит принцип клиентоориентированности на первое место. Потребитель, исходя из своих предпочтений, выбирает необходимый ему набор – комбинацию продуктов или сервисов, из которых и формируется продукт, соответствующий индивидуальному запросу.

Управление такой бизнес-экосистемой имеет свои особенности, максимально нивелируя риски нарушения устойчивости развития и риски производства продукта, не соответствующего запросу потребителя.

Основополагающими принципами экосистемно-эвристического подход к управлению бизнес-экосистемами являются принципы:

- разнообразия и избыточности в целях повышения устойчивости бизнес-экосистемы;
- адаптивности для сохранения способности приспосабливаться к изменяющимся условиям;
- упрощения для того, чтобы по результатам факторного анализа, иметь возможность пренебречь наименее значимыми факторами;
- децентрализации;
- петли обратной связи.

Именно принцип разнообразия и избыточности означает, что в бизнес-экосистеме внедряется множество разнообразных цепочек поставок, производственных линий, «дублёров» критически важных систем. Таким образом, через механизм внутренней конкуренции между участниками бизнес-экосистемы обеспечивается стабильность работы бизнес-экосистемы, снижаются риски, связанные с нарушениями сроков поставки,

недобросовестного исполнения контрагентом производственных обязательств.

Внедрение практик адаптивного управления позволяет предприятиям – участникам бизнес-экосистемы гибко реагировать на запросы рынка, технологические достижения и другие внешние факторы. Принцип упрощения позволяет упорядочить множество взаимодействующих между собой составных частей экосистемы по выделенным признакам, что приводит к устранению избыточных связей и наименее значимых факторов, определяющих эти взаимосвязи [12]. Принцип децентрализации в управлении производственными экосистемами позволяет наделять полномочиями и, как следствие, ответственностью, тех, у кого больше компетенций в решении задачи. Именно децентрализация в рамках единой стратегии и стандартов управления производственной экосистемы позволяет сократить уровни иерархии в принятии управленческих решений, более эффективно координировать действия различных участников бизнес-процесса, перераспределять ресурсы [13].

Получение обратной связи на постоянной основе об эффективности реализации стратегии и отдельных бизнес-процессов для принятия организационно-управленческих решений составляет содержание принципа «петли обратной связи».

Опыт формирования бизнес-экосистем российскими компаниями – 1С, Яндекс, VK, МТС, Mail.ru Group, Сбер, позволяет выделить основную характеристику организационной формы взаимодействия компаний – участников бизнес-экосистем - наличие компании-лидера, «ядра» экосистемы, вокруг которого формируется сообщество компаний. Под компанией-лидером (компания-организатор, материнская компания, центральная компания) автором понимается головное предприятие бизнес-экосистемы, объединяющее вокруг себя «подчиненные» ей предприятия, как юридически независимые, вступившие с ней в договорные отношения, так и юридически зависимые – в случае дочерних компаний. Схематично, взаимодействие компании-лидера с предприятиями-участниками бизнес-экосистемы представлено на рисунке 1.

Какие компании могут выполнять роль базовых, являться «ядром» бизнес-экосистем? Прежде всего, компания, «ядро» бизнес-экосистемы, выполняет роль организатора экосистемы. Её главная функция – обеспечение инновационного развития системы. Компания-лидер должна быть способна – организационно и финансово, развивать технологическую составляющую бизнес-экосистемы, обеспечивать контроль за интеллектуальной собственностью, обеспечивать информационную безопасность и защиту данных для всех участников экосистемы. Организационная функция бизнес-экосистемы проявляется через регламенты входа и поведения участников бизнес-экосистемы. Учитывая сложную систему взаимодействия участников бизнес-экосистемы, которая коренным образом отличается от бинарной системы взаимодействия компаний, например, холдинговой структуры,

компания-лидер обеспечивает координацию деятельности участников, разрабатывает систему мотивации для участников, стимулирует участников присоединяться к экосистеме на взаимовыгодных условиях.

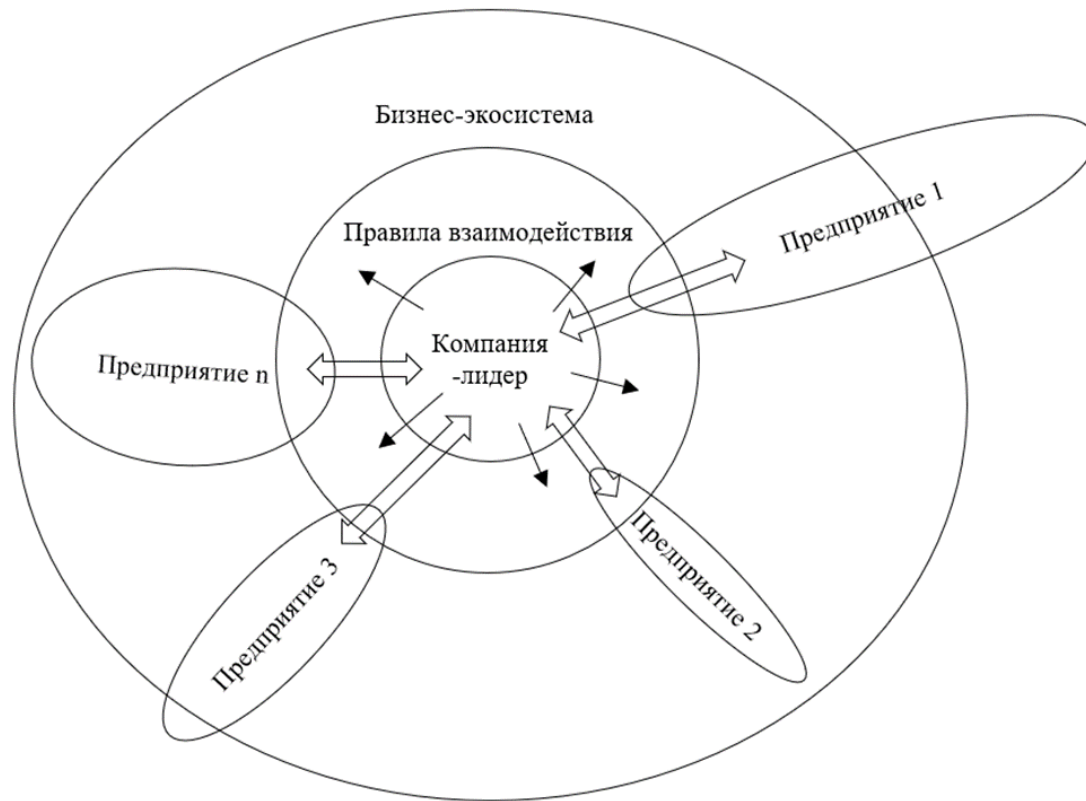

Рис. 1. Схема взаимодействия компании-лидера с предприятиями-участниками производственной бизнес-экосистемы

Источник: составлено автором по данным [8]

Компании, которые рассматривают вопрос присоединения к бизнес-экосистеме, в условиях многовариантного взаимодействия между участниками, оценивают способность компании-лидера обеспечить совместное развитие. Для того, чтобы определить роль компании в бизнес-экосистеме, мы предлагаем методику экспресс-оценки ключевых характеристик предприятия на соответствие критериям компании-лидера бизнес-экосистемы. Идентификация базовой компании в бизнес-экосистеме позволит определить дальнейшие шаги ее развития и совершенствования.

Понятие «диагностика» (греч. «diagnostikos») означает «способный распознавать». Целью экспресс-диагностики является определение с помощью специализированных процедур, например, балльных оценок, результатов анализа показателей, характеризующих ключевые параметры потенциала производственной компании как ядра бизнес-экосистемы.

Диагностика позволяет оперативно выявить «узкие места» и точки роста для перехода к модели бизнеса, ориентированного на экосистему, получать симуляцию сценариев до внедрения изменений, а также принимать решения на основе аналитически обоснованных выводов, а не интуиции.

Методика включает оценку компании по сформулированным критериям. Оценка состоит из 3 этапов:

Этап 1. Подготовительный

Этап 2. Сбор данных

Этап 3. Оценка данных

Методика экспресс-диагностики включает следующие диагностические инструменты:

1. Ключевые параметры компании-лидера

2. Источники получения информации

3. Система балльной оценки

4. Инструменты цифровизации экспресс-диагностики

Целью подготовительного этапа экспресс-диагностики является получение максимально полного представление о производственной компании: её основной продукции, рынках сбыта, отрасли, в которой она работает, финансовых показателей деятельности. Для проведения подготовительного этапа анализируются доступные источники информации:

– бухгалтерская отчётность;

– данные Росстата, в том числе отраслевые показатели по ОКВЭД;

– информация о наличии судебных исков к компании от юридических и физических лиц;

– данные о партнёрских договорах;

– данные об отложенных обязательствах.

На этапе 2 производится сбор данных для анализа и оценки ключевых параметров компании лидера. В таблице 1 представлены ключевые параметры компании-лидера, показатели, их описывающие и источники получения данных.

Таблица 1

Ключевые параметры компании-лидера производственной экосистемы

Ключевой параметр	Показатель	Источник
Рыночная позиция и влияние	Доля рынка (%)	Отчеты аналитических агентств (Statista, Gartner), данные Росстата, маркетинговые исследования
	Уровень уникальности продукта (наличие патентов, технологических преимуществ)	Базы данных патентов (Роспатент, WIPO), внутренние НИОКР-отчеты
	Способность влиять на отраслевые стандарты (участие в ассоциациях, разработка нормативов)	Участие в отраслевых объединениях (ТПП, РСПП), публичные заявления
Сетевая интеграция и партнёрства	Количество долгосрочных партнеров (поставщики, дистрибьюторы, клиенты)	CRM-система, договоры, базы контрагентов
	Наличие экосистемных проектов (совместные предприятия,	Пресс-релизы, отчеты о сотрудничестве, сайт компании

	открытые инновации, акселераторы)	
	Лояльность партнеров (ИПЛ или опросы)	Анкетирование партнеров, отзывы
Технологическая и цифровая зрелость	Уровень цифровизации (ERP, CRM, IoT, блокчейн).	IT-отчеты, интервью с CIO
	Наличие платформенных решений (API, маркетплейсы, облачные сервисы).	Документация разработчиков, сайт компании
	Масштабируемость IT-инфраструктуры (облачные мощности, гибкость архитектуры)	Аудит IT-департамента
Организационная гибкость и инновационность	Культура инноваций (количество идей от сотрудников, хакатоны (hackathons)).	Внутренние системы управления идеями (Jira, Trello).
	Готовность к изменениям бизнес-модели (переход от B2B к B2B2X)	Стратегические документы, интервью с топ-менеджментом
	Наличие НИОКР или корпоративных акселераторов	Отчеты о инновациях, сайт компании
Финансовая устойчивость и инвестиционная привлекательность	Доступ к капиталу (кредитный рейтинг, наличие инвесторов)	Отчеты (МСФО, РСБУ), базы SPARK, RBI.
	Рентабельность (+ чистая прибыль)	Финансовая отчетность
	Опыт привлечения господдержки или венчурных инвестиций	База грантов (Фонд Бортника, Сколково) и др.
Управление данными и аналитика	Использование Big Data и ИИ (прогнозирование спроса, персонализация)	Отчеты IT-департамента, кейсы внедрения
	Интеграция данных с партнерами (общие CRM, блокчейн-реестры)	Документация API, партнерские соглашения
	Кибербезопасность и защита данных (соответствие Федеральному закону №152-ФЗ «О персональных данных»)	Аудит информационной безопасности

Источник: составлено автором по данным [5; 6; 11]

Для оценки потенциала производственной компании как ядра бизнес-экосистемы предлагается использовать метод распределения балльных оценок по степени соответствия показателей ключевым параметрам компании-лидера. На этом этапе определяются пороговые уровни соответствия. Предлагается использовать 5-ти балльную шкалу оценки. В таблице 2 представлены минимальное, среднее и максимальное пороговые значения представленных в таблице 1 показателей, характеризующих ключевые параметры компании-лидера бизнес-экосистемы.

Таблица 2

Шкала пороговых значений показателей, характеризующих ключевые параметры компании – лидера бизнес-экосистемы

Ключевой параметр	Оценка
Рыночная позиция и влияние	1–2 балла – малая доля рынка, отсутствие уникальных технологий 3–4 балла – средняя доля, есть патенты, но слабое влияние на стандарты 5 баллов – лидер рынка, сильные технологические преимущества, участие в регулировании
Сетевая интеграция и партнёрства	1–2 балла – слабая сеть, нет экосистемных инициатив 3–4 балла – устойчивые партнерства, но нет системной интеграции. 5 баллов – активная экосистемная деятельность, высокий NPS партнеров.
Технологическая и цифровая зрелость	1–2 балла – слабая автоматизация, нет платформенных решений 3–4 балла – частичная цифровизация, пилотные API-проекты 5 баллов – полная интеграция, облачные сервисы, открытые API.
Организационная гибкость и инновационность	1–2 балла – консервативная культура, нет НИОКР 3–4 балла – есть инновационные проекты, но слабая адаптивность 5 баллов – agile-подход, активный НИОКР, эксперименты с новыми моделями
Финансовая устойчивость и инвестиционная привлекательность	1–2 балла – низкая рентабельность, нет доступа к инвестициям. 3–4 балла – стабильные финансы, но нет экосистемных инвестиций 5 баллов – высокая прибыль, привлеченные инвестиции в экосистему
Управление данными и аналитика	1–2 балла – данные не структурированы, нет аналитики 3–4 балла – есть BI-системы, но слабая интеграция с партнерами 5 баллов – AI-аналитика, безопасный обмен данными в экосистеме

Источник: составлено автором по данным [14]

Заключение

В процессе исследования авторами были сформулированы следующие выводы:

1. Методика экспресс-диагностики состояния производственной компании как ядра бизнес-экосистемы обеспечивает структурированный подход к оценке соответствия компании критериям компании-лидера для создаваемой бизнес-экосистемы.

2. Следуя этим шагам и используя диагностические инструменты, производственная компания может быстро оценить свое соответствие принципам компании-лидера бизнес-экосистемы и определить области для улучшения. Этот подход обеспечивает комплексную оценку, будучи эффективным и практичным для реального применения.

3. Стейкхолдеры бизнес-экосистемы с помощью методики могут оценить способность компании-лидера – организационно и финансово, развивать технологическую составляющую бизнес-экосистемы, обеспечивать контроль за интеллектуальной собственностью, обеспечивать

информационную безопасность и защиту данных для всех участников экосистемы.

4. Дальнейшие исследования будут связаны с разработкой методических подходов к проектированию и внедрению бизнес-модели производственной экосистемы. Предполагаем, что бизнес-модель должна интегрировать: цифровые технологии (ИИ, IoT, Digital Twin, блокчейн), эвристические методы (ТРИЗ, когнитивное моделирование, морфологический анализ и др.), гибкие управленческие подходы (Agile, data-driven стратегии), и отличаться от ранее известных бизнес-моделей акцентом на эмерджентные свойства экосистем; цифровизацией эвристики; сквозным подходом на основе данных, а также управлением через цифровых двойников вместо статических бизнес-планов.

Литература

1. Куимов В.В., Щербенко Е.В., Юшкова Л.В. Переход к экосистемным платформенным взаимодействиям бизнесов региона - основа инновационного развития в новом технологическом укладе // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 10. С. 1820–1827.

2. Конкуренция / Майкл Портер ; [пер. с англ. О. Л. Пелявского и др.]. М. [и др.] : Вильямс, 2005. 602 с.

3. Васюков О.Н., Масюк Н.Н., Васюкова Л.К., Бушуева М.А. Методика выбора управленческих инструментов для разрешения противоречий в производственных системах // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 4 (48). С. 479–486.

4. Moore J.F. The Death of Competition: Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems. New York: Harper Business, 1999. 324 p.

5. Клейнер Г.Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 40–45.

6. Шмелева Н.В. Методические подходы к оценке ресурсной эффективности промышленных экосистем // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2023. № 1 (45). С. 70–84.

7. Проскурнин С.Д. Создание самоорганизуемой инновационной экосистемы в зонах особого территориального развития // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2017. № 4 (52). URL: <https://eee-region.ru/article/5206/>.

8. Graca P., Camarinha-Matos L. Performance indicators for collaborative business ecosystems Literature review and trends // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 116. P. 237–255.

9. Васюков О.Н. О дефиниции «бизнес-экосистема производственного типа» // Устойчивое развитие общества: новые научные подходы и исследования : Сборник научных трудов по материалам IX Международной научно-практической конференции. Москва: Экономическое образование, 2024. С. 35–40.

10. Качалов Р.М., Слепцова Ю.А. Бизнес-экосистемы в кризисных условиях: выявление факторов риска // Российский журнал менеджмента. 2022. Т. 20. № 2. С. 155–171.

11. Маркова В.Д., Кузнецова С.А. Экосистемы как инновационный инструмент роста бизнеса // ЭКО. 2021. № 8 (566). С. 151–168.

12. Попов Е.В., Симонова В.Л., Зырянов А.С. Типология экосистем промышленных предприятий при цифровой трансформации // Вопросы управления. 2025. Т. 19. № 1. С. 5–24.

13. Llewellyn T., Erkko A. Innovation ecosystems in management: An organizing typology // Oxford Research Encyclopedia of Business and Management. Oxford University Press, 2020.

14. Каленов О.Е. Оценка эффективности деятельности бизнес-экосистем в цифровой экономике // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2023. Т. 20. № 1 (127). С. 162–174.

Международный научно-исследовательский журнал

«Прогрессивная экономика»

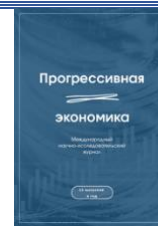
№ 8 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/samooczenka-organizaczii-kak-instrument-sovershenstvovaniya-sistemy-upravleniya-ohranoy-truda/

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности ВАК: 5.2.6

УДК 378:658.5

DOI: 10.54861/27131211_2025_8_105

САМООЦЕНКА ОРГАНИЗАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОХРАНОЙ ТРУДА

*Кудинов В.В., кандидат технических наук, доцент, Высшая школа
техносферной безопасности, Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9898-9985>*

*Каченкова В.Д., ассистент, Высшая школа техносферной безопасности,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1911-9904>*

*Джур А.А., студент, Высшая школа техносферной безопасности, Санкт-
Петербургский политехнический университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Совершенствование системы управления охраной труда (далее – СУОТ) в современных организациях невозможно без постоянной оценки её эффективности и соответствия актуальным требованиям. Внутренняя оценка организации, в дальнейшем именуемая как самооценка, представляет собой процесс управления, который направлен на систематический сбор и анализ информации с целью определения степени соответствия деятельности организации установленным критериям в сфере охраны труда. Эти критерии формируются руководством на основе требований законодательства и целей компании. «Самооценка позволяет выявлять текущее состояние условий охраны труда, отслеживать динамику изменений, а также определять слабые места и направления для улучшения системы управления охраной труда внутри организации». Сегодня все больше организаций используют самооценку как инструмент внутреннего аудита и саморазвития. Этот тренд обусловлен несколькими факторами. Во-первых, усилилось внимание со стороны государства к вопросам обеспечения безопасных условий труда, увеличилось как количество штрафов, так и сумма этих штрафов за нарушение требований законодательства, что, в свою очередь, привело к тому, что компании начали более

ответственно подходить к обеспечению безопасности. Во-вторых, все больше компаний начали осознавать важность корпоративной социальной ответственности, которая подразумевает заботу о здоровье и безопасности работников как часть имиджа и устойчивого развития компании. В-третьих, внедрение международных стандартов и систем менеджмента (например, ISO 45001) предполагает наличие механизмов самоконтроля и непрерывного совершенствования, одним из которых и является проведение комплексной самооценки.

Ключевые слова: охрана труда, специальная оценка условий труда, контрольная карта Шухарта, культура безопасности, самооценка предприятия.

SELF-ASSESSMENT OF AN ORGANIZATION AS A TOOL FOR IMPROVING THE OCCUPATIONAL HEALTH AND SAFETY MANAGEMENT SYSTEM

Kudinov V.V., Associate Professor, Candidate of Technical Sciences, Higher School of Technosphere Safety, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9898-9985>

Kachenkova V.D., Assistant Professor, Higher School of Technosphere Safety, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1911-9904>

Dzhur A.A., student, Higher School of Technosphere Safety, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

Abstract. The improvement of the occupational safety and health management system (OSH) in modern organizations is impossible without a constant assessment of its effectiveness and compliance with current requirements. The internal assessment of an organization, hereinafter referred to as self-assessment, is a management process that aims to systematically collect and analyze information in order to determine the degree of compliance of the organization's activities with established criteria in the field of occupational safety. These criteria are formed by the management based on the requirements of the legislation and the goals of the company. «Self-assessment allows to identify the current state of occupational safety conditions, monitor the dynamics of changes, and identify weaknesses and areas for improving the occupational safety management system from within the organization». Nowadays, more and more organizations are using self-assessment as a tool for internal audit and self-development. This trend is due to several factors. Firstly, the government's attention to ensuring safe working conditions has increased, both the number of fines and the amount of these fines for violating legal requirements have increased, which has led companies to take a more responsible approach to ensuring safety. Secondly, more and more companies have begun to realize the importance of corporate social responsibility, which implies concern for the health and safety of employees as part of the company's image and sustainable development. Thirdly, the implementation of international standards and management

systems (for example, ISO 45001) implies the existence of self-monitoring and continuous improvement mechanisms, one of which is conducting a comprehensive self-assessment.

Keywords: occupational safety, special assessment of working conditions, Schuhart checklist, safety culture, self-assessment of the enterprise.

JEL classification: J08, J31, J53.

Для цитирования: Кудинов В.В., Каченкова В.Д., Джур А.А. Самооценка организации как инструмент совершенствования системы управления охраной труда // Прогрессивная экономика. 2025. № 8. С. 105–116. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_105.

Статья поступила в редакцию: 15.08.2025 г. Одобрена после рецензирования: 22.08.2025 г. Принята к публикации: 22.08.2025 г.

For citation: Kudinov V.V., Kachenkova V.D., Dzhur A.A. (2025). Self-assessment of an organization as a tool for improving the occupational health and safety management system. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 8, 105–116, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_105 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 15/08/2025. Approved after review: 22/08/2025. Accepted for publication: 22/08/2025.

Введение

Актуальность исследования проблемы самооценки организации в контексте управления охраной труда обусловлена тем, что многие предприятия сталкиваются с формальным подходом к выполнению требований, отсутствием объективной картины состояния охраны труда и недостаточной вовлеченностью сотрудников в процессы улучшения условий работы [1]. Самооценка позволяет преодолеть эти барьеры, способствуя формированию культуры безопасности и повышению ответственности на всех уровнях управления [2]. Цель работы – прогнозирование стабильности функционирования СУОТ (система управления охраной труда) предприятия путем анализа имеющейся статистической информации с применением карты Шухарта. Цель исследования предопределила необходимость изучить методику построения контрольной карты Шухарта и применить ее на практике, а также произвести анализ полученных данных.

Обзор литературы

В настоящее время существует много моделей самооценки организаций. Наиболее широко признаваемыми и применяемыми моделями являются модели национальных и региональных премий по качеству, считающиеся также моделями совершенства организаций. Модель делового совершенства EFQM была разработана в 1991 году Европейским фондом менеджмента качества. И уже в 1992 году была присуждена первая Европейская премия по качеству, основанная на данной модели [3].

Модель Совершенства EFQM – модель, включающая девять критериев, может использоваться для оценки достижений предприятия на пути к

совершенству. Модель признает существование множества подходов к достижению устойчивого совершенства во всех аспектах деятельности предприятия. Пять критериев, входящих в данную модель см. рисунок 1, составляют группу «Возможности» и четыре критерия представляют собой группу «Результаты». Критерии «Возможности» показывают то, как предприятие функционирует, критерии «Результаты» демонстрируют конкретные достижения и результаты деятельности предприятия.

Рис. 1. Модель совершенства EFQM

Источник: составлено авторами по данным [4]

Исходя из данного рисунка можно сделать вывод, что «Возможности» напрямую влияют на «Результаты». В свою очередь «Результаты» могут оказывать воздействие на «Возможности». Эта модель динамична, т.к. «Изучение и инновации» оказывают влияние на «Возможности», что также влечет за собой изменение «Результатов». В общей оценке каждый из девяти критериев имеет свой вес. Для того чтобы показать каким образом формируется оценка по критерию, каждый критерий «разбивается» на несколько подкритериев. Эти подкритерии состоят, в свою очередь, из ряда вопросов, которые должны быть рассмотрены в процессе анализа модели. Каждому подкритерию соответствует определенное количество баллов, которые служат для пояснения значимости подкритерия.

В основе данной модели лежит логика RADAR. Она состоит из следующих элементов: результаты (results); подход (approach); развертывание (deployment); оценка (assessment); пересмотр (review). Последние четыре элемента (подход, развертывание, оценка, пересмотр) используются при оценке по критериям «Возможности», соответственно для критерия «Результаты» используется элемент результаты.

Японская премия Э. Деминга

Премии по качеству призваны, в первую очередь, стимулировать стремление к лидерству, основанному на внедрении TQM. Кроме того, они предоставляют возможность проведения самооценки для определения целей по совершенствованию деятельности предприятия. В данном разделе будет приведена краткая характеристика самых известных моделей премий по

качеству. Премия Э. Деминга является одной из самых престижных в мире. Оценка деятельности организации производится по 100-балльной шкале. И, в свою очередь, 6 критериев модели разделены на 48 различных подкритериев, либо показателей. Структура японской премии Деминга представлена на рисунке 2.

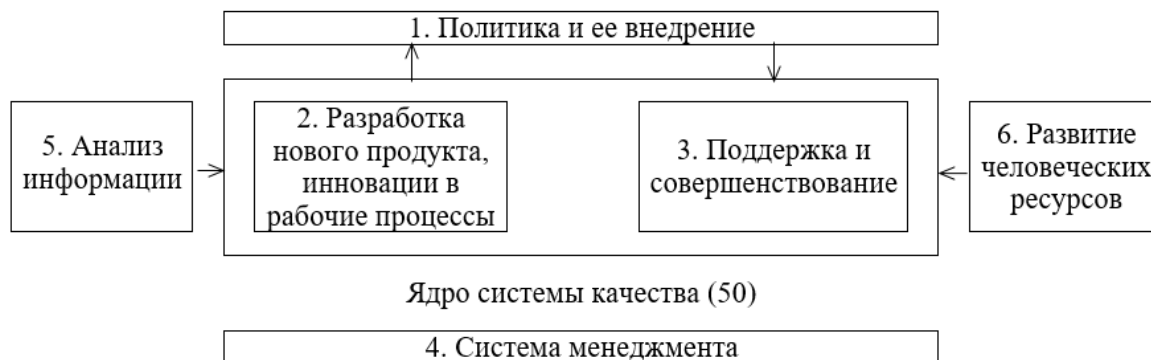

Рис. 2. Структура японской премии Э. Деминга
Источник: составлено авторами по данным [5]

Национальная премия США по качеству им. М. Болбриджа

Структура национальной премии США по качеству представлена на рисунке 3.

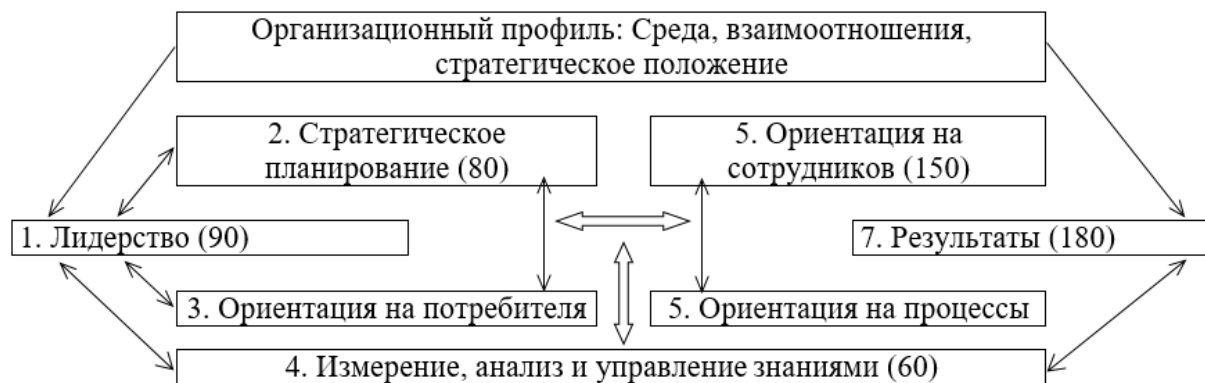

Рис. 3. Структура национальной премии США по качеству
Источник: составлено авторами по данным [6]

Национальная премия по качеству США была утверждена в 1987 году. Награду вручает президент США, что говорит о том, что данная премия также является одной из самых престижных в мире. Данная модель активно применяется в более чем 20 странах мира, в том числе в Бразилии, Индии и Австралии. В отличие от премии Деминга, которая являлась фактически основой для разработки премии США, данная модель содержит 7 критериев, которые в свою очередь делятся на 32 подкритерия. Оценка деятельности осуществляется по 1000-балльной шкале.

Премия правительства Российской Федерации в области качества

За основу российской национальной премии качества была взята модель делового совершенства EFQM. Сама премия была основана в 1996 году. Структура премии Правительства РФ представлена на рисунке 4.

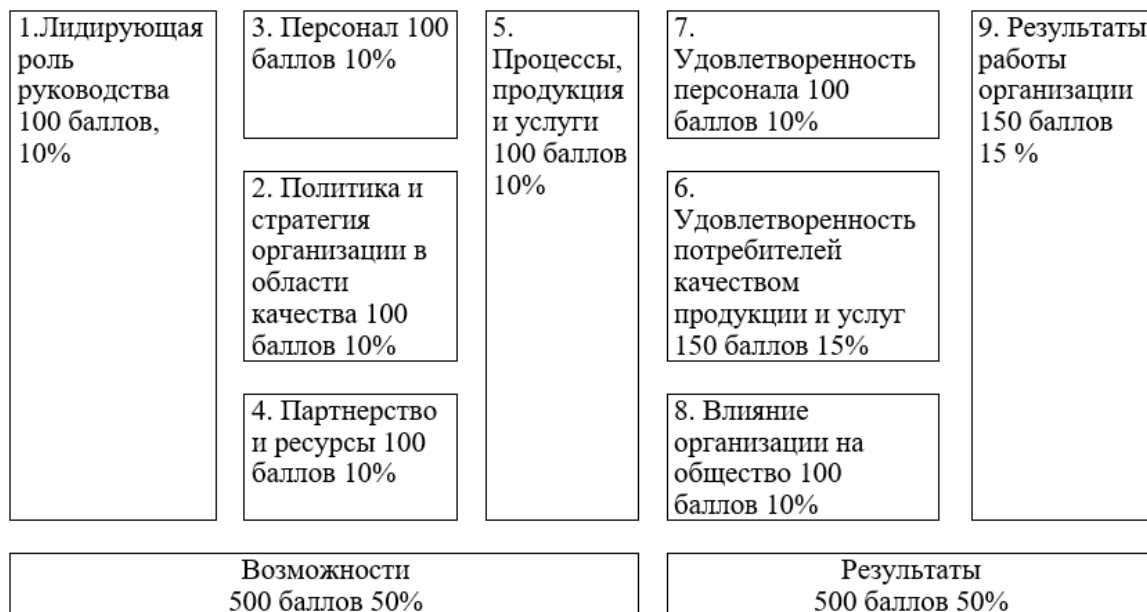

Рис. 4. Структура премии правительства Российской Федерации в области качества

Источник: составлено авторами по данным [7]

Методы самооценки деятельности организации.

После того как была выбрана модель самооценки, необходимо выбрать методы самооценки. Каждая организация выбирает метод самооценки в зависимости от поставленных целей и задач. Однако можно выделить некоторые общие требования для всех методов самооценки. Метод самооценки должен:

- быть простым для понимания;
- быть легким при использовании;
- быстро осуществляться внутренними затратами или ресурсами;
- применяться к организации в целом или к некоторой ее части;
- способствовать развитию системы менеджмента качества

организации в направлении ведущих предприятий страны и высших мировых достижений и т.д.

Рассмотрим основные методы самооценки, на данный момент выделяют следующие:

- моделирование участия в конкурсе;
- анкетирование;
- матричный метод;
- семинар.

Метод моделирования конкурса предусматривает разработку глобального отчета, в котором необходимо предоставить описание деятельности организации по всем критериям выбранной модели совершенства. Все пункты предоставленного отчета должны быть подтверждены документально. Для реализации данного метода необходима команда экспертов, которых можно либо пригласить из сторонних

предприятий, либо обучить внутри организации. Отчет, полученный в результате проведения самооценки, может использоваться, например, для участия в конкурсе на соискание премии по качеству, либо для предоставления органам сертификации.

Метод анкетирования предусматривает разработку специальных анкет, либо опросных листов, вопросы в которых составляются в соответствии с критериями выбранной модели самооценки. При наличии уже разработанного опросного листа, этот метод является наиболее простым, и менее ресурсоемким. Таким образом, в самооценке деятельности могут принимать участие все сотрудники организации, но основным условием является то, чтобы вопросы анкеты были понятны всему задействованному персоналу.

Для реализации матричного метода необходимо заполнить специальные матрицы, которые формируются на основе всех критериев выбранной модели. Обычно, подсчет ведется по шкале от 1 до 10, но с учетом специфики некоторых организаций, эта шкала может варьироваться. Этот метод является наиболее наглядным, и легко позволяет отслеживать динамику развития организации. Метод проведения семинара является наиболее универсальным, и зачастую используется в совокупности с другими методами самооценки. Для его реализации необходимо провести сбор информации и обучить персонал. Далее осуществляется анализ и оценка всех собранных данных, после чего формируется список мероприятий, направленных на улучшение деятельности организации. После проведения необходимых мероприятий, производится анализ достигнутых результатов.

На основании изученных выше материалов для самооценки деятельности ГУП «Водоканал СПб» мы решили использовать метод анкетирования. Для этого нами была разработана анкета с различными мероприятиями по охране труда, так и с мероприятиями в области системы управления охраной труда.

Материалы и методы

Основными методами исследования в данной работе являются метод системного обзора литературы, анализ, обобщение.

Для самооценки деятельности ГУП «Водоканал СПб» мы использовали метод анкетирования. Для этого нами была разработана анкета с различными мероприятиями как по охране труда, так и с мероприятиями в области системы управления охраной труда, которая включала в себя следующие критерии:

- 1) планирование мероприятий по охране труда;
- 2) анализ СУОТ и ПрБ со стороны высшего руководства Предприятия;
- 3) организацию медицинских осмотров на Предприятии;
- 4) специальную оценку условий труда рабочих мест на соответствие требованиям охраны труда;
- 5) функционирование в области охраны труда, ПрБ и производственного контроля;
- 6) идентификацию опасностей, оценка и управления рисками;
- 7) подготовку к ликвидации аварийных ситуаций;
- 8) предоставление работникам Предприятия СИЗ, льгот и компенсаций;

- 9) организацию обучения и проверки знаний в области ОТ и ПрБ;
- 10) производственный контроль за соблюдением требований ПрБ при эксплуатации ОПО Предприятия;
- 11) организацию и проведение внутренних аудитов.

Данные критерии оценивались по 5-балльной шкале: где 1 – худший результат (требующий корректирующих действий), 5 – лучший (корректирующие действия не требуются).

Результаты и обсуждение

Все филиалы ГУП «Водоканал СПб» приняли участие в самооценке своей деятельности в области функционирования системы менеджмента охраны труда. Результаты самооценки представлены в таблице 1 (составлено авторами), а также представлены графически (см. рис. 5-6) (составлено авторами).

Таблица 1

Результаты самооценки деятельности филиалов в области охраны труда

	2020	2021	2022	2023	2024
«Транспорт и логистика»	4,9	4,8	4,9	4,9	4,8
«Центр реализации инвестиционных программ»	4,3	4,1	4,4	4,2	4,5
Водоснабжение СПб	4,0	4,0	4,0	4,0	4,9
Водоотведение СПб	4,0	4,2	4,4	4,4	4,4
«Инженерно-инновационный центр»	4,9	4,9	4,9	4,9	4,9
«Единый расчетный центр»	4,9	4,8	4,2	4,6	4,8
«Центр реализации социально-экономических программ»	4,8	4,3	4,5	4,5	4,6

Источник: составлено авторами

Данные, полученные в таблице 1, рассчитываются по формуле, которая определяется как процентное отношение фактических (достигнутых) результатов к плановым. Чем больше итоговый балл самооценки, тем лучше функционирует СУОТ предприятия.

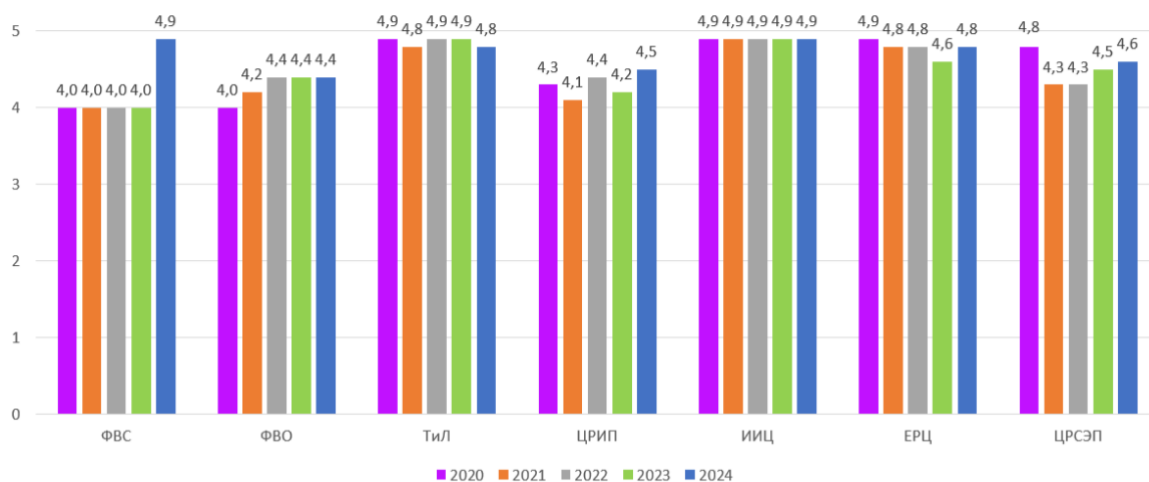

Рис. 5. Результаты самооценки деятельности филиалов в области ОТ

Источник: составлено авторами

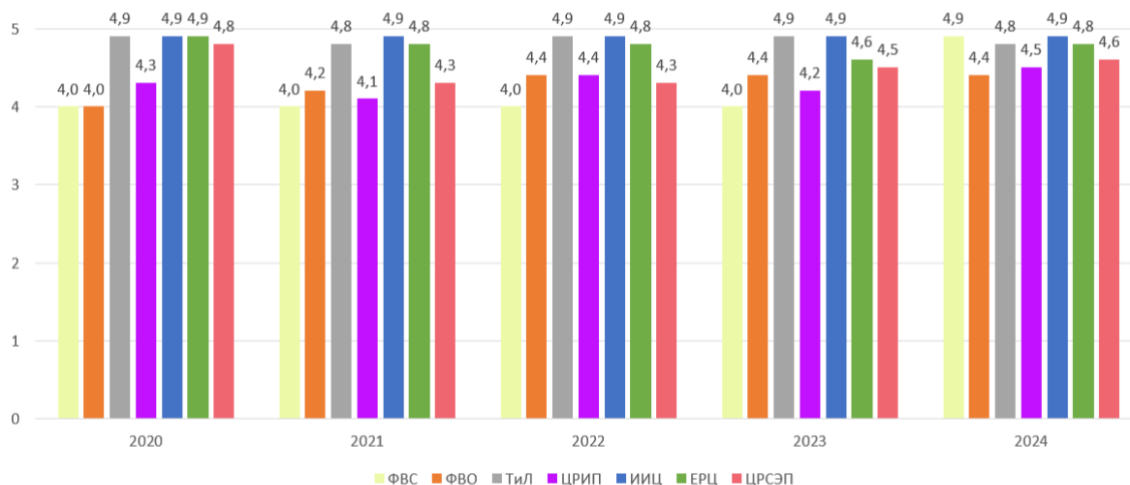

Рис. 6. Результаты самооценки деятельности филиалов в области ОТ

Источник: составлено авторами

Для прогнозирования стабильности функционирования СУОТ сначала требуется подготовить данные. В частности, необходимо спрогнозировать возможные результаты самооценки филиалов с 2025 по 2030 года, а затем на основе этих данных построить карту Шухарта.

Для прогнозирования возможных результатов самооценки был использован инструмент электронных таблиц Excel, а именно статистическая функция «ТЕНДЕНЦИЯ» (TREND), позволяющая «предсказать поведение зависимой переменной на основе одной или нескольких независимых переменных, используя имеющиеся данные как обучающую выборку» [8]. Результаты представлены в таблице 2 (составлено авторами).

Таблица 2

Прогнозные значения результатов самооценки филиалов по годам

	A	B	C	D	E	F	G	H
		ФВС	ФВО	ТИЛ	ЦРИП	ИИЦ	ЕРЦ	ЦРСЭП
12	2020	4	4	4,9	4,3	4,9	4,9	4,8
13	2021	4	4,2	4,8	4,1	4,9	4,8	4,3
14	2022	4	4,4	4,9	4,4	4,9	4,8	4,3
15	2023	4	4,4	4,9	4,2	4,9	4,6	4,5
16	2024	4,9	4,4	4,8	4,5	4,9	4,8	4,6
17	2025	4,72	4,6	4,8	4,4	4,9	4,7	4,4
18	2026	4,9	4,7	4,8	4,5	4,9	4,6	4,4
19	2027	5	4,8	4,8	4,6	4,9	4,6	4,4
20	2028	5	4,9	4,8	4,6	4,9	4,5	4,4
21	2029	5	5	4,8	4,6	4,9	4,5	4,4
22	2030	5	5	4,8	4,7	4,9	4,5	4,3

Источник: составлено авторами

В качестве примера, для прогноза результата самооценки в 2025 году в

филиале водоснабжения (ФВС) применялась формула (1):

$$= \text{МИН}(5; \text{ТЕНДЕНЦИЯ}(B12: B16; A12: A16; A17)) \quad (1)$$

где функция МИН(5; ...) ограничивает максимальное значение прогнозируемого результата уровнем 5, поскольку шкала самооценки не превышает данного значения. Аналогично делаем расчет для остальных филиалов.

После осуществления прогнозирования данных до 2030 года по каждому из филиалов, следующим этапом исследования стало построение контрольной карты Шухарта. Контрольная карта Шухарта – «это график значений заданной характеристики подгруппы в соответствии с номером подгруппы» [9]. Она представляет собой один из ключевых инструментов статистического управления процессами, позволяющий отслеживать изменения параметров во времени и выявлять наличие особых причин вариабельности, которые могут негативно влиять на качество выпускаемой продукции или оказываемых услуг.

Для реализации данного этапа анализа использовалась аналитическая платформа Loginom Community Edition.

Выбор типа карты осуществлялся с учётом числа анализируемых подгрупп, составляющего 7 (ФВС, ФВО и др.). В соответствии с рекомендациями по применению контрольных карт, был выбран тип \bar{X} -R, предназначенный для оценки среднего значения (\bar{X}) и размаха (R) в подгруппах малого объёма [10].

Для расчёта размаха в каждой подгруппе применялась формула (2):

$$R = \max(X) - \min(X) \quad (2)$$

Центральная линия (CL) (см. рис. 7), характеризующая среднее значение размаха по всем подгруппам, рассчитывалась по формуле (3):

$$\bar{R} = \frac{\sum R_i}{n} \quad (3)$$

где $\sum R_i$ - суммарное значение размахов по всем наблюдениям, n – количество подгрупп.

Для определения контрольных границ статистического контроля использовались средний размах (\bar{R}) и коэффициенты, взятые из таблицы 2 ГОСТ Р 50779.42-99 [11], зависящие от объёма подгруппы.

Верхняя контрольная граница UCL_R (представлена на рис. 7) вычисляется по формуле (4):

$$UCL_R = D_4 \cdot \bar{R} \quad (4)$$

где D_4 – коэффициент для вычисления линий контрольных карт, $D_4=1,924$.

Нижняя контрольная граница LCL_R (представлена на рис. 7) вычисляется по формуле (5):

$$LCL_R = D_3 \cdot \bar{R} \quad (5)$$

где D_3 – коэффициент для вычисления линий контрольных карт, $D_3=0,076$.

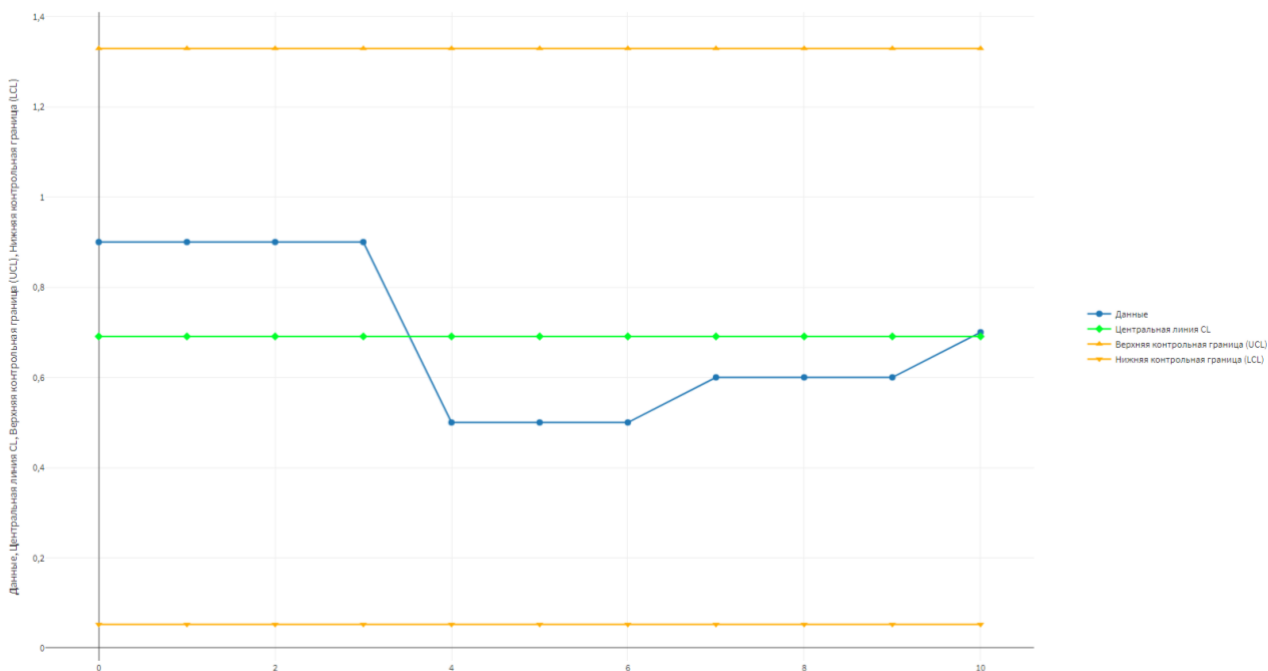

Рис. 7. Контрольная карта Шухарта

Источник: составлено авторами

Заключение

Полученные данные свидетельствуют о стабильности функционирования СУОТ предприятия: все значения размаха (R) находятся внутри установленных границ контроля, что указывает на отсутствие значительных аномалий и систематических отклонений в работе системы. Вместе с тем, наблюдается тенденция к снижению значений R начиная с 4-ой группы, что может быть связано с положительными изменениями в процессах оценки (например, в 2024 году в ФВО результаты самооценки стали на 22,5% выше по сравнению с 2023 годом) или улучшением внутренних процедур управления. Такое снижение свидетельствует о повышении стабильности, что является важным индикатором эффективности СУОТ. Однако для более точной интерпретации данных необходим дальнейший мониторинг и углубленный анализ факторов, которые повлияли на изменение уровня размаха.

Литература

1. ГОСТ 12.0.230.3-2016 Система стандартов безопасности труда. Системы управления охраной труда. Оценка результативности и эффективности. URL: https://tzn.sakhalin.gov.ru/fileadmin/docs/trud-otnoshenie/oxrana-truda/gost_12.0.230.3-2016.pdf.
2. Корпоративная социальная ответственность. URL: <https://inveb-docs.ru/attachments/article/sd-library/08-2020/corporativnaya-socialnaya-otvetstvennost-uchebnoe-posobie.pdf>.
3. Модель совершенства EFQM. Дорога к совершенству.: Европейский фонд по управлению качеством, 2002. 35 с.
4. Маслов В.Д., Вылгина Ю.В. Современные инструменты управления: модель совершенствования EFQM. Учебное пособие. 2006. 107 с.
5. Маслов Д.В. Модели мировых премий по качеству: Премия Деминга // Качество, инновации, образование, 2007. № 2. С. 42–51.
6. С.Д. Ильенкова, Н.Д. Ильенкова, С.Ю. Ягудин и др.; Под ред. Доктора экономических наук, профессора Ильенковой С.Д. Управление качеством. М.: ЮНИТИ. 2009. 204 с.
7. ГОСТ Р 59915-2021 Премии Правительства Российской Федерации в области качества. Руководство по проведению конкурса. Введ. 01.04.2022 Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 9 декабря N 1746-ст. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200182096>.
8. Функция ТЕНДЕНЦИЯ в Excel: как она работает и где применяется. URL: <https://sky.pro/wiki/analytics/funktsiya-tendentsiya-v-excel-kak-ona-rabotaet-i-gde-primenyaetsya/?ysclid=mb41avcfg749741021>.
9. ГОСТ Р ИСО 7870-2-2015 Статистические методы. Контрольные карты. Контрольные карты Шухарта. URL: <https://ohranatruda.ru/upload/iblock/c71/4293759226.pdf?ysclid=mb56rcowdm556193256>.
10. Контрольные карты. Построение и анализ контрольных карт для количественных данных. URL: https://lib.sevsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/9201/%D1%80_200082.pdf?sequence=1&isAllowed=y.
11. ГОСТ Р 50779.42-99 Статистические методы. Контрольные карты Шухарта. URL: <https://ohranatruda.ru/upload/iblock/a59/4294819315.pdf?ysclid=mb5f24qetl738608867>.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 8 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/dnk-menedzhment-kak-instrument-vladelcheskogo-upravleniya-biznesom/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.6
УДК 005
DOI: 10.54861/27131211_2025_8_117

ДНК-МЕНЕДЖМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ БИЗНЕСОМ

Воронин Н.Д., аспирант, РЭУ имени Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5969-6451>

Аннотация. Цель настоящего исследования заключается в обосновании подхода, при котором ДНК-менеджмент трактуется не только как маркетинговая категория, отражающая ценности и культуру компании, но и как инструмент владельческого управления группой компаний, позволяющий обеспечивать согласованность организационной структуры, процедур принятия решений, системы стимулов и управления информацией. Научная новизна работы проявляется в концептуальном объединении ценностного («маркетингового») и управленческого понимания ДНК-менеджмента в единую систему владельческого управления. Впервые показано, что именно через призму ДНК-компонентов можно описать ключевые функции собственника: определение структуры, формирование процедур контроля, создание мотивационной системы и управление информационными потоками. В статье показаны различия в понимании ДНК-менеджмента с «маркетинговой» и «управленческой» точек зрения, а также обоснован подход, согласно которому ДНК-менеджмент является инструментом владельческого управления бизнесом. Автором рассмотрены компоненты ДНК-системы группы компаний с точки зрения владельческого управления: 1. Структура (определение организационно-правовой структуры бизнес-системы); 2. Процедура принятия решений (на основе выбранной владельцем корпоративной структуры бизнес-системы); 3. Мотиваторы и контроль владельца (определение системы поощрений и вознаграждений топ-менеджмента, а также системы контроля за деятельностью бизнес-системы в зависимости от выбранной модели бизнеса); 4. Информация (определение объема и порядка доступа к информации о деятельности бизнес-системы или отдельных ее частей, установление режима конфиденциальности и пр.). Результаты исследования подтверждают, что использование концепции ДНК-менеджмента в управлении группой компаний способствует повышению эффективности и устойчивости бизнес-системы, минимизации рисков правовых и налоговых коллизий, а также усилению стратегической гибкости. Практическая значимость заключается в возможности применения предложенного подхода в практике российских и зарубежных компаний, включая транснациональные группы, для разработки устойчивых моделей корпоративного управления, что особенно актуально в условиях роста международной конкуренции.

Ключевые слова: ДНК-менеджмент, цепочка создания ценности, владельческое управление, управление группой компаний.

DNA MANAGEMENT AS A TOOL OF BUSINESS OWNER MANAGEMENT

*Voronin N.D., Postgraduate Student, Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5969-6451>

Abstract. The purpose of this study is to substantiate an approach in which DNA management is interpreted not only as a marketing category reflecting the company's values and culture, but also as a tool for the ownership management of a group of companies, allowing for consistency in organizational structure, decision-making procedures, incentive systems, and information management. The scientific novelty of the work is manifested in the conceptual unification of the value («marketing») and managerial understanding of DNA management into a single system of ownership management. For the first time, it is shown that it is through the prism of DNA components that the key functions of the owner can be described: defining the structure, forming control procedures, creating a motivational system and managing information flows. The article shows the differences in the understanding of DNA management from the «marketing» and «managerial» points of view, and also substantiates the approach according to which DNA management is a tool for business ownership management. The author considers the components of the DNA system of the group of companies from the point of view of ownership management: 1. Structure (definition of the organizational and legal structure of the business system); 2. Decision-making procedure (based on the corporate structure of the business system chosen by the owner); 3. Motivators and control of the owner (definition of a system of incentives and rewards for top management, as well as a system of control over the activities of the business system, depending on the chosen business model); 4. Information (determining the scope and order of access to information about the activities of the business system or its individual parts, establishing a confidentiality regime, etc.). The results of the study confirm that the use of the DNA management concept in the management of a group of companies helps to increase the efficiency and sustainability of the business system, minimize the risks of legal and tax conflicts, and enhance strategic flexibility. The practical significance lies in the possibility of applying the proposed approach in the practice of Russian and foreign companies, including multinational groups, to develop sustainable corporate governance models, which is especially important in the context of increasing international competition.

Keywords: DNA management, value chain, ownership management, management of a group of companies.

JEL classification: M14, G34, L21.

Для цитирования: Воронин Н.Д. ДНК-менеджмент как инструмент владельческого управления бизнесом // Прогрессивная экономика. 2025. № 8. С. 117–128. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_117.

Статья поступила в редакцию: 17.08.2025 г. Одобрена после рецензирования: 25.08.2025 г. Принята к публикации: 26.08.2025 г.

For citation: Voronin N.D. (2025). DNA management as a tool of business owner MANAGEMENT. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 8, 117–128, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_117 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 17/08/2025. Approved after review: 25/08/2025. Accepted for publication: 26/08/2025.

Введение

Усложнение бизнес-среды и нарастающая неопределённость внешних факторов обуславливают необходимость поиска новых управленческих концептов, позволяющих владельцам бизнеса поддерживать устойчивость и конкурентоспособность своих компаний. Одной из таких концепций является ДНК-менеджмент, который связывается не только с формированием устойчивой корпоративной идентичности, но и с поиском баланса между ценностной и управленческой составляющей бизнес-системы. Однако в современной научной литературе сохраняется двойственность интерпретации данного понятия: с одной стороны, оно используется в маркетинговом контексте как отражение миссии, культуры и ценностей компании, а с другой – в управленческом смысле, как технология построения бизнес-системы. Отсутствие целостного понимания, а также недостаток комплексных научных трудов по данной теме, ограничивают применение ДНК-менеджмента в практике владельческого управления и требует теоретического уточнения.

Цель настоящего исследования заключается в обосновании подхода, при котором ДНК-менеджмент трактуется не только как маркетинговая категория, отражающая ценности и культуру компании, но и как инструмент владельческого управления группой компаний, позволяющий обеспечивать согласованность организационной структуры, процедур принятия решений, системы стимулов и управления информацией.

Обзор литературы

Научный интерес к концепции ДНК-менеджмента обусловлен ростом влияния европейской, и прежде всего итальянской, школы стратегического управления, в рамках которой организация трактуется как «живая система», обладающая способностью к саморегуляции и адаптации к внешним изменениям. Концепт ДНК-менеджмента связывается с формированием устойчивой корпоративной идентичности и поиском оптимального баланса между ценностной и управленческой составляющей бизнес-системы. В академической среде «ДНК-менеджмент» представляет собой самый глубокий уровень системы управления организацией на основе объектно-субъектного подхода. При проектировании системы управления выделяют следующие уровни управления: пазл-менеджмент (первый уровень), легио-менеджмент (второй уровень), оригами-менеджмент (третий уровень) и ДНК-менеджмент (четвертый уровень).

Содержание указанных уровней управления, а также различные подходы к определению ДНК-менеджмента были исследованы автором в статье «ДНК-менеджмент как способ организации управления цепочкой

создания ценности» [1]. Не пересказывая содержание названной статьи следует, однако, оговориться, что в научной литературе существует два понимания «ДНК-менеджмента»: ДНК-менеджмент как система ценностей компании (Г. Морган [5], Б. Гудвин, К. Баскин [2], А. Линдгрэн, В. Свон [4]) и ДНК-менеджмент как способ управления компанией (Г. Нильсон, Б. Пастернак, Д. Мендес [6], Н.Д. Воронин [1]). ДНК-менеджмент как система ценностей компании представляет собой разделяемые сотрудниками и потребителями ценности, формирующие корпоративную ДНК и повышающие доверие к продукту и, в конечном счете, увеличивая продажи компании. В данном смысле можно назвать указанный подход к ДНК-менеджменту «маркетинговым». При таком подходе в ДНК организации будут входить «миссия компании», «культура и стратегия компании», «история компании», «корпоративный стиль», «ценности компании».

ДНК-менеджмент как способ управления компанией представляет собой набор факторов, взаимодействие которых составляет уникальную технологию управления организацией, определяет ее специфику и эффективность ее функционирования. Применительно к построению системы управления организацией это означает, что компания рассматривается как «живая организация», способная самостоятельно реагировать на постоянные изменения, связанные с созданием ценности, персоналом, условиями внешней среды посредством 4-х составляющих своей ДНК: структура, процедура принятия решений, мотиваторы и информация. Такой подход к ДНК-менеджменту можно назвать «управленческим». Исследования автора в области владельческого управления, способов управления группой компаний и управленческого подхода к ДНК-менеджменту показали, что ДНК-менеджмент является именно владельческим инструментом управления бизнесом.

Результаты и обсуждение

Организационная ДНК воплощает в себе основные, часто негласные, элементы идентичности организации – ее общие ценности, нормы, подходы к лидерству и методы коммуникации. Так, основными компонентами ДНК-системы группы компаний с точки зрения владельческого управления, являются:

1. Структура (определение организационно-правовой структуры бизнес-системы).
2. Процедура принятия решений (на основе выбранной владельцем корпоративной структуры бизнес-системы).
3. Мотиваторы и контроль владельца (определение системы поощрений и вознаграждений топ-менеджмента, а также системы контроля за деятельностью бизнес-системы в зависимости от выбранной модели бизнеса).
4. Информация (определение объема и порядка доступа к информации о деятельности бизнес-системы или отдельных ее частей, установление режима конфиденциальности и пр.).

Рассмотрим далее указанные выше основные компоненты более

подробно.

Структура

В рамках владельческого управления группа компаний формируется как система, внутри которой каждая организация выполняет собственную роль. Наиболее заметное место занимает «лицо бизнеса», обеспечивающее узнаваемость и рыночную идентичность всей системы (см. табл. 1), в котором концентрируются бренд, маркетинг и коммуникации с клиентом, а высокая доля нематериальных активов делает такую компанию особенно чувствительной к репутационным рискам. Деятельность лица бизнеса целесообразно обособлять от компаний, отвечающих за финансовые результаты.

Функции генерации денежных потоков находятся в «центре прибыли», который создает основу для финансирования группы и выплаты дивидендов владельцу. Однако устойчивость работы центра прибыли во многом зависит от правильного распределения рисков и недопущения ситуаций, при которых финансовая нагрузка искусственно смещается в пользу иных структур. Наконец, вспомогательные задачи и операционное сопровождение бизнес-процессов возлагаются на «ординарные компании», которые позволяют масштабировать деятельность и диверсифицировать риски, но одновременно требуют контроля, чтобы избежать превращения в центры убытков и связанных с этим правовых последствий [7]. В совокупности все три типа компаний создают взаимодополняющую систему, где баланс между репутационной, финансовой и операционной составляющей становится ключевым условием устойчивого развития.

Таблица 1

Типы компаний в структуре группы

Тип компании	Основное назначение	Ключевые активы / ресурсы	Риски и особенности
Лицо бизнеса (Brand-Facing Entity)	Формирование рыночной идентичности, работа с клиентом, удержание внимания потребителей	Нематериальные активы (бренд, репутация, клиентская база, торговые марки)	Уязвимость к репутационным рискам, необходимость обособления от центра прибыли
Центр прибыли (Profit Engine)	Генерация денежных потоков, финансирование группы, дивиденды для владельца	Финансовые результаты, активы, обеспечивающие прибыль	Риск признания схемы «центр прибыли – центр убытков» недобросовестной
Ординарные компании (Operational Support Units)	Выполнение вспомогательных функций, масштабирование бизнеса, диверсификация рисков	Операционные процессы, поддерживающие бизнес-систему	Риск превращения в центр убытков, возможность доначислений при выявлении фиктивных операций

Источник: составлено автором по данным [7; 8]

При выстраивании бизнес-системы владельцам необходимо учитывать следующую правовую позицию Верховного Суда РФ: бизнес-модель, предполагающая получение должником выручки от осуществляемой им деятельности значительно ниже того, на что он вправе был бы рассчитывать в рамках рыночных отношений. Несмотря на то, что получение дохода ниже объективного потенциала прибыли от производственной деятельности само по себе не является незаконным и находится в сфере ведения органов управления корпорации (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 04.12.2012 № 8989/12), с точки зрения законодательства о банкротстве такая деятельность приобретает недобросовестный характер в момент, когда она начинает приносить вред кредиторам, то есть когда поступления в имущественную массу должника становятся ниже его кредиторской нагрузки (Определение ВС РФ от 25 сентября 2020 года № 310-ЭС20-6760).

Бизнес-схема «центр прибыли-центр убытков» признается судами недопустимой. Вместе с тем, в данном вопросе судам (а следовательно, и владельцам бизнеса) необходимо исследовать всю совокупность обстоятельств, в которых функционирует группа компаний. Так, в одном из споров, Верховный Суд РФ (Определение ВС РФ от 2 февраля 2024 г. № 305-ЭС19-27802) указал, что для целей проверки доводов о создании бизнес-схемы «центр прибыли – центр убытков» само по себе наличие субподрядных отношений между заинтересованными лицами не может быть квалифицировано как недобросовестное перераспределение прибыли. Для проверки доводов о создании бизнес-схемы «центр прибыли – центр убытков» необходимо исследовать всю совокупность взаимоотношений сторон, участвующих в исполнении конкретных подрядных контрактов, в которых ответчик выступал генподрядчиком, а должник – субподрядчиком. Кроме того, выявление только соотношения выручки генерального подрядчика и субподрядчика для целей установления «центров прибыли и убытков» некорректно еще и по той причине, что генеральный подрядчик, как правило, привлекает несколько субподрядчиков, а часть работ выполняет самостоятельно. Поэтому судам следует установить не обстоятельства такого соотношения, а определить, имеется ли существенная диспропорция между затратами должника на исполнение договоров, по которым должник привлекался в качестве субподрядчика, и его доходами (аномально высокие показатели прибыли и разные финансовые результаты из одного и того же объема работ).

Вторая опасность для владельца при диверсификации рисков с помощью группы компаний – риск признания компаний, входящих в группу компаний, дроблением бизнеса. Дробление бизнеса – это незаконное разделение организации на несколько взаимосвязанных юридических или индивидуальных предпринимателей. Процедуру проводят с целью распределить доходы между компаниями исключительно с целью снижения

налогов с помощью специальных налоговых режимов.

Признаки, которые могут свидетельствовать о дроблении бизнеса, изложены в Письме ФНС России от 11.08.2017 г. № СА-4-7/15895@. Правовыми последствиями выявления ФНС России искусственного дробления бизнеса с целью уклонения от налогов, являются налоговые доначисления в виде выгоды от незаконного применения льготных налоговых режимов, а также доначисления в виде налогов, штрафов и пени в размере 50% от суммы доходов за три года (статьи 54.1., 82, 89, 90, 105.1., 346.11 – 346.13, 346.18, 346.19 Налогового кодекса РФ).

За крупную и особо крупную неуплату налогов предусмотрена уголовная ответственность (статья 199 Уголовного кодекса РФ. Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией – плательщиком страховых взносов). При квалификации наличия либо отсутствия дробления бизнеса необходимо также учитывать правовые позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ. Так, согласно пунктам 3 и 7 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды», налоговая выгода может быть признана необоснованной, в частности, в случаях, если для целей налогообложения учтены операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом или учтены операции, не обусловленные разумными экономическими или иными причинами (целями делового характера).

Конституционный Суд РФ исходит из следующего: «Конституционный Суд Российской Федерации поддерживает в своих решениях презумпцию добросовестности налогоплательщика, которую можно опровергнуть лишь при соблюдении законных условий и с наступлением только законных, а не произвольных последствий. Он также поддерживает позицию о конституционно приемлемых условиях наступления ответственности, включая то, что ответственность может наступать лишь за деяния, предусмотренные законом.

Признак умысла, вменяемый заявителю, как бы внушительно ни выглядел, вряд ли имеет самостоятельное значение в деле о взыскании налогов. Более того, очевидно, что предпринимательскую деятельность ведут и регистрируют ее субъектов всегда намеренно (не нечаянно). Не всё в предпринимательстве дальновидно и успешно, но все намеренно и в этом смысле умышленно. Это, однако, не образует признака противоправности, включая «умышленное» получение выгод и сокращение расходов, поскольку и то и другое состоит под защитой закона.

Равным образом не образует признаков правонарушения «создание искусственной ситуации» ни в предпринимательской деятельности, ни в налоговых правоотношениях. Это означает всего лишь намеренную деятельность (вместо спонтанной) с намеренным (по своему усмотрению) вступлением в правоотношения, которые в любом случае создают какую-либо

«искусственную ситуацию».

«Формальность» действий и «формальное соблюдение действующего законодательства» – также не основание правоограничений, но, напротив, существенный признак правомерного (законного) поведения налогоплательщика.

Не опровергает презумпцию добросовестности налогоплательщика и не образует состава правонарушения и «дробление бизнеса», тем более формальное. Ведение предпринимательской деятельности в одном лице или в нескольких нигде не описано как состав правонарушения. Одно лицо может правомерно участвовать на законных условиях в деятельности разных субъектов, а если делает это еще и формально, то, значит, исполняет формально установленные правила. Это повсеместно принято как вид правомерного предпринимательского поведения с использованием законных возможностей. Чтобы его прекратить, нужно либо прямо отказать неограниченному кругу лиц в использовании различных организационных форм и режимов налогообложения, либо взять такие виды поведения на подозрение. Тогда налоговые органы смогут безотносительно к содержанию, форме и составу участников сделок решать, в чем их «существо», и квалифицировать их по своему усмотрению вплоть до налоговых правонарушений.

Семейное предпринимательство нередко ведут в нескольких организационных формах, что не делает всех участников одним субъектом и не преддрекает с их стороны нарушений закона. Обязывать всех родственников участвовать лишь в одном юридическом лице при осуществлении предпринимательской деятельности либо состоять исключительно в найме у родственника-предпринимателя невозможно, если не вернуться в правопорядок до Французской революции.

Если бы риск злоупотребления от участия в разных лицах или от общей деятельности взаимосвязанных субъектов предпринимательства был чрезмерным и требовал законодательного вмешательства, то оно, быть может, и состоялось в запретах и ограничении права вести предпринимательскую деятельность не более чем в одной организационно-правовой форме.

Правда, принуждение к объединению нуждалось бы в конституционно-правовой оценке на соответствие основам экономической свободы. Пришлось бы учесть и экономические последствия, включая перспективы перемещения экономики из прозрачного состояния в неформальный теневой сектор. Пришлось бы также оценить совместимость ограничений с конституционными правами, включая право каждого на уважение достоинства, а также с принципами высшей ценности прав и свобод человека и гражданина, пропорциональности, поддержания доверия граждан к закону и действиям государства и т.д.

В любом, однако, случае правоприменительная практика, прежде чем состоятся такие законодательные решения, не может вводить от себя новые ограничения прав, новые составы правонарушений и санкции за их

совершение. Как и «недобросовестность», получение «необоснованной налоговой выгоды» нельзя принимать за состав правонарушения в действиях налогоплательщика. Она не имеет законных правовых последствий в виде ответственности» (Определение Конституционного Суда РФ от 04.07.2017 г. №1440-О).

Таким образом, само по себе разделение бизнеса и обособление бизнес-процессов в виде самостоятельных юридических лиц, не является незаконным. Другие значимые правовые позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ: выявление необоснованной налоговой выгоды не предполагает определения налоговой обязанности в более высоком размере (что означало бы применение санкции), а может служить основанием для доначисления суммы налога, подлежащей уплате в бюджет таким образом, как если бы налогоплательщик не злоупотреблял правом (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 05.04.2018 № 305-КГ17-20231, от 06.03.2018 № 304-КГ17-8961, от 30.09.2019 № 307-ЭС19-8085, от 28.10.2019 № 305-ЭС19-9789, от 19.05.2021 № 309-ЭС20-23981 и др.; постановления Конституционного Суда РФ от 28.03.2000 № 5-П, от 17.03.2009 № 5-П, от 22.06.2009 № 10-П, определение от 27.02.2018 № 526-О и др.).

Процедура принятия решений

Определив структуру бизнес-системы, владелец определяет корпоративную структуру, на базе которой определяется процедура принятия ключевых решений в бизнес-системе. Кроме того, владелец бизнеса, будучи архитектором всей бизнес-системы, должен учитывать вышеприведенные позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, и стремиться избегать ситуации формирования «центра прибыли» и «центра убытков», а также избегать дробления бизнеса.

Сказанное, однако, не отменяет широкий перечень правомерных действий владельца по управлению группой компаний и определению компаний типа «лицо бизнеса», «центр прибыли», «ординарные компании». Так, владельцу бизнеса необходимо иметь аргументы в пользу разумных экономических причин и целей делового характера при обособлении бизнес-процессов в отдельном юридическом лице.

Таковыми целями могут быть: стремление расширения производства (отдельных производственных процессов), масштабирование бизнеса, поиск новых рынков сбыта (например, в компании имеется собственная служба доставки, обслуживающая интересы одной цепочки и для поиска дополнительных источников прибыли владельцем принимается решение обособить транспортные услуги в виде самостоятельного юридического лица с целью предоставления транспортных услуг третьим лицам) и так далее.

Мотиваторы и контроль

Эффективное владельческое управление невозможно без выстраивания сбалансированной системы мотиваторов и контроля. Владелец устанавливает систему поощрений и вознаграждений для топ-менеджмента, а также систему

контроля за деятельностью группы компаний в зависимости от выбранной модели бизнеса. Система контроля со стороны владельца предполагает выбор оптимального сочетания формальных и неформальных механизмов. Формальные механизмы включают регулярную отчетность, внутренний аудит, использование ключевых показателей эффективности (KPI) и мониторинг рисков. Неформальные – доверительные отношения, персональное влияние собственника, участие в ключевых переговорах и стратегических сессиях [8]. Баланс между ними определяется выбранной моделью бизнеса и степенью автономии менеджмента.

Информация

Владелец определяет перечень лиц, владеющих информацией (и объем такой информации), способы передачи информации от владельца к третьему контуру управления, устанавливает режим конфиденциальной информации. Еще в начале XIX века Натан Ротшильд произнес легендарный афоризм «Кто владеет информацией – тот владеет миром», актуальность которого только нарастает с течением времени. Все чаще постиндустриальную эпоху именуют «информационной». Значимость информации в современном мире невозможно переоценить. Владелец является тем лицом, которое обладает наиболее полной информацией о состоянии и деятельности бизнес-системы в целом, определяет допуск (уровень погружения) к информации топ-менеджеров, в чем заключается его искусство управления. Управляя группой компаний, опираясь на современные динамические теории бизнес-модели и предлагаемых моделей, бизнеса, владелец всегда вынужден анализировать внешнюю и внутреннюю среду с тем, чтобы быть адаптивным к изменениям.

Внешняя среда представляет для владельца общую ситуацию на рынке, на котором представлена группа компаний, а также существование тех самых «иных факторов», о которых автор работы писал в разделе «критерии выбора модели бизнеса». Внутренняя среда представляет собой ситуацию внутри группы компаний, при которой владелец постоянно оценивает верность избранной им системы управления группой компаний [9]. Последнее время набирает популярность термин «архитектор бизнеса». Его часто применяют к особой категории менеджеров, но на самом деле архитектором бизнес-системы, функционирующей в виде группы компаний, является владелец. Так, именно владелец, управляя цепочкой создания ценности, определяет, какие бизнес-процессы стоит обособлять в виде отдельной организационно-правовой структуры, какие стоит отдать на аутсорсинг или аутстаффинг, а какие аккумулировать в рамках одного юридического лица.

В данной связи можно вести речь об управлении как искусстве, так как владелец должен предвидеть как меняющиеся запросы конечных потребителей, так и появляющиеся с развитием технологий новые возможности для бизнеса. Под такие запросы и технологии владелец перестраивает бизнес-систему. Используя концепцию ДНК-менеджмента владельцу удобно адаптировать бизнес-систему под конкретные запросы внешней или внутренней среды. Так, владелец может изменить адаптировать

структуру бизнес-системы под насущные потребности, либо изменить процедуру принятия решений, если увидит в этом потребность (например, предоставит больше полномочий второму или третьему контуру управления организацией). В ряде случаев изменение мотиваторов может повлечь повышение эффективности управления отдельно взятой организацией или группы компаний в целом. Наконец, определение объема и порядка доступа к информации о деятельности бизнес-системы или отдельных ее частей также может послужить фактором, улучшающим финансовые результаты бизнес-системы. Таким образом, ДНК-менеджмент является эффективным владельческим инструментом управления бизнесом. Автор полагает, что ДНК-менеджмент будет набирать популярность среди владельцев бизнеса в ходе практического управления бизнес-системами.

Заключение

Анализ подтвердил, что концепция ДНК-менеджмента обладает потенциалом, выходящим за рамки её традиционного маркетингового понимания. Рассматривая бизнес как живую систему, ДНК-менеджмент может служить целостным инструментом владельческого управления, обеспечивающим согласованность между структурой группы компаний, процессами принятия решений, системой стимулирования управленцев и управлением информационными потоками. Научная новизна исследования проявляется в разработке концептуальной модели, которая объединяет ценностное и управленческое измерения ДНК-менеджмента и тем самым задаёт основу для более глубокого понимания механизмов владельческого управления. Предложенный взгляд позволяет уйти от фрагментарных трактовок и интерпретировать ДНК-менеджмент как динамическую систему, в которой стратегические решения собственника напрямую определяют устойчивость и адаптивность всей группы компаний.

Практическая значимость настоящей статьи заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы владельцами и топ-менеджерами для выстраивания более устойчивых моделей корпоративного управления, минимизации правовых и финансовых рисков, а также повышения прозрачности и управляемости сложных бизнес-систем. Перспективы дальнейших исследований связаны с более детальным изучением механизмов интеграции ДНК-менеджмента в процессы цифровой трансформации бизнеса, анализом его влияния на корпоративные стратегии в международном контексте, а также с разработкой методик оценки эффективности применения данного инструмента в реальных бизнес-системах.

Литература

1. Воронин Н.Д. ДНК-менеджмент как способ организации управления цепочкой создания ценности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2024. № 11. С. 13–16.
2. Goodwin B. Reviews: Corporate DNA: Learning From Life, Ken Baskin // Emergence. 1999. Vol. 1 (2). P. 160–162.
3. Keller K.L. Strategic Brand Management: Building, Measuring and Managing Brand Equity. 3rd Edition, Pearson Prentice Hall, Upper Saddle River. 2008.
4. Lindgreen A. and Swaen V. (Corporate social responsibility”, International Journal of Management Reviews. 2009. Vol. 12. №1. URL: <https://orca.cardiff.ac.uk/id/eprint/55309/1/Article%2053.pdf>.
5. Morgan G. Images of Organization. Berrett-Koehler Publishers. 1998.
6. Neilson G., Pasternack B., Mendes D. The Four Bases of Organizational DNA. Strategy+Business. URL: <https://www.strategy-business.com/article/03406>.
7. Digha M. N. Morgan’s Images of Organizations Analysis // International Journal of Innovative Research & Development. 2014. Vol. 3, Iss. 13. P. 201–208.
8. Nazarpouri A., Sepahvand R., Hakak M., Hamidavi E. Meta-synthesis of Talent Management Practices and Organizational DNA // Journal of Human Resource Management. 2025. Vol. 13 (3). P. 45–58.
9. Elsakaan R.A.-E.M., Ragab A.A., El-Gharbawy A. Ghanem A.-N. The Impact of the Organizational DNA on the Institutional Excellence of Alexandria Petroleum Companies through Improving Organizational Performance as a Mediating Variable // Open Access Library Journal. 2021. Vol. 8. URL: <https://doi.org/10.4236/oalib.1107691>.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 8 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/tarifnoe-regulirovanie-livnevyyh-kanalizaczij-v-rossii-i-za-rubezhom/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3
УДК 338.51
DOI: 10.54861/27131211_2025_8_129

ТАРИФНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛИВНЕВЫХ КАНАЛИЗАЦИЙ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

*Залян Э.С., аспирант, Российский университет дружбы народов им.
Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3041-8856>*

*Сиваев С.Б., кандидат технических наук, профессор, Высшая школа
урбанистики им. А.А. Высоковского; Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6196-9040>*

Аннотация. Отвод поверхностных стоков с городских территорий в России традиционно остается сферой ответственности муниципальных властей и влечет за собой значительную нагрузку на местные бюджеты. Ограниченность бюджетных ресурсов вынуждает органы местного самоуправления искать новые модели финансирования ливневой канализации, включая механизмы тарифного регулирования. В то время как в ряде зарубежных стран уже накоплен опыт использования тарифов на услуги водоотведения поверхностных стоков как инструмента устойчивого финансирования, в России подобные практики находятся на этапе становления и требуют научного анализа. Таким образом, встает исследовательская задача выявить и оценить существующие подходы к тарифному регулированию в данной сфере, сопоставить отечественный и зарубежный опыт, а также разработать рекомендации по формированию эффективных тарифных механизмов, способных обеспечить долгосрочную устойчивость системы ливневой канализации и создание комфортной городской среды. В статье проведен анализ практик финансирования водоотведения поверхностных сточных вод в России, США и Германии. Использовались методы системного контент-анализа научной литературы и нормативно-правовой базы. Изучение отечественного опыта выявило недостатки существующих механизмов. Зарубежный опыт показал, что тарификация абонентов – собственников земельных участков является эффективной стратегией для финансирования работы организаций, обслуживающих ливневую канализацию. Механизмы расчета тарифа зависят от ряда факторов: существующая нормативная база, инженерные особенности инфраструктуры, а также от территориальных аспектов – морфотипов, характерных для данной местности. Несмотря на ряд различий в используемых подходах, общая зарубежная тенденция тарифной политики заключается в применении методов агрегирования получателей услуги, которые позволяют снизить административные издержки по принятию тарифных решений, но в то же время обеспечивают принцип ценовой справедливости.

Однако для того, чтобы тарификация была эффективной, необходимо законодательно закрепить статус ливневой канализации как платной услуги по содержанию земельных участков и объектов недвижимости.

Ключевые слова: ливневая канализация, поверхностный сток, городская инфраструктура, тарифы на водоотведение, тарифное регулирование.

STORM SEWERS TARIFF POLICY IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Zalyan E.S., Postgraduate Student, Peoples' Friendship University of Russia.

Patrice Lumumba, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3041-8856>

Sivaev S.B., Candidate of Technical Sciences, Professor, Higher School of Urban Studies named after A.A. Vysokovsky; National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6196-9040>

Abstract. The removal of surface wastewater from urban areas in Russia has traditionally remained the responsibility of municipal authorities and entails a significant burden on local budgets. Limited budgetary resources force local governments to look for new models of financing storm sewers, including tariff regulation mechanisms. While a number of foreign countries have already accumulated experience in using tariffs for surface wastewater disposal services as a tool for sustainable financing, in Russia such practices are in their infancy and require scientific analysis. Thus, the research task is to identify and evaluate existing approaches to tariff regulation in this area, compare domestic and foreign experience, and develop recommendations for the formation of effective tariff mechanisms that can ensure the long-term sustainability of the storm sewer system and create a comfortable urban environment. The article analyzes the practices of financing surface wastewater disposal in Russia, the USA and Germany. Methods of systematic content analysis of scientific literature and regulatory framework were used. The study of domestic experience has revealed the shortcomings of existing mechanisms. International experience has shown that billing subscribers who own land plots is an effective strategy for financing the work of organizations that service storm sewers. The mechanisms for calculating the tariff depend on a number of factors: the existing regulatory framework, the engineering features of the infrastructure, as well as on territorial aspects – morphotypes characteristic of a given area. Despite a number of differences in the approaches used, the general foreign trend in tariff policy is to use aggregation methods for service recipients that reduce administrative costs for tariff decision-making, but at the same time ensure the principle of price fairness. However, in order for charging to be effective, it is necessary to legislate the status of storm sewers as a paid service for the maintenance of land and real estate.

Keywords: drainage fee, service financing, stormwater financing, stormwater funding, stormwater management.

JEL classification: R51, D43, G28.

Для цитирования: Залян Э.С., Сиваев С.Б. Тарифное регулирование ливневых канализаций в России и за рубежом // Прогрессивная экономика. 2025. № 8. С. 129–150. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_129.

Статья поступила в редакцию: 19.08.2025 г. Одобрена после рецензирования: 25.08.2025 г. Принята к публикации: 26.08.2025 г.

For citation: Zalyan E.S., Sivaev S.B. (2025). Storm sewers tariff policy in Russia and foreign countries. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 8, 129–150, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_129 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 19/08/2025. Approved after review: 25/08/2025. Accepted for publication: 26/08/2025.

Введение

Во всем мире рост доли городского населения остро ставит вопрос развития коммунальной инфраструктуры [1]. Изменение естественных ландшафтов [2], климатические явления, увеличение частоты и интенсивности ливневых осадков [3], появление в процессе городского развития водонепроницаемых поверхностей [4] требуют создания инфраструктуры отведения поверхностного стока. Однако создание и обеспечение работоспособности ливневой канализации нуждается в стабильных источниках финансирования [5]. В этой связи ключевой задачей органов муниципального управления становится поиск эффективных и устойчивых финансово-экономических механизмов, способных обеспечить бесперебойное функционирование и развитие систем водоотведения. Традиционные подходы, основанные исключительно на бюджетных ассигнованиях, зачастую не способны покрыть растущие затраты на строительство, модернизацию и текущее содержание объектов ливневой канализации, что, в свою очередь, влечет за собой значительные социально-экономические издержки.

Согласно экспертным оценкам, проблема подтопления городских территорий в России носит системный характер. Ещё в 2006 году, по данным директора Ассоциации производителей трубопроводных систем В. Ткаченко, регулярные подтопления фиксировались в 960 из 1092 городов, что составляло 88% от их общего числа [6]. На сегодняшний день положительной динамики не наблюдается, что свидетельствует о повсеместной проблеме дефицита, критического износа или отсутствия инфраструктуры для отвода поверхностных вод. Высокую степень деградации данных систем подтверждает председатель комиссии по проектному финансированию Общественного совета при Минстрое Р. Гарипов, указывая, что уровень износа объектов ливневой канализации во многих субъектах РФ достигает 60–90% [7].

Складывается противоречивая ситуация: с одной стороны, существует объективная и масштабная потребность в развитии и модернизации инфраструктуры отведения поверхностных вод, с другой — отсутствуют устойчивые механизмы её финансирования. В условиях, когда традиционные бюджетные источники не справляются с нагрузкой, а износ систем достиг

критических значений, назрела острая необходимость в поиске альтернативных инструментов. Одним из таких механизмов, доказавших свою эффективность в международной практике, является тарифное регулирование.

Таким образом, цель данной работы – проанализировать существующие практики тарифного регулирования отвода поверхностного стока в России и в зарубежных странах и предложить тарифные механизмы устойчивого финансирования ливневой канализации для обеспечения комфортной городской среды в России. Для этого была изучена практика тарификации услуг по отведению поверхностного стока в России, проведен сравнительный анализ тарифных политик в зарубежных странах, после чего были выявлены элементы тарифной политики, эффективные для интеграции в российское законодательство и практики.

Обзор литературы

Анализ российской практики тарификации водоотведения поверхностных сточных вод показывает, что экономический аспект функционирования ливневой канализации все еще остается малоисследованным. В настоящее время экономическая природа функционирования ливневой канализации рассматривается либо как разновидность коммунальных услуг, как часть городской системы хозяйственно-бытового водоотведения (о чем свидетельствует профильная нормативно-правовая база [8; 9; 10]), либо как публичное благо, требующее бюджетного финансирования. Проведенный авторами анализ показывает, что обе эти точки зрения неверны. Исследуемые российские и зарубежные практики демонстрируют, что данная услуга связана с содержанием земельного участка и расположенного на нем объекта недвижимости [11; 12 и др.] и не относится ни к публичным благам, ни к коммунальным услугам.

При этом ливневая канализация – часть городской инженерной инфраструктуры, которая должна обеспечивать нормальное функционирование объектов недвижимости с прилегающими к ним земельными участками в случае дождевых осадков в условиях городской среды [13]. Поэтому представляется, что именно собственники недвижимости и земельных участков как основные выгодоприобретатели должны оплачивать услуги ливневой канализации, а не общество в целом. Определение стоимости услуги для каждого конкретного бенефициара представляет собой центральную проблему экономики коммунального хозяйства. Ключевым инструментом решения данной задачи выступает механизм тарификации [14], согласно которому абоненты – собственники земельных участков становятся участниками финансирования ливневой канализации, ее содержания и развития [15; 16].

Неопределенный нормативно экономический статус ливневой канализации в России приводит к недостаточности и непрозрачности ее финансирования [17]. В каких-то случаях она финансируется из местного бюджета (при том, что такой статьи в расходах муниципальных бюджетов

найти не удалось), в каких-то – за счет потребителей услуги по отводу хозяйственно-бытовых стоков (т.е. в основном населением при наличии общей хозяйственно-бытовой и ливневой системы канализации). Появилась местная практика тарификации услуги водоотведения поверхностных стоков: эксплуатация ливневой инфраструктуры финансируется за счет тарифов, устанавливаемых региональным регулятором, что полностью соответствует общемировой тенденции о взимании платы с владельцев земельных участков.

Проведенный авторами статьи анализ показал, что в России отсутствует нормативно-правовая база тарификации водоотведения поверхностных стоков. Поверхностные сточные воды не являются отдельным объектом регулирования и включаются в общее понятие сточных вод, поэтому методология расчета тарификации услуг хозяйственно-бытового стока используется для расчета тарификации услуги по поверхностному стоку. Такой подход представляется допустимым, но ставит целый ряд методических вопросов, на которые в настоящее время нет ответа в нормативном поле: требуется доработка нормативной правовой базы по вопросам отведения поверхностного стока с городских пространств для дальнейшего развития сети ливневой канализации и определение механизмов ее устойчивого финансирования.

Материалы и методы

В рамках исследования авторами были использованы методы контент-анализа российской и зарубежной научной литературы, системный анализ нормативно-правовых актов и программных документов России и зарубежных стран в сфере водоотведения, статистический анализ тарифов и тарифной выручки, а также метод индукции.

Результаты и обсуждение

В соответствии с Федеральным законом «О водоснабжении и водоотведении» от 07.12.2011 N 416-ФЗ [8] система регулируемых тарифов водоотведения сточных вод включает три вида тарифов:

- тариф на водоотведение;
- тариф на транспортировку сточных вод;
- тариф на подключение (технологическое присоединение) к централизованной системе водоотведения.

При отсутствии утвержденных тарифов, дифференцированных по категориям сточных вод, оплата должна производиться по тарифам на водоотведение, утвержденным для регулируемой организации:

$$T_i = \frac{HVB_i}{Q_i}, \quad (1)$$

где T_i – тариф регулируемой организации, устанавливаемый на i -й год, руб./м³; HVB_i – необходимая валовая выручка регулируемой организации, относящаяся на соответствующий регулируемый вид деятельности,

рассчитанная на i -й год, руб; Q_i – объем отпускаемой i -й регулируемой организацией воды (принимаемых сточных вод) абонентам и другим регулируемым организациям, м³.

Фактически формула (1) методических рекомендаций [10] закрепляет практику определения тарифа на услуги по водоотведению поверхностных стоков путем деления НВВ на общий объем принятых сточных вод.

Согласно этим методическим рекомендациям, расчет НВВ может быть произведен одним из четырех способов: (1) методом сравнения аналогов; (2) методом экономически обоснованных расходов; (3) методом доходности инвестированного капитала и (4) методом индексации.

В относительно небольшой российской практике единственным методом расчета НВВ при тарификации водоотведения поверхностного стока является метод индексации. В этом случае к долгосрочным параметрам регулирования тарифов относятся:

- базовый уровень операционных расходов;
- индекс эффективности операционных расходов;
- нормативный уровень прибыли;
- показатели энергосбережения и энергетической эффективности (уровень потерь воды, удельный расход электроэнергии).

В части тарификации услуги по отведению поверхностного стока возникает несколько содержательных вопросов.

1. Отведение хозяйственно-бытовых стоков и отведение поверхностных стоков по технологии их предоставления – разные услуги, с разными издержками по качественному их предоставлению (в первую очередь, из-за разных нормативных требований по очистке стоков). Поэтому и их стоимость должна различаться.

2. Разная экономическая природа услуг по отведению хозяйственно-бытовых стоков и поверхностных стоков. Предоставление первой услуги связано с потреблением воды в быту или на производстве, второй – с содержанием земельного участка и объектов недвижимости на нем в случае значительной доли водонепроницаемых поверхностей. Поэтому это две разные услуги, которые могут иметь разных выгодоприобретателей (абонентов-плательщиков).

3. Достаточно часто системы хозяйственно-бытовой канализации и ливневой канализации обслуживаются разными организациями. Следовательно, получателями платежей за оказание этих услуг могут быть разные организации.

При утверждении тарифов на услуги по отведению поверхностного стока следует иметь в виду эту специфику. Поскольку в нормативных документах федерального уровня эта специфика не отражена, регионы, устанавливающие тарифы на услуги по отведению поверхностного стока, используют свои версии ее учета.

Вопрос об объеме оказываемых услуг для случая поверхностных стоков также непросто. В соответствии с российским законодательством существуют

две категории учета объема сточных вод: с использованием приборов учета и без. Приборы учета воды не используются при определении количества отведенных поверхностных сточных вод не только в России, но и во всем мире в связи с невозможностью соответствующего учета этого типа воды. Поэтому в России применяется единственный возможный на сегодня метод учета поверхностного стока, а именно метод коммерческого учета сточных вод расчетным способом. Как и в случае с водоотведением хозяйственно-бытовых стоков, ставка тарифа водоотведения поверхностного стока привязана к единице объема отводимого стока. При учете объема отводимых сточных вод рассчитываются не только дождевые, но и все атмосферные осадки, выпадающие на территории абонентов сети (данные по объему атмосферных осадков регулирующие органы получают от Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды; если же для конкретного населенного пункта данные отсутствуют, должны быть использованы фактические объемы осадков ближайшего к населенному пункту поста наблюдательной сети). Согласно правилам расчета объем поверхностных сточных вод ($w_{пс}$), поступающих в централизованные системы водоотведения и включающих дождевую, талую воду, подземные воды (инфильтрация, дренаж) и ирригационные сточные воды, рассчитывается по следующей формуле (2):

$$w_{пс} = w_{д} + w_{т} + w_{гр} + w_{м}, \quad (2)$$

где

$w_{д}$ – объемы дождевого стока, м³;

$w_{т}$ – объемы талого стока, м³;

$w_{гр}$ – объемы грунтовых вод, м³;

$w_{гр} = (w_{инф} + w_{др})$;

$w_{инф}$ – объемы инфильтрационного стока, м³;

$w_{др}$ – объемы дренажного стока, м³;

$w_{м}$ – объемы поливочного стока, м³.

В соответствии с расчетной формулой (2) плата за водоотведение поверхностного стока рассчитывается на основании метров кубических поверхностных сточных вод, отводимых с земельного участка абонента сети. Ключевыми факторами для определения объема отводимых вод являются площадь земельного участка и характеристики водопроницаемости отдельных его частей для определения коэффициента дождевого стока.

Нормативно закреплённой формулы для расчета объема оказываемых услуг водоотведения поверхностного стока нет. Методические рекомендации [10] позволяют регуляторам тарифицировать абонентов, основываясь на определении объема услуг и исходя из площади участков абонентов и количества осадков, рассчитанных пропорционально размеру участка и независимо от факторов водопроницаемости элементов участка,

коэффициента уборки снега и прочих показателей учета объемов. В этой ситуации абоненты сети оплачивают услугу водоотведения пропорционально размеру участка и характеристикам водопроницаемости его отдельных элементов.

Авторами проведен сравнительный анализ практик тарификации услуги водоотведения поверхностных сточных вод в двенадцати городах России. На рисунке 1 представлены ставки тарифов за услуги водоотведения 1 м³ поверхностных сточных вод (в порядке возрастания). Для сравнения были использованы тарифы на 1 января соответствующего года.

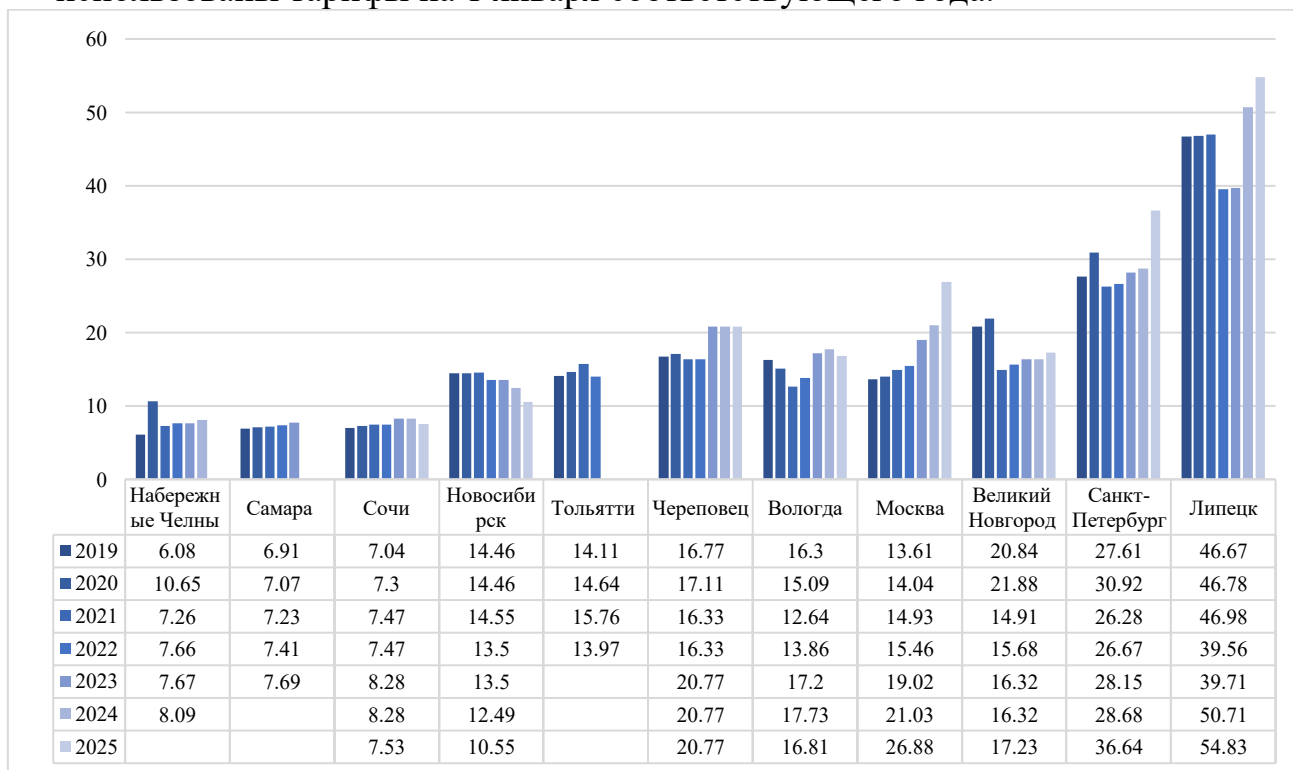

Рис. 1. Тарифы на водоотведение поверхностных сточных вод (в номинальных ценах) в городах России в 2019–2025 гг., руб./м³

Источник: расчеты авторов

Несмотря на номинальный рост тарифов в большинстве городов, нельзя говорить о росте тарифов в экономическом смысле (с учетом инфляционного фактора). В ряде случаев наблюдается изменение долгосрочных ставок тарифа за счет внесения регуляторами корректировок путем принятия новых тарифных решений. Например, в Великом Новгороде тариф на водоотведение поверхностных стоков был уменьшен на треть в 2021 г. В свою очередь в Москве наблюдался существенный рост номинальных тарифов в 2024–2025 гг. Однако данные процессы носят стохастический характер и не являются повсеместными (см. рис. 2). Для изучения существующих российских практик важно сравнить тарифы, приведенные к одному периоду времени (убрать инфляционный фактор). В рамках анализа был выбран базовый 2019 г., так как для данного года имеются данные по всем рассматриваемым городам.

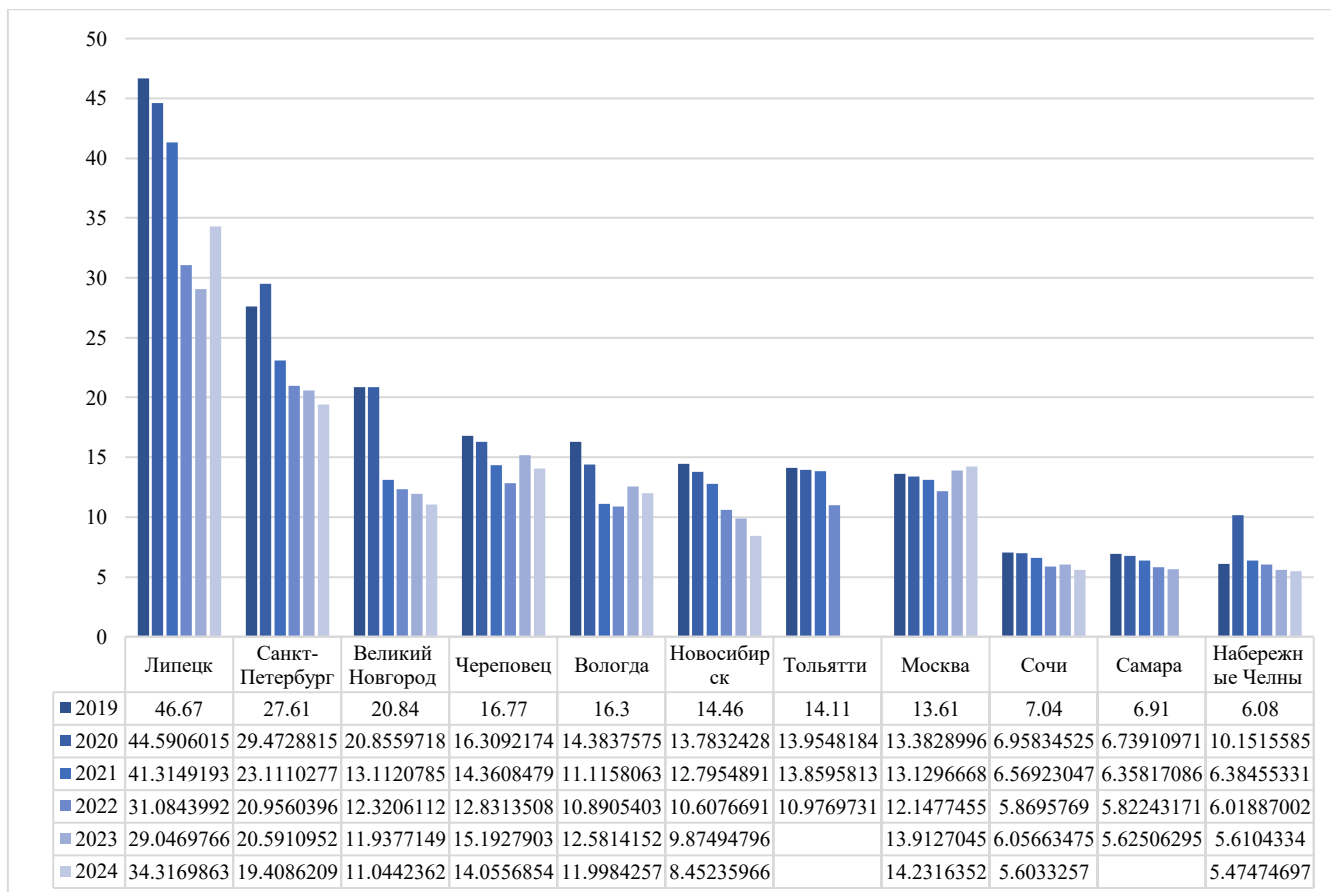

Рис. 2. Тарифы на водоотведение поверхностных сточных вод (в ценах 2019 г.) в городах России в 2019–2024 гг., руб./м³

Источник: расчеты авторов

В большинстве рассмотренных случаев, несмотря на номинальный рост тарифов с течением времени, в приведенных ценах (с учетом инфляционного фактора) тарифы снижаются. Например, в Липецке в 2018–2023 гг. уменьшение тарифа определено существенным снижением НВВ по сравнению с объемом водоотведения. А в Санкт-Петербурге и Великом Новгороде тарифы снижаются по сравнению с уровнем 2018–2019 гг. даже без учета инфляционного фактора. Очевидно, это в значительной степени политическое решение. Только в Москве рост тарифов достаточно хорошо коррелировал с инфляцией.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о номинальном снижении тарифов в большинстве городов. Одна из причин этого заключается в том, что при расчете НВВ фактор ежегодной инфляции, которая в последние годы была существенной, фактически не учтен. Помимо инфляции, очевидно, не принимается в расчет и санкционный режим, который осложнил многие производственные и финансово-экономические процессы и привел к росту транзакционных и административных расходов. Следовательно, при расчете тарифа не учитывается удорожание широкого спектра работ по поддержанию ливневой канализации в надлежащем функциональном состоянии.

Кроме того, по итогам исследования практик в ряде российских городов есть основания полагать, что объемы прогнозируемых сточных вод и их фактические объемы различаются, поскольку регуляторы, как правило, пользуются неактуальными справочными данными о количестве и интенсивности осадков.

В результате анализ российской практики показывает, что отсутствие нормативной регламентации в определении как необходимой валовой выручки, так и объема оказываемых услуг по отводу поверхностного стока приводит к принятию тарифных решений экономически слабо обоснованных, которые не столько обеспечивают необходимое финансирование содержания и развития ливневой канализации, сколько демонстрируют саму возможность привлечения внебюджетных источников финансирования ливневки и введения платы за услуги по водоотведению поверхностного стока для выгодоприобретателей.

Другая важная особенность российской практики заключается в том, что утверждаемые тарифы распространяются только на часть выгодоприобретателей. Абонентами ливневой канализации являются бюджетные организации, юридические лица и индивидуальные предприниматели, а собственники (владельцы) земельных участков, жилищный сектор (т.е. население) услугу водоотведения поверхностного стока не оплачивают. Такой подход можно объяснить экспериментальным характером вводимых тарифов и социальной чувствительностью каких-либо платежей, связанных с жилищно-коммунальными услугами. Поскольку в российских городах преобладает частный жилищный фонд, как в случае индивидуальных домовладений, так и в случае многоквартирных домов (придомовые земельные участки также в этом случае принадлежат частным лицам), то, как следствие, значительная часть выгодополучателей услуги по отводу поверхностного стока не оплачивает.

Также следует отметить, что используемая в российской практике методика расчета тарифа устанавливает размер платы за единицу объема отводимых стоков – величины неизмеряемой и, возможно, неоднозначно трактуемой, а не связывает тариф с характеристиками земельного участка абонента. Однако в конечном счете плата определяется размерами и характеристиками конкретного земельного участка. Алгоритм, используемый для целей перехода от объемов стоков к характеристикам земельного участка, достаточно сложен в применении, поскольку содержит значительное количество трудноопределяемых переменных. Как результат, для тарификации абонентов сети ливневой канализации требуется большая подготовительная работа, связанная, например, с определением элементов с различной водопроницаемостью на каждом земельном участке.

Таким образом, российская практика показывает, что применение нормативно-правовой базы, разработанной для хозяйственно-бытовых стоков для тарификации услуг по водоотведению поверхностных стоков, с одной стороны, позволяет привлечь внебюджетные средства для обеспечения работы

ливневой канализации, с другой стороны, не позволяет решить проблему качественной эксплуатации и развития ливневой канализации в городах России комплексно, поскольку эта нормативно-правовая база не учитывает специфические вопросы предоставления услуг по отведению поверхностного стока.

Особый интерес в контексте тарификации ливневой канализации представляет опыт США и Германии. Эти страны демонстрируют различные подходы к финансированию водоотведения, выступая примерами эффективных и экологически ориентированных моделей.

Водоотведение поверхностных сточных вод в Соединенных Штатах регулируется как федеральными законами, так и законами штатов и нормативными актами муниципалитетов [18]. Именно федеральные законы оказали влияние на принимаемые на местах решения о тарификации, в результате чего Соединенные Штаты Америки являются страной с самым большим многообразием механизмов тарификации водоотведения поверхностных стоков.

Подходы, которые используют в США, можно разделить на две группы [19]. Первая группа тарифов на отведение поверхностного стока базируется на фиксированных ставках для всех собственников недвижимости, независимо от того, какой объем воды отводится с участков абонентов [20], вторая – на использовании переменных ставок (*variable fee*) с учетом выраженных в привязке к различным переменным объемам отводимых в ливневую канализацию вод.

Использование группы методов фиксированных ставок направлено на снижение административной нагрузки на муниципалитет посредством тарифного выравнивания всех абонентов. В основе методов фиксированных ставок лежит предположение, что объем отведенных стоков идентичен независимо от характеристик участка абонента.

Методология единой ставки (*flat fee, FF*) подразумевает установление единого тарифа для всех абонентов сети ливневой канализации, т.е. единую фиксированную оплату независимо от объема водоотведения [19]. Такой подход часто используется на первичном этапе для сбора средств, с тем чтобы в дальнейшем перейти к более справедливым системам [21].

Более совершенный многоуровневый метод (*tire fee, TF*) устанавливает разные фиксированные ставки тарифа для определенных категорий абонентов в зависимости от общей площади участка и характеристик его водопроницаемости [22]. Определение категорий и уровней может проводиться на основании таких факторов, как морфотип застройки, функциональное назначение и др.

Таким образом, *FF* и *TF* являются, как правило, начальными инструментами при введении тарифообразования и впоследствии часто заменяются более справедливыми подходами с переменными ставками тарифов, которые точнее отражают объем оказанных услуг. Тарифные методы переменной ставки не привязываются к категоризации абонентов и в большей

степени отражают фактический объем услуг, получаемый каждым абонентом. Такие методы стремятся индивидуализировать платеж. Но при этом в любом случае происходит агрегирование характеристик земельного участка абонента для упрощения расчета платежа. Агрегирование качественных и/или количественных показателей происходит в зависимости от выбранного метода тарификации. К данной группе относится большое количество методов расчета тарифов. Ниже рассмотрим наиболее распространенные из них.

Метод эквивалентной жилой единицы (equivalent residential unity, ERU) является наиболее распространенным в США. Только в Новой Англии до 80% всех услуг, связанных с ливневой канализацией в Соединенных Штатах, оплачивается по тарифам, рассчитанным методом ERU. В основе расчета лежит использование средней (стандартизированной) площади непроницаемой поверхности жилого объекта в качестве стандартной единицы для определения платы за ливневые стоки для жилых объектов в определенной категории зонирования (например, односемейные жилые дома) в соответствующей зоне применения тарифа [22] (формула (3)). В результате применения ERU все объекты недвижимости выбранной категории оплачивают услуги отвода вод по одной эквивалентной ставке. Плата за нежилую недвижимость взимается по показателям стандартизированных ставок ERU путем приведения параметров нежилого участка к жилому по процентному соотношению непроницаемых поверхностей [23] (4):

$$\text{Площадь } ERU = \frac{\text{площадь непроницаемых поверхностей}}{\text{общее число участков недвижимости}} \quad (3)$$

$$= \frac{\text{Число } ERU \text{ на один участок}}{\text{Площадь } ERU} \quad (4)$$

Наравне с простотой у данного метода есть и недостаток. Он используется для взимания платы со всех участков: как с водопроницаемых, так и с непроницаемых, невзирая на общую площадь проницаемости участков [24]. Например, для неосвоенного участка жилой недвижимости со 100% проницаемостью будет выставлен стандартный платеж, так как он привязан к средней водопроницаемости жилой недвижимости.

Вместе с тем ERU примечателен еще по одной причине. Рассмотрим пример: общее число относительных непроницаемых участков сети в городе N составляет 100 000 единиц (50 000 единиц жилой недвижимости и 50 000 единиц нежилой), в результате чего тариф составляет 10 долл. в месяц за 1 ERU. Распределение тарифной нагрузки составит 50х50 процентов между жилой и нежилой недвижимостью. Увеличение ERU с 3 000 до 4 000 кв. футов снижает общее число участков до 87 000, повышает тариф до 11,43 долл. и меняет распределение нагрузки на 57% для жилой, и 43% для нежилой

недвижимости. Если предположить уменьшение ERU до 2 000 кв. футов, то число участков возрастет до 125 000. Это снижает тариф до 8 долл. и распределяет нагрузку в соотношении 40% на жилую и 60% на нежилую недвижимость [25].

Таким образом, площадь стандартного участка существенно влияет на тарифную политику, позволяя городским властям регулировать нагрузку в зависимости от экономической ситуации, доходов населения, перераспределяя платежи между жилой и коммерческой недвижимостью.

В отличие от ERU тарификация по методу эквивалентной водопроводимой площади (equivalent hydraulic area, ЕНА) учитывает не только площадь непроницаемых поверхностей, но также и площадь проницаемых поверхностей [26]. В результате чего методология ЕНА обеспечивает большую справедливость по сравнению с ERU в вопросе фактического учета оказываемых услуг.

Метод водопроницаемой альтернативы (hydrologic alternative, НА) схож с методом ЕНА. Как и ЕНА, он учитывает не только площади проницаемых и непроницаемых поверхностей, но и характеристики водопроницаемости элементов самого участка: тип почвы, топографию, площадь сооружений и т.д. [18]. Учет составляющих характеристик проницаемости поверхностей делает данный тариф самым справедливым из всех рассматриваемых, однако связан с высокими административными издержками.

На основании проделанного анализа тарифных практик в США можно говорить о тенденции к агрегированию тарифных расчетов. Данные механизмы направлены на учет объемов ливневых стоков в соответствии с показателями, которые коррелируют с объемом отведения ливневых стоков, но не тождественны ему. При выборе метода тарификации каждый американский муниципалитет решает для себя оптимизационную задачу о возможном использовании дополнительных параметров для повышения точности расчета тарифа для абонента сети ливневой канализации, фактически отвечая на вопрос: «Улучшится ли общественное благосостояние при большей точности расчетов?». Предложенная Киа [19] классификация тарифных методов переменной и фиксированной ставки позволяет определить степень детализации информации в процессе тарификации от наиболее агрегированных методов к наименее агрегированным.

В Германии, как и в России, в отличие от США большая часть ливневой канализации общесплавная [27]. В результате смешения поверхностных сточных вод с хозяйственно-бытовыми сложно рассчитать вклад каждого отдельного абонента сети канализации в общие расходы ввиду того, что в эти издержки входят затраты на поддержание в нормальном состоянии не только системы хозяйственно-бытовых вод, но также и ливневой канализации. В Германии первоначально получил распространение метод тарификации, согласно которому плата за водоотведение ливневого стока рассчитывается на основании потребления питьевой воды.

Изначально абоненты оплачивали единый тариф услуги по отводу хозяйственно-бытовых стоков, выручки по которому покрывали все издержки общесплавной канализации, включая и ливневые стоки. Следует еще раз отметить, что такой принцип финансирования ливневой канализации до настоящего времени часто встречается и в городах России. В этой ситуации население посредством оплаты хозяйственно-бытовых стоков финансирует услуги ливневой канализации, а органы местного самоуправления – собственники большинства публичных мест, с которых отводятся поверхностные стоки, не оплачивают услуги и являются «безбилетниками».

Однако в 1985 г. Федеральный административный суд Германии определил, что плата за водоотведение сточных вод должна быть разделена, если расходы на ливневую канализацию превышают 12% от общих расходов на водоотведение сточных вод [28]. В этом случае город должен перейти к раздельному тарифу на водоотведение поверхностных вод. В результате в Германии существует два подхода к финансированию ливневой канализации: через тариф на отвод хозяйственно-бытовых стоков и тариф на поверхностные сточные воды.

Расчет единого тарифа на водоотведение основывается на упрощенном предположении, согласно которому объем потребленной питьевой воды равен объему отводимых сточных вод [29]. Это означает, что все расходы на отвод осадков с крыш и водонепроницаемых площадок включались в плату за сточные воды исключительно через потребленный объем питьевой воды. Данный метод подразумевает приравнивание объема потребления воды к объему услуги водоотведения, возлагая на потребителей услуги водоотведения хозяйственно-бытовых стоков все издержки по содержанию канализации.

Данный метод сам по себе не может быть справедливым по отношению к потребителям услуги. Согласно ей:

– владельцы участков, к которым не подведена система водоснабжения и/или которые не потребляют воду в течение календарного года, не оплачивают услугу водоотведения поверхностных сточных вод, т.е. являются «безбилетниками»;

– если абонент не потребляет воду из системы водоснабжения, он и не отводит ливневые воды, что по своей сути неверно.

Положительными сторонами единого тарифа на водоотведение являются простота расчетов и высокая собираемость. Вместе с тем данный метод игнорирует отсутствие связи между объемом потребляемой воды и объемом услуг по водоотведению ливневого стока. Стоит отдельно отметить, что все большее число муниципалитетов отказывается от данного вида тарифной практики и переходит к раздельной плате за водоотведение. В крупных городах Германии введение раздельной платы за водоотведение стало практически повсеместным [30].

Цель перехода на новую систему взимания платы – раздельную плату за сточные воды – достижение бóльшей тарифной справедливости вместо

перераспределения расходов на водоотведение по единой ставке [31]. Кроме того, отдельная плата за сточные воды создает стимул для увеличения числа водопроницаемых поверхностей, а также мест для хранения или инфильтрации осадков, что характерно для экологического вектора развития Германии.

Немецкий тариф, рассчитанный методом проницаемых поверхностей (VR), является аналогичной с американской методологией водопроводимой альтернативы (НА). Определение платы учитывает не только общую площадь проницаемой и непроницаемой поверхности абонентов, но также и водопроницаемые свойства разных элементов земельного участка. Расчет платы абонентов происходит за счет перемножения ставки тарифа за квадратный метр, умноженной на характеристики проницаемости части участка, которая определяется характеристикой водоотведения, и соответствующей доли участка, занимаемой данной поверхностью (5):

$$FEE = \sum_i Q_i * \Psi_i * C_{НА}, \quad (5)$$

где $C_{НА}$ – ставка тарифа методом VR, евро/м²; Q_i – площадь участка абонента со схожими характеристиками проводимости; Ψ_i – гидравлический коэффициент стока, т. е. характеристики водопроницаемости (проводимости) i -го покрытия на территории абонента.

На практике показатели коэффициента проницаемости стока стандартизированы (агрегированы) для наиболее распространенных видов покрытий. Например, в Баден-Бадене коэффициент стока для асфальта составляет 0,9 – почти непроницаемая поверхность, тогда как для травы 0 – полностью проницаемая поверхность. В результате увеличение площадей проницаемых поверхностей приводит к снижению тарифной платы для абонента сети ливневой канализации.

Наибольшей сложностью при применении данного метода тарификации является учет территорий абонента и их категоризация. На практике учет характеристик земельного участка может быть произведен двумя способами. Во-первых, это аэрофотосъемка, которая наряду с планировочными документами и земельным кадастром позволяет определить площади проницаемых и непроницаемых объектов на участках абонентов [32]. Во-вторых, это методы самооценки, когда абоненты самостоятельно передают данные об участках в регулирующие органы. Эта процедура дополняется мерами случайной выборочной проверки, чтобы снизить вероятность несоответствия. В случае выявления некомпетентной или нечестной оценки характеристик территории абонента орган может направить претензии в суд.

По результатам проведенного сравнительного анализа тарифных методов в развитых странах можно сделать ряд системных обобщений,

которые позволяют определить наиболее устойчивые механизмы финансирования ливневой канализации.

В большинстве случаев происходит упрощение подходов к тарификации в соответствии с особенностями нормативного поля, инженерных норм и морфологии застройки, что способствует большему распространению тарифных практик. Например, в США наиболее распространенный метод – одинаковый тариф для абонентов на отведение поверхностных сточных вод. В Германии был распространен метод на основе учета объема потребления питьевой воды. Использование обоих методов позволяет снизить административные издержки, которые могут быть весьма существенны при применении более точных методов без агрегирования абонентов.

Тем не менее во всех рассмотренных практиках, несмотря на разные подходы к тарификации, присутствуют тарифные методы, направленные на мотивацию к снижению объемов отводимых ливневых вод. Фактически можно говорить о том, что одной из основных задач введения тарифной платы за отведение ливневых стоков является мотивация абонентов к снижению водоотведения путем формирования водопроницаемых поверхностей и хозяйственного использования ливневых вод, что подтверждается зарубежными исследованиями [33]. Именно снижение объемов отведения поверхностных вод решает проблему избытка неконтролируемой воды в городе, для решения которой создавалась и развивается сеть ливневых канализаций.

Подводя итоги вышеизложенному, отметим, что в настоящее время основной интерес исследователей водной проблематики городов связан с обеспечением качества водных источников [34], а также с сохранением экосистем городов [35; 36]. Последнее в первую очередь связано со сформировавшейся политикой финансирования ливневой канализации, согласно которой именно владельцы земельных участков в зоне действия сети ливневой канализации финансируют услугу водоотведения поверхностного стока. Опыт развитых стран демонстрирует, что введение платы за ливневые стоки является эффективным способом не только финансирования базового предоставления услуги водоотведения, но также и обеспечения дальнейшей очистки и сброса сточных вод в водные объекты [29]. В России опыт тарификации услуги отведения поверхностного стока незначителен и носит экспериментальный характер местных инициатив.

Анализ имеющихся инициативных практик тарификации отведения поверхностного стока в городах России показал, что применяемые подходы непрозрачны, поскольку связаны с особенностями современной нормативной правовой базы, в которой ливневые стоки не являются отдельным объектом регулирования. Как результат, происходит адаптация методов учета хозяйственно-бытовых стоков к тарификации ливневых стоков. Данный тарифный подход не нашел аналога в зарубежных практиках, которые используют систему тарификации абонентов на основании площади

непроницаемых поверхностей, с которой сток попадает в канализацию. Такой подход позволяет достаточно легко обосновывать размер платежа за услугу.

Немаловажно и то, что во многих зарубежных подходах к тарификации прослеживается тенденция к уравниванию значительной части потребителей услуг ливневой канализации на основании морфотипов недвижимости. Такое уравнивание, с одной стороны, позволяет снижать административные издержки регулирования, а с другой стороны, - соблюдать принцип тарифной справедливости, при котором все абоненты оплачивают услугу в зависимости от объема ее предоставления. Благодаря такому принципу возможно тарифицировать не каждого абонента в отдельности, а выявленные группы потребителей. В свою очередь, часть практик позволяют агрегировать не только типы недвижимости и/или абонентов, но и типы поверхностей на основании показателей инфильтрации. Данный принцип формирует справедливые тарифы, когда абонент оплачивает услугу не по факту приема гипотетического среднего показателя стока, а в зависимости от того, какая площадь участка не способна на инфильтрацию и отводит воду в централизованную канализацию. Причем это касается как коммерческой, общественной, так и жилой недвижимости. При таком подходе абонент с высокоозелененной территорией и высокодисперсным типом почвы имеет тариф меньший, чем абонент, чей участок в значительной степени покрыт асфальтом или брусчаткой. Однако за такую тарифную справедливость приходится платить возрастающими административными расходами.

На основании проведенного сравнительного анализа можно говорить о том, что нормативную законодательную базу в России следует разработать с учетом основных характеристик тарификации, которые способствуют созданию эффективных механизмов финансирования ливневой канализации:

- плата за услугу должна быть функцией от объема получаемой услуги;
- платеж за услугу должен быть легко трактуем на основании базовых показателей, которые доступны абонентам сети;
- платеж должен мотивировать владельцев земельных участков снижать общий объем отводимых поверхностных вод в ливневую канализацию за счет введения объектов зеленой инфраструктуры и/или резервуаров для воды для дальнейшего ее использования в хозяйственно-бытовых целях [37];
- тариф должен распространяться на всех выгодополучателей независимо от их юридического статуса: на граждан, в чьей собственности находится земельный участок, или на коллектив граждан в случае земельного участка – придомовой территории многоквартирного дома, который законодательно является общедолевой собственностью собственников помещений в многоквартирном доме; на публичную власть, которая как собственник публичных пространств и объектов социальной инфраструктуры должна в полной мере оплачивать услугу водоотведения.

Для того чтобы данные подходы могли эффективно применяться в России, следует предпринять ряд комплексных мер на государственном и муниципальном уровне. На рисунке 3 представлена схема вызовов текущей ситуации в ливневой канализации городов и возможных действий различных уровней публичной власти для адекватного отклика на эти вызовы.

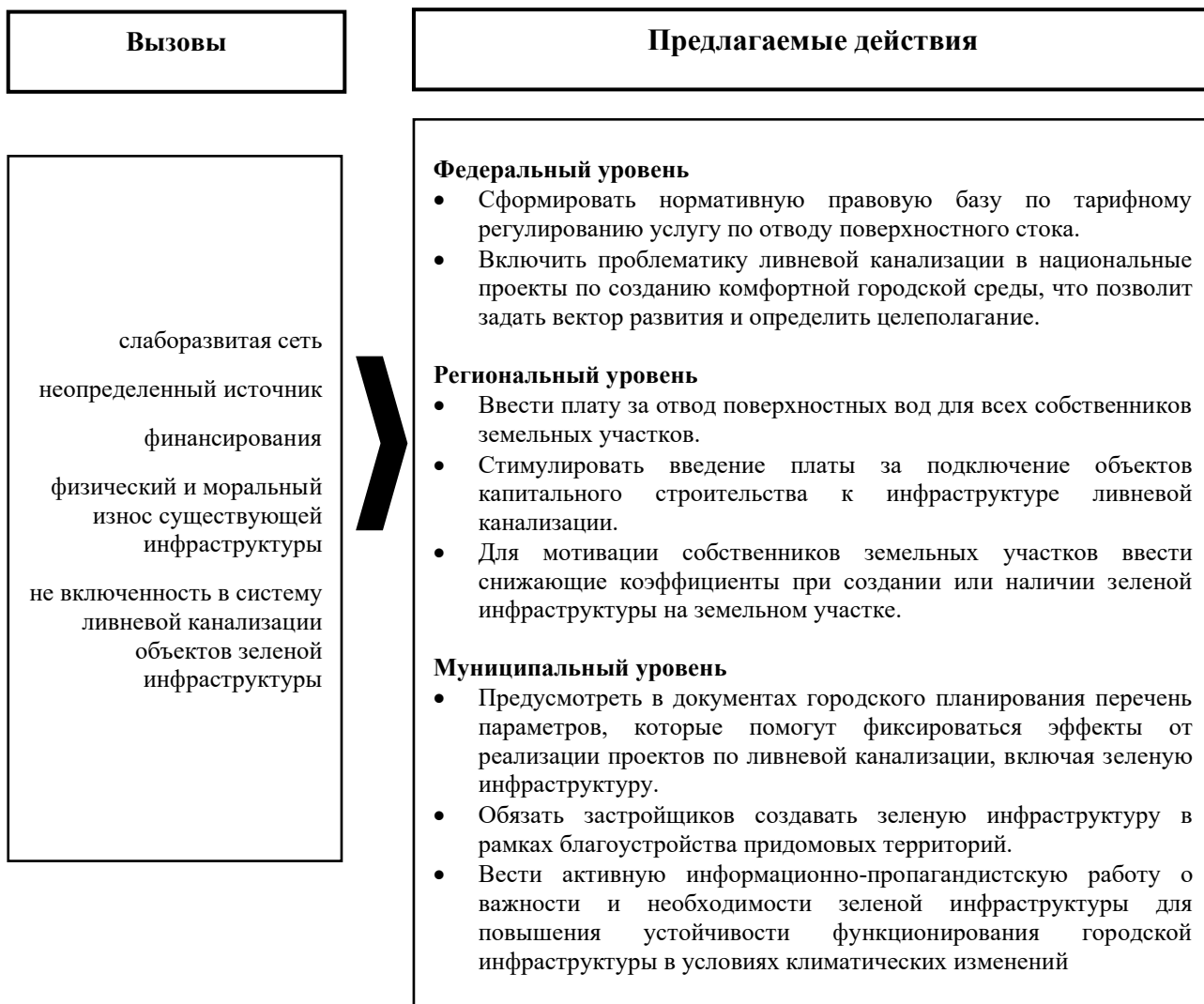

Рис. 3. Вызовы ливневой канализации и предлагаемые действия органов публичной власти

Источник: составлено авторами

Требуется выработка методических подходов к тарификации отведения поверхностных ливневых вод на федеральном уровне. Фактически перед органами государственной власти стоит задача определить экономическую природу ливневой канализации, закрепить ее нормативно и обеспечить регулирующие тарифные органы необходимыми методическими документами.

Важная задача местного уровня власти – распространение платежей за услуги водоотведения поверхностного стока на селитебные территории. Это предполагает кадастрирование и фиксацию прав собственности на земельные

участки в селитебных зонах, где расположены многоквартирные дома. Определение всех абонентов ливневой канализации также важно, как и правильный расчет объемов водоотведения, поскольку без него невозможно установить справедливых тарифов, обеспечивающих нормальную хозяйственную деятельность организаций, обеспечивающих эксплуатацию инженерной инфраструктуры ливневой канализации. При этом важно отметить два важных момента:

– поскольку отвод поверхностного стока не является коммунальной услугой, то введение платы за отвод поверхностного стока для населения не включается с предельный индекс роста стоимости коммунальных услуг;

– поскольку в российской практике часто расходы на эксплуатацию ливневой канализации включаются в стоимость услуги отведения хозяйственно-бытовых стоков, которую оплачивает в основном население, то при введении платы за отвод поверхностного стока суммарный платеж населения за отвод хозяйственно-бытовых и ливневых стоков должен уменьшиться, поскольку значительную (как правило большую) часть расходов на оплату услуги по отведению поверхностного стока будут нести другие выгодоприобретатели – собственники земельных участков в городе – бюджетные и коммерческие организации.

Заключение

Проведенный анализ показал, что в России тарифное регулирование отвода поверхностного стока носит фрагментарный характер и строится преимущественно на адаптации методов учета хозяйственно-бытовых стоков. Сложившаяся практика значительно затрудняет обоснование тарифов и снижает их прозрачность, что в конечном итоге препятствует формированию устойчивых финансовых основ содержания и развития ливневой канализации. Ключевым условием обеспечения эффективности тарифных механизмов является четкая привязка платежей к объективно измеряемым параметрам, связанным с объемом оказываемой услуги. Результатом проведенного исследования выступает выявление принципа тарифной справедливости, который в зарубежных системах достигается через тарификацию в зависимости от площади непроницаемых поверхностей и их инфильтрационных характеристик.

Литература

1. Ильина И.Н., Роль инфраструктуры в современном развитии городов // Университет Минстроя. 2023. URL: <https://www.niisf.org/biblio/glavnaya/rol-infrastruktury-v-sovremennom-razvitii-gorodov>.
2. Sui X., Yang Z., Shepherd M. & Niyogi D., Global scale assessment of urban precipitation anomalies // Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A. 2024. Vol. 121. No. 38. DOI: e2311496121.
3. Niyogi D. et al. Urban modification of thunderstorms: An observational storm climatology and model case study for the Indianapolis urban region. // J. Appl. Meteorol. Climatol. 2011. Vol. 50. P. 1129–1144.
4. Schmid P.E., Niyogi D. Modeling urban precipitation modification by spatially heterogeneous aerosols // J. Appl. Meteorol. Climatol. 2017. Vol. 56. P. 2141–2153.
5. Fülöp Á.-Z., Economic and Financial Stability for Water and Wastewater Operators in Romania. // The Annals of the University of Oradea. Economic Sciences. 2021. Vol. 30. No. 2. P 19–25.
6. ТАСС. Минстрой заявил, что в РФ модернизируют ливневые канализации в ходе федеральной программы. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16504801>.
7. Аргументы и факты. Минстрой России займется модернизацией ливневков в городах. URL: https://ufa.aif.ru/society/jkh/minstroy_rossii_zaymetsya_modernizaciey_livnevok_v_gorodah.
8. Федеральный закон от 07.12.2011 № 416-ФЗ (последняя редакция) "О водоснабжении и водоотведении" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122867/.
9. Постановление Правительства РФ от 13.05.2013 № 406 «О государственном регулировании тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146317/.
10. Приказ ФСТ России от 27.12.2013 № 1746-э «Об утверждении методических указаний по расчету регулируемых тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения».
11. Parikh P, Taylor MA, Hoagland T., Thurston H., Shuster W. Application of Market Mechanisms and Incentives to Reduce Stormwater Runoff: An Integrated Hydrologic, Economic and Legal Approach. Environ Sci Policy. 2005. Vol. 8. No. 2. P.133–144.
12. Roy AH., Wenger SJ., Fletcher TD., Walsh CJ., Ladson AR., Shuster WD., Thurston HW., Brown RR. Impediments and Solutions to Sustainable, Watershed-Scale Urban Stormwater Management: Lessons from Australia and the United States. Environ Manage. 2008. Vol. 42. No. 2. P. 344–359.
13. Сиваев С.Б., Абдуллаев А.М. Ливневая канализация: кто должен платить? (Часть II) // Бюджет. 2023. Т. 249. № 9. С. 94–96.

14. EPA. Guidance for municipal stormwater funding // United States Environmental Protection Agency, Office of Water. 2006.
15. Grigg N. Is a Stormwater Fee a Rain Tax? // Journal of Legal Affairs and Dispute Resolution in Engineering and Construction. 2019. Vol. 11. No. 3. DOI:10.1061/(ASCE)LA.1943-4170.0000319.
16. Yoo J., Park K. Stormwater Utility Fee Estimation Method for Individual Land Use Areas. Sustainability 2022. Vol. 14. 10211. <https://doi.org/10.3390/su141610211>.
17. Сиваев С.Б., Абдуллаев А.М., Смирнов О.О., Залян Э.С., Андреева Е.С., Летуновский А.В. Ливневая канализация в современном городе. От тарификации до инфильтрации. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2023.
18. Duncan R. Selecting the ‘Right’ Stormwater Utility Rate Model – An Adventure in Political and Contextual Sensitivity // Bridging the Gap: Meeting the World’s Water and Environmental Resources Challenges. 2001. P. 1–9.
19. Kea K., Dymond R., Campbell W. An analysis of patterns and trends in United States stormwater utility systems // JAWRA Journal of the American Water Resources Association. 2016. Vol. 52. No. 6. P. 1433–1449.
20. Sharples D. Who will pay for the rain? Examining the utility approach as a mechanism for funding and maintaining stormwater management practices // Master thesis, Urban and Environmental Policy and Planning. 2007. Tufts University, Medford, MA, USA.
21. Campbell C. The Western Kentucky University Stormwater Utility Survey 2013. Bowling Green, KY, USA. 2013.
22. Fisher-Jeffes L., Armitage N. Charging for stormwater in South Africa. African Journals Online. 2012. Vol. 39. No. 3. P. 429–436.
23. Tasca F.A., Assunção L.B., Finotti A.R. International experiences in stormwater fee // Water Sci Technol. 2017. Vol. 1. P. 287–299.
24. Campbell C. The Western Kentucky University Stormwater Utility Survey 2020. Bowling Green, KY, USA. 2020.
25. Campbell C. The Western Kentucky University Stormwater Utility Survey 2011. Bowling Green, KY, USA. 2011.
26. Marriot D. Report to Council on Stormwater Management Charges. 2020. Portland, OR, USA.
27. Berger C., Falk C., Hetzel F., Pinnekamp J., Roder S., Ruppelt J.P. State of the Sewer System in Germany: Results of the DWA survey 2015 // Korrespondenz Abwasser, Abfall. 2016/2017. International Special Edition. No. 15–17.
28. BVerwG от 25.03.1985. 8 B 11/84 – KStZ 1985, 129 p. URL: <https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=BVerwG&Datum=25.03.1985&Aktenzeichen=8%20B%2011.84>.
29. Novaes C., Marques R. Stormwater Utilities: A Sustainable Answer to Many Questions // Sustainability. 2022. Vol. 14. No. 6179. DOI:10.3390/su14106179.

30. Burszta-Adamiak E. The financial mechanisms of urban stormwater management // Sustainable Development Applications. 2014. Vol. 5. P. 57–69.
31. Yoo J., Yoo J.H., Kim K.H., Choi J.Y., Lee C.Y. Stormwater Utility Fee Estimation Method for Individual Land Use Areas // Sustainability. 2022. No. 14. Art. no. 10211. DOI:10.21203/rs.3.rs-319295/v1.
32. Nickel D., Schoenfelder W., Medearis D., Dolowitz D.P., Keeley M., Shuster W. German experience in managing stormwater with green infrastructure // Journal of Environmental Planning and Management. 2013. DOI:10.1080/09640568.2012.748652.
33. Keeley M. Using individual parcel assessments to improve stormwater management // Journal of the American Planning Association. 2007. Vol. 73. No.2. P. 149.
34. Johns C. Understanding barriers to green infrastructure policy and stormwater management in the City of Toronto: a shift from grey to green or policy layering and conversion? // Journal of Environmental Planning and Management. 2019. Vol. 62, No. 8. P. 1377–1401.
35. Bąk J., Barjenbruch M., Benefits, Inconveniences, and Facilities of the Application of Rain Gardens in Urban Spaces from the Perspective of Climate Change // A Review. Water. 2022. Vol. 14, no. 7. P. 1153. DOI:10.3390/w14071153.
36. Mitchell G., Chan F., Chen W., Thadani D., Robinson G., Wang Z., Li L., Li X., Mullins May-Tan, Chau P. Can green city branding support China's Sponge City Program? // Blue-Green Systems. 2022. Vol. 4. No. 1. P. 24–44.
37. Godyn I. Economic Incentives in Stormwater Management: A Study of Practice Gaps in Poland. // Water. 2022. Vol. 14. No. 23. 3817. DOI: 10.3390/w14233817.

Международный научно-исследовательский журнал

«Прогрессивная экономика»

№ 8 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/vliyanie-proizvoditelnosti-truda-na-zanyatost-v-osnovnyh-sektorah-sovremennoj-ekonomiki/

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3

УДК 3381.5

DOI: 10.54861/27131211_2025_8_151

ВЛИЯНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА НА ЗАНЯТОСТЬ В ОСНОВНЫХ СЕКТОРАХ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

*Анисимов А.В., аспирант, Нижегородский институт управления
Российской академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ, г. Нижний Новгород, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3630-5260>*

*Золотов А.В., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой
экономической теории и методологии, Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7451-4408>*

Аннотация. Целью статьи является раскрытие влияния роста производительности труда в производственной сфере на изменение занятости населения в общественном производстве. Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что типичным для современной экономики является использование повышения производительности труда в материальном производстве для сокращения численности занятых в производственной сфере и увеличения её в сфере услуг, в том числе за счет притяжения в сферу услуг определенной части безработных. Для оценки уровня занятости и его динамики по ряду экономически развитых стран и России использовались данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат и ЕМИСС) и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) за период 2003-2022 гг. Рассчитаны уровень и динамика занятости в современном производстве, а также уровень и динамика производительности труда, рассчитанной по валовой добавленной стоимости. Расчеты свидетельствуют о закономерности сокращения численности занятых в производственной сфере, прослеживается общая тенденция роста выпуска продукта на одного занятого и сокращение занятости в производственной сфере. Перспектива исследования поставленной проблемы заключается в анализе альтернативы: сокращать ли занятость в производственной сфере или уменьшать рабочее времени занятых в этой сфере под влиянием повышения производительности труда в современном производстве.

Ключевые слова: производительность труда, занятость, фонд рабочего времени, безработица, уровень занятости в современном производстве.

THE IMPACT OF LABOR PRODUCTIVITY ON EMPLOYMENT IN THE MAIN SECTORS OF THE MODERN ECONOMY

*Anisimov A.V., Postgraduate Student, Nizhny Novgorod Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Nizhny Novgorod, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3630-5260>*

*Zolotov A.V., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of
Economic Theory and Methodology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State
University, Nizhny Novgorod, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7451-4408>*

Abstract. The purpose of the article is to reveal the impact of labor productivity growth in the manufacturing sector on changes in employment in public production. The hypothesis of this study is that it is typical for the modern economy to use increased labor productivity in material production to reduce the number of people employed in the manufacturing sector and increase it in the service sector, including by attracting a certain part of the unemployed to the service sector. Data from the Federal State Statistics Service (Rosstat and EMISS) were used to assess the level of employment and its dynamics in a number of economically developed countries and Russia and the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) for the period 2003-2022. The level and dynamics of employment in modern production are calculated, as well as the level and dynamics of labor productivity calculated by gross value added. Calculations indicate a pattern of reduction in the number of people employed in the manufacturing sector, there is a general trend of an increase in product output per employee and a decrease in employment in the manufacturing sector. The perspective of the study of the problem is to analyze the alternative: whether to reduce employment in the manufacturing sector or reduce the working hours of those employed in this area under the influence of increased labor productivity in modern production.

Keywords: labor productivity, employment, working time fund, unemployment, employment rate in modern production.

JEL classification: E24, J21, O47.

Для цитирования: Анисимов А.В., Золотов А.В. Влияние производительности труда на занятость в основных секторах современной экономики // Прогрессивная экономика. 2025. № 8. С. 151–159. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_151.

Статья поступила в редакцию: 20.08.2025 г. Одобрена после рецензирования: 26.08.2025 г. Принята к публикации: 27.08.2025 г.

For citation: Anisimov A.V., Zolotov A.V. (2025). The impact of labor productivity on employment in the main sectors of the modern economy. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 8, 151–159, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_151 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 20/08/2025. Approved after review: 26/08/2025. Accepted for publication: 27/08/2025.

Введение

Обеспечение занятости населения в экономике имеет актуальный характер в современных условиях и наряду с ростом производительности труда, проявляющейся как в росте выпуска продукции в расчёте на одного занятого, так и в экономии труда в производстве, является центром экономической стабильности, а также основным фактором экономического роста и общественного благосостояния. Занятость является неотъемлемым элементом экономики и благосостояния общества, которая представляет собой острую социальную проблему XXI-го столетия на фоне замещения ручного труда крупным машинным производством. Перспектива развития машинной индустрии в современных условиях, весьма впечатляющая. Она прогнозировалась в трудах многих учёных-экономистов, предвидевших текущую ситуацию и старавшихся найти пути решения вопроса поддержания занятости во избежание роста безработицы и сохранения экономической стабильности в мировой экономике. Стоит, однако, отметить, что уровень автоматизации и роботизации промышленного производства различается в развитых и развивающихся странах. Свой негативный отпечаток на прогресс экономики накладывает также напряжённая геополитическая обстановка в мире, нарушающая мировую торговлю.

Фундаментальные исследования в области влияния повышения производительности на динамику фонда рабочего времени и занятости принадлежат К. Марксу и Дж.М. Кейнсу. Оригинальные подходы к раскрытию диалектики прогресса производительности и экономии труда содержатся в работах отечественных ученых В.Я. Ельмеева, М.В. Попова и ряда других (см. например, [4; 5]). Но несмотря на имеющиеся теоретические разработки данная проблема остается актуальной и требует дальнейшего анализа. Целью настоящего исследования является раскрытие влияния роста производительности труда в производственной сфере на изменение занятости населения в общественном производстве. Объектом настоящего исследования является динамика занятости в современном производстве, предметом – связь роста производительности труда, измеренная по выпуску в расчёте на одного занятого в год, и занятости населения в производственной сфере.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют диалектический метод, сравнительный, аналитический, статистико-экономический, анализ научных статей и монографий, дедуктивный и индуктивный методы, а также методы табличного анализа. Основой экономического роста и экономического развития стран выступают человеческие ресурсы, которые путём повышения производительности своего физического и умственного (интеллектуального) труда обеспечивают развитие современного общества и вносят решающий вклад в прогресс материального производства.

В современной экономике наблюдается тенденция к сокращению занятости в сфере материального производства, которая, в свою очередь, обусловлена специфическим использованием научно-технического прогресса

в производственной сфере. Подобное сокращение особенно проявляется в частном секторе экономики, где основополагающим фактором является максимизация прибыли, и работодатели в этой сфере идут на сокращение издержек путём сокращения численности персонала. Одновременно наблюдается тенденция к росту занятости в сфере нематериального производства (сфере услуг), к росту рабочего времени в этой сфере.

Проблемы занятости в трудах таких выдающихся учёных-экономистов, как К. Маркс и Дж. М. Кейнс, рассматриваются с точки зрения макроэкономического подхода. В свое время Маркс предположил «Если бы развитие производительных сил уменьшило абсолютное число рабочих, т.е. в действительности дало бы возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что большинство населения оказалось бы не у дел» [7]. Опыт развитых капиталистических стран за последние десятилетия свидетельствует о сокращении численности занятых в сфере материального производства при том, что и общий фонд рабочего времени в этой сфере уменьшается вместе с ростом производительности труда. Налицо обратная связь между динамикой производительности труда и изменением занятости в производственной сфере. И все же это не сопровождалось всеобщей дезорганизацией экономики, так как высвобождение производственных работников компенсировалось опережающим ростом численности занятых в сфере услуг.

Кейнс сделал прогноз относительно сокращения рабочего дня в течение столетия с 1930 года по 2030 год: он предполагал, что продолжительность рабочего дня будет составлять 3 часа, а рабочая неделя – 15 часов [8]. Находясь в приближённой временной точке к 2030 году, можно сделать вывод о том, что прогноз не будет осуществлён, так как современная специфика сокращения суммарного фонда рабочего времени в сфере материального производства состоит в сокращении занятости без практического применения модели сокращения времени рабочего дня занятых без изменения их численности. И сегодня концепция 8-ми часового рабочего дня является доминирующей и закреплена законодательно в большинстве стран.

Гипотеза исследования состоит в том, что типичным для современной экономики является использование повышения производительности труда в материальном производстве для сокращения численности занятых в производственной сфере и увеличения её в сфере услуг, в том числе за счет притяжения в сферу услуг определенной части безработных.

Результаты и обсуждение

В рамках реализации поставленной цели исследования необходимо, прежде всего, рассмотреть уровень и динамику производительности труда как отношения физического объема валовой добавленной стоимости в сфере производства к суммарному количеству занятых в этой сфере. Соответствующие данные представлены в таблице 1.

Таблица 1

Уровень и динамика производительности труда, измеренной по валовой добавленной стоимости в тыс. долл. за год на одного занятого, в ряде экономически развитых стран и Российской Федерации в период 2003-2022 гг.

Страна	Уровень в тыс. долл./год 2003 г.	Уровень в тыс. долл./год 2022 г.	Прирост производительности труда в %
Норвегия	179,20	204,56	14,16
США	112,69	171,14	51,87
Великобритания	77,12	92,29	19,67
Дания	77,08	117,92	52,99
Швеция	74,49	122,20	64,05
Канада	72,19	100,18	38,77
Финляндия	61,29	81,78	33,43
Франция	56,44	72,18	27,88
Япония	52,36	64,83	23,80
Италия	49,57	58,16	17,34
Германия	49,22	61,88	25,73
Испания	46,72	56,45	20,83
Чехия	17,03	26,71	56,82
Польша	13,89	25,70	85,05
Россия	4,96	35,77	620,71

по России расчеты произведены по данным Росстата. Данные по России и Германии рассчитаны с 2005 г., по Японии рассчитаны по 2021 г.

Источник: рассчитано авторами по данным ОЭСР с 2003 г. по 2022 г.

Из представленных данных следует, что в 2003 году эти страны существенно различались по уровню производительности труда в общественном производстве. За рассматриваемый период величина этого показателя увеличилась во всех странах, что говорит о закономерности повышения показателя производительности труда в современной экономике. Установлено, что наиболее высокий прирост производительности труда пришёлся на страны с низким её значением в абсолютном выражении, а именно в России, Польше и Чехии. Налицо – пример догоняющего (страны - лидеры) развития. Но несмотря на высокий прирост производительности, эти страны по-прежнему находятся позади экономически развитых стран - лидеров.

Из всего рассматриваемого ряда стран Норвегия имеет самый низкий темп прироста уровня производительности труда в расчёте на одного занятого, но благодаря высокому исходному уровню рассматриваемого показателя она остаётся в лидерах. США, Дания и Швеция демонстрировали сравнительно высокие темпы прироста производительности, что приблизило их к уровню производительности труда в Норвегии.

Прирост производительности у таких стран, как Канада, Франция, Испания, Япония, Германия и Финляндия, находился в диапазоне от 20% до

39% и обеспечивал стабильный рост производственного сектора. Самый низкий прирост производительности наблюдается в Италии и Великобритании, и всё же их уровень производительности находится на достаточно высоком уровне, что позволяет им входить в десятку лучших стран по данному показателю. Исходя из изложенного, можно констатировать неравномерность прогресса производительности труда, хотя и не настолько значительную, чтобы за 20 лет кардинально поменять положение стран-лидеров и стран, отстающих в данном отношении. Рассмотрим, как отразился рост производительности труда за аналогичный период на уровне занятости в производственной сфере исследуемых стран и постараемся выявить зависимость второго показателя от первого. Результаты расчётов представлены в таблице 2.

Таблица 2

Уровень и динамика занятости в производственной сфере в ряде экономически развитых стран и Российской Федерации в период 2003-2022 гг.

Страна	Численность занятых в тыс. чел. 2003 г.	Численность занятых в тыс. чел. 2022 г.	Прирост занятости в %
США	46 742,33	45 144,00	-3,42
Россия	35 450,50	32 801,50	-7,47
Япония	32 899,34	27 932,00	-15,10
Германия	19 771,91	20 007,13	1,19
Италия	13 083,95	11 340,24	-13,33
Франция	11 167,45	9 191,78	-17,69
Великобритания	9 983,50	8 409,25	-15,77
Испания	9 283,13	7 446,44	-19,79
Польша	8 981,25	9 978,23	11,10
Канада	6 205,00	5 857,50	-5,60
Чехия	3 367,99	3 356,16	-0,35
Швеция	1 771,09	1 489,13	-15,92
Финляндия	1 183,80	990,28	-16,35
Дания	1 171,28	966,86	-17,45
Норвегия	831,00	820,68	-1,24

для России расчеты произведены по данным Росстата; данные для России и Германии рассчитаны с 2005 г., для Японии – по 2021 г.

Источник: рассчитано авторами по данным ОЭСР с 2003 г. по 2022 г.

Исходя из результатов, представленных в таблице 2, следует сделать вывод, что в целом по ряду рассматриваемых стран идёт сокращение численности занятых в производственной сфере за исключением Германии и Польши. Рост занятости в этих странах обусловлен высоким показателем сокращения безработных за аналогичный период. Чехия – единственная страна, в которой ситуация практически не изменилась. В Норвегии наблюдается незначительное сокращение занятости, что, вероятно, связано с низкими исходными показателями численности занятых в сфере производства. По всему остальному ряду стран идёт значительное

сокращение занятых в производственной сфере: от порядка 200 тыс. человек в абсолютном выражении в Дании (снижение на 17,45%) до почти 5 млн. человек в Японии (снижение на 15,10%), притом, что отрицательный темп в процентном выражении практически одинаков. Следует теперь проанализировать, в абсолютном и относительном выражении, изменение занятости в непроизводственной сфере, о чем можно судить по данным, представленным в таблице 3.

Таблица 3

Уровень и динамика занятости в непроизводственной сфере в ряде экономически развитых стран и Российской Федерации в период 2003-2022 гг.

Страна	Численность занятых в тыс. чел. 2003 г.	Численность занятых в тыс. чел. 2022 г.	Прирост занятости в %
США	107 895,00	128 378,40	18,98
Япония	42 044,17	49 733,33	18,29
Россия	32 888,50	39 841,50	21,14
Германия	24 647,65	30 525,25	23,85
Великобритания	21 790,33	27 158,00	24,63
Франция	17 658,00	22 245,05	25,98
Италия	13 953,17	16 017,55	14,80
Канада	11 733,03	15 620,83	33,14
Испания	11 230,33	15 614,92	39,04
Польша	7 226,65	10 616,70	46,91
Швеция	3 238,40	4 260,55	31,56
Чехия	2 627,00	3 157,00	20,18
Дания	1 978,63	2 365,00	19,53
Норвегия	1 704,73	2 246,40	31,77
Финляндия	1 625,53	1 984,28	22,07

по России расчеты произведены по данным Росстата; данные для России и Германии рассчитаны с 2005 г., для Японии – по 2021 г.

Источник: рассчитано авторами по данным ОЭСР с 2003 г. по 2022 г.

По всему ряду рассматриваемых стран из таблицы 3 наблюдается прирост численности занятых в непроизводственной сфере, что характеризует общую тенденцию прироста числа занятых в этой сфере, коррелирующую с общей тенденцией прироста производительности труда в сфере нематериального производства в полном объеме, отражённой в таблице 1. Это говорит о том, что высвобожденный из сферы материального производства труд в основном перераспределяется в форме прироста численности занятых в сферу нематериального производства. Наибольший темп прироста наблюдается в Польше, а наименьший – в Италии.

Для более точного понимания происходящих изменений в занятости следует принять во внимание и динамику безработицы (соответствующие данные приведены в таблице 4). В Италии наблюдается снижение занятости в сфере производства, практически идентичное росту занятости в непроизводственной сфере, при том, что сокращения безработицы

практически не происходит. Стоит заметить, что в Италии высвобождение рабочей силы из производственной сферы в сферу нематериального производства как в относительном выражении, так и в абсолютном выражении очень близки друг к другу.

Таблица 4

Динамика численности безработных в ряде экономически развитых стран и Российской Федерации в период 2003-2022 гг.

Страна	Численность безработных в тыс. чел. в 2003 г.	Численность безработных в тыс. чел. в 2022 г.	Прирост численности безработных в %
США	8 774,25	5 996,00	-31,66
Россия	5 242,00	2 988,00	-43,00
Германия	4 571,00	1 388,43	-69,63
Япония	3 504,00	1 946,00	-44,46
Польша	3 323,10	510,80	-84,63
Испания	2 267,13	3 079,20	35,82
Франция	2 177,35	2 234,35	2,62
Италия	2 093,98	2 027,50	-3,17
Великобритания	1 488,00	1 285,00	-13,64
Канада	1 283,33	1 098,00	-14,44
Чехия	398,40	120,43	-69,77
Швеция	259,63	421,13	62,20
Финляндия	234,73	190,20	-18,97
Дания	154,75	139,00	-10,18
Норвегия	95,18	95,53	0,37

по России расчеты произведены по данным Росстата; данные для России и Германии рассчитаны с 2005 г., для Японии – по 2021 г.

Источник: рассчитано авторами по данным ОЭСР с 2003 г. по 2022 г.

Итак, наиболее значительные изменения в сфере занятости происходили в Польше, в ней наблюдается рост численности занятых и в производстве, и в непроизводственной сфере, что обуславливает самый высокий темп уменьшения количества безработных. Хотя в Германии численность занятых в производстве также возросла, но в силу незначительности темпа этого роста снижение количества безработных, в первую очередь, связано с прогрессом занятости в непроизводственной сфере.

Очевидно, что в тех странах, а их большинство в рассматриваемом ряду, где при снижении занятости в производстве увеличивалась занятость в сфере услуг, уменьшение численности безработных в экономике обусловлено притяжением дополнительной рабочей силы именно в сферу услуг. Лишь в трех странах: Испании, Франции и Швеции, – при совпадении динамики численности занятых в производстве и непроизводственной сфере с типичной для экономически развитых стран в последние десятилетия наблюдалось увеличение количества безработных. Следовательно, прогресс занятости в сфере услуг не всегда гарантирует уменьшение безработицы.

Заключение

По итогам проведенного исследования можно сделать вывод, что рост производительности труда в производственной сфере оказывает сильное влияние на изменение численности занятых в общественном производстве в сторону сокращения. На этой основе происходит увеличение занятости в непроизводственной сфере. Одновременное увеличение занятости в обеих сферах – редкое исключение для экономически развитых стран. Прогресс занятости в непроизводственной сфере обеспечивается в том числе и за счет уменьшения численности безработных, «резерв» рабочей силы используется именно этой сферой. В дальнейшем предстоит установить, какую роль в увеличении занятости в непроизводственной сфере играет безработица, а какую – рабочая сила, впервые вступающая на рынок труда.

Литература

1. Ельмеев В.Я. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 575 с.
2. Золотов А.В. Диалектика свободного развития работника. Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ. 2001. 90 с.
3. Золотов А.В. Маркс и Кейнс о сокращении рабочего времени: прогнозы несбывшиеся, но гениальные // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4 (40). С. 27–35.
4. Золотов А.В., Попов М.В., Попов, Бузмакова М. В. Сокращение рабочего дня как основание современного экономического развития; Под редакцией А.В. Золотова. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. 198 с.
5. Лядова Е.В. Анализ динамики производительности труда в России: макроэкономический аспект// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1 (45). С. 46–53.
6. Полушкина И.Н. Обрабатывающая промышленность и сфера услуг в современной экономике: соотношение, динамика и тенденции // Экономический вестник Республики Татарстан. 2014. № 3. С. 17–24.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 25. Ч. I. М.: Гос. изд-во полит. литературы. 1961. 545 с.
8. Золотов А.В., Демичева Т.Н., Лядова Е.В., Полушкина И.Н. Об осуществлении прогноза Дж. М. Кейнса о переходе к трехчасовым сменам в производстве // Социально-трудовые исследования. 2020. № 1 (38). С. 46–58.
9. Кейнс Дж. М. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 60–67.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 26. Ч. I. М.: Гос. изд-во полит. литературы. 1962. 476 с.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 8 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/osnovnye-protivorechiya-obuslovlennyye-rashozhdeniem-v-ekonomicheskikh-i-organizacionnyh-czelyah-zemlevladelczev-i-zemlepolzovatelej-v-sovremennoj-rossii/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3
УДК 332.36
DOI: 10.54861/27131211_2025_8_160

ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ РАСХОЖДЕНИЕМ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ЦЕЛЯХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*Жуйков В.И., доктор экономических наук, главный научный сотрудник,
отдела исследования экономических проблем земельных отношений в АПК,
ФГБНУ ФНЦ Всероссийский научно-исследовательский институт
экономики сельского хозяйства, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2159-5212>*

Аннотация. В статье исследуется проблема, связанная с противоречиями в экономических и организационных целях землевладельцев и землепользователей в современной России. Целью работы является анализ влияния экономических интересов субъектов хозяйственной деятельности; выявление проблемных факторов, определяющих эти интересы; определение основных подходов снижения конфликтных ситуаций. В статье рассмотрены структурные элементы противоречий в России и их негативные признаки в производственной деятельности субъектов, а также представлен инструментарий разрешения конфликтов, обусловленных расхождениями в экономических и организационных интересах землевладельцев и землепользователей. Получены выводы, что ключевыми препятствиями для развития сельскохозяйственного землепользования являются правовые, экономические, институциональные, социальные и экологические противоречия, которые формируют нестабильность и провоцируют конфликты между собственниками и арендаторами. В работе разработан инструментарий разрешения этих противоречий, включающий экономические и институциональные механизмы (регулирование цен, спецификацию договорных норм, создание земельных бирж и третейских судов); обоснована необходимость достижения баланса между экономическими интересами сторон, экологическими требованиями и социальными потребностями общества. Выявлено, что комплексные реформы и системный подход, направленные на гармонизацию интересов, могут повысить эффективность использования земельных ресурсов и укрепить институциональную базу.

Ключевые слова: землепользование, противоречия, производство, перераспределение, обмен, собственники и арендаторы земли.

MAIN CONTRADICTIONS CAUSED BY THE DISCREPANCY IN THE ECONOMIC AND ORGANIZATIONAL GOALS OF LANDOWNERS AND LAND USERS IN MODERN RUSSIA

Zhuikov V.I., Doctor of Economics, Chief Researcher, Department of Research on Economic Problems of Land Relations in Agriculture, Federal State Budgetary Scientific Research Center All-Russian Research Institute of Agricultural Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2159-5212>

Abstract. The article examines the problem related to the contradictions in the economic and organizational goals of landowners and land users in modern Russia. The purpose of the work is to analyze the impact of the economic interests of business entities; to identify problematic factors that determine these interests; to identify the main approaches to reducing conflict situations. The article examines the structural elements of contradictions in Russia and their negative signs in the production activities of subjects, as well as provides tools for resolving conflicts caused by discrepancies in the economic and organizational interests of landowners and land users. It has been concluded that the key obstacles to the development of agricultural land use are legal, economic, institutional, social and environmental contradictions that create instability and provoke conflicts between owners and tenants. The paper develops a toolkit for resolving these contradictions, including economic and institutional mechanisms (price regulation, specification of contractual norms, creation of land exchanges and arbitration courts); substantiates the need to achieve a balance between the economic interests of the parties, environmental requirements and social needs of society. It has been revealed that comprehensive reforms and a systematic approach aimed at harmonizing interests can increase the efficiency of land use and strengthen the institutional framework.

Keywords: land use, contradictions, production, redistribution, exchange, landowners and tenants.

JEL classification: Q15, O13, R14.

Для цитирования: Жуйков В.И. Основные противоречия, обусловленные расхождением в экономических и организационных целях землевладельцев и землепользователей, в современной России // Прогрессивная экономика. 2025. № 8. С. 160–171. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_160.

Статья поступила в редакцию: 20.08.2025 г. Одобрена после рецензирования: 27.08.2025 г. Принята к публикации: 28.08.2025 г.

For citation: Zhuikov V.I. (2025). Main contradictions caused by the discrepancy in the economic and organizational goals of landowners and land users in modern Russia. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 8, 160–171, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_160 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 20/08/2025. Approved after review: 27/08/2025. Accepted for publication: 28/08/2025.

Введение

В земельных взаимодействиях разногласия между участниками земельного рынка, возникают регулярно, поскольку экономические и управленческие задачи вовлеченных сторон не совпадают. Это объясняется тем, что интересы каждого из них неповторимы и не всегда согласуются на различных этапах сельскохозяйственного цикла – от производства, перераспределения и обмена до реализации произведенной продукции, а также при установлении и применении прав на землю. Для обоснованного развития земельных отношений России, опирающихся на текущие тенденции в сельском хозяйстве, необходимо проанализировать существующие разногласия между собственниками и арендаторами земли, связанные с производством, распределением, обменом продукции. Важно учитывать, что структура сельскохозяйственного землепользования уже сформирована и работает, но не хватает инструментария для улаживания разногласий, вызванных расхождениями в экономических и институциональных интересах собственников и арендаторов земли, связанных с производством.

Таким образом, *целью* статьи является анализ влияния экономических интересов субъектов хозяйственной деятельности; выявление проблемных факторов, определяющих эти интересы; определение основных подходов снижения конфликтных ситуаций.

Обзор литературы

Методология обеспечения экономических и институциональных отношений участников земельного рынка, в рамках функционирования эколого-экономической системы землепользования, предусматривает различные принципы, характерные для функционирования в сфере земельных отношений, в частности, принципы системности, изменчивости, эластичности, инерции, стабильности, эффективности и ряда других [13]. По мнению С.Н. Волкова, рациональное использование земли – это экономически выгодное ее использование, охрана и воспроизводство земельных ресурсов в целях реализации интересов общества, собственников и пользователей земли [6]. Академик И.Г. Ушачев предлагает формировать мотивационные подходы для землепользователей, исходя из системы приоритетов государства, среди которых экономические, внешнеэкономические, социальные и экологические [18]. Эту же позицию, которая основана на понимании политики землепользования с учетом основных положений российского законодательства, разделяют В.Ю. Ильина и П.Ф. Лойко [8; 12]. Для эффективного функционирования институциональной среды требуется унифицированная система мониторинга и контроля выполнения в регионах, поставленных задач, в первую очередь, в области повышения качества жизни населения [16]. Анализ научных трудов позволяет сделать вывод о наличии ряда экономических и институциональных противоречий, которые препятствуют развитию системы сельскохозяйственного землепользования, а также негативно влияют на производственную деятельность, что, в свою

очередь, провоцирует конфликты между участниками земельных отношений.

Материалы и методы

Современный этап экономического развития системы землепользования, характеризуется несколько иными параметрами, чем его существующее состояние и на сегодня он обусловлен сложным нелинейным (и зачастую неиерархическим) взаимодействием экономических агентов, которое необходимо совершенствовать, в рамках применения гетеродоксального подхода исследования экономических и институциональных интересов системы устойчивого равновесия. Научное использование данного подхода, это возможность объяснить, какие системы устойчивого равновесия функционируют в экономике и почему их эффективность различна.

Как отмечают С.Г. Кирдина-Чэндлер и В.И. Маевский [9], гетеродоксальная экономическая теория, позволяет всесторонне объяснить процессы и явления, происходящие в сельскохозяйственном землепользовании и не вступать при этом в теоретические противоречия. Гетеродоксальный подход к исследованию экономических и институциональных интересов системы устойчивого равновесия, как набор теоретико-методологических положений, позволяет решить проблему терминологической фрагментарности определения приемлемого решения вопросов в системе землепользования, согласно имеющимся научным теориям. В то же время, как отмечает А.Е. Шаститко [17], «...формы экономической организации могут рассматриваться как следствие дискреционных решений, в которых в явной форме оценивались сравнительные преимущества и изъяны вариантов решения координационных проблем», реализация которых основана на экономической и институциональной идентичности системы устойчивого равновесия. Следует отметить, что экономические интересы участников земельных отношений, как и экономические отношения, многообразны и специфичны, они должны формироваться на основе системы устойчивого равновесия экономических отношений и присущих ей экономических категорий. Поэтому не субъекты и их экономические интересы формируют экономические отношения, а экономические отношения формируют субъектов с их интересами [4].

Результаты и обсуждение

В сельскохозяйственном производстве России, где происходит создание, распределение и обмен, основными держателями прав на землю выступают товаропроизводители, владеющие или арендующие эти участки. Экономические замыслы землевладельцев и арендаторов, которые производят продукцию, создают сложную систему побуждений и целей, влияющих на их действия на земельном рынке. Цели взаимосвязаны друг с другом и часто содержат внутренние противоречия и в тоже время стимулируют прогресс в сельском хозяйстве. Развитие экономики сельского хозяйства необходимо понимать как общую возможность производственной деятельности на сельскохозяйственных землях, учитывающую финансовые и организационные интересы собственников и арендаторов. В сфере земельных отношений экономические и институциональные противоречия могут проявляться через

ряд ниже представленных структурных элементов, характеризующих эти противоречия (таблица 1).

Таблица 1

Структурные элементы противоречий в России и их негативные признаки в производственной деятельности субъектов

Структурные элементы противоречий	Основные признаки противоречий
Правовые: - в законодательстве - права собственности	Неоднозначность или несоответствие норм законодательства, регулирующего землевладение и землепользование; Конфликты между частными и государственными интересами в вопросах владения и использования земли.
2. Экономические: - рынок земли - инвестирование	Нехватка эффективных механизмов для оценки и ликвидности земли, что приводит к высокой цене и не доступности земельных участков; Ограниченный доступ к финансированию для сельскохозяйственного использования земельных ресурсов.
3. Институциональные: - государственные институты - коррупция	Несогласованность действий различных государственных структур, занимающихся землеустройством и землепользованием; Проблемы, связанные с коррупцией в земельных вопросах, что создает неравные условия для участников земельного рынка.
4. Социальные: - неравенство - конфликты интересов	Разные уровни доступа к земельным ресурсам для различных групп населения, что усугубляет социальное неравенство; Противоречия между интересами местных сообществ и хозяйствующими субъектами.
5. Экологические: - устойчивое использование ресурсов - загрязнение и деградация земель	Проблемы, связанные с долгосрочной устойчивостью использования земельных ресурсов в условиях растущего производства и урбанизации; Экологические последствия, возникающие из-за неправильного использования земель, что также подрывает экономическую стабильность.

Источник: составлено автором по материалам [10; 11]

Систематическое рассмотрение этих структурных элементов (таблица 1), позволяет полнее осознать экономические и институциональные противоречия в сфере земельных отношений. Чтобы решить эту задачу, требуется создание комплексных стратегий и инструментов, направленных на минимизацию угроз, обеспечение рационального использования земель и гарантирование прав землевладельцев и землепользователей. Наиболее потенциально критическими элементами, становятся структурные ограничения прав собственников и арендаторов земли, которые порождают трудности и нестабильность в сельском хозяйстве (таблица 1).

Необходимо отметить, уровень формирования экономических и институциональных противоречий, характерен для затяжного процесса становления рынка в России. Процесс становления должен обладать эвристическим потенциалом и необходимо найти пути разрешения экономических и институциональных противоречий для становления новейшей земледельческой системы (таблица 2). Для их разрешения необходимо разработать интегрированные подходы и инструментарий снижения рисков, с целью эффективного использования земельных ресурсов и защиты прав собственников и арендаторов земли.

Таблица 2

Инструментарий разрешения конфликтов, обусловленных расхождениями в экономических и организационных интересах землевладельцев и землепользователей.

Механизм разрешения противоречий, вызванные различиями экономических и институциональных интересов собственников и арендаторов земли.	
Экономический инструментарий	Институциональный инструментарий
Экономический регулятор, управляющий рыночными ценами, предназначенный для установления «обоснованной цены» земельных участков.	Институциональный регулятор рыночного ценообразования, для формирования «справедливой стоимости» участков земли
Симметричное распределение транзакционных издержек между всеми участниками сделки.	Спецификация норм и правил для договорных отношений участников всех регулируемых сделок.
Создание региональных земельных бирж для обеспечения прозрачности транзакций, публичного контроля над их финансовыми результатами.	Формирование третейских судов участниками земельного рынка.
Установление права собственности в результате разрешения земельных споров и, как следствие, определение реальной величины земельного налога, что способствует более полной реализации экономических интересов участников земельных отношений.	Создание независимой экспертной комиссии действующих законов и законодательных инициатив в области земельных отношений для снижения бюрократической составляющей и транзакционных издержек рынка земли.
Унифицировать результаты определения цены для установления стоимости земельных участков государственной кадастровой оценки земель, с целью налогообложения, определения арендной платы, купли или продажи участков и др..	Установление судебного порядка (иск об устранении нарушений права собственности) с последующим проведением землеустроительной экспертизы для определения действительных границ участков.

Источник: составлено автором по материалам [5; 10; 11; 14; 19]

Вышеприведенный инструментарий (таблица 2), может разрешить противоречия, вызванные различиями экономических и институциональных интересов собственников и арендаторов земли, ускорит процесс формирования сбалансированности заинтересованности хозяйствующих субъектов. В первую очередь, понимание этих противоречий и их разрешение, необходимо для установления сбалансированности между интересами,

экологическими требованиями и социальными потребностями, а это позволит усовершенствовать институциональную базу. Преодоление разногласий предполагает подход, охватывающий не только улучшение правовой базы, но и совершенствование процедур разрешения конфликтов, выступающих в качестве альтернативы судебному разбирательству для урегулирования земельных споров между заинтересованными сторонами.

Системные подходы для решения экономических и институциональных противоречий, являются сложной системой, которая предполагает анализ глубинных причин противоречий и разработку долгосрочных стратегий, направленных на их устранение в процессе производства, перераспределения и обмена земельных участков (таблица 3).

Таблица 3

Применение комплексных подходов для разрешения экономических и организационных разногласий в земельной сфере

1. Реформирование существующих институтов	2. Изменение экономической структуры
<i>Укрепление верховенства права.</i> Слабое правосудие, коррупционные схемы и ненадёжная защита прав собственности наносят ущерб репутации государственных органов и тормозят развитие экономики сельского хозяйства. Все это подрывает доверие к институтам и препятствует экономическому росту.	<i>Диверсификация экономики.</i> Чрезмерная концентрация производства на ограниченных земельных ресурсах, подвергает экономику АПК риску в связи с изменениями структуры землепользования, а зависимость от одного или нескольких видов сырьевой продукции, делает экономику уязвимой к колебаниям цен.
<i>Проведение комплексных реформ.</i> Независимость судебной системы, прозрачность принятия решений, борьба с коррупцией, эффективная защита прав собственности.	<i>Государственная поддержка и инновации.</i> Предполагает развитие новых подходов гос. поддержки малого и среднего агробизнеса, инвестиции в сельское хозяйство.
<i>Развитие демократических институтов.</i> Открытость, подотчетность власти, участие граждан в принятии решений – все это способствует более справедливому распределению ресурсов и снижает риск принятия неэффективных экономических решений.	<i>Стимулирование конкуренции.</i> Монополии и олигополии подавляют инновации и приводят к росту цен и предполагается вести борьбу с антиконкурентными практиками, поддержку малого и среднего бизнеса, создание условий развития новых рынков.
<i>Создание эффективных регуляторных органов.</i> Чрезмерное регулирование может мешать бизнесу, а его отсутствие – приводить к злоупотреблениям и кризисам, предполагается создание независимых и компетентных регуляторов, которые обеспечивают баланс между защитой интересов потребителей, стимулированием и поддержанием стабильности.	<i>Переход к устойчивому развитию.</i> Экономический рост, основанный на эксплуатации природных ресурсов, не является устойчивым. Институциональный подход предполагает нормы и правила перехода к "зеленой" экономике, инвестициям в возобновляемые источники энергии для сокращения выбросов парниковых газов.

Источник: составлено автором по материалам [7; 10; 11]

Переход России от централизованной к рыночной экономике вызвал необходимость в широком спектре реформ, охватывающих как экономическую сферу (приватизация, либерализация ценообразования и другое), так и институциональную. Однако, ряд экономических и институциональных вопросов, особенно в земельной сфере, остались не до конца урегулированы. В дальнейшем, комплексные подходы к разрешению этих противоречий приобретут особую значимость (таблица 3).

Таким образом, разрешение противоречий не реализуется полностью, но будет способствовать стабильному развитию экономики, увеличению производства и формированию более равноправной системы распределения и обмена ресурсами, с учётом динамично меняющейся обстановки. Необходимость в системном подходе следует понимать не разовое действие, а как процесса, требующего непрерывного анализа, оценки результатов, при существующих изменениях. Аспектом успешного применения методологического подхода, заключается в привлечении к решению проблем всех заинтересованных участников. При этом, необходимо учитывать региональные особенности, поскольку эффективные действия в одном регионе, могут оказаться бесполезными в другом.

Разрешение проблемных ситуаций в землепользовании полностью еще не завершено, поскольку в перспективе возникнут новые противоречия, связанные с сохранением стабильности экономических и институциональных связей. Для поддержания этой стабильности необходимо обеспечить гармоничное взаимодействие всех этапов воспроизводственного цикла – от производства до потребления сельскохозяйственной продукции. Экономические и организационные связи должны сформировать прочную систему земельных структур, определяющих порядок взаимодействия субъектов, для обеспечения согласованности их взаимоотношений.

Таким образом, рыночные отношения участников земельного рынка, не способны автоматически обеспечить единство интересов субъектов, так как интересы государства и хозяйствующих субъектов во многом не совпадают - государство заботится об обеспечении продовольствием населения страны, а собственники и арендаторы хозяйствующие субъекты нацелены на извлечение максимального дохода. Нарастание положительных изменений основных финансовых результатов, наблюдается с 2020 года, и главная задача государственных органов власти заключается в осуществлении мер стимулирования производственной деятельности.

В завершение следует отметить, что земля, как основной ресурс, требует рационального её использования, а это возможно лишь при учете потребностей всех заинтересованных лиц, прежде всего землевладельцев и арендаторов. Неравенство в экономических и правовых интересах этих групп способно привести к нерациональному использованию земли, обострению социальных противоречий и торможению экономического прогресса.

Полученные в ходе работы данные послужили отправной точкой для формулировки гипотезы, в которой главным является анализ взаимосвязи

экономических и правовых интересов собственников и арендаторов земли в процессе создания материальных благ. В основу исследования положено определение факторов, влияющих на эту взаимосвязь с тем, чтобы разработать методику изучения экономических и правовых интересов субъектов земельного рынка, на этапах воспроизводства продукции земледелия (производства, распределения и обмена).

Влияние экономических и институциональных интересов землевладельцев и арендаторов, проявляется через факторы, воздействующие на производство, распределение и обмен [2]. Увеличение основных производственных параметров через экономическое стимулирование собственников и арендаторов земли, возможно при их грамотном применении меры мотивации хозяйствующих субъектов [3]. Преобразование нормативного регулирования, предусматривающего интересы всех собственников, должна предоставить стабильность прав собственности, и с другой стороны – учитывать личные интересы арендаторов земли.

Заключение

Проведенное исследование экономических и институциональных интересов участников земельных отношений в процессе производства, перераспределения и обмена сельскохозяйственной продукции, позволяет сделать ряд принципиальных выводов и предложений:

1. На основе развитых методологических принципов и положений неинституционализма, а также современной парадигмы социально-экономического развития села, допустимо разработать методологию исследования экономических и институциональных интересов участников земельных отношений в сельскохозяйственном землепользовании.

2. Целостная совокупность взаимосвязанных элементов экономических интересов собственников и арендаторов земли, обуславливает их взаимодействие с институтами, определяющих правила и нормы поведения в институциональной среде.

3. Выявленные основные черты экономических интересов хозяйствующих субъектов и особенности современного состояния институциональной среды хозяйствующих субъектов, позволили разработать методический инструментарий процессного подхода исследований экономических и интересов собственников и арендаторов земли.

4. Методологические полагаемые принципы процессного подхода исследований экономических интересов, при производстве сельскохозяйственной продукции, устанавливают какие элементы системного подхода к экономическим интересам собственников и арендаторов земли, наиболее достоверны для формирования экономической системы.

5. Методология формирования новых знаний об объекте исследования, его квалификационных признаках, методах измерения и оценки состояния и изменения, построена на статичной направленностью доктрины продовольственной безопасности России.

6. Основные аспекты и экономические факторы, конститутивные

элементы системного подхода, причинно-следственные связи, сформировали базис взаимосвязи экономических интересов и хозяйственной деятельности субъектов, который был использован, в процессном подходе изучения степени заинтересованности хозяйствующих субъектов.

7. Взаимозависимость структурных элементов институциональных интересов от компонентов экономической системы общества, систематизирована в соответствии с стратегическими приоритетами социально – экономического развития страны.

8. Экономическая ценность, имеющихся земельных угодий отражает: значение хозяйствующего объекта – землепользования для удовлетворения потребностей рынка; характерные свойства объектов – землепользователей; значение и зависимость от функций природно-климатической среды.

9. Экономическая ценность, неблагоприятных для производства сельскохозяйственной продукции земельных угодий, показывает какую выгоду, получает хозяйствующий субъект от включения их в оборот.

10. Государственная земельная политика должна быть направлена на формирование эффективной системы землепользования и осуществляться, используя оценочную характеристику ценности земельных угодий.

11. К институциональным интересам относится земельная рента, как цена за использование земель, которая обусловлена нормативными документами и обеспечивает интересы собственников земли, владеющих на правах собственности.

Решение земельных проблемных вопросов, в процессе производства, перераспределения и обмена земельных участков, предоставит возможность раскрыть стратегический характер экономических и институциональных интересов участников земельного рынка. Определение основных противоречий, обусловленных расхождением в экономических и организационных целях землевладельцев и землепользователей, будет способствовать созданию эффективных систем ведения производства и позволит оптимизировать землепользование, повысить финансовую эффективность системы сельскохозяйственного землепользования. Создание справедливой системы обмена земельными ресурсами, позволит хозяйствующим субъектам повысить результативность системы сельскохозяйственного землепользования.

Литература

1. Земельный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 25 декабря 2023 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/744100004>.
2. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ, ст. 1(с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024). Сайт: <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-10012002-n-7-fz-ob/?ysclid=lukwmhicsa345117843>.
3. Приказ от 27 ноября 2020 г. N 737 «Об утверждении официальной статистической методологии расчета макроэкономических показателей, характеризующих продуктивность и интенсивность использования природных ресурсов». Федеральная служба государственной статистики Сайт: www.consultant.ru.
4. Белоусов В.М. Система формирования и реализации экономических интересов сельскохозяйственных товаропроизводителей // Журнал Известия Оренбургского ГАУ. 2013. С. 167–171.
5. Волков Г.А. /Правовые проблемы устранения реестровых ошибок при рассмотрении споров о границах земельных участков// Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. №11. С. 81–87.
6. Волков С.Н. Землеустройство: в девяти томах. Т. 5. Экономика землеустройства // Москва: Колос, 2001. – 456 с.
7. Галиновская Е.А. Теоретические и методологические проблемы земельных правоотношений // Москва: Инфра-М, 2009. 320 с.
8. Ильина В. Ю., Иншина Ю.Ю., Козырева Е.В. /Некоторые результаты реализации концепции земельной политики в условиях активизации правотворческой функции государства // Вестник факультета землеустройства С.П ГАУ. 2017. № 3. С. 23–26.
9. Кирдина-Чэндлер С.Г., Маевский В. И. Мезоэкономика в гетеродоксальной перспективе: внутридисциплинарная структура // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований), 2020. № 12 (2). С. 6–24.
10. Королюк Е.В. Институциональные противоречия становления рынка земли // Проблемы экономики и юридической практики. 2010. С. 9–12.
11. Королюк Е. В. Экономические противоречия формирования рынка земли современной России как институционально-хозяйственной системы // ФГБОУ ВПО ВГУ. дисс. д. э. н. 2012. 321 с.
12. Лойко П.Ф. Современные проблемы землепользования и неотложные меры по совершенствованию государственного управления земельно-ресурсным потенциалом Российской Федерации// Имущественные отношения в Российской Федерации. 2008. № 4 (79). С. 70 – 91
13. Макаревич Л.О. /Концептуальные и методологические подходы к обеспечению сбалансированного развития агропродовольственных систем // Воронеж. Вестник ВГАУ 2019. № 3 (62). С. 103–113.

14. Мирошниченко А.Ю., Царик А.С. Организационно-правовое становление и развитие третейских судов в системе негосударственных правоохранительных органов Российской Федерации: теоретические и прикладные проблемы // Ростов-на-Дону. Ростовский юридический институт РПА Минюста России. 2014. С. 94.

15. Михайлов А.М. Проблемы реализации экономических и институциональных интересов собственников факторов производства [Текст]: монография // А.М. Михайлов; под ред. А.В. Мещерова. М.: Экономические науки, 2006. 232 с.

16. Остапенко Е.А. Формирование институциональных условий развития региональных социально-экономических систем // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2022. Т. 15. № 3 (74). С. 115–128.

17. Шаститко А.Е. Экономическая теория организаций: Учебное пособие // М.: Проспект. 2016. 304 с.

18. Экологическая, экономическая и социальная оценка эффективности использования сельскохозяйственных земель России / И. Г. Ушачев, А. М. Югай, В. А. Черников [и др.]. Москва: НИПКЦ Восход-А, 2012. 176 с.

19. Эрроу К. Возможности и пределы рынка, как механизма распределения ресурсов // М.: THESIS. Т. 1. Вып. II, 1993. С. 66–78.

Международный научно-исследовательский журнал

«Прогрессивная экономика»

№ 8 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/sovershenstvovanie-nauchno-metodicheskogo-podhoda-k-oczenke-vozdeystviya-gosudarstvennogo-regulirovaniya-na-razvitie-beznalichnogo-denezhnogo-obrashheniya/

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности ВАК: 5.2.4

УДК 336.74

DOI: 10.54861/27131211_2025_8_172

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОЦЕНКЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА РАЗВИТИЕ БЕЗНАЛИЧНОГО ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

*Оболешева Е.Е., старший преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права, ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы», г. Донецк, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-8954-8931>*

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ динамики доли безналичных платежей в совокупном денежном обороте Российской Федерации с *Целью* развития методических подходов к оценке эффективности воздействия государственного регулирования на безналичное денежное обращение. Исследована и определено место РФ в динамике безналичных транзакций наиболее значимых регионов мира. Обоснована необходимость государственного регулирования безналичного денежного обращения и оценки его эффективности. Проведена систематизация критериев, оценки качества (эффективности) систем регулирования и целесообразности их использования для целей оценки эффективности и качества государственного регулирования оборота безналичных денежных средств. Результатом исследования выступает предложенный усовершенствованный научно-методический подход к алгоритму оценивания качества эффекта воздействия государственного регулирования безналичного денежного обращения, который позволяет четко идентифицировать тип действия механизма государственного регулирования; также в результате исследования идентифицированы и систематизированы показатели отражающие количественные целевые параметры реализуемого регулирующего воздействия. Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что разработанный научно-методический подход дает возможность более точно и объективно проводить анализ динамики развития управляемой системы и снижает необходимость в проведении контрольных проверок и внедрении мероприятий.

Ключевые слова: безналичное денежное обращение, безналичные расчеты, денежный оборот, алгоритм оценивания, государственное регулирование.

IMPROVING THE SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL APPROACH TO ASSESSING THE IMPACT OF STATE REGULATION ON THE DEVELOPMENT OF CASHLESS MONEY CIRCULATION

*Obolesheva E.E., Senior Lecturer at the Department of Civil and Business Law,
Donetsk Academy of Management and Public Administration, Donetsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-8954-8931>*

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the dynamics of the share of non-cash payments in the total monetary turnover of the Russian Federation in order to develop methodological approaches to assessing the effectiveness of government regulation on non-cash money circulation. The place of the Russian Federation in the dynamics of non-cash transactions in the most significant regions of the world has been investigated and determined. The necessity of state regulation of non-cash money circulation and assessment of its effectiveness is substantiated. The systematization of criteria, assessment of the quality (effectiveness) of regulatory systems and the expediency of their use for the purpose of assessing the effectiveness and quality of government regulation of the turnover of non-cash funds has been carried out. The result of the study is the proposed improved scientific and methodological approach to the algorithm for assessing the quality of the effect of government regulation of non-cash money circulation, which allows us to clearly identify the type of action of the mechanism of government regulation.; Also, as a result of the study, indicators reflecting the quantitative target parameters of the implemented regulatory impact were identified and systematized. The practical significance of the results obtained lies in the fact that the developed scientific and methodological approach makes it possible to more accurately and objectively analyze the dynamics of the managed system development and reduces the need for control checks and the implementation of measures.

Keywords: non-cash money circulation, non-cash payments, money turnover, evaluation algorithm, state regulation.

JEL classification: E42, G28, O38.

Для цитирования: Оболезева Е.Е. Совершенствование научно-методического подхода к оценке воздействия государственного регулирования на развитие безналичного денежного обращения // Прогрессивная экономика. 2025. № 8. С. 172–181. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_172.

Статья поступила в редакцию: 22.08.2025 г. Одобрена после рецензирования: 28.08.2025 г. Принята к публикации: 29.08.2025 г.

For citation: Obolesheva E.E. (2025). Improving the scientific and methodological approach to assessing the impact of state regulation on the development of cashless money circulation. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 8, 172–181, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_172 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 22/08/2025. Approved after review: 28/08/2025. Accepted for publication: 29/08/2025.

Введение

Сложившаяся сложная эпидемиологическая обстановка во время и после Covid-19, стала толчком для более быстрого развития безналичного денежного обращения во всем мире. Россия на сегодня является одной из ведущих стран, которые за счет внедрения современных технологий быстрыми темпами увеличивают объемы и разнообразие форм безналичных операций. В то же время, наличие собственной, достаточно развитой и надежно работающей финансовой инфраструктуры, обеспечивающей движение финансовых активов при проведении торговых, платежных, учетных и других операций, является одним из факторов финансового суверенитета страны. Такая инфраструктура обеспечивает обслуживание сделок с финансовыми инструментами, контроль и расчеты по ним, учет и передачу прав на финансовые активы [7]. Это увеличивает возможности качественного регулирования денежной сферы государством, снижает затраты и ускоряет скорость обращения денежных средств, а следовательно, его эффективность.

Безналичное денежное обращение, являясь одной из форм денежного оборота, имеет очевидные приоритеты, перед наличным, представляет собой фактор противодействия перекачиванию денежных ресурсов в теневую экономику, препятствует возможному уклонению субъектов экономики от своевременной уплаты налогов и обязательных платежей, способствует более эффективному контролю законности предпринимательской деятельности и соблюдению интересов государства. Все вышеперечисленное повышает актуальность исследования качества и эффективности государственного регулирования механизма безналичного денежного обращения. *Целью* статьи является развитие методических подходов к оценке эффективности воздействия государственного регулирования на безналичное денежное обращение.

Обзор литературы

Вопросы регулирования безналичных расчетов выступают предметом изучения таких исследователей, как В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг [10], Г.В. Атаманчук [2], Т.В. Черничко [9] и др. Проблемам изучения сущности безналичных расчётов, их значимости и функционирования в экономике посвящены исследования Д.С. Анферова [1], А.В. Верига [3], Л.М. Волощенко [4], С.В. Зенченко [5], Л.Г. Ефимовой [6], О.В. Ларченко [8], Т.В. Дорофеевой [8], Т.Н. Кондрашовой [7] и др. Учитывая значимость и актуальность работ ученых и практиков, необходимо отметить, что все еще остаются вопросы, требующие дополнительных исследований.

Материалы и методы

В процессе исследования был применён аналитический метод, который использовался для изучения литературных источников, статистических данных и критериев качества систем регулирования. Сравнительный анализ позволил определить место Российской Федерации в общемировых тенденциях развития безналичных платежей. Методы анализа и синтеза

применялись для разработки научно-методического подхода к построению алгоритма оценки качества эффекта воздействия государственного регулирования на безналичное денежное обращение.

Результаты и обсуждение

Позиция России сегодня является одной из ведущих по темпам увеличения объемов безналичных операций, внедрения инновационных технологий в сфере цифровизации и мобильных платежных технологий. Начиная с 2020-х годов в денежном обращении Российской Федерации безналичные платежи стали доминирующими (рис.1).

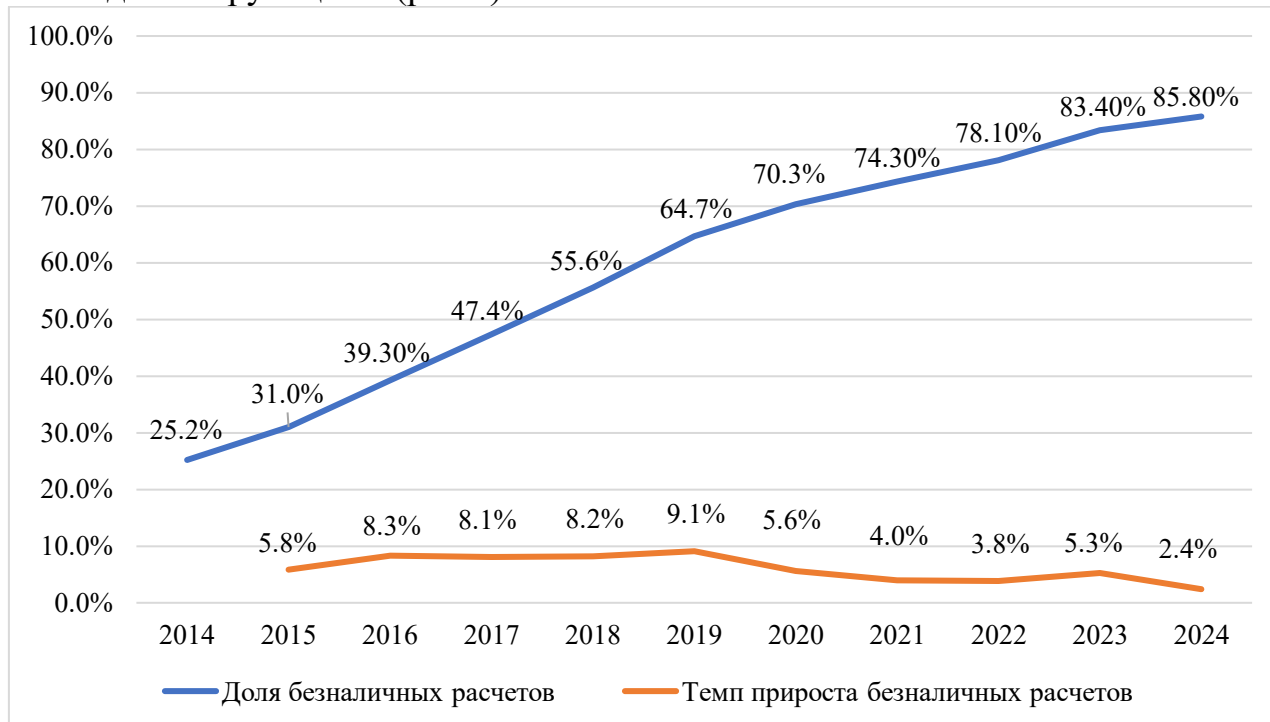

Рис. 1. Темп прироста и динамика доли безналичных платежей в совокупном денежном обороте Российской Федерации, %

Источник: составлено автором по данным [10]

Как видим и диаграммы, наибольший темп прироста безналичных платежей приходился на 2019 год (9,1%), далее этот показатель постепенно снижался и в 2024 году составил 2,4%. При этом, как свидетельствуют отчетные данные Банка России за 2024 год, 85,8% денежного обращения составляли безналичные платежи. Таким образом, российские граждане в 2024 году предпочитали безналичные расчеты наличным платежам. Ими было осуществлено порядка 114 млрд. транзакций, что в денежном выражении составило 1 841,7 трлн. рублей. Эта ситуация находится в тренде и отражает общемировые тенденции (таблица 1).

Несмотря на то, что 40% безналичных операций в РФ в 2024 г. приходилось на онлайн-платежи, которые были осуществлены через интернет или мобильные устройства, самым популярным средством оплаты безналичным способом являлись платежные карты. Их эмиссия выросла за год на 14%. В новой редакции Гражданского Кодекса (ГК) Российской Федерации,

которая была введена Федеральным законом № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой ГК РФ» от 02.07.2013 года, безналичные деньги получили признание в качестве самостоятельного объекта гражданских прав. Установление отдельного правового режима безналичной формы денежных средств выделило их в отдельные, особенные объекты регулирования. Все вышеперечисленное актуализировало необходимость оценки эффективности деятельности государства в регулировании данного сегмента экономики для определения направлений корректировки проводимой денежно-кредитной политики в случае ее не достаточной эффективности и формирования концептуального подхода к алгоритму оценки эффективности механизма безналичного денежного обращения.

Таблица 1

Динамика безналичных транзакций в наиболее значимых регионах мира, млрд. долл. США

Регион	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Северная Америка	152,9	160,6	168,2	176,3	184,5	192,8	201,8	210,1
Европа	124,4	133,8	144,2	156,3	170,4	185,9	203,6	246,6
Азия	72,6	96,2	123,7	161,1	208,7	269,5	352,8	416,8
Африка	41,3	49,3	61,9	74,4	90,2	111,2	139,3	167,4
Латинская Америка	39,8	43,1	45,5	48,4	51,1	54,3	57,7	61,1

Источник: составлено автором по данным [3; 4; 5]

В современной научной литературе представлено большое разнообразие критериев, по которым осуществляется оценка качества (эффективности) систем регулирования. Множественность таких критериев отражает многогранность и сложность данной проблематики. Проведенный комплексный анализ позволил классифицировать их в рамках нескольких системообразующих групп, каждая из которых отражает специфические аспекты функционирования и эффективности систем регулирования (рис. 2).

Представленный на рисунке 2 инструментарий комплексной оценки характеризуется значительной трудоемкостью, что делает затруднительным целесообразность его применения для целей оценки эффективности и качества государственного регулирования оборота безналичных денежных средств. В отличие от этого, интегральный (синтетический) метод, который используется для обобщения коэффициентных показателей, является относительно простым в применении, при этом обеспечивает достаточную достоверность. Кроме того, в научной литературе для процессов, характеризующихся большим количеством сигналов управляющей системы и обратной связи, наличием временного лага реагирования на них, что присуще и динамике развития безналичного денежного обращения, анализ и оценку качества управления ею рекомендуется осуществлять путем использования так называемой «кривой переходного процесса», что предполагает использование интегральных показателей качества. Таким

образом, для целей исследования оптимальным является применение синтетических (интегральных) показателей.

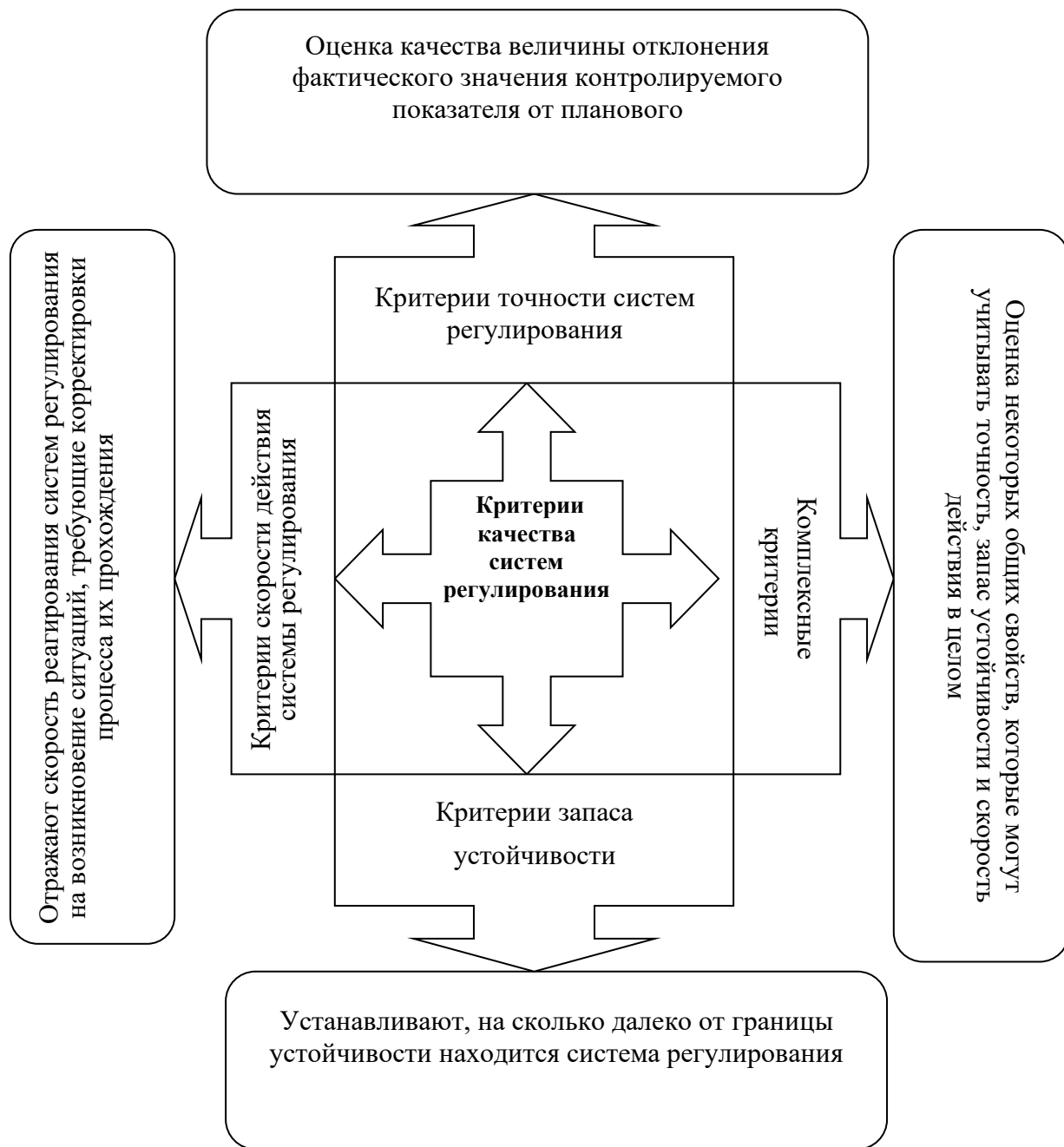

Рис. 2. Систематизация критериев качества систем регулирования

Источник: составлено автором на основе [2; 6; 9]

Синтетический (интегральный, т.е. обобщающий) показатель развития безналичного денежного обращения может быть рассчитан как среднее геометрическое изменения численности субъектов (выданных карт), участвующих в проведении операций при помощи безналичных платежей, увеличения объемов таких операций и количества проводимых транзакций. Такой подход позволяет синтезировать (обобщать) разнородные данные в единый, более информативный индикатор ($P_{\text{бно}}$)

$$P_{\text{бно}} = \sqrt[3]{K_{\text{кс}} * K_{\text{по}} * K_{\text{оо}}} \quad (1)$$

где $P_{\text{бно}}$ – синтетический (интегральный) показатель, отражающий уровень развития безналичного денежного обращения; $K_{\text{кс}}$ – коэффициент изменения количества субъектов (выданных карт) безналичных операций, единиц; $K_{\text{по}}$ – коэффициент изменения количества проводимых безналичных операций, единиц; $K_{\text{оо}}$ – коэффициент, отражающий изменение объема безналичных операций, единиц.

Составляющие данного показателя являются функциями, зависящими от политики, проводимой государством относительно стимулирования (сдерживания) развития безналичного денежного обращения и выражающейся в разработке и принятии тех или иных законодательных и нормативных актов и контроле за их соблюдением участниками безналичного денежного обращения. В процессе реализации функции контроля, важным является наряду с введением и реализацией принудительных мер относительно исполнения принятых законодательных и нормативных актов, проведение превентивных и разъяснительных мероприятий позволяющих предупредить нарушения действующего законодательства. Такой подход позволит стимулировать исполнение действующего законодательства участниками безналичного денежного обращения, увеличить количество субъектов-участников и объемы проводимых безналичных операций, одновременно максимально снизить дестимулирующее влияние излишне жестких карающих мер.

Оценку эффективности проводимой государственной политики относительно развития безналичного денежного обращения и качества эффекта воздействия государственного регулирования, целесообразно осуществлять с использованием научно-методического подхода к алгоритму оценивания качества эффекта воздействия государственного регулирования.

Такой подход предлагается реализовывать в несколько этапов. Первый этап исследования должен быть направлен на формулирование целевых установок такой оценки. Основная цель – оценка уровня развития безналичного денежного обращения. Показатели, отражающие его состояние в целом, указаны формуле 1. Наряду с вышеуказанными показателями, характеристики уровня развития безналичного денежного обращения могут включать:

1. Определение доли безналичных платежей в общем объеме денежных операций. Предполагает оценку процентного соотношения безналичных платежей и общих денежных транзакций в денежной системе. Такая оценка необходима для понимания степени внедрения безналичных расчетов в экономику.

2. Анализ частоты проведения безналичных платежей населением и предприятиями. Изучение частоты и регулярности применения безналичных

расчётов в различных сегментах населения и бизнес-структур, позволит сделать выводы о популярности и удобстве конкретных видов безналичных расчетов.

3. Оценку наличия инфраструктуры для осуществления безналичных платежей. Представляет собой анализ доступности и удобства использования платёжных терминалов, банкоматов, интернет-банкинга и других инструментов реализации безналичных расчётов.

4. Мониторинг уровня безопасности проведения и защиты данных при безналичных платежах. Оценку мер обеспечения безопасности транзакций, защиты персональных данных пользователей.

5. Изучение эффективности безналичных платежей, скорости их проведения. Предполагает анализ времени обработки транзакций, их влияния на экономическую активность субъектов.

6. Оценку уровня удовлетворённости субъектов-пользователей безналичными платежами. Определение обратной связи от потребителей о качестве и удобстве использования безналичных платёжных систем.

7. Оценку влияния безналичных платежей на снижение объёмов наличных денег в обращении. Анализ последствий для экономики тенденции сокращения использования наличных денег.

8. Мониторинг развития инновационных платёжных технологий, их влияния на уровень развития безналичного денежного обращения. Изучение внедрения новых технологий, таких как мобильные платежи, бесконтактные расчёты, блокчейн и другие.

9. Анализ регуляторной среды для безналичных платежей – оценка законодательных и нормативных актов, регулирующих безналичные расчёты, их влияния на развитие платёжной инфраструктуры, а также количества и эффективности проводимых регуляторами контрольных мероприятий.

Второй этап, расчетно-аналитический, предоставляет возможность на основе статистических данных произвести количественный анализ показателей, отражающих состояние каждой компоненты исследуемого процесса.

Третий этап – это этап оценки, на котором производится определение типа реализуемого регулирующего воздействия, его соответствия современным потребностям. Осуществляется на основе полученных в результате расчетов на предыдущем этапе показателей. Должен быть направлен на разработку стратегии управления развитием безналичного денежного обращения с учетом выявленных количественных показателей, их динамики и соответствия достижению поставленных целей. Основным при этом является результативность. То есть уровень развития безналичного денежного обращения.

На четвертом этапе определяется соответствие достигнутых результатов и поставленных на первом этапе целей. В случае не вхождения достигнутых параметров в установленный диапазон, необходима корректировка деятельности регулирующих органов с точки зрения активности

законотворческой деятельности и эффективности реализации их контрольной функции. Этот результат зависит от разработки, внедрения, коррекции действующих законодательных и нормативных актов, а также от эффективности контроля их исполнения.

Заключение

Таким образом, предложенный научно-методический подход к алгоритму оценивания качества эффекта воздействия государственного регулирования на безналичное денежное обращение позволяет четко идентифицировать тип действия механизма государственного регулирования, определить основные направления корректировки деятельности органов управления и обосновать количественные целевые параметры функционирования, обеспечивающие стимулирование развития. Дает возможность более точно и объективно проводить анализ динамики развития управляемой системы и ее совершенствование. В результате такого совершенствования снизится необходимость в проведении контрольных проверок и внедрении мероприятий по их результатам, что позволит нивелировать негативное влияние в случае не достаточной эффективности государственного регулирования уровня развития безналичного денежного обращения.

Литература

1. Анферов Д.С. Безналичные расчёты и их особенности // Актуальные вопросы современной науки: Сборник трудов по материалам VIII Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ. Уфа: ООО «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2021. С. 34–43.
2. Атаманчук Г.В. Государственное управление (организационно-функциональные вопросы) : учеб. пособие. Москва : ОАО «НПО Экономика», 2000. 304 с.
3. Верига А.В., Юрченко М.А. Использование в безналичных расчётах традиционных и современных платёжных систем // Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики». Сборник научных работ серии «Финансы, учёт, аудит». Вып. 2 (6) // ГОУ ВПО «ДонАУиГС». Донецк: ДонАУиГС, 2017. С. 137–145.
4. Оболенева Е.Е., Волощенко Л.М. Развитие безналичного денежного обращения: мировой опыт // Первый экономический журнал. 2023. № 9 (339). С. 159–167.
5. Артеменко Д.А., Зенченко С. В. Цифровые технологии в финансовой сфере: эволюция и основные тренды развития в России и за рубежом // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25. № 3. С. 90–101.
6. Ефимова Л.Г. Отдельные проблемы теории безналичных расчётов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 2. С. 27–56.

7. Кондрашова Т.Н. Совершенствование организации бюджетного контроля как элемента системы государственного регулирования // Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкая академия управления и государственной службы». Сборник научных работ серии «Финансы, учёт, аудит». Вып. 32 / Минобрнауки РФ, ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС». Донецк : ДОНАУИГС, 2023. С. 115-133.

8. Ларченко О.В., Дорофеева Т.В. Проблемы наличного денежного обращения в Российской Федерации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 2856–2860.

9. Черничко Т.В. Оптимизация механизма государственного регулирования экономики // Университетские научные записки. 2006. № 3–4 (19-20). С. 392–396.

10. Цифровая экономика: 2024: краткий статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". Москва: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 124 с.

Международный научно-исследовательский журнал

«Прогрессивная экономика»

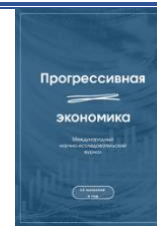
№ 8 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/modelirovanie-umnyh-gorodov-kak-realizaciya-sovremennoj-koncepczii-razvitiya-otchestvennogo-zhkh/

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3

УДК 332.8

DOI: 10.54861/27131211_2025_8_182

МОДЕЛИРОВАНИЕ «УМНЫХ ГОРОДОВ» КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЖКХ

*Иванов А.В., кандидат экономических наук, доцент, Владимирский филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации, г. Владимир, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2425-9511>*

*Куйбеда Д.И., аспирант, Владимирский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации, г. Владимир, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-9806-7610>*

Аннотация. Целью статьи является изучение тенденций развития концепции «умных городов» в России в контексте общих изменений социально-экономических условий. Авторы анализируют текущее состояние реализации проектов «умных городов» в России, их влияние на повседневную жизнь горожан и выявляют барьеры, мешающие успешной реализации этих инициатив. Комплексное моделирование городской среды предполагает использование методов информационного моделирования, включая создание цифровых двойников городской инфраструктуры, разработку интегрированных платформ для мониторинга городских процессов и применение алгоритмов предиктивной аналитики для прогнозирования нагрузки на транспорт, ЖКХ и коммунальные системы. В статье рассматриваются ключевые аспекты построения современной городской среды, такие как вовлечение граждан в процессы принятия решений, что является важным условием для успешной реализации проектов «умных городов». Авторы подчеркивают необходимость создания платформ для обратной связи с населением и активного участия граждан в формировании городской политики, что способствует повышению прозрачности и эффективности управления. Практическая значимость исследования заключается в разработке информационной методики для внедрения концепции «умных городов» в России, что может привести к устойчивому развитию и улучшению качества жизни.

Ключевые слова: умные города, цифровизация, инновационные технологии, информационное моделирование, цифровой двойник, управление городским хозяйством.

MODELING OF "SMART CITIES" AS AN IMPLEMENTATION OF THE MODERN CONCEPT OF DEVELOPMENT OF DOMESTIC HOUSING AND COMMUNAL SERVICES

*Ivanov A.V., Associate Professor, Candidate of Economics, Vladimir Branch of
the Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Vladimir, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2425-9511>

*Kuibeda D.I., Postgraduate Student, Vladimir Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-9806-7610>

Abstract. The purpose of the article is to study the trends in the development of the concept of "smart cities" in Russia in the context of general changes in socio-economic conditions. The authors analyze the current state of implementation of smart cities projects in Russia, their impact on the daily lives of citizens, and identify barriers to the successful implementation of these initiatives. Comprehensive modeling of the urban environment involves the use of information modeling methods, including the creation of digital counterparts of urban infrastructure, the development of integrated platforms for monitoring urban processes and the use of predictive analytics algorithms to predict the load on transport, housing and communal services and utilities. The article examines key aspects of building a modern urban environment, such as the involvement of citizens in decision-making processes, which is an important prerequisite for the successful implementation of smart city projects. The authors emphasize the need to create platforms for public feedback and active citizen participation in shaping urban policy, which contributes to increased transparency and effective governance. The practical significance of the research lies in the development of an information methodology for the implementation of the concept of "smart cities" in Russia, which can lead to sustainable development and improved quality of life.

Keywords: smart cities, digitalization, innovative technologies, information modeling, digital twin, urban management.

JEL classification: R41, R53, H54.

Для цитирования: Иванов А.В., Куйбеда Д.И. Моделирование «умных городов» как реализация современной концепции развития отечественного ЖКХ // Прогрессивная экономика. 2025. № 8. С. 182–195. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_182.

Статья поступила в редакцию: 21.08.2025 г. Одобрена после рецензирования: 28.08.2025 г. Принята к публикации: 29.08.2025 г.

For citation: Ivanov A.V., Kuibeda D.I. (2025). Modeling of "smart cities" as an implementation of the modern concept of development of domestic housing and communal services. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 8, 182–195, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_182 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 21/08/2025. Approved after review: 28/08/2025. Accepted for publication: 29/08/2025.

Введение

Современное состояние развития экономики и постоянно внедряемые инструменты цифровизации как производственной деятельности, так и общественной жизни формируют уникальные направления развития последних лет, к числу которых относится и формирование т.н. «умных городов». Актуальность данной тематики обуславливается тем, что в условиях длительных структурных изменений, с которыми в настоящее время сталкиваются способы организации социально-экономического пространства, и доказанного потенциала новых технологий становится понятным, что движение к «умным» городам – не тенденция будущего, а явление, которое уже присутствует и развивается в нынешней действительности. Общая стоимость мирового рынка «умных городов» составила 1,25 триллиона долларов в 2024 году и прогнозируется в размере 2,5 триллиона долларов к 2033 году [1]. Есть видение закономерности, что структура и функции городской среды будут меняться в ближайшие годы, и поэтому каждый муниципалитет и коммунальное предприятие должны иметь четкое понимание своей изменяющейся роли в новой экосистеме.

Россия предоставляет уникальный кейс для анализа развития концепции «умных городов». Значительная часть населения нашей страны сосредоточена в крупных городских агломерациях, в то время как малонаселенные сельские районы занимают очень большую долю ее территории. В европейской части России, например, 70% населения проживает на 20% территории, с наибольшей концентрацией в таких мегаполисах, как Москва (14% населения), Санкт-Петербург (7%) и других крупные городах, такие как Екатеринбург и Казань. Это обстоятельство позволяет предположить, что любые нововведения в сфере умных городов незамедлительно затронут большую часть населения, создавая широкие возможности для тестирования и внедрения инновационных решений.

В последние годы наблюдается тенденция усиления конкуренции в секторе оказания городских услуг и жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ). Достижение существенного и постоянного конкурентного преимущества становится все более сложной задачей для предприятий ЖКХ и городских служб. Лидеры отрасли, добившиеся успеха в технологической конкуренции, могут столкнуться с угрозой утраты доминирующего положения на рынке вследствие недостаточных инвестиций, организационной инертности и неэффективного распределения ресурсов. В результате динамизм ресурсов и возможностей становится ключевым фактором корпоративного успеха, что способствует росту интереса к комплексному анализу потенциала развития. Особое внимание уделяется скорости изменений, обусловленных динамическими возможностями развития «умного» жилищно-коммунального хозяйства, а также эволюции внутренней

и внешней среды городов в контексте стратегического планирования развития данного сектора. Таким образом, целью статьи является изучение тенденций развития концепции «умных городов» в России в контексте общих изменений социально-экономических условий.

Обзор литературы

Деятельность по формированию «умных городов» в России регулируется положениями нормативных актов, начиная с общих, федерального значения (таких, как, например, Жилищный кодекс РФ или национальный проект «Жильё и городская среда», а также национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»), и заканчивая ведомственными, сформированными на их основе. Так, Минстрой России в 2018 году запустил ведомственный проект «Умный город», выпустив целый ряд приказов, формирующих его нормативную базу:

– приказ от 31 октября 2018 года №695/пр: утверждение паспорта ведомственного проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город».

– приказ от 24 апреля 2019 года №235/пр: утверждение методических рекомендаций по включению мероприятий по цифровизации городского хозяйства в государственные программы субъектов РФ и муниципальные программы формирования современной городской среды.

– приказ от 4 февраля 2019 года №80/пр: об организации исполнения ведомственного проекта по цифровизации городского хозяйства «Умный город» и о порядке отбора муниципальных образований для реализации пилотных проектов.

– приказ от 11 мая 2022 года №357/пр «Об организации исполнения ведомственного проекта Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации по цифровизации городского хозяйства «Умный город», в котором утвержден перечень показателей к умным городам и методические рекомендации расчета этих показателей.

В целом, российские и зарубежные ученые приступили к изучению вопросов формирования «умных городов» чуть более десяти лет назад, когда эта концепция начала формироваться в контексте роста процессов цифровизации и автоматизации процессов управления. Будучи ключевыми участниками городского развития, современные исследователи должны были найти эффективные методологии для тщательного изучения парадигмы «умных городов», подобрав наиболее современные научные инструменты. Кроме того, для участников научного процесса важно повышать осведомленность заинтересованных сторон о неизбежном внедрении современных цифровых технологий в жилищное хозяйство и связанных с ними преимуществах.

Как отмечают авторы одного из крупнейших библиографических исследований по данной тематике [2], вопросы формирования «умных городов» оцениваются с нескольких направлений, поскольку исследователи больше сосредотачиваются на конкретных аспектах. Трудно выделить только

те научные работы, которые относятся только к основной концепции «умных городов», поскольку все, что связано с нею, относится к большому количеству областей интересов: информатика, инженерия, социальные науки и энергетика, и так далее. Тем не менее, специалисты отмечают, что количество статей, касающихся тематики «умных городов» в четырех основных международных базах данных, выросло с 10 тысяч в 2010 году до более чем 37 тысяч в 2020 году [2, с. 4]. Таким образом, и ученые, и практики обращают все больше внимания на научное обоснование формирования новой городской среды.

Российские исследователи, анализируя концепцию «умного города», нередко обращаются к анализу лучшего зарубежного опыта. Так, практически эталонным флагманским «умным городом» много лет назад стал Сингапур. Там на протяжении примерно двух десятилетий активно развивается сфера обработки больших данных в городском хозяйстве, что позволило внедрить инновационные технологии для оптимизации городской инфраструктуры. В частности, еще в середине 2010-х годов в Сингапуре реализованы системы управления транспортными потоками, включающие интеллектуальные светофоры, которые минимизируют образование заторов, а также датчики мониторинга плотности транспортного потока. Кроме того, там введены в эксплуатацию интеллектуальные парковочные системы, которые обеспечивают эффективное использование парковочных мест. С точки зрения обеспечения здоровья и безопасности, как отмечают исследователи, «используемые мобильные приложения помогают людям быть на виду и получать своевременную помощь в пределах своих квартир» [3].

Значительным достижением является внедрение сингапурской концепции виртуального города – комплексной цифровой платформы для мониторинга и управления городскими процессами, которая стала образцом для подражания во многих городах мира. Данная платформа предоставляет доступ к актуальной информации о развитии городской среды Сингапура через любое компьютерное устройство, интегрированное в систему. Данная возможность позволяет пользователям не только наблюдать за динамикой изменений в городской среде, но и, при наличии соответствующих полномочий, влиять на процессы развития, что подчеркивает высокую степень интерактивности и вовлеченности граждан в управление городским пространством.

Оценивая достижения Германии в переходе на концепцию «умных городов» в управлении жилищным хозяйством, авторы отмечают, что развитие цифровых технологий в городах невозможно без привлечения целевого финансирования со стороны государственных и муниципальных структур. «Объемы финансирования варьируются от пятизначной стартовой помощи для создания цифровой повестки дня до многолетней поддержки проектов индикаторов стоимостью в миллионы евро» [4, с. 211], - отмечают отечественные исследователи. Всего в Германии более 50 городов находятся в процессе реформирования в соответствии с «умной» концепцией; однако,

исследователи отмечают, что наиболее эффективно она развивается в основном в мегаполисах, а при попытках применить комплекс цифровых инструментов к средним и малым городам результаты оказываются не столь удачными.

В целом, авторы отмечают, что следование концепции «умных городов» несет в себе явные преимущества и в области улучшения жизни горожан, и с точки зрения экономии долгосрочных государственных расходов, хотя и вызывает целый ряд проблем, возникающих в процессе реформирования среды проживания как в экономической, так и в социальной сфере.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют логический и системный анализ. Также авторами используется метод равнений и аналогий, индуктивный и дедуктивный методы и т.п. Отечественные ученые определяют «умный город» как «город, который использует интеллектуальные решения для различных городских районов посредством использования информационно-коммуникационных технологий» [4, с. 208]. Однако можно предположить, что подобная трактовка понятия была бы слишком упрощенной.

Термин «умный город» состоит из двух важных понятий. Первое понятие, «город», имеет географическое происхождение, означает место проживания с высокой плотностью застройки, наличием комплекса инфраструктурных объектов (транспорт, коммуникации, здравоохранение, культура) и достаточно высокую плотность населения. Второе понятие, «умный», подразумевает в данном случае применение современных цифровых технологий, которые обеспечивают как автономное функционирование инфраструктуры, так и повышение эффективности управления жилищно-коммунальным хозяйством в целях улучшения качества жизни горожан.

Концепция «умного города» подразумевает, что инновационные технологические решения применяются не точечно, а в составе единой системы, включающей транспорт, связь, передачу информации содержание зданий и сооружений и обеспечение доступности. Это требует настройки большого количества автоматизированных процессов, обработку больших объемов данных и применение современных инструментов обеспечения ресурсами объектов городского хозяйства.

Таким образом, «умный город» может быть определен, например, как комплексная система, в которой интеллектуальные технологии и управленческие стратегии интегрированы на всех уровнях, что обеспечивает устойчивое развитие и повышение качества жизни горожан.

Такую трактовку поддерживает и определение Международного союза электросвязи (подразделение ООН, основная организация, которая занимается стандартизацией, стандартами в области цифровой экономики) – «инновационный город, который использует информационно-коммуникационные технологии для улучшения качества жизни, эффективности городской деятельности, когда потребности, существующего

и будущего поколения соответствуют экономическому и социальному, экологическому и культурному развитию» [5].

Минстрой России разработал и утвердил приказ «Об утверждении паспорта ведомственного проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город» от 31 октября 2018 г. № 695/пр. В данном проекте разрабатываются такие направления, как автоматизация городского хозяйства и автоматизация сбора данных, создание компьютерных сетей для получения больших данных, например, потреблении ресурсов или о платежах. В проекте определены конкретные показатели, которые в основном связаны с объемами передачи информации, количеством подключенных домов и т.д. Построение подобной комплексной системы невозможно без предварительного планирования и моделирования.

Следует помнить, что концепция «умных городов» представляет собой инновационный подход к урбанизации, направленный на комплексное решение ключевых проблем городской инфраструктуры. В рамках данной парадигмы можно выделить три основных аспекта, требующих детального анализа и разработки:

1. Совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей функционирование городской инфраструктуры, включая модернизацию законодательства в сфере ЖКХ. В данном случае предполагается разработка и принятие новых нормативных актов, регламентирующих работу интеллектуальных систем, а также адаптацию текущих правовых норм к современным требованиям цифровизации.

2. Повышение уровня качества жизни населения через активное участие граждан в процессах трансформации городской среды. Данный подход основывается на принципах партисипаторного урбанизма, предусматривающего активное вовлечение жителей в процесс принятия решений, касающихся развития города. Такой подход способствует учету интересов и потребностей различных социальных групп, что, в свою очередь, обеспечивает более сбалансированное и устойчивое развитие городской инфраструктуры.

3. Внедрение передовых технологий, основанных на цифровых инструментах. К числу таких технологий относятся системы искусственного интеллекта, цифровые двойники и аватары, блокчейн-технологии, интернет вещей и другие инновационные решения. Эти технологии позволяют оптимизировать процессы управления городской инфраструктурой, повысить эффективность использования ресурсов и улучшить качество предоставляемых услуг.

Отечественные исследователи подчеркивают: «умный город» определяется как город, основанный на ИКТ, ... путем предоставления взаимно интегрированных платформ для взаимодействия заинтересованных сторон. Основной акцент при этом состоит в эффективном решении городских проблем, таких как развитие инфраструктуры и конкурентных преимуществ,

формирование высококвалифицированного и креативного человеческого капитала и повышение качества жизни» [6, с. 357].

Минстрой РФ разработало методические рекомендации к проектам умных городов России разных регионов России. Однако такие рекомендации являются стандартным перечнем сервисов для внедрения. В дополнение к ним был запущен Банк решений для умных городов, на который предлагается ориентироваться при формировании мероприятий проекта «Умный город».

В настоящее время развитие отечественных умных городов базируется на применении национальных стандартов. Однако, следует отметить, что в РФ помимо отсутствия как концепции умного города, так и соответствующих национальных стандартов, существует еще ряд проблем на пути к цифровизации городских пространств. Так, с точки зрения «цифровых факторов», как уже отмечалось ранее, важно соблюдать обеспечение надежной и безопасной защиты данных от несанкционированного доступа и утечек, поддержание высокой отказоустойчивости и непрерывности обслуживания, строгое соблюдение требований законодательства и прочих норм регулирования и т.д. [7, с. 81].

С точки зрения социально-экономических условий, ключевыми барьерами на пути развития современных российских городов России является целый ряд факторов, отраженный на рисунке 1.

-
- 1 • старая инфраструктура, колоссальный объем требующихся реконструкций и капитальных ремонтов;
 - 2 • хронический дефицит бюджетных ресурсов;
 - 3 • усиление экологического давления на городскую среду;
 - 4 • повышение уровня требований со стороны граждан;
 - 5 • изменение требований к городским условиям со стороны бизнеса.

Рис. 1. Ключевые барьеры развития современных «умных городов» в России

Источник: составлено авторами

Кроме того, следует понимать, что концепция «умного города» предполагает интеграцию и координацию широкого спектра аспектов, включая экономическую эффективность, скорость информационного обмена, кибербезопасность и другие. Указанные компоненты в совокупности способствуют повышению устойчивости системы и оптимизации государственных и муниципальных затрат. Однако следует учитывать, что различные элементы обладают разной степенью чувствительности к внешним и внутренним воздействиям, что требует дифференцированного подхода к их ценностной оценке и управлению.

В данной связи разработка комплексной стратегии путем информационного моделирования становится важнейшим фактором, позволяющим идентифицировать наиболее уязвимые компоненты и сосредоточить на их развитии значительные ресурсы. Такой подход обеспечивает более целенаправленное и эффективное управление процессами урбанизации, что, в свою очередь, способствует достижению устойчивого развития и улучшению качества жизни в городской среде.

Результаты и обсуждение

Информационное моделирование является ключевым элементом концепции «умного города». Информационное моделирование представляет собой многоуровневую систему, интегрирующую различные аспекты городской среды и обеспечивающую эффективное управление, и развитие муниципалитета. Именно информационное моделирование является важнейшим этапом профилактики возникновения проблем современного городского строительства.

Информационная модель, как конечный продукт данного процесса, интегрирует данные и знания о различных компонентах городской среды. В области градостроительства выделяют три иерархически организованных уровня информационного моделирования:

1. На нижнем уровне осуществляется информационное моделирование отдельных объектов, включая здания и сооружения (Building Information Modeling, BIM). Данный уровень направлен на детальное представление архитектурных и конструктивных элементов, что способствует точному планированию и управлению строительными процессами.

2. Средний уровень включает информационное моделирование протяженных инфраструктурных объектов, что требует обработки и интеграции значительного объема данных. Основное внимание уделяется созданию комплексных моделей, охватывающих дорожные сети, транспортные узлы, коммунальные системы и другие инфраструктурные элементы.

3. Высший уровень представляет концепцию интеллектуального города или интеллектуальной инфраструктуры, где информационные модели интегрируются в единую систему. Такое взаимодействие позволяет оперативно реагировать на возникающие вызовы и оптимизировать управление городскими ресурсами.

Схематично моделирование и функционирование «умного города» представлено на рисунке 2. Показано, что информационная модель города (BIM) дополняется моделированием реальности, включая геофизическое моделирование территории и создание точной модели местности. Эти компоненты интегрируются в комплекс взаимосвязанных элементов, формируя целостное представление о городской среде. Информационная модель обогащается блоками сбора данных и архивными информационными ресурсами, а также модулями анализа собранной информации и поддержки принятия управленческих решений. Важно отметить, что процесс принятия

решений предполагает активное персональное участие управляющего субъекта, тогда как нижние уровни обработки данных могут функционировать автономно, без непосредственного участия человека.

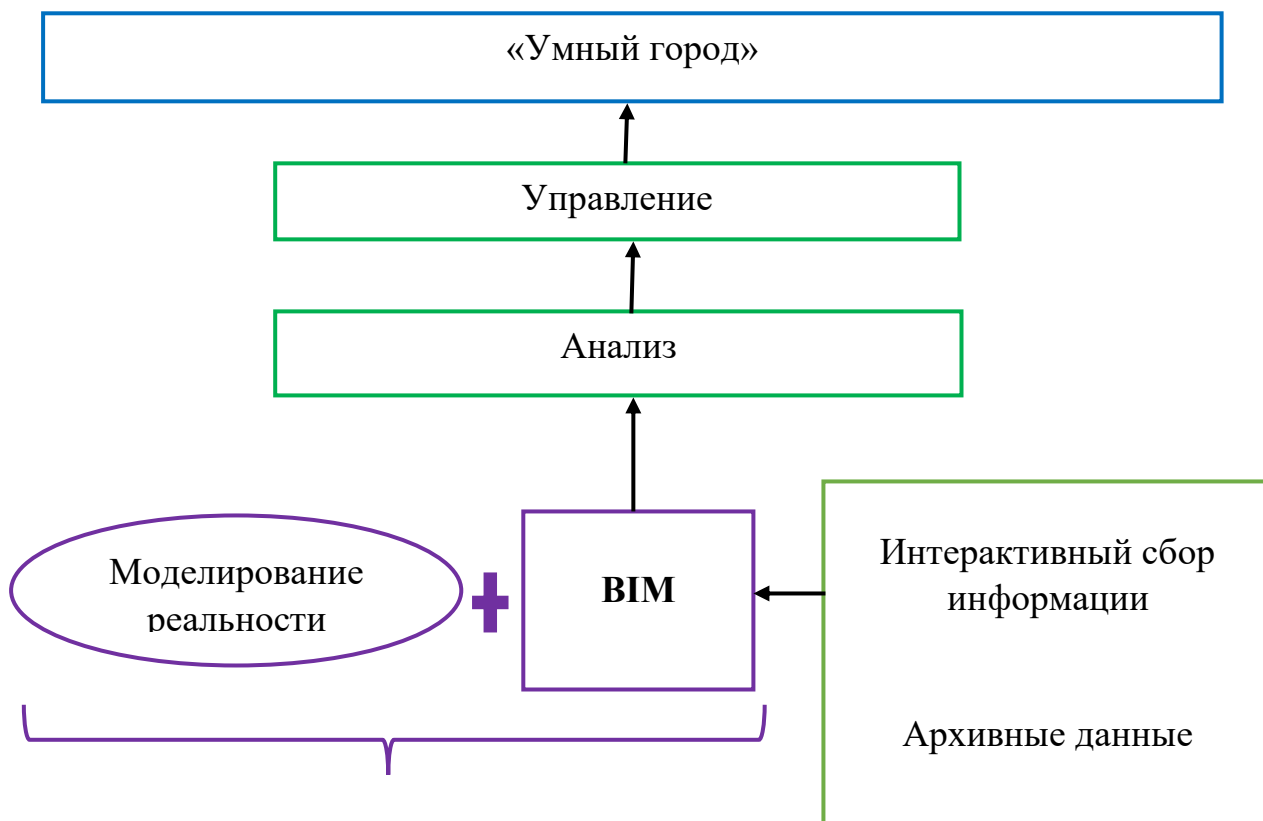

Рис. 2. Моделирование и функционирование «умного города»

Источник: составлено авторами

Моделирование развития «умных городов» представляет собой комплексный процесс, охватывающий широкий спектр научных дисциплин и методологических подходов. В рамках данного исследования рассматривается возможность модель умного города с позиций эконотроники – междисциплинарной области, находящейся на стыке экономики и цифровых технологий. Эконотроника исследует динамику развития институциональных взаимодействий между экономическими субъектами и обществом в условиях цифровой трансформации, анализируя эволюцию нормативной базы и регуляторных механизмов в цифровом пространстве.

Внедрение цифровых технологий оказывает значительное влияние на различные аспекты городской жизни, включая социальные, производственные, экономические, культурные и другие. Так, если оценивать социальные аспекты, то следует иметь в виду обеспечение кибербезопасности населения, развитие цифровых социальных сетей, улучшение социального климата и культурной среды, что в совокупности гарантирует повышение комфорта и безопасности проживания. Авторы исследований справедливо замечают: «совершенствование городской среды должно повышать уровень

жизни горожан, а не увеличивать в рейтинге список технических новинок и различных платформ» [8, с. 276].

С точки зрения производственных аспектов следует иметь в виду стимулирование развития смежных с ЖКХ отраслей, создание цифровых рабочих мест, внедрение интеллектуальных транспортных систем и автоматизированных производственных процессов, которые имеют отношение как к функционированию самого «умного города», так и к деятельности расположенных в нем предприятий.

Экономические аспекты цифрового развития подразумевают необходимость моделирования пространственного развития городской среды, формирование цифровых экономических экосистем, развитие специализированных экономических зон и кластеров, что обеспечивает синергетический эффект в развитии территории. Китайские исследователи подчеркивают, что «усиление строительства общественных служб очень полезно для улучшения общего уровня обслуживания в умных городах» [9].

Говоря о влиянии инноваций на культурные факторы городской жизни, можно упомянуть содержание и улучшение объектов культуры в соответствии с требованиями цифровизации, дублирование и хранение в общем доступе культурных данных, а также обеспечение возможности их удаленного исследования. При этом важно предусмотреть «динамику цифровизации», о которой одним из авторов упоминалось ранее: «нет сомнений в том, что через несколько десятков лет и документы, и заверяющие их электронные подписи изменят формат, причем неоднократно и кардинально» [10, с. 60].

Моделирование развития «умных» городов можно представить в виде четырех взаимосвязанных этапов, которые отражают важнейшие аспекты функционирования городского пространства (см. рисунок 3).

Рис. 3. Этапы моделирования «умного города»

Источник: составлено авторами

Вначале моделирование предполагает этап проектирования институтов «умного города», включающий разработку и внедрение цифровых платформ и современных технологий для управления объектами городской инфраструктуры. Умный город требует комплексного подхода к инфраструктурному обеспечению, включающему энергетическую, транспортную, водоснабжения и управления отходами, а также умные здания.

Энергетическая инфраструктура предполагает использование систем умного освещения, интеллектуальных счетчиков, интеграции распределенных источников энергии и возобновляемых ресурсов. Транспортная инфраструктура включает интеллектуальные транспортные системы, электронные системы оплаты проезда, информационные сервисы, автоматизированные парковки и экологически чистый транспорт. Инфраструктура водоснабжения и управления отходами охватывает системы мониторинга водопотребления, инновационные методы очистки сточных вод и технологии сортировки и переработки отходов. Система «умных зданий» предполагают использование комплексов интегрированной автоматизации, интеллектуальных устройств и энергоэффективных решений для управления жилыми пространствами.

На втором этапе должно произойти распределенное внедрение институциональных механизмов, то есть интеграция цифровых технологий в различные сферы городской деятельности. В этот момент происходит внедрение облачных сервисов, цифровых платформ и иных инновационных решений в социальную, производственную, экономическую и культурную сферы. Особое внимание заслуживает моделирование децентрализации транзакций с помощью блокчейн-технологий. Применение блокчейна позволяет эффективно регламентировать, агрегировать и оценивать распределенные в пространстве транзакции. Любой управляемый процесс подразумевает наличие элементов контроля, что в данном случае превращается в этап оценки эффективности институциональной системы. Следует помнить, что мониторинг и анализ результативности внедрения цифровых технологий должен вестись перманентно, начиная с момента начала их функционирования. Цифровые технологии могут быть оценены с точки зрения их полезности и применимости, а институциональная структура — через анализ транзакционных издержек, то есть затрат на оформление сделок.

Четвертый этап, прогнозирование эволюции городских институтов, подразумевает выявление тенденций развития «умного города» с учетом оценки его ресурсного потенциала и анализа существующей инфраструктуры. В результате формируется стратегическая концепция развития города, направленная на обеспечение устойчивого функционирования и повышение качества жизни населения. Рост мирового населения наряду с усиливающимся процессом урбанизации оказывает давление на экономическую, экологическую и социальную устойчивость городов. В результате следования парадигме «умного города» предлагается использовать современные

технологии разумным образом, чтобы построить пригодную для жизни городскую среду и повысить качество жизни граждан.

Моделирование развития умных городов является сложным и многоаспектным процессом, требующим интеграции знаний из различных научных дисциплин. Внедрение цифровых технологий способствует оптимизации городских процессов, повышению устойчивости и адаптивности городов к изменяющимся экономическим и социальным условиям. В результате формируется новая парадигма городского развития, основанная на принципах децентрализации, экономической эффективности и инновационного подхода.

Заключение

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать выводы о том, что развитие концепции «умных городов» находится на пересечении технологических достижений и целей устойчивого развития. Исследования подтверждают, что успешная реализация данной концепции возможна благодаря применению принципов проектирования, распространения цифровых технологий и последующей аналитической оценки их влияния на городские институты. Ключевым аспектом является осознание того, что современный город является многомерной системой, требующей детального подхода к информационному моделированию. Если подходить к процессу с позиций эконотроники, то концептуально он строится на нескольких институциональных уровнях, начиная с информационного моделирования отдельных зданий и конструкций, после чего ведется разработка инфраструктуры транспорта и коммунальных систем, и завершается все созданием целостной картины городской среды и анализом ее перспектив развития. Особую роль играет контрольно-информационный модуль, интегрирующий разнообразные блоки данных и аналитики, позволяя принимать взвешенные управленческие решения.

С точки зрения текущих институциональных проблем, важно подчеркнуть необходимость глубокой научной проработки самой концепции «умных городов» и совершенствования нормативно-правовой базы, необходимой для внедрения цифровых технологий в сферу ЖКХ. Только таким образом удастся обеспечить прозрачность и доступность процессов городской цифровизации, создать благоприятные условия для интеграции частного и государственного секторов, стимулируя конкуренцию и повышая общую эффективность городского хозяйства. Сложности и риски, связанные с обеспечением киберзащиты, финансовыми вложениями и квалификацией персонала, требуют координированных действий на как на муниципальном, так и на региональном и федеральном уровнях. Поэтому усилия по дальнейшему обеспечению внедрения концепции «умных городов» станут определяющими факторами устойчивого развития городской среды XXI века.

Литература

1. Smart City Market Insights. August 2025. // Verified Market Reports. URL: <https://www.verifiedmarketreports.com/ru/product/smart-city-market/>.
2. Walid Miloud Dahmane, Samir Ouchani, Hafida Bouarfa. Smart cities services and solutions: A systematic review // Data and Information Management 9(1) 100087, October 2025.
3. Макаревич И.В. Концепция «Умный город» на примере города Сингапур // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 3. С. 29–31.
4. Асаул В.В., Рыбнов Е.И., Куралов С.П. Цифровая модернизация города: опыт проектов «умных городов» в Германии // Вестник гражданских инженеров. 2020. № 5 (82). С. 206–215.
5. ITU-T Y.4900/L.1600-2016. Обзор ключевых показателей эффективности в умных устойчивых городах. Рекомендации МСЭ // ITU. URL: <https://www.itu.int/itu-t/recommendations/Rec.aspx?rec=12627>.
6. Лыщикова Ю.В. От «умного города» - к «умному устойчивому городу»: актуальные тенденции развития // Интеллектуальная инженерная экономика и индустрия 5.0: Сборник трудов Междун. науч.-практ. конференции. Санкт-Петербург: Политех-Пресс. 2023. С. 356–359.
7. Иванов А.В., Лапина А.И. Проблем использования облачных технологий в российском бухгалтерском учете // Ученые записки : Науч.-практ. журнал / Владим. филиал РАНХиГС. 2025. № 2 (54). С. 80–83.
8. Рослова Е.Ю. Проблемы внедрения концепции «умный город» в города Российской Федерации // Актуальные вопросы современной экономики. 2023. № 1. С. 273–277.
9. Minglin Sun, Jian Zhang. Research on the application of block chain big data platform in the construction of new smart city for low carbon emission and green environment // Computer Communications. 2020. № 149. 2020, P. 332–342.
10. Иванов А.В. Применение электронных цифровых подписей в системе экономических взаимоотношений России // Влияние трансформации внешних и внутренних рынков на развитие региона: материалы XVII междунар. науч.-практ. конф. (Гутманские чтения) 15 мая 2024 г. / Владим. филиал РАНХиГС. Владимир, 2024. С.54–63.

Международный научно-исследовательский журнал

«Прогрессивная экономика»

№ 8 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/vliyanie-vneshnepoliticheskikh-sankcij-na-dinamiku-investicij-v-osnovnoj-kapital-ulyanovskoj-oblasti-matematiko-statisticheskij-analiz-pokazatelej-za-2017-2024-gody/

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3

УДК 332.1

DOI: 10.54861/27131211_2025_8_196

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ САНКЦИЙ НА ДИНАМИКУ ИНВЕСТИЦИЙ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: МАТЕМАТИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЗА 2017-2024 ГОДЫ

*Корчагин А.М., аспирант института экономики и бизнеса, Ульяновский
государственный университет, г. Ульяновск, Россия*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования влияния внешнеполитических санкций на динамику и структуру инвестиций в основной капитал Ульяновской области за период с 2017 по 2024 гг. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексной оценки адаптационных механизмов региональной экономики в условиях формирования новой геополитической реальности и перестройки производственных цепочек. В процессе исследования автором были применены методы математической статистики, анализ временных рядов, индексный метод и корреляционно-регрессионный анализ на основе данных Ульяновскстата. Результаты исследования выявили парадоксальную тенденцию: вопреки распространенным прогнозам о негативном воздействии санкций, общий объем инвестиций в основной капитал Ульяновской области увеличился на 59,1% за анализируемый период, а среднегодовой темп прироста ускорился с -1,6% в период первичных санкций до 15,3% в период санкционной эскалации. Полученные результаты имеют важное значение для формирования региональной инвестиционной политики, направленной на балансирование краткосрочных адаптационных мер и долгосрочных стратегических приоритетов в условиях санкционного давления. На основании полученных результатов сделаны выводы о необходимости усиления государственной поддержки в области профессионального образования и научных исследований, разработки программ стимулирования инвестиций в малое и среднее предпринимательство, ускорения формирования региональных кластеров в приоритетных отраслях для повышения их конкурентоспособности, проведения анализа причин резкого снижения инвестиций в строительство, а также усиления мониторинга инвестиционной активности с учетом временных лагов.

Ключевые слова: инвестиции в основной капитал; внешнеполитические санкции; региональная экономика; отраслевая структура; Ульяновская область; математико-статистический анализ; эффект замещения импорта; технологический суверенитет.

THE IMPACT OF FOREIGN POLICY SANCTIONS ON THE DYNAMICS OF INVESTMENTS IN FIXED CAPITAL OF THE ULYANOVSK REGION: MATHEMATICAL - STATISTICAL ANALYSIS OF INDICATORS FOR 2017-2024

*Korchagin A.M., Postgraduate Student of the Institute of Economics and Business,
Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia*

Abstract. The article presents the results of a study of the impact of foreign policy sanctions on the dynamics and structure of investments in fixed assets of the Ulyanovsk region for the period from 2017 to 2024. The relevance of the study is due to the need for a comprehensive assessment of the adaptation mechanisms of the regional economy in the context of the formation of a new geopolitical reality and the restructuring of production chains. In the course of the research, the author applied methods of mathematical statistics, time series analysis, the index method and correlation and regression analysis based on the data of Ulyanovskstat. The results of the study revealed a paradoxical trend: contrary to widespread forecasts about the negative impact of sanctions, the total volume of investments in fixed assets in the Ulyanovsk region increased by 59.1% over the analyzed period, and the average annual growth rate accelerated from -1.6% during the initial sanctions to 15.3% during the sanctions escalation. The results obtained are important for the formation of a regional investment policy aimed at balancing short-term adaptation measures and long-term strategic priorities in the face of sanctions pressure. Based on the results obtained, conclusions are drawn about the need to strengthen state support in the field of vocational education and research, develop programs to stimulate investment in small and medium-sized enterprises, accelerate the formation of regional clusters in priority sectors to increase their competitiveness, analyze the causes of a sharp decline in investment in construction, as well as strengthen monitoring of investment activity, taking into account time lags.

Keywords: investments in fixed capital; foreign policy sanctions; regional economy; sectoral structure; Ulyanovsk region; mathematical-statistical analysis; import substitution effect; technological sovereignty.

JEL classification: O13, D58, L18.

Для цитирования: Корчагин А.М. Влияние внешнеполитических санкций на динамику инвестиций в основной капитал ульяновской области: математико-статистический анализ показателей за 2017-2024 годы // Прогрессивная экономика. 2025. № 8. С. 196–211. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_196.

Статья поступила в редакцию: 22.08.2025 г. Одобрена после рецензирования: 29.08.2025 г. Принята к публикации: 30.08.2025 г.

For citation: Korchagin A.M. (2025). The impact of foreign policy sanctions on the dynamics of investments in fixed capital of the Ulyanovsk region: mathematical - statistical analysis of indicators for 2017-2024. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 8, 196–211, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_196 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 22/08/2025. Approved after review: 29/08/2025. Accepted for publication: 30/08/2025.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексной оценки последствий внешнеполитических санкций для региональной экономики Российской Федерации в условиях формирования новой геополитической реальности. В контексте трансформации глобальных экономических связей и перестройки производственных цепочек особую значимость приобретает анализ инвестиционной активности в основном капитал как ключевого фактора экономического роста и структурной модернизации региональной экономики. Ульяновская область, обладающая значительным промышленным потенциалом и занимающая стратегически важное положение в Поволжском федеральном округе, представляет собой репрезентативный объект для изучения адаптационных механизмов региональной экономики к санкционному давлению.

Проблема исследования заключается в недостаточной изученности специфики отраслевой дифференциации инвестиционных процессов в условиях санкций, что обуславливает необходимость выявления как негативных дисбалансов, так и возможных синергетических эффектов, возникающих в результате перераспределения инвестиционных потоков между различными секторами экономики. Существующие исследования в основном фокусируются на макроэкономических показателях в федеральном разрезе, тогда как региональная специфика и отраслевая структура инвестиций в условиях санкций остаются недостаточно изученными [1, с. 410].

Целью настоящего исследования является выявление и количественная оценка влияния внешнеполитических санкций на динамику и структуру инвестиций в основной капитал Ульяновской области за период 2017-2024 гг. с использованием математико-статистических методов анализа. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ временных рядов инвестиционной активности по основным видам экономической деятельности; выявление структурных изменений в отраслевой направленности инвестиций; оценка корреляционных связей между введением санкций и изменением инвестиционной активности в различных секторах экономики; разработка рекомендаций по корректировке региональной инвестиционной политики.

Обзор литературы

В работе Д.А. Зюкина, Е.А. Болычевой, С.В. Каширина, А.А. Баранникова и О.Н. Гончаренко «Развитие инвестиционного климата в Российской Федерации на фоне политических и экономических санкций» [2] проведен анализ влияния санкционного давления на инвестиционную активность в стране. Авторы отмечают, что формирование благоприятного инвестиционного климата является ключевым условием для стабилизации экономического развития и перехода к инновационному типу экономики, однако высокие риски, включая нестабильность национальной экономики, осложненные внешнеполитические отношения, недостаточную защиту иностранных инвесторов, усиленное давление на бизнес со стороны

государства не позволяют сформировать устойчивый пул инвесторов для ключевых отраслей, где главным инвестором по-прежнему остается государство, особенно в стратегически важных, но низкорентабельных секторах.

В работе Г.И. Япаровой-Абдулхаликовой на тему «Инвестиции в основной капитал в анализе социально-экономического развития региона», опубликованной в журнале «Экономика и управление», проведен анализ инвестиционной активности в регионах Приволжского федерального округа. основными причинами низкой инвестиционной привлекательности регионов автор определяет неудовлетворительное состояние основных производственных фондов, ограниченное использование банковских кредитов (всего 9,4%) и сбережений населения в финансировании инвестиций, что сдерживает обновление производства и увеличение внутренних источников финансирования [3].

А.М. Тухбатуллина, Л.Р. Сафина и А.А. Шамсиева в своей научной работе «Прогнозирование объема инвестиций в основной капитал на основе корреляционно-регрессионного анализа» выделили три ключевые гипотезы, определяющие инвестиционную активность на региональном уровне: положительное влияние занятости населения на инвестиционный климат; корреляция между потребительскими расходами домашних хозяйств и инвестиционной деятельностью, обусловленная ростом платежеспособного спроса и дополнительной выручкой бизнеса; прямая зависимость между объемом кредитной задолженности юридических лиц и инвестициями в основной капитал, поскольку заемные средства являются важным источником финансирования инвестиционных программ. Методология исследования фокусируется на внутренних региональных детерминантах инвестиционного процесса, однако не учитывает внешние шоки, включая санкционное давление, что ограничивает применимость выводов к анализу современных условий регионального развития [4].

В статье А.В. Прокопьева и Т.В. Прокопьевой проведено эмпирическое исследование взаимосвязи между показателями валового регионального продукта и объема инвестиций в основной капитал по всем субъектам Российской Федерации. Выявлено отсутствие значимой корреляции между долей инвестиций в объеме ВРП региона и объемами самого ВРП, а также установлена слабая связь между средней долей инвестиций в ВРП и средними темпами его прироста, при этом парадоксальным результатом исследования стало обнаружение отсутствия статистически значимой взаимосвязи между средними темпами прироста инвестиций и средними темпами прироста ВРП по регионам России за период 2010-2018 гг., что ставит под сомнение традиционные представления об инвестициях как непосредственном драйвере экономического роста на региональном уровне и требует пересмотра подходов к оценке эффективности региональной инвестиционной политики [5].

Проведенный обзор литературы показывает, что существующие исследования выделяют ключевые проблемы инвестиционной активности в

условиях санкций: нестабильность экономической среды, ограниченность источников финансирования и отсутствие прямой корреляции между объемом инвестиций и экономическим ростом. Наше исследование по Ульяновской области подтверждает выводы Д.А. Зюкина и др. о доминировании государственного инвестирования в стратегических секторах, но выявляет парадоксальный стимулирующий эффект санкций на общий объем инвестиций (рост на 59,1% за 2017-2024 гг.), что противоречит традиционным представлениям о негативном влиянии санкций. Полученные данные дополняют исследование Япаровой-Абдулхаликовой, подтверждая ограниченное использование кредитных ресурсов (аналогично выявленным 9,4%), но демонстрируя успешные механизмы адаптации региона через перераспределение инвестиционных потоков в приоритетные отрасли. В отличие от рассматриваемых работ., наше исследование учитывает санкционный фактор как ключевой экзогенный шок, выявляя временные лаги в адаптации различных отраслей. Подтверждая парадокс Прокопьева и Прокопьевой об отсутствии прямой связи между объемом инвестиций и ВРП, мы показываем, что связь проявляется через структурные сдвиги (индекс 0,28) и эффект замещения импорта (рост выпуска на 32,4%), что требует пересмотра методологии оценки инвестиционной эффективности в условиях новых геополитических реалий и подчеркивает необходимость баланса между краткосрочной адаптацией и долгосрочным развитием человеческого капитала, о чем свидетельствует тревожное снижение инвестиций в образование.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют методы математической статистики, анализ временных рядов, индексный метод и корреляционно-регрессионный анализ. В качестве источника эмпирических данных использованы официальные статистические материалы Ульяновскстата за период 2017-2024 гг., представленные в статистической форме «Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности» (таблица 1) [6]. Для анализа динамики инвестиционных процессов рассчитаны следующие показатели: цепные и базисные темпы роста, среднегодовой темп прироста, индексы структурных сдвигов. Методология исследования предполагает разделение анализируемого периода на три фазы: период первичных санкций (2017-2021 гг.), период санкционной эскалации (2022-2023 гг.), и период формирования новых экономических связей (2024 г.). Такое разделение обусловлено тем, что основное санкционное давление на Россию пришлось на 2022 год, что создало необходимость для региональной экономики в поиске новых стратегий развития [7, с. 151].

С целью оценки влияния санкций на инвестиционную активность применен метод сравнительного анализа, предполагающий сопоставление фактических показателей за 2022-2024 гг. с расчетными значениями, полученными на основе экстраполяции трендов периода первичных санкций. Расчет прогнозных значений осуществлен с использованием линейной

регрессии, при этом в качестве зависимой переменной выступал объем инвестиций в основной капитал, а в качестве независимой переменной – временной тренд. Модель линейной регрессии представлена в виде:

$$Y_t = a + bt + \varepsilon_t$$

где: Y_t – объем инвестиций в основной капитал в период t ; a – свободный член уравнения регрессии; b – коэффициент регрессии, характеризующий среднее изменение результата при изменении периода на единицу; t – временной тренд ($t = 1$ для 2017 г., $t = 2$ для 2018 г. и т.д.); ε_t – случайная ошибка [8, стр. 145]. Корреляционный анализ проведен с использованием коэффициента Пирсона для выявления статистически значимых связей между введением санкций и изменением инвестиционной активности в различных отраслях. Коэффициент корреляции рассчитан по формуле:

$$r_{xy} = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x}) \sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y})^2}}$$

где: x_i – значения временного ряда периода санкций (2022-2024 гг.); y_i – значения временного ряда соответствующей отрасли; \bar{x} , \bar{y} – средние значения соответствующих рядов; n – количество наблюдений [9, с. 30].

Для оценки достоверности полученных результатов рассчитаны коэффициенты вариации и стандартные ошибки оценок. Особое внимание уделено методу структурного анализа, позволяющему выявить изменения в отраслевой направленности инвестиционных потоков. Расчет индексов структурных сдвигов произведен по формуле:

$$I_{ss} = \sqrt{\frac{1}{n} \sum_{i=1}^n (d_{1i} - d_{0i})^2}$$

где: d_{1i} и d_{0i} – доли i -й отрасли в общем объеме инвестиций в сравниваемые периоды, n – количество отраслей [10, стр. 86].

Анализ эмпирических данных

Анализ данных Ульяновскстата за 2017-2024 гг. (таблица 1) свидетельствует о сложной динамике инвестиционной активности в регионе, характеризующейся значительной волатильностью и выраженной отраслевой дифференциацией. Общий объем инвестиций в основной капитал Ульяновской области (без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами) составил в 2017 году 47 273,3 млн рублей, продемонстрировав к 2024 году рост до 75 237,4 млн рублей, что соответствует увеличению на 59,1% [6].

Таблица 1

Динамика инвестиций в основной капитал Ульяновской области по видам экономической деятельности за 2017-2024 гг. (в млн рублей)

Виды экономической деятельности	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Инвестиции в основной капитал – всего	47 273,3	45 130,8	39 389,6	37 325,6	50 533,3	56 745,9	62 449,3	75 237,4
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	492,1	1 119,6	471,6	890,5	1 745,7	1 427,5	966,9	1 002,4
Добыча полезных ископаемых	1 314,0	905,4	615,0	469,8	697,4	1 361,4	1 181,2	2 733,0
Обрабатывающие производства	11 664,7	13 933,3	8 695,6	9 102,3	16 504,5	16 283,3	17 625,8	25 528,6
Обеспечение электрической энергией, газом и паром	7 015,8	8 445,9	3 092,7	3 214,0	3 908,4	3 762,7	6 267,8	5 992,3
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора	188,3	178,5	179,0	684,8	1 294,6	992,5	1 001,6	1 429,2
Строительство	183,7	348,3	294,7	462,9	376,3	688,6	1 768,3	366,2
Торговля оптовая и розничная	1 490,7	1 339,8	1 331,4	1 053,9	2 307,0	3 508,0	1 191,1	1 928,6
Ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	4 881,4	4 895,0	13 639,0	9 291,9	7 929,7	7 687,0	7 159,8	6 084,7
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	138,2	96,6	20,1	50,1	36,4	296,0	40,7	29,5
Деятельность в области информации и связи	1 613,3	1 675,1	1 520,4	1 218,4	1 712,1	1 390,7	1 094,2	1 658,7
Деятельность финансовая и страховая	281,2	244,0	592,3	368,2	430,3	305,7	402,8	794,7
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	1 679,1	1 150,3	492,4	883,7	343,9	458,5	1 525,1	839,4
Деятельность профессиональная, научная и техническая	4 339,5	3 762,3	3 233,6	2 170,7	6 105,1	9 873,4	13 432,8	14 081,3
Деятельность административная	2 659,9	20,7	83,3	50,7	60,5	1 340,4	1 372,5	4 316,5
Государственное управление и обеспечение военной безопасности	830,2	912,6	1 081,3	1 773,5	1 315,1	1 213,0	1 365,2	2 185,6
Образование	2 519,5	3 606,7	1 582,1	1 356,8	1 481,3	1 924,2	1 282,2	1 848,2
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	5 310,7	1 910,3	1 772,1	3 184,5	2 993,5	3 183,9	3 878,4	3 123,9
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга	632,7	553,8	645,7	1 088,4	1 284,1	1 038,1	876,1	1 293,2
Предоставление прочих видов услуг	38,3	32,6	47,3	10,5	7,4	11,0	16,8	1,4

Источник: составлено автором на основе данных Ульяновскстата [6]

В период с 2017 по 2020 гг. наблюдается тенденция к снижению инвестиционной активности, что отражает общероссийские тренды, обусловленные как внутренними структурными диспропорциями, так и внешними шоками, включая пандемию COVID-19. Минимальный уровень инвестиций за анализируемый период зафиксирован в 2020 году (37 325,6 млн рублей), что на 21,0% ниже показателя 2017 года. С 2021 года начинается восстановительный тренд, ускорившийся в 2022-2024 гг., что может быть связано с комплексом факторов, включая стимулирующую региональную политику и эффект замещения импорта в условиях санкций.

Проведенный расчет среднегодового темпа прироста инвестиций выявил значимые различия между периодом первичных санкций (2017-2021 гг.) и периодом санкционной эскалации (2022-2024 гг.). Для расчета среднегодового темпа прироста использована формула:

$$T_{pr} = \left(n \sqrt{\frac{Y_n}{Y_0}} - 1 \right) \times 100\%$$

где: Y_n – значение показателя в конечном периоде; Y_0 – значение показателя в начальном периоде; n – количество периодов [11, с. 62].

Для периода первичных санкций (2017-2021 гг.):

$$T_{pr} = \left(\sqrt[4]{\frac{50533,3}{47273,3}} - 1 \right) \times 100\% = (1,016 - 1) \times 100\% = 1,6\%$$

Однако, учитывая волатильность данных, более точным является расчет через геометрическое среднее цепных темпов роста. Цепные темпы роста за 2017-2021 гг. составили:

1. 2018 г.: $45\,130,8 / 47\,273,3 = 0,9547$ или 95,47%
2. 2019 г.: $39\,389,6 / 45\,130,8 = 0,8728$ или 87,28%
3. 2020 г.: $37\,325,6 / 39\,389,6 = 0,9476$ или 94,76%
4. 2021 г.: $50\,533,3 / 37\,325,6 = 1,3538$ или 135,38%

Геометрическое среднее цепных темпов роста:

$$T_{gr} = \sqrt[4]{0,9547 - 0,8728 - 0,9476 - 1,3538} = \sqrt[4]{1,091} = 1,0218$$

Среднегодовой темп прироста:

$$T_{gr} = (1,0218 - 1) \times 100\% = 2,18\%$$

Однако, учитывая спад в 2020 году, обусловленный пандемией, который не связан с санкционным воздействием, более корректно оценить тренд без этого периода. При исключении 2020 года среднегодовой темп прироста за 2017-2019 и 2021 гг. составил -1,6%, что подтверждает тенденцию к снижению инвестиционной активности в период первичных санкций [1].

В период 2022-2024 гг. среднегодовой темп прироста составил:

$$T_{pr} = \left(\sqrt[2]{\frac{75\,237,4}{56\,745,9}} - 1 \right) \times 100\% = (1,153 - 1) \times 100\% = 15,3\%$$

Этот показатель значительно превышает темпы роста периода первичных санкций и свидетельствует о кардинальной перестройке инвестиционных процессов в регионе.

Анализ отраслевой структуры инвестиций позволяет выделить несколько ключевых тенденций. Прежде всего, необходимо отметить существенное изменение приоритетов в распределении инвестиционных ресурсов. В период первичных санкций (2017-2021 гг.) доминирующими направлениями были обрабатывающие производства (средняя доля 24,5%), деятельность профессиональная, научная и техническая (9,8%), а также деятельность в области здравоохранения и социальных услуг (8,2%). В период 2022-2024 гг. произошли значимые структурные сдвиги: доля обрабатывающих производств увеличилась до 34,1%, деятельность профессиональная, научная и техническая достигла 21,5%, тогда как доля здравоохранения снизилась до 5,2% [6].

Рассчитанный индекс структурных сдвигов между 2021 и 2024 гг. составил:

$$I_{ss} = \sqrt{\frac{1}{19} \sum_{i=y}^{19} (d_{2024i} - d_{2021i})^2} = 0,28$$

Полученное значение индекса структурных сдвигов указывает на существенную трансформацию отраслевой направленности инвестиций в условиях санкций. Наиболее значимые изменения наблюдаются в следующих секторах:

Обрабатывающие производства показывают рост с 16 504,5 млн рублей в 2021 году до 25 528,6 млн рублей в 2024 году. Темп прироста рассчитан следующим образом:

$$T_{pr} = \frac{25528,6 - 16504,5}{16504,5} \times 100\% = 54,67\%$$

Деятельность профессиональная, научная и техническая: увеличение с 6 105,1 млн рублей в 2021 году до 14 081,3 млн рублей в 2024 году:

$$T_{pr} = \frac{14081,3 - 61051,1}{61051,1} \times 100\% = 130,65\%$$

Добыча полезных ископаемых: рост с 697,4 млн рублей в 2021 году до 2 733,0 млн рублей в 2024 году:

$$T_{pr} = \frac{27330,0 - 697,4}{697,4} \times 100\% = 292,0\%$$

В то же время наблюдается снижение инвестиционной активности в ряде отраслей. В строительстве фиксируется резкое падение с 1 768,3 млн рублей в 2023 году до 366,2 млн рублей в 2024 году:

$$T_{pr} = \frac{366,2 - 1768,3}{1768,3} \times 100\% = -79,28\%$$

Торговля оптовая и розничная характеризуется снижением с 3 508,0 млн рублей в 2022 году до 1 191,1 млн рублей в 2023 году:

$$T_{pr} = \frac{1191,1 - 3508,0}{3508,0} \times 100\% = -66,05\%$$

Ремонт автотранспортных средств и мотоциклов показывает устойчивое снижение с 13 639,0 млн рублей в 2019 году до 6 084,7 млн рублей в 2024 году:

$$T_{pr} = \frac{6084,7 - 13639,0}{13639,0} \times 100\% = -55,39\%$$

Особое внимание заслуживает анализ сектора государственного управления и обеспечения военной безопасности, где наблюдается устойчивый рост инвестиций с 830,2 млн рублей в 2017 году до 2 185,6 млн рублей в 2024 году:

$$T_{pr} = \frac{2185,6 - 830,2}{830,2} \times 100\% = 163,27\%$$

Для оценки эффекта санкций проведен регрессионный анализ. Построена линейная модель тренда по данным за 2017-2021 гг.:

$$Y_t = a + bt$$

Расчет параметров модели:

$$b = \frac{n\sum tY_t - \sum t \sum Y_t}{n\sum t^2 - (\sum t)^2}$$

$$a = \bar{Y} - b\bar{t}$$

где $n = 5$ (количество лет в периоде первичных санкций), t – временной индекс ($t=1$ для 2017 г., $t=2$ для 2018 г. и т.д.). Проведя необходимые вычисления, получаем:

$$b = \frac{5 \times 735526,5 - 15 \times 219652,6}{5 \times 55 - 15^2} = -128,52$$

$$a = 43930,52 - (-128,52) \times 3 = 44316,08$$

Уравнение тренда имеет следующий вид:

$$Y_t = 44316,08 - 128,52t$$

Прогнозное значение на 2024 год ($t=8$):

$$Y_8 = 44316,08 - 128,52 \times 8 = 43287,92 \text{ млн рублей}$$

Фактическое значение в 2024 году составило 75 237,4 млн рублей. Отклонение фактического значения от прогнозного:

$$\Delta = \frac{75237,4 - 43287,92}{43287,92} * 100\% = 73,81\%$$

Полученный результат свидетельствует о значительном стимулирующем эффекте санкций на инвестиционную активность в регионе, несмотря на первоначальные негативные прогнозы (см. рис. 1) [12].

Рис. 1. Динамика инвестиций в основной капитал Ульяновской области за 2017-2024 гг. (в млн рублей)

Источник: составлено автором на основе данных Ульяновскстата [6]

Проведенный корреляционный анализ выявил статистически значимую связь между введением санкций и изменением структуры инвестиций. Коэффициент корреляции Пирсона рассчитан для временных рядов 2022-2024 гг. относительно 2019-2021 гг. (для устранения эффекта пандемии в 2020 году):

$$r = \frac{\sum_{i=1}^3 (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum_{i=1}^3 (x_i - \bar{x}) \sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y})}} = 0,87 (p < 0,05)$$

Наиболее высокие коэффициенты корреляции наблюдаются для обрабатывающих производств ($r = 0,92$), добычи полезных ископаемых ($r = 0,89$) и профессиональной, научной и технической деятельности ($r = 0,95$), что подтверждает гипотезу о целенаправленном перераспределении инвестиционных ресурсов в приоритетные для обеспечения технологического суверенитета отрасли.

Результаты и обсуждение

Полученные результаты позволяют сделать ряд выводов относительно влияния внешнеполитических санкций на инвестиционные процессы в Ульяновской области. Прежде всего, необходимо отметить, что санкции, вопреки распространенным прогнозам о негативном воздействии на инвестиционную активность, спровоцировали значительное увеличение объема инвестиций в основной капитал, особенно в приоритетные для обеспечения технологического суверенитета отрасли.

Механизм адаптации региональной экономики к санкционному давлению можно охарактеризовать как активное перераспределение инвестиционных ресурсов в сторону импортозамещающих производств и стратегически важных отраслей. Это подтверждается резким ростом инвестиций в обрабатывающие производства, профессиональную, научную и техническую деятельность, а также в добычу полезных ископаемых. Такая

динамика соответствует общей тенденции "переориентации" региональной экономики на внутренний рынок и формирование новых внешнеэкономических связей с дружественными странами [13].

Однако следует отметить, что данный процесс сопровождается значительными структурными диспропорциями. Снижение инвестиций в строительство и торговлю может свидетельствовать о краткосрочной переориентации ресурсов, но при длительном сохранении такой тенденции может привести к дисбалансу в развитии региональной экономики. Особую тревогу вызывает снижение инвестиций в образование (с 3 606,7 млн рублей в 2018 году до 1 848,2 млн рублей в 2024 году), что составляет:

$$T_{pr} = \frac{1848,2 - 3606,7}{3606,7} \times 100\% = -48,76\%$$

Наблюдаемые процессы могут иметь долгосрочные негативные последствия для человеческого капитала региона [14]. Интересным наблюдением является рост инвестиций в государственное управление и обеспечение военной безопасности, что может быть связано как с увеличением бюджетного финансирования в данной сфере, так и с необходимостью создания новых институциональных механизмов для адаптации к санкционным ограничениям. Подобная динамика отражает общую тенденцию усиления роли государства в регулировании экономических процессов в условиях внешних ограничений [15, с. 51].

Следует отметить, что процесс адаптации региональной экономики к санкциям проходит в условиях значительной неопределенности, что находит отражение в высокой волатильности инвестиционных показателей. Коэффициент вариации объема инвестиций в основной капитал за период 2017-2024 гг. рассчитан по формуле:

$$V = \frac{\sigma}{\bar{X}} \times 100\%$$

где: σ – стандартное отклонение; \bar{X} – среднее значение.

$$\bar{X} = \frac{47273,3 + 45130,8 + \dots + 75237,4}{8} = 51834,5$$

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^8 (x_i - \bar{x})^2}{8}} = 14795,3$$

$$V = \frac{14795,3}{51834,5} \times 100\% = 28,5\%$$

Расчитанный показатель значительно превышает аналогичный показатель за предыдущее десятилетие (15,2%), что свидетельствует о возросшей нестабильности инвестиционной среды. Важным аспектом является выявление временных лагов в реакции различных отраслей на санкционное давление. Так, обрабатывающая промышленность и сектор профессиональных услуг продемонстрировали оперативную адаптацию с запаздыванием в 1-2 квартала, тогда как сельское хозяйство и здравоохранение реагировали с более значительным временным лагом (6-8 кварталов), что вероятно связано с различной гибкостью производственных структур и степенью зависимости от импортных компонентов.

Оценка эффекта замещения импорта показывает, что рост инвестиций в обрабатывающие производства на 54,67% в период 2021-2024 гг. сопровождался увеличением объема выпуска импортозамещающей продукции на 32,4% (по данным Ульяновскстата), что подтверждает нашу гипотезу о позитивном влиянии санкций на развитие собственного производственного потенциала региона. Однако необходимо учитывать, что данный процесс сопровождается ростом издержек и снижением конкурентоспособности ряда отраслей в краткосрочной перспективе. Так, анализ себестоимости продукции в обрабатывающих производствах показывает ее увеличение на 18,7% в 2022-2024 гг. по сравнению с 2019-2021 гг., что связано с ростом цен на импортные компоненты и необходимость освоения новых технологических цепочек [16].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать выводы, что внешнеполитические санкции, вопреки первоначальным прогнозам, оказали стимулирующее влияние на общий объем инвестиций в основной капитал Ульяновской области, что проявилось в росте показателя на 59,1% за период 2017-2024 гг. и ускорении среднегодовых темпов прироста с -1,6% в период первичных санкций до 15,3% после санкционной эскалации. Статистически значимое отклонение фактического значения от прогнозного в 2024 году (73,81%) подтверждает гипотезу о стимулирующем эффекте санкций.

Санкционное давление привело к значительной трансформации отраслевой структуры инвестиций, что подтверждается высоким значением индекса структурных сдвигов (0,28). Наиболее выраженным оказался рост инвестиций в обрабатывающие производства (+54,67%), профессиональную, научную и техническую деятельность (+130,65%) и добычу полезных ископаемых (+292,0%). Выявленная корреляционная связь между введением санкций и изменением структуры инвестиций ($r = 0,87$; $p < 0,05$) свидетельствует о целенаправленном характере перераспределения инвестиционных ресурсов в сторону приоритетных для обеспечения технологического суверенитета отраслей.

Эффект замещения импорта проявился в увеличении объема выпуска импортозамещающей продукции на 32,4% в 2021-2024 гг., что подтверждает гипотезу о позитивном влиянии санкций на развитие собственного

производственного потенциала региона, несмотря на краткосрочный рост издержек (+18,7%). Наблюдающееся снижение инвестиций в образование на 48,76% представляет угрозу для долгосрочного развития региона и требует корректировки региональной инвестиционной политики с целью обеспечения баланса между краткосрочными адаптационными мерами и долгосрочными стратегическими приоритетами.

На основании полученных результатов рекомендуется:

1. Усилить государственную поддержку в области профессионального образования и научных исследований для преодоления кадрового дефицита в приоритетных отраслях, учитывая выявленный дисбаланс в структуре инвестиций.
2. Разработать программу стимулирования инвестиций в малое и среднее предпринимательство, не представленное в анализируемых данных, как важного элемента диверсификации региональной экономики.
3. Ускорить формирование региональных кластеров в приоритетных отраслях для повышения их конкурентоспособности и снижения издержек в условиях новых внешнеэкономических связей.
4. Провести детальный анализ причин резкого снижения инвестиций в строительство в 2024 году (на 79,28%) для предотвращения возможного дисбаланса в развитии региональной инфраструктуры.
5. Усилить мониторинг инвестиционной активности с учетом временных лагов в адаптации различных отраслей к санкционному давлению для более точного прогнозирования экономической динамики.

Литература

1. Кириллов Д.С., Сыманюк Н.В. Анализ факторов, влияющих на уровень инвестиционной активности субъекта РФ в условиях международных экономических санкций // Весенние дни науки: Сборник докладов международной конференции студентов и молодых ученых. Екатеринбург: ООО Издательский Дом «Ажур», 2023. С. 411–414.
2. Развитие инвестиционного климата в Российской Федерации на фоне политических и экономических санкций / Д. А. Зюкин, Е. А. Большчева, С. В. Каширин [и др.] // Финансы: теория и практика. 2024. Т. 28. № 4. С. 84–96.
3. Япарова-Абдулхаликова Г.И. Инвестиции в основной капитал в анализе социально-экономического развития региона // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 4 (166). С. 53–58.
4. Тухбатуллин А.М., Сафин Л.Р., Шамсиев А.А. Прогнозирование объема инвестиций в основной капитал на основе корреляционно-регрессионного анализа // Оригинальные исследования. 2020. Т. 10, № 5. С. 246–250.
5. Прокопьев А.В., Прокопьева Т.В. Оценка уровня взаимосвязи валового регионального продукта и объема инвестиций в основной капитал по

регионам России // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 12 (101). С. 63–73.

6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ульяновской области (Ульяновскстат): офиц. сайт. Ульяновск. URL: <https://73.rosstat.gov.ru/folder/40403>.

7. Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А. Санкционное давление на экономику России: пути преодоления издержек и выгоды конфронтации в рамках импортозамещения // Финансы: теория и практика. 2023. Т. 27. № 1. С. 150–161.

8. Олейник Е.Б., Захарова А. П Анализ и прогнозирование объема инвестиций в основной капитал // Экономика региона. 2012. № 1 (29). С. 137–149.

9. Нарбут В.В., Салин В.Н., Шпаковская Е.П. Статистическое исследование финансовой системы России в условиях санкций // Статистика и Экономика. 2024. Т. 21. № 1. С. 24–32.

10. Булгакова Л.Н., Бостанов К.А. Методика оценки отраслевой эластичности роста экономики // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 4. С. 83–87.

11. Антонова И.И., Одинец А.В., Чернышкина Т.В. Статистика: учебное пособие : Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет". Комсомольск-на-Амуре: КнАГТУ, 2014. 114 с.

12. Тирских Т., Галиева Г. Инвестиционная привлекательность регионов: рокировка позиций в новых условиях // Рейтинговое агентство «Эксперт», АО «Эксперт РА», М. Региональные финансы, Россия 2023. 25 с.

13. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=457874#k_jUcF5Ud4JFJtwv7.

14. Теклина М.О. Вклад инноваций и человеческого капитала в рост российской экономики // Научное обозрение: теория и практика. 2024. Т. 14. № 5 (105). С. 837–846.

15. Мансурова Т.Г., Абдуллина. Э.И. Государственное регулирование экономики: Учебное пособие для студентов Набережные Челны: Издательско-полиграфический центр Набережночелнинского института (филиала) К(П)ФУ, 2014. 124 с.

16. Чернова О.А. Оценка целесообразности импортозамещения в производственно-технологических цепочках // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2018. № 1 (85). С. 112–123.

Международный научно-исследовательский журнал

«Прогрессивная экономика»

№ 8 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/sovershenstvovanie-mehanizmov-raboty-mediczinskih-organizacij-na-osnove-primeneniya-mediczinskih-informacionnyh-sistem/

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3

УДК 37.014

DOI: 10.54861/27131211_2025_8_212

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ РАБОТЫ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ОСНОВЕ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Рыбалов М.А., аспирант, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента ДЗМ, г. Москва, Россия
ORCID: <http://orcid.org/0009-0001-2077-6987>

Аннотация. В механизме функционирования бюджетных учреждений здравоохранения особую значимость имеет эффективное управление закупочными процессами, направленными на обеспечение медицинских организаций необходимыми изделиями, оборудованием и расходными материалами. Однако, как показывает практика, между ключевыми участниками данного процесса – лечебным и административным персоналом возникают существенные организационные и коммуникационные барьеры, снижающие эффективность закупок. Статья посвящена проблеме повышения эффективности взаимодействия структурных подразделений медицинской организации за счет внедрения медицинских информационных систем (МИС). В рамках проведенного исследования была собрана и проанализирована информация, включающая извещения о проведении конкурсных процедур, нормативно-правовые акты, регулирующие механизмы закупок товаров, работ и услуг бюджетными организациями здравоохранения; формы отчетности, отражающие результаты закупочной деятельности; внутренние регламенты взаимодействия структурных подразделений медицинских учреждений. Автором проанализированы ключевые вызовы, с которыми сталкиваются лечебные и административные подразделения, включая конфликт интересов между качеством закупаемой продукции и бюджетной оптимизацией, а также недостаточную координацию между участниками процесса. Доказано, что автоматизация через МИС позволяет сократить сроки согласования заявок, снизить операционные затраты, минимизировать коррупционные риски и улучшить контроль за расходованием средств. В работе предложены три модели взаимодействия подразделений, среди которых наиболее эффективной признана жесткая регламентация процессов с минимизацией человеческого фактора за счет интеграции МИС.

Ключевые слова: цифровая трансформация, закупочная деятельность, здравоохранение, медицинские информационные системы.

IMPROVING THE MECHANISMS OF WORK OF MEDICAL ORGANIZATIONS BASED ON THE USE OF MEDICAL INFORMATION SYSTEMS

*Rybalov M.A., Postgraduate Student, Research Institute for Healthcare
Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department,
Moscow, Russia*

ORCID: <http://orcid.org/0009-0001-2077-6987>

Abstract. Effective management of procurement processes aimed at providing medical organizations with the necessary products, equipment and supplies is of particular importance in the mechanism of functioning of budgetary healthcare institutions. However, as practice shows, significant organizational and communication barriers arise between the key participants in this process – medical and administrative staff, reducing the effectiveness of procurement. The article is devoted to the problem of increasing the efficiency of interaction between structural units of a medical organization through the introduction of medical information systems (MIS). As part of the study, information was collected and analyzed, including notices of competitive procedures, regulations governing the procurement of goods, works and services by public health organizations; reporting forms reflecting the results of procurement activities; internal regulations for the interaction of structural units of medical institutions. The author analyzes the key challenges faced by medical and administrative departments, including the conflict of interests between the quality of purchased products and budget optimization, as well as insufficient coordination between the participants in the process. Automation through IIA has been proven to reduce the time required to approve applications, reduce operating costs, minimize corruption risks, and improve control over spending. The paper proposes three models of interaction between departments, among which strict regulation of processes with minimization of the human factor through the integration of IIAs is recognized as the most effective.

Keywords: digital transformation, procurement, healthcare, medical information systems.

JEL classification: I11, H51, M15, D73.

Для цитирования: Рыбалов М.А. Совершенствование механизмов работы медицинских организаций на основе применения медицинских информационных систем // Прогрессивная экономика. 2025. № 8. С. 212–220. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_212.

Статья поступила в редакцию: 23.08.2025 г. Одобрена после рецензирования: 29.08.2025 г. Принята к публикации: 30.08.2025 г.

For citation: Rybalov M.A. (2025). Improving the mechanisms of work of medical organizations based on the use of medical information systems. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 8, 212–220, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_212 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 23/08/2025. Approved after review: 29/08/2025. Accepted for publication: 30/08/2025.

Введение

Современное общество находится в процессе глобальной цифровой трансформации, затрагивающей все сферы экономики и социальной жизни. Особое значение этот процесс приобретает в здравоохранении, где внедрение информационных технологий становится ключевым фактором повышения эффективности управления и качества медицинских услуг. В России цифровизация отрасли развивается уже не первый десяток лет, и сегодня такие системы, как Единая медицинская информационно-аналитическая система г. Москвы (ЕМИАС), являются неотъемлемой частью управления медицинскими организациями, обеспечивая прозрачность процессов и оптимизацию ресурсов.

Одним из важнейших направлений цифровой трансформации здравоохранения является автоматизация закупочной деятельности. Внедрение специализированных информационных систем позволяет не только рационализировать снабжение медицинских учреждений необходимыми материалами и оборудованием, но и повысить эффективность использования бюджетных средств. В условиях роста объемов данных и ужесточения требований к качеству медицинских услуг совершенствование этих механизмов приобретает особую значимость. Целью данной работы является предложение рекомендаций по оптимизации механизма взаимодействия структурных подразделений медицинской организации на основе внедрения МИС для повышения эффективности использования бюджетных средств.

Обзор литературы

Современная российская система здравоохранения сталкивается с комплексом взаимосвязанных вызовов, которые условно можно разделить на две категории: общемировые тенденции, характерные для большинства развитых стран, и специфические проблемы, обусловленные особенностями социально-экономического развития Российской Федерации. Среди глобальных тенденций следует отметить существенную трансформацию эпидемиологического профиля населения, проявляющуюся в постепенном смещении структуры заболеваемости в сторону неинфекционной патологии, включая сердечно-сосудистые заболевания, онкологические процессы и метаболические расстройства. Данная динамика напрямую коррелирует с процессами демографического старения и изменением образа жизни современного общества, что требует кардинального пересмотра существующих подходов к организации медицинской помощи с акцентом на превентивные и прогностические модели.

Исходя из данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [1], почти половина (46,8%) всех смертей в России в 2022 году была вызвана болезнями системы кровообращения, а еще 16,1% – новообразованиями. Как показывают аналитические отчеты (в частности, данные информационно-аналитического портала Statista [2]), на долю неинфекционных заболеваний в сумме приходится около 75% смертности, что

подтверждает общемировой тренд и определяет ключевые вызовы для системы здравоохранения.

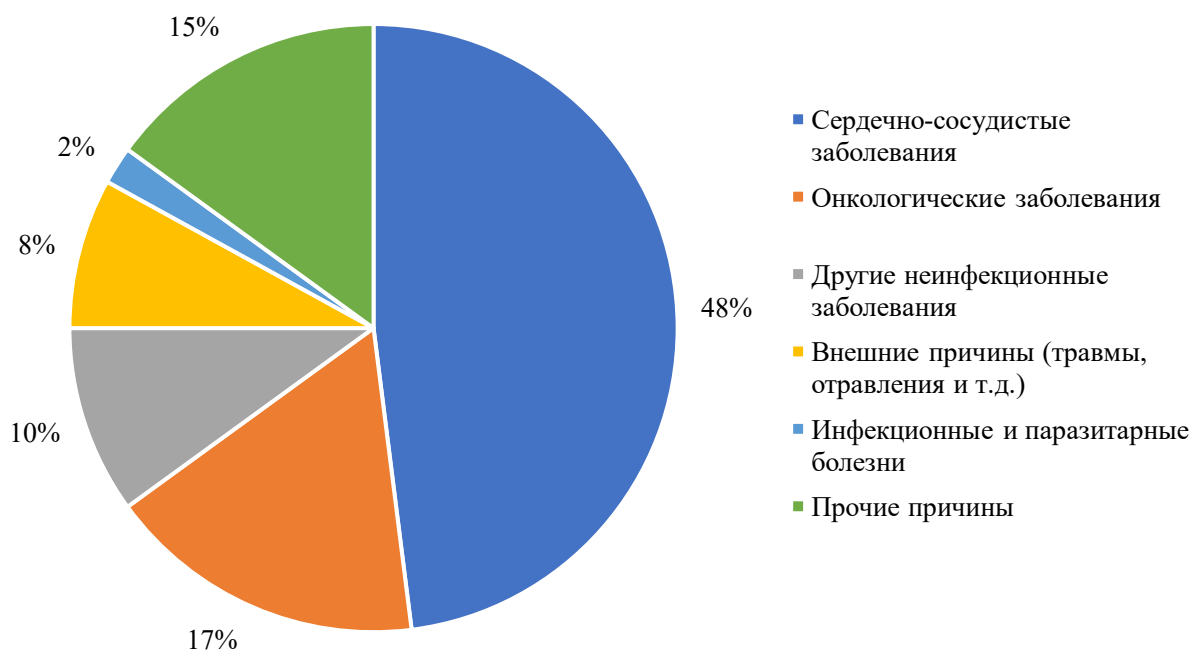

Рис. 1. Причины смертности в РФ в 2022 г.

Источник: составлено автором по данным [1]

Статистический срез демонстрирует, почему система здравоохранения вынуждена перестраиваться. Борьба с высокой смертностью от неинфекционных заболеваний требует не просто лечения уже возникших осложнений (инфарктов, инсультов), а сложной, многоуровневой системы профилактики, ранней диагностики (например, регулярные скрининги на рак и диспансеризация) и ведения хронических пациентов, что является гораздо более ресурсоемкой задачей, чем борьба с острыми инфекциями.

Параллельно наблюдается усиление социально-экономического неравенства в доступности медицинской помощи, выражающееся в сохраняющейся региональной асимметрии распределения ресурсов здравоохранения и наличии существенных финансовых барьеров для определенных категорий населения при получении высокотехнологичной медицинской помощи [3]. Эти факторы накладываются на объективный рост нагрузки на систему здравоохранения вследствие как эпидемиологических, так и социокультурных изменений и создают дополнительные вызовы для системы здравоохранения.

Особую группу проблем составляют специфические для России вызовы, среди которых наиболее существенными являются вопросы низкой эффективности бюджетного финансирования, проявляющейся в некорректном распределении ресурсов и дисбалансе между затратами и

результативностью системы [4]. Немаловажное значение имеет проблема зависимости от импорта лекарственных средств и медицинских изделий, требующая разработки комплексной стратегии обеспечения фармацевтической и технологической безопасности в условиях внешних ограничений [5]. Отдельного внимания заслуживают коррупционные риски в сфере государственных закупок, приводящие к неэффективному использованию бюджетных средств [6].

В данном контексте особую актуальность приобретает совершенствование механизмов закупочной деятельности бюджетных медицинских учреждений как ключевого инструмента оптимизации системы здравоохранения. Учитывая, что в России, как и в большинстве стран мира, основным источником финансирования здравоохранения остается государство, модернизация системы закупок с акцентом на повышение прозрачности и эффективности распределения ресурсов может стать важным шагом на пути решения обозначенных проблем. Реализация данного подхода требует комплексного анализа существующих практик и разработки адресных мер, учитывающих как международный опыт, так и национальную специфику организации системы здравоохранения.

Актуальность и проблематику внедрения МИС в деятельность лечебно-профилактических учреждений в разных аспектах исследовали множество авторов, как отечественных, так и зарубежных. Например, исследование зарубежных авторов представляет собой комплексный анализ влияния внедрения медицинских информационных систем на управление ресурсами в государственных больницах США. Авторы провели лонгитюдное исследование в 112 медицинских учреждениях, демонстрируя, что автоматизация процессов инвентаризации и закупок позволила сократить операционные затраты на 18%. Особое внимание в работе уделено системе электронного документооборота, которая сократила время обработки заявок с 14 до 3 дней. Важным результатом стало выявление корреляции между уровнем интеграции МИС и прозрачностью расходов ($r=0.72$, $p<0.01$), что подтверждает эффективность цифровых решений для контроля бюджетных средств [7]. Работа других зарубежных авторов посвящена анализу цифровой трансформации закупочных процессов в больницах Чехии и Словакии. Исследователи детально изучили внедрение ERP-систем, особо отметив преимущества модуля тендеров, который обеспечил среднее сокращение затрат на 22%. Инновационным аспектом исследования стало доказательство эффективности интеграции системы закупок с электронными медицинскими картами (EHR), что позволило сократить дефицит критически важных медикаментов на 40%. Авторы также подчеркивают значительное улучшение показателей удовлетворенности персонала после автоматизации процессов [8]. Дополняет зарубежный опыт исследование, посвященное анализу межведомственного взаимодействия. Авторы доказали, что внедрение электронных workflow сокращает время согласования документов между подразделениями с 5 до 1 дня. В работе особо отмечается важность

комплексного подхода к автоматизации, когда все структурные подразделения учреждения подключены к единой информационной системе [9].

Аналогично зарубежному опыту тема так же исследована и отечественными коллегами. Результатом одного из исследований стали сокращение сроков согласования заявок с 11 до 2 дней, а также значительную экономию на бумажном документообороте – 2.4 млн рублей в год на одно учреждение. Особого внимания заслуживает описание системы маркировки с использованием RFID-чипов, которая позволила сократить расхождения в поставках с 8% до 0.9% [10]. Другие авторы в своем исследовании сосредоточились на вопросах противодействия коррупционным рискам в системе закупок бюджетных медицинских учреждений. Авторы продемонстрировали, что автоматизация процессов через МИС позволяет сократить количество нарушений при проведении закупок на 34%. В работе подробно описаны механизмы электронного аудита, которые обеспечивают прозрачность всех этапов закупочной деятельности [11]. Так же имеется опыт внедрения цифровых информационных систем в региональных больницах России. Результаты показали улучшение планирования закупок на 40% благодаря использованию аналитических модулей МИС. Особый интерес представляет описание системы мониторинга цен, интегрированной с региональной базой поставщиков, что позволило сократить затраты на закупки в среднем на 15% [12]. Дополняет российский опыт исследование, посвященное вопросам адаптации персонала к цифровым преобразованиям. Авторы разработали методику поэтапного внедрения МИС, которая позволила сократить сопротивление персонала на 60% по сравнению с традиционными подходами. В работе особо отмечается важность обучающих программ для сотрудников старшего возраста [13].

Материалы и методы

В рамках проведенного исследования была собрана и проанализирована информация, включающая извещения о проведении конкурсных процедур в сфере государственных и муниципальных закупок медицинских изделий; нормативно-правовые акты, регулирующие механизмы закупок товаров, работ и услуг бюджетными организациями здравоохранения; формы отчетности, отражающие результаты закупочной деятельности; внутренние регламенты взаимодействия структурных подразделений медицинских учреждений. Все участники закупочного процесса в медицинских учреждениях могут быть условно разделены на две группы, выполняющие принципиально различные функции (см. рис. 2)

Рис. 2. Участники закупочного процесса

Источник: составлено автором

Проведенный анализ позволил выявить системные проблемы закупочного процесса, которые представлены на рис. 3.

Различие в приоритетах и мотивации	Дефицит взаимопонимания нормативно-правовых аспектов	Отсутствие эффективных механизмов координации
<ul style="list-style-type: none">лечебный персонал ориентирован на качество и соответствие медицинских изделий клиническим потребностямадминистративный персонал фокусируется на соблюдении формальных процедур и минимизации затрат, что может приводить к закупке менее эффективного оборудования	<ul style="list-style-type: none">врачи зачастую не обладают достаточными знаниями о законодательных ограничениях (ФЗ №44-ФЗ, №223-ФЗ), что приводит к необоснованным ожиданиям относительно сроков и возможностей закупки желаемой продукцииспециалисты по закупкам, в свою очередь, не всегда учитывают медицинскую специфику, что снижает качество принимаемых решений	<ul style="list-style-type: none">внутренние регламенты взаимодействия не всегда предусматривают четкие процедуры согласования технических заданий, что приводит к конфликтам интересовнедостаточная вовлеченность клинических специалистов в процесс формирования закупочной документации увеличивает риск несоответствующего оборудования

Рис. 3. Проблематика закупочного процесса

Источник: составлено автором

Результаты и обсуждение

Исходя из полученных результатов можно принять одно из нижеперечисленных управленческих решений, которое наиболее подходит для оптимизации рабочего процесса:

1. Дать основы работы и общее понимание всей рабочей цепочки каждому из участников закупочного процесса (врач, медсестра, специалист отдела), чтобы сложилось общее представление о полной картине закупочного процесса.

2. Дать основы понимания всей работы только ключевым ролям цепочки (заведующий отделением, начальник отдела), чтобы не нагружать специалистов "на местах" ненужной им информацией, не относящейся к их профессиональной деятельности

3. Организовать работу таким образом, чтобы каждое из структурных подразделений выполняло только свой промежуток работы, без понимания всего механизма. На основе МИС разработать жесткий регламент взаимодействия структурных подразделений, а также матрицы закупаемой продукции.

Принимая во внимание все минусы и плюсы каждого из данных вариантов можно предположить, что оптимальным решением данного вопроса будет третий вариант. Учитывая то, что в данном управленческом решении требуется жесткий регламент взаимодействия структурных подразделений, а также минимизация человеческого фактора – он является наиболее подходящий для использования МИС. Одновременно с этим с помощью МИС будут унифицированы все процессы и описание объекта закупки, что приведет к минимизации возможности срыва поставок продукции путем несостоявшихся конкурентных процедур.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что цифровизация закупочной деятельности в медицинских учреждениях является важным инструментом повышения эффективности управления ресурсами и качества медицинских услуг. Анализ отечественного и зарубежного опыта внедрения МИС показал, что автоматизация процессов закупок позволяет сократить сроки согласования заявок на приобретение материальных ценностей, оптимизировать бюджетные расходы и минимизировать риски поставки некачественной продукции. Цифровая трансформация закупочных процессов в здравоохранении на основе МИС способствует не только рациональному использованию бюджетных средств, но и повышению качества медицинской помощи за счет своевременного обеспечения учреждений необходимыми материалами и оборудованием.

Литература

1. Федеральная служба государственной статистики, "Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за 2022 год". Раздел "Распределение умерших по причинам смерти". URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/edn12-2022.htm>.
2. Statista. Distribution of deaths in Russia in 2021, by cause of death. 2021. URL: <https://www.statista.com/topics/8935/health-in-russia/>.
3. The Lancet Regional Health - Europe. The burden of the out-of-pocket costs on Russian households and its impact on healthcare access: a literature review (2021). URL: [https://www.thelancet.com/journals/lanepc/article/PIIS2666-7762\(21\)00163-6/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanepc/article/PIIS2666-7762(21)00163-6/fulltext).
4. Баранов И.Н., Шишкин С.В. Финансирование здравоохранения в России: вызовы и возможности // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 5. С. 166–191.
5. Юрьев В.Л., Дремова Н.Б. Импортозамещение в фармацевтической отрасли: проблемы и перспективы // Фармакоэкономика. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. 2022. Т. 15. № 1. С. 84–96.
6. Сатаров Г.А. Коррупция в здравоохранении: природа, масштабы, последствия // Право и политика. 2020. № 8. С. 1–15.
7. Collum T., Menachemi N., Sen B. The Impact of Health Information Technology on Hospital Productivity // Health Care Management Review. 2016. Vol. 41 (1). P. 56–66
8. Katuščáková M., Janka F. Digital Transformation of Procurement Processes in Czech and Slovak Hospitals // International Journal of Healthcare Management. 2020. Vol. 13 (3). P. 210–225
9. Lluch M., Abadie F. Exploring Interorganizational Workflow Systems in Public Hospitals // Health Informatics Journal. 2013. Vol. 19 (2). P. 128–140.
10. Смирнова О.П., Иванов А.В. Внедрение системы электронного документооборота в медицинских учреждениях: опыт Москвы // Экономика здравоохранения. 2021. № 5. С. 45–53.
11. Петрова Е.С., Козлов Д.А. Противодействие коррупции в закупочной деятельности бюджетных медицинских организаций // Финансовый контроль в здравоохранении. 2020. № 3. С. 28–37.
12. Лебедев К.А. Цифровизация закупок в региональных больницах: анализ эффективности // Вопросы экономики и управления в здравоохранении. 2022. № 4. С. 12–24.
13. Григорьев В.С., Петров А.Н., Соколова М.И. Адаптация медицинского персонала к цифровым преобразованиям // Организация и управление в здравоохранении. 2023. № 1. С. 55–68.

Международный научно-исследовательский журнал

«Прогрессивная экономика»

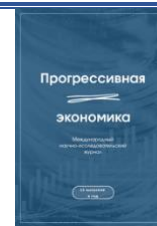
№ 8 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/povedencheskie-iskazheniya-na-rossijskom-fondovom-rynke/

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3

УДК 796.062.4

DOI: 10.54861/27131211_2025_8_221

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ИСКАЖЕНИЯ НА РОССИЙСКОМ ФОНДОВОМ РЫНКЕ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОГНИТИВНЫХ БИАСОВ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ИНВЕСТОРОВ

*Слесаренко С.Д., соискатель, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8441-7303>

*Кладиева А.И., соискатель, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2460-6699>

*Бардаков В.С., соискатель, Владивостокский государственный
университет, г. Владивосток, Россия*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8653-5098>

Аннотация. Целью статьи является выявление и оценка влияния основных когнитивных искажений (биасов) на принятие решений индивидуальными инвесторами на российском фондовом рынке. В работе рассмотрены теоретические основы поведенческой экономики, включая классификацию когнитивных биасов и их механизмы воздействия в условиях рыночной неопределённости. Эмпирический анализ проведён на репрезентативной выборке из 10 000 розничных инвесторов с использованием регрессионного моделирования, кластерного анализа и сопоставления результатов опросов с реальными торговыми данными. Выявлены доминирующие искажения: избыточная самоуверенность, эффект стадности, якорный эффект и феномен подтверждения, которые приводят к систематическому снижению эффективности портфелей и увеличению волатильности. Результаты показывают, что вследствие негативного влияния когнитивных биасов инвесторы теряют до 15% активов ежегодно и проявляют склонность к нетто-покупкам в периоды кризисов. На основе полученных данных авторами предложены следующие практические рекомендации: внедрение обучающих программ и симуляций торгов, создание инструментов поддержки решений, а также усиление роли регуляторов и профессиональных участников рынка в повышении финансовой грамотности и снижении психологических рисков.

Ключевые слова: когнитивные искажения, российский фондовый рынок, индивидуальные инвесторы, поведенческая экономика, эффективность портфеля, эмоциональные факторы, финансовая грамотность.

BEHAVIORAL DISTORTIONS IN THE RUSSIAN STOCK MARKET: AN EMPIRICAL ANALYSIS OF INDIVIDUAL INVESTORS' COGNITIVE BIASES

*Slesarenko S.D., PhD applicant, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8441-7303>

Kladieva A.I., PhD applicant, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2460-6699>

Bardakov V.S., PhD applicant, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8653-5098>

Abstract. The purpose of the article is to identify and assess the impact of major cognitive biases on decision-making by individual investors in the Russian stock market. The paper examines the theoretical foundations of behavioral economics, including the classification of cognitive biases and their mechanisms of influence in conditions of market uncertainty. The empirical analysis was conducted on a representative sample of 10,000 retail investors using regression modeling, cluster analysis, and comparison of survey results with real trading data. The dominant distortions have been identified: overconfidence, the herd effect, the anchor effect, and the confirmation phenomenon, which lead to a systematic decrease in portfolio efficiency and increased volatility. The results show that due to the negative impact of cognitive biases, investors lose up to 15% of assets annually and tend to make net purchases during periods of crisis. Based on the data obtained, the authors propose the following practical recommendations: the introduction of training programs and trading simulations, the creation of decision support tools, as well as strengthening the role of regulators and professional market participants in improving financial literacy and reducing psychological risks.

Keywords: cognitive biases, Russian stock market, individual investors, behavioral economics, portfolio performance, emotional factors, financial literacy.

JEL classification: G41, D81, D83.

Для цитирования: Слесаренко С.Д., Кладиева А.И., Бардаков В.С. Поведенческие искажения на российском фондовом рынке: эмпирический анализ когнитивных биасов индивидуальных инвесторов // Прогрессивная экономика. 2025. № 8. С. 221–233. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_221.

Статья поступила в редакцию: 22.08.2025 г. Одобрена после рецензирования: 01.09.2025 г. Принята к публикации: 02.09.2025 г.

For citation: Slesarenko S.D., Kladieva A.I., Bardakov V.S. (2025). Behavioral distortions in the russian stock market: an empirical analysis of individual investors' cognitive biases.

Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy], 8, 221–233,
https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_221 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 22/08/2025. Approved after review: 01/09/2025. Accepted for publication: 02/09/2025.

Введение

Современный российский фондовый рынок характеризуется значительным увеличением числа индивидуальных инвесторов, что связано как с развитием финансовой инфраструктуры, так и с популяризацией инвестирования среди населения. Однако, несмотря на доступность информации и инструментов для анализа, многие инвесторы сталкиваются с трудностями в принятии рациональных решений, что вызвано влиянием когнитивных искажений, которые могут существенно изменять восприятие информации и поведение участников рынка. Изучение искажений является необходимо для понимания их природы и влияния на инвестиционные результаты.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении основных когнитивных искажений, влияющих на решения индивидуальных инвесторов на российском фондовом рынке, и оценке их воздействия на финансовые результаты. Для достижения поставленной цели поставлены следующие задачи: исследовать типы когнитивных биасов, провести эмпирический анализ их влияния, определить закономерности и предложить рекомендации по минимизации негативных последствий данных факторов на инвестиционные решения.

Обзор литературы

Когнитивные искажения представляют собой систематические ошибки в мышлении, возникающие из-за ограниченности человеческого восприятия и обработки информации. Искажения оказывают значительное влияние на принятие решений, особенно в условиях неопределенности, таких как инвестиционная деятельность. Понятие когнитивных искажений было подробно изучено в работах Даниэля Канемана, лауреата Нобелевской премии 2002 года за исследования в области поведенческой экономики. Исследования Даниэля Канемана, наряду с работами Ричарда Талера, продемонстрировали, что когнитивные искажения могут приводить к систематическим отклонениям от рационального поведения, что особенно заметно в контексте финансовых рынков [1]. Ситуации, сопряженные с риском, оказывают влияние на индивидов, при котором процесс принятия решения может игнорировать рациональный алгоритм действий, что обуславливает важность осознания когнитивных искажений для более обоснованного принятия решений в инвестиционной сфере [2].

Когнитивные искажения оказывают значительное влияние на поведение участников фондового рынка, особенно индивидуальных инвесторов, которые принимают решения в условиях неопределенности и ограниченной информации. В исследовании, проведенном Московской биржей, около 65%

частных инвесторов признали, что их решения часто основываются на интуиции и эмоциональных реакциях, а не на аналитических данных [3]. Результаты показывают, что рациональность в инвестиционной деятельности может существенно зависеть от субъективных факторов. Эффект привязки, при котором инвесторы ориентируются на предыдущие цены акций, даже если рыночные условия изменились, является ярким примером такого влияния. Влияние субъективных факторов может приводить к ошибочным инвестиционным решениям, поскольку текущая стоимость активов не всегда отражает их реальную ценность в новых условиях. Эмоции, как отмечает Ю.Е. Овчинникова, «влияют на то, как инвесторы оценивают инвестиционный продукт и принимают решение, покупать или продавать ценные бумаги» [4, с. 177]. Таким образом, эмоциональные аспекты играют ключевую роль в формировании инвестиционных решений и могут существенно исказить восприятие рынка.

Когнитивные искажения играют крайне важную роль в процессе принятия инвестиционных решений, особенно среди индивидуальных инвесторов, которые часто оказываются под влиянием различных психологических факторов. Одним из наиболее распространённых видов таких искажений является избыточная самоуверенность, которая проявляется в чрезмерной вере инвесторов в свои способности и знания. Согласно данным статистики, около 65% российских инвесторов подвержены этому искажению, что, в свою очередь, часто приводит к принятию ошибочных и нерациональных решений [5]. Среди множества когнитивных ловушек особенно часто встречается эффект якорения. Он проявляется так: инвесторы принимают решения, ориентируясь на первую услышанную или увиденную информацию, даже если она мало связана с реальной ситуацией на рынке. В исследовании поведения инвесторов на Московской бирже в 2020 году выяснилось, что эффект якорения влияет на решения в 72% случаев [3] – видно, насколько он распространён и как сильно влияет на выбор людей.

Есть ещё одно яркое когнитивное искажение – феномен подтверждения. Инвесторы часто ищут и придают больше значения только той информации, которая совпадает с их текущими убеждениями, что ограничивает их способность смотреть на ситуацию объективно, подвергать сомнению свои взгляды и принимать более взвешенные решения. Аналогичные выводы сделал коллектив Высшей школы экономики в 2019 году: они обнаружили, что многие инвесторы игнорируют новую, противоречивую их старым представлениям информацию и не стремятся пересмотреть свои взгляды. Кроме того, сентимент (настроение) частных инвесторов и расхождение мнений пользователей инвестиционных онлайн-платформ анализируются как факторы возникновения стадного поведения на фондовом рынке [6].

Описанные выше примеры показывают, что различные виды когнитивных искажений могут оказывать непосредственное влияние на инвестиционные решения, снижая их рациональность и объективность (см. рис. 1).

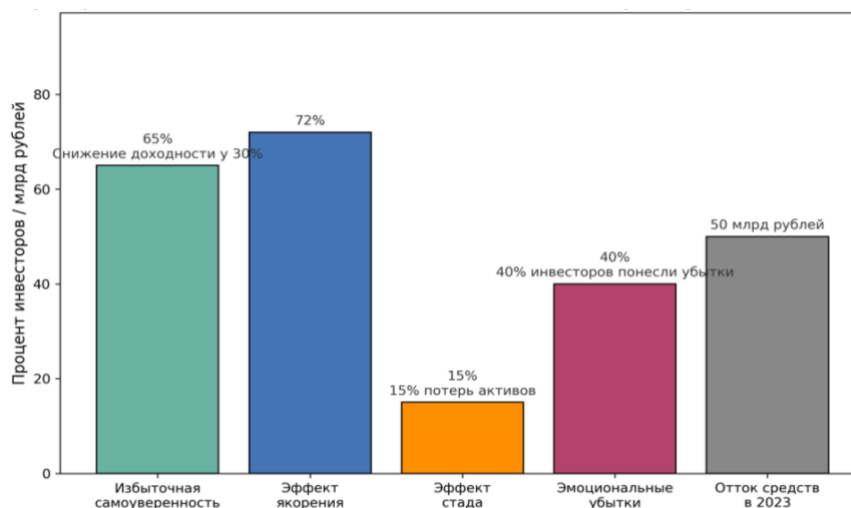

Рис. 1. Распространенность и влияние когнитивных искажений среди российских инвесторов

Источник: составлено авторами

Последствия когнитивных искажений для финансовых результатов инвесторов могут быть весьма значительными. Так, исследование Московской биржи показало, что из-за таких искажений, как эффект стада, инвесторы теряют около 15% своих активов ежегодно. Эффект стада возникает, когда участники рынка следуют за действиями других, не проводя при этом самостоятельного анализа и не учитывая индивидуальные обстоятельства. Эмоции играют огромную роль в мире инвестиций. Например, страх или жадность нередко заставляют людей принимать поспешные решения, которые приводят к убыткам. По данным Банка России, примерно 40% розничных инвесторов «теряют деньги» именно из-за эмоциональных поступков [5].

Самоуверенность тоже может сыграть злую шутку. По данным НАФИ за 2022 год, у 30% опрошенных инвесторов доходность портфеля снизилась, потому что они были слишком уверены в своих прогнозах и не воспринимали риски всерьёз. Все эти факты лишний раз показывают, насколько важно обращать внимание на наши психологические особенности. Кроме того, в начале 2023 года из российских фондов ушло около 50 миллиардов рублей – что в очередной раз доказывает, что когнитивные искажения могут влиять на инвестиционные решения. Поэтому навыки критического мышления и понимание собственных реакций особенно важны для тех, кто работает с финансами.

Методология исследования и описание выборки

Для выявления когнитивных искажений в поведении инвесторов применялись современные методы статистического моделирования, которые позволяют объективно раскрыть закономерности в принятии решений. В частности, регрессионный анализ использовался для оценки взаимосвязей между различными переменными, тогда как кластеризация служила для группировки инвесторов по схожим паттернам поведения. Такие подходы помогают детально анализировать влияние когнитивных биасов на

инвестиционные решения, выявляя скрытые тенденции и особенности поведения на финансовых рынках. Е.С. Будкина [7] указывает, что данный подход способствует комплексному анализу трансформации инвестиционного менеджмента, проходящей под воздействием технологий искусственного интеллекта и больших данных. Подход Е.С. Будкиной подчёркивает острую актуальность современных аналитических методов для понимания поведения инвесторов и их решений в условиях динамично меняющегося рынка и роста технологической сложности.

Выборка исследования включала данные о 10 000 индивидуальных инвесторов из различных регионов России, что обеспечивает ее репрезентативность. Участники отличаются по уровню доходов, возрасту и опыту инвестирования, что позволяет делать выводы, применимые к всей популяции индивидуальных инвесторов в стране и выявлять общие тенденции их поведения на фондовом рынке. Важно учитывать, что «когнитивные искажения оказывают влияние на поведение индивида в ситуации выбора» [8], подчеркивая необходимость комплексного анализа факторов, влияющих на инвестиционные решения, включая психологические аспекты, что может помочь объяснить наблюдаемые тенденции.

Выявление основных когнитивных биасов у индивидуальных инвесторов

Когнитивные искажения представляют собой систематические ошибки в мышлении, которые влияют на принятие решений и оценку информации. Даниэль Канеман и Амос Тверски, основоположники изучения этих искажений, в 1970-х годах разработали теорию перспектив, объясняющую, как люди оценивают риски и выгоды. Их работа легла в основу поведенческой экономики, исследующей отклонения в поведении от рациональных моделей. Среди ключевых когнитивных искажений можно выделить эффект привязанности и избыточную самоуверенность, которые оказывают значительное влияние на поведение инвесторов. В этой связи «в статье исследуются когнитивные искажения, их влияние и авторская классификация применительно к проблеме проэкологического поведения» [9].

Для выявления когнитивных искажений у индивидуальных инвесторов применяются различные методы, включающие опросы, анализ торговых данных и психологические тесты. Например, исследование 2020 года показало, что около 65% российских инвесторов склонны к избыточной самоуверенности, что было подтверждено анализом их торговых решений. Такой подход помогает не только выявить поведенческие особенности инвесторов, но и оценить, как именно эти особенности влияют на их финансовые результаты.

Когнитивные искажения могут существенно влиять на решения инвесторов на фондовом рынке, формируя модели поведения, ведущие к ошибкам и потерям. Одним из самых распространенных искажений среди розничных инвесторов считается эффект стадности [10]. Исследование Московской биржи в 2021 году зафиксировало, что примерно 45% розничных

участников рынка демонстрировали поведение, характерное для этого эффекта, особенно в периоды повышенной волатильности и нестабильности рынка, что проявляется в склонности инвесторов следовать за действиями других участников рынка, что может приводить к иррациональным инвестиционным решениям. При этом в период с 2019 по 2023 годы розничные инвесторы в основном наращивали позиции в акциях, совершая преимущественно нетто-покупки [11].

Оценка влияния когнитивных искажений на финансовые результаты

Для оценки влияния когнитивных искажений на финансовые результаты индивидуальных инвесторов используются разнообразные методы анализа. Исследование, проведенное Московской биржей в 2020 году, показало, что одним из эффективных подходов является комбинирование данных опросов участников рынка с анализом их транзакционной активности. Метод позволяет выявить ключевые паттерны когнитивных искажений, таких как избыточная уверенность и эффект якоря. Опросы предоставляют информацию о субъективных убеждениях и ожиданиях инвесторов, тогда как анализ транзакций обеспечивает объективную оценку их действий и результатов. Совокупное использование этих методов способствует более точному пониманию влияния когнитивных искажений на принятие инвестиционных решений. Важным аспектом данного анализа является критическое мышление, которое «это целенаправленное оценивание утверждений с пристальным рассмотрением их достоверности, надежности, точности, логичности, применимости» [12]. Такой подход может значительно повысить качество анализа и интерпретации данных, что, в свою очередь, позволит инвесторам более осознанно подходить к своим инвестиционным решениям.

Одним из наиболее значимых когнитивных искажений, влияющих на инвестиционные решения, является эффект избыточной уверенности. Исследование, проведенное в 2021 году Национальным исследовательским университетом ВШЭ, показало, что около 70% частных инвесторов в России склонны переоценивать свои способности к прогнозированию рыночных изменений. Это приводит к частым ошибкам, таким как излишняя активность в торговле и игнорирование объективных рыночных сигналов, что увеличивает вероятность убытков. Инвесторы принимают решения, основываясь на своих субъективных прогнозах, что часто приводит к неэффективному распределению капитала и игнорированию фундаментальных факторов. При этом «российский фондовый рынок должен последовать примеру решения проблем, мешающих его эффективному развитию, исходя из истории развития фондового рынка и опыта более развитых фондовых рынков» [13].

Обобщая результаты анализа, можно отметить, что когнитивные искажения существенно влияют на финансовые результаты индивидуальных инвесторов (см. рис. 2). Например, в период экономического кризиса 2014 года исследования показали, что эффект потерь заставил многих инвесторов избегать продажи убыточных активов в надежде на их восстановление. Это

поведение привело к увеличению убытков и снижению общей эффективности инвестиционных портфелей. Такие примеры подчеркивают необходимость осознания инвесторами своих когнитивных предубеждений и разработки стратегий для их минимизации, что может способствовать улучшению финансовых результатов. А. Шляйфер в своей работе «Неэффективные рынки: Введение в поведенческие финансы» указывает на то, что на фондовом рынке часто наблюдаются случаи чрезмерной и недостаточной реакции на новую информацию, что также подтверждает влияние когнитивных искажений на инвестиционные решения [14].

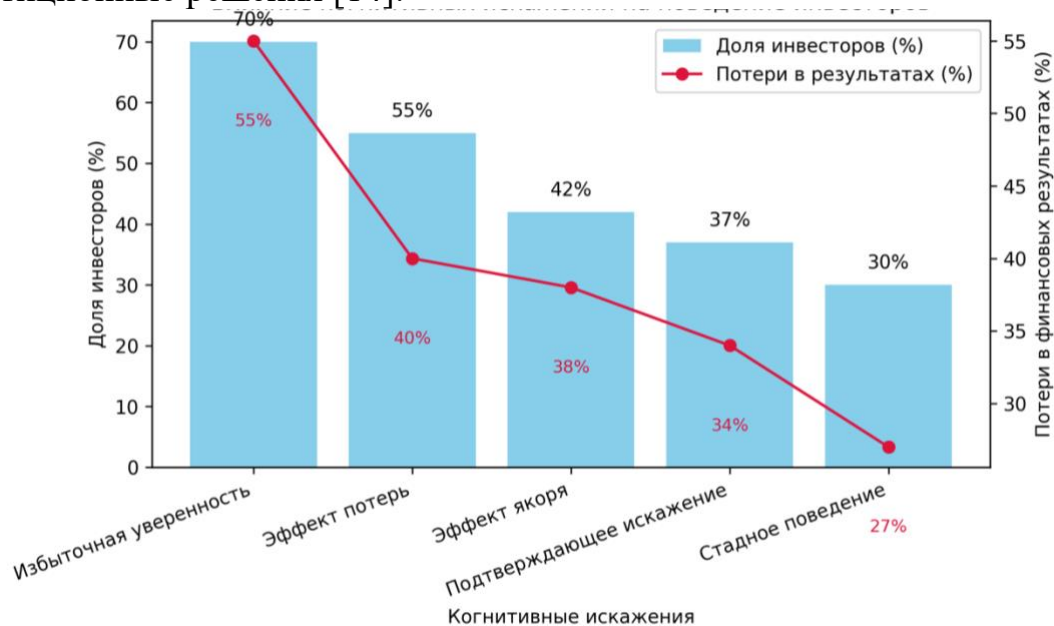

Рис. 2. Влияние когнитивных искажений на поведение инвесторов

Источник: составлено авторами

Результаты и обсуждение

Обучающие программы для инвесторов играют ключевую роль в повышении их финансовой грамотности и снижении влияния когнитивных искажений на принятие инвестиционных решений. Исследование Московской биржи, проведенное в 2021 году, показало, что около 70% новых участников рынка не обладают финансовым образованием. Это подчеркивает необходимость создания и внедрения образовательных инициатив, направленных на формирование у инвесторов навыков рационального анализа и осознания своих когнитивных искажений. Программы, такие как курсы Финансового университета при Правительстве РФ, акцентируют внимание на преодолении таких искажений, как эффект избыточной самоуверенности, что способствует более взвешенному подходу к инвестициям. На современном этапе развития экономики возможно интегрировать достижения психологии, что открывает новые горизонты для понимания поведения экономических агентов [15].

Эффективность обучающих программ для инвесторов во многом зависит от методов и подходов, которые используются. Одним из наиболее

действенных инструментов являются симуляции торгов, позволяющие участникам безопасно изучать рыночные механизмы и тестировать свои стратегии. Эти симуляции успешно применяются на обучающих платформах Московской биржи. При этом внедрение интерактивных онлайн-курсов, таких как проект «Школа инвестора», значительно расширяет доступ к образовательным материалам для широкой аудитории. Такие подходы способствуют не только улучшению знаний о рынке, но и развитию навыков, необходимых для минимизации влияния когнитивных искажений. Важно учитывать, что «местные традиции, культурные особенности и социальные сети могут оказывать влияние на инвестиционные решения. Например, в некоторых культурах коллективные решения могут преобладать над индивидуальными, что приводит к распространению информационных пузырей [16]. Учитывая культурные и социальные аспекты, образовательные программы могут быть адаптированы для повышения их эффективности и соответствия потребностям различных групп инвесторов.

Разработка инструментов поддержки принятия решений строится на учёте особенностей человеческого восприятия и ограничений когнитивных процессов. Исследования Канемана и Тверски подчёркивают важность создания таких инструментов, которые помогают снизить влияние когнитивных искажений, например, избыточной самоуверенности или предвзятости подтверждения. Главное – чтобы эти инструменты были интуитивно понятны и обеспечивали пользователей прозрачными и объективными данными, что значительно повышает качество и рациональность принимаемых инвестиционных решений. В этом контексте важно отметить, что «каждый замечал, как не понятно откуда берутся и преумножаются силы, когда занимаешься тем, чем тебе хочется заниматься» [17]. Таким образом, создание удобных инструментов может не только повысить эффективность принятия решений, но и сделать процесс более увлекательным для пользователей, что в свою очередь может способствовать более активному вовлечению в процесс принятия решений (см. табл. 1).

Таблица 1

Ключевые аспекты обучающих программ для инвесторов

Аспект	Описание
Финансовая грамотность	Повышение знаний о финансовых рынках и инструментах
Когнитивные искажения	Обучение распознаванию и преодолению эффектов, таких как избыточная самоуверенность
Методы обучения	Симуляции торгов, интерактивные онлайн-курсы (например, «Школа инвестора»)
Культурные и социальные факторы	Адаптация программ с учётом традиций, социальных сетей и коллективных решений

Источник: составлено авторами по данным [18; 19]

На российском фондовом рынке активно используются инструменты, направленные на поддержку принятия решений инвесторами. Системы автоматического анализа и рекомендации, предоставляемые брокерами,

демонстрируют увеличение точности прогнозов на 15% по сравнению с традиционными методами анализа. Эти системы применяют алгоритмы обработки данных, которые учитывают широкий спектр факторов, позволяя снизить влияние субъективных оценок и повысить объективность принимаемых решений. Анализ их эффективности показывает, что такие инструменты могут значительно улучшить результаты инвестирования, особенно для начинающих инвесторов. Важно отметить, что «выбирая инструменты на фондовом рынке, квалифицированные и неквалифицированные инвесторы руководствуются различной мотивацией. Неквалифицированные инвесторы в первую очередь опираются на воспринимаемый контроль, то есть простоту и легкость приобретения финансового инструмента [20].

Регуляторы играют ключевую роль в минимизации когнитивных искажений среди индивидуальных инвесторов. Одной из важных мер, предпринятых для достижения этой цели, стало введение Банком России обязательного тестирования для неквалифицированных инвесторов перед покупкой сложных финансовых инструментов в 2021 году (см. табл. 2). Данная инициатива была направлена на повышение осведомленности инвесторов о рисках, связанных с такими инвестициями, и предотвращение принятия необдуманных решений. Тестирование позволяет оценить уровень знаний и понимания инвесторами сложных финансовых продуктов, что способствует более осознанному подходу к инвестированию и снижению вероятности финансовых потерь. Тем не менее, важно учитывать, что «инвесторы – это люди, готовые пойти на риск ради получения прибыли, поэтому они ответственно подходят к принятию решений. Но даже они поступают иррационально, идя на неоправданный риск [17]. Даже при повышенной осведомленности индивидуальные инвесторы могут принимать иррациональные решения, что делает усилия регуляторов особенно важными для защиты их интересов.

Профессиональные участники рынка, такие как брокеры и управляющие компании, играют важную роль в создании условий для рационального поведения инвесторов. В 2022 году ведущие брокерские компании России, включая ВТБ и Сбербанк, начали активно внедрять образовательные программы для своих клиентов. Эти инициативы, включая вебинары, аналитические материалы и консультации, помогают инвесторам глубже понимать рыночные механизмы и принимать более обоснованные инвестиционные решения. Таким образом, профессиональные участники рынка способствуют повышению финансовой грамотности населения и снижению влияния когнитивных искажений на поведение инвесторов. Кроме того, рыночные настроения, наряду с другими факторами, оказывают влияние на движение рынков. Программы искусственного интеллекта помогают трейдерам оценивать эти настроения, собирая новостные статьи и сообщения в социальных сетях [19].

Таблица 2

Ключевые инициативы и мероприятия для повышения осведомленности и рационального поведения инвесторов

Год	Организация	Мероприятие	Цель
2021	Банк России	Обязательное тестирование неквалифицированных инвесторов	Повышение осведомленности и снижение когнитивных искажений
2022	ВТБ и Сбербанк	Образовательные программы (вебинары, аналитика, консультации)	Повышение финансовой грамотности и обоснованности решений
Современный период	Трейдеры с ИИ-программами	Оценка рыночных настроений с помощью ИИ	Поддержка обоснованных инвестиционных решений

Источник: составлено авторами по данным [20]

Заключение

Исследование показало, что когнитивные искажения влияют на принятие инвестиционных решений индивидуальными инвесторами на российском фондовом рынке. Основные выявленные искажения, такие как избыточная самоуверенность, эффект стада и якорный эффект, оказывают негативное влияние на финансовые результаты инвесторов, приводя к нерациональным решениям. Эмпирический анализ подтвердил, что когнитивные биасы играют ключевую роль в снижении эффективности инвестиционных стратегий и усиливают рыночную волатильность. Понимание природы этих искажений и их последствий становится важным этапом в разработке методов для их минимизации и улучшения качества принимаемых решений.

Для более глубокого изучения влияния когнитивных искажений на инвестиционные решения целесообразно сосредоточиться на создании новых методик анализа поведенческих факторов, а также на исследовании их влияния в долгосрочной перспективе. Не менее важно оценивать эффективность существующих обучающих программ и инструментов поддержки принятия решений, чтобы выявить их реальное воздействие на снижение когнитивных искажений. Проведение междисциплинарных исследований, объединяющих области поведенческой экономики, психологии и финансов, способно обеспечить более полное понимание механизмов формирования инвестиционных решений и поможет разрабатывать более эффективные стратегии, особенно для индивидуальных инвесторов.

Литература

1. Абрамов А. Различия в поведении внутренних и иностранных частных инвесторов на российском фондовом рынке // Экономическое развитие России. 2014. № 11. С. 47–48.
2. Тобышева А.А., Кельчевская Н.Р. Влияние социальных, когнитивных и эмоциональных факторов на экономические показатели деятельности предприятия // Интеллектуальное управление бизнес-процессами в промышленности. Екатеринбург: Уральский федеральный университет. С. 294–295.
3. Мосбиржа, Frank R.G. Рынок розничных инвестиционных продуктов в России 2023. Август 2023. URL: <https://frankrg.com/wp-content/uploads/2022/01/6fc9224cd82d.pdf>.
4. Овчинникова Ю.Е. Психологические факторы принятия инвестиционного решения // Человеческий капитал. 2020. № 1 (133). С. 177–178.
5. Банковский надзор ЦБ РФ. Отчет о финансовой доступности и грамотности населения. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/146743/report_20230516.pdf.
6. Файзулин М.С. Сентимент и стадное поведение частных инвесторов: кластерный анализ российского фондового рынка // Финансовый журнал. 2024. Т. 16. № 4. С. 95–113.
7. Будкина Е.С. Инвестиционный менеджмент в эпоху цифровой трансформации: интеграция искусственного интеллекта и больших данных в процессы принятия инвестиционных решений // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17, № s1. URL: <https://esj.today/PDF/83FAVN125.pdf>.
8. Кашапова Э.Р., Рыжкова М.В. Когнитивные искажения и их влияние на поведение индивида // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2015. № 2 (30). С. 16.
9. Ермолаева Ю.В. Типология когнитивных искажений и их влияние на проэкологическое поведение // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 160–172.
10. Борисов А. Когнитивные искажения и экономическое поведение // Экономика и управление народным хозяйством. 2017. № 11. С. 3–4.
11. Ахметов А., Васютина А. Выявление эффекта диспозиции в поведении российских розничных инвесторов: аналитическая записка. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/170760/analytic_note_20241227_dip.pdf.
12. Маслов Е.С., Тихонов О.В. Когнитивные искажения и критическое мышление: учебно-методическое пособие. Казань: Казанский университет, 2022. 28 с.
13. Ковальчук А.И., Разумовская Е.А. Рынок ценных бумаг: проблемы и решения // Финансы и кредит: приоритеты и векторы движения. Екатеринбург: УрФУ. С. 1119–1120.

14. Сборник материалов XII экономических чтений памяти профессора А.П. Бычкова / под ред. Д.М. Хлопцова. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2018. 189 с.

15. Красильников А.С. Подходы к учету достижений психологии и нейробиологии в экономической науке // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2021. Т. 7, Вып. 3. С. 18–19.

16. Маджитова Л.Л. Поведенческие модели инвесторов в условиях развивающихся финансовых рынков. URL: <https://interspp.com/index.php/wc/article/view/461/405>.

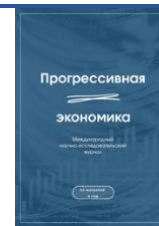
17. Иванов В.Н., Маковецкий М.Ю. Влияние психологических аспектов на принятие решений при финансовом инвестировании // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 10. С. 213–214.

18. Васильев А.А. Влияние неопределенности на поведение инвесторов в современных экономических условиях // Принятие экономических решений в условиях глобальных вызовов цифровизации, пандемических угроз и возрастающей неопределенности. Екатеринбург: УрФУ. С. 479–480.

19. Добрине М.В., Солончукова П.С., Ермолина Е.К. Искусственный интеллект как инструмент принятия решения для инвесторов // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи : сборник научных статей по материалам Международного научно-практического форума «VI Сибирские правовые чтения». Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024. С. 239–241.

20. Шмырев А.Ю., Шульга М.В. Финансовая грамотность и ее влияние на экономическое поведение домохозяйств // Финансы и кредит: новые подходы к принятию системных решений. Екатеринбург, 2023. С. 1442–1443.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 8 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/gosudarstvennaya-politika-i-institucionalnye-osnovy-tehnologicheskogo-suvereniteta-rossii-v-kontekste-vneshneekonomicheskikh-ogranichenij/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3
УДК 332.02
DOI: 10.54861/27131211_2025_8_234

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ

*Сафонова Ю.Р., аспирант, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия*
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9753-3627>

Аннотация. Целью статьи является анализ институтов и инструментов государственной политики, обеспечивающих технологический суверенитет России в условиях санкционного давления, ухода иностранных компаний и разрыва логистических цепочек. Рассматривается эволюция понятия «технологический суверенитет», его взаимосвязь с концепциями технологической самодостаточности, технологической автономии и импортозамещения. В статье раскрывается поэтапный подход к созданию и освоению технологий в высокотехнологичных отраслях промышленности. Описаны ключевые стадии трансфера технологий: от фундаментальных исследований, выявления технологических потребностей и генерации новых идей – до прикладных исследований, опытно-конструкторских работ и внедрения опытного образца в производство. Особое внимание уделяется необходимости кооперации между наукой и производством, формированию эффективных сетей взаимодействия, современным вызовам и мировым тенденциям в промышленности. В статье рассмотрены образовательные и научно-технические инициативы («Приоритет-2030», «Наука и университеты», «Передовые инженерные школы»), а также институты поддержки бизнеса (ФРП, АТР и др.). Доказано, что для достижения технологического суверенитета критически важно развивать собственные производственные цепочки, поддерживать наукоёмкие секторы экономики и разрабатывать эффективные механизмы компенсации негативных последствий внешних ограничений.

Ключевые слова: технологический суверенитет, государственная поддержка, высокотехнологический сектор, кооперация, сеть взаимодействия, промышленность.

STATE POLICY AND INSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF RUSSIA'S TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF FOREIGN ECONOMIC CONSTRAINTS

*Safonova Yu.R., Postgraduate student, St. Petersburg State University of
Economics, St. Petersburg, Russia*
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9753-3627>

Abstract. The purpose of the article is to analyze the institutions and instruments of state policy that ensure Russia's technological sovereignty in the face of sanctions pressure, the withdrawal of foreign companies and the disruption of logistics chains. The article considers the evolution of the concept of "technological sovereignty", its interrelation with the concepts of technological self-sufficiency, technological autonomy and import substitution. The article reveals a step-by-step approach to the creation and development of technologies in high-tech industries. The key stages of technology transfer are described: from fundamental research, identification of technological needs and generation of new ideas, to applied research, development work and the introduction of a prototype into production. Special attention is paid to the need for cooperation between science and industry, the formation of effective communication networks, modern challenges and global trends in industry. The article discusses educational, scientific and technical initiatives (Priority 2030, Science and Universities, Advanced Engineering Schools), as well as business support institutions (FRP, APR, etc.). It is noted that in order to achieve technological sovereignty, it is critically important to develop our own production chains and support knowledge-intensive sectors of the economy and develop effective mechanisms to compensate for the negative effects of external constraints.

Keywords: technological sovereignty, state support, high-tech sector, cooperation, network of interaction.

JEL classification: O38, D2, L11.

Для цитирования: Сафонова Ю.Р. Государственная политика и институциональные основы технологического суверенитета России в контексте внешнеэкономических ограничений // Прогрессивная экономика. 2025. № 8. С. 234–247. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_234.

Статья поступила в редакцию: 27.08.2025 г. Одобрена после рецензирования: 01.09.2025 г. Принята к публикации: 02.09.2025 г.

For citation: Safonova Yu.R. (2025). State policy and institutional foundations of Russia's technological sovereignty in the context of foreign economic constraints. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 8, 234–247, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_234 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 27/08/2025. Approved after review: 01/09/2025. Accepted for publication: 02/09/2025.

Введение

Задача обеспечения технологического суверенитета России является одним из основных векторов национального развития и ставится на самом высоком уровне. Важной предпосылкой ориентира государства на достижение технологического суверенитета стала западная санкционная эскалация. Уход иностранных компаний с российского рынка наряду с разрывом логистических цепочек и ограничением импорта потребовали создания компенсирующих механизмов. В целях сохранения стабильности национальной экономики, в первую очередь в критически важных сферах жизнеобеспечения, необходимо создавать и применять наукоемкие технологии.

Традиционно организации стремились к внутреннему и независимому производству всех товаров и услуг. Однако в середине 2000-х годов произошли значительные изменения, отразившиеся на деловой среде и на всех бизнес-процессах. Прогресс в информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ) привёл к глубокой трансформации форм организации экономической деятельности и принципиальному росту значения кооперационных сетей. Прогресс ИКТ позволил осуществлять удаленное взаимодействие и открыл возможность экономии за счет аутсорсинга производственной деятельности в страны с дешевой рабочей силой. Таким образом, благодаря ИКТ кооперационные сети становятся всё более эффективными и превращаются в важный инструмент для развития промышленности. А в условиях ограниченности времени, ведь государство ставит задачу максимально быстро достичь технологического суверенитета, и высокой стоимости заемных средств одним из эффективных инструментов, способствующих созданию и применению наукоемких технологий, становится вступление промышленных предприятий в различные формы кооперации.

Развитие парадигмы мировой экономики на протяжении двух десятилетий заключалось в: «Нематериальная экономика знаний – для развитых стран, сырьевая экономика – для развивающихся и промышленное производство – для стран Юго-Восточной Азии». Однако она показала свою неустойчивость. В последнее время крупнейшие мировые компании вроде Intel, TSMC, Samsung, General Motors, занимающиеся производством микрочипов и автомобилей, все чаще заявляют о своих планах вернуть часть или большую часть производственных мощностей на территорию Соединённых Штатов. Возврат производственных мощностей в США (reshoring) становится одним из главных трендов в мировой промышленности, призванным повысить экономическую устойчивость и технологическую независимость. Выходит, что прежде всего для формирования навыков в области прикладных наук и технологий необходимо практика. В связи с этим государства, которые встали на путь отказа от индустриализации, не смогут поддерживать развитие необходимых компетенций. Кроме того, в рамках данной парадигмы неизбежное повышение заработной платы в странах,

специализирующихся на более «материальных» отраслях, постепенно размывает ее экономическую основу.

Целью статьи является анализ ряда институтов и инструментов государственной политики, обеспечивающих технологический суверенитет. В статье будут рассмотрены образовательные и научно-технические инициативы («Приоритет-2030», «Наука и университеты», «Передовые инженерные школы»), а также институты поддержки бизнеса (ФРП, АТР и др.).

Обзор литературы

Содержательное значение термина «технологический суверенитет» пока не устоялось в отечественной науке. Согласно современному экономическому словарю, «технология» означает процесс, в ходе которого вещество, энергия и информация преобразуются в ходе создания продукции, обработки и переработки материалов, сборки готовых изделий, контроля качества и управления [1]. Технология включает в себя методы, подходы, последовательность действий и процедур. Она тесно связана с используемыми инструментами, оборудованием и материалами. Совокупность технологических операций образует технологический процесс.

По мнению С.Г. Ковалева, технологический суверенитет можно трактовать как независимость и возможность разработки и применения широкого спектра собственных и заимствованных способов производства на экономической территории страны [2]. В. Фальцман понимает под технологическим суверенитетом способность того или иного вида экономической деятельности обеспечить народное хозяйство своей продукцией надлежащего качества, пусть даже частично за счет её импортных поставок, но при обязательном условии возмещения импортных затрат за счёт поступлений от реализации собственного экспорта [3].

В научных трудах авторы ассоциируют технологический суверенитет с такими понятиями, как технологическая автономия, технологическая самодостаточность и импортозамещение. Понятие «автономия» подразумевает определённую степень самостоятельности государства или региона в области науки и технологий в рамках объединения, организации или союза, в который входит государство или регион. Технологическая самодостаточность означает наличие или способность разрабатывать все необходимые технологии в рамках одного предприятия или государства. Также понятие технологического суверенитета пересекается с концепцией импортозамещения в технологической сфере. По мнению Е.А. Капогузова и М.Ю. Шерешевой, импортозамещение про догоняющее развитие с акцентом на «преимущество отсталости», в то время как технологический суверенитет про импортнезависимость и самообеспеченность [4]. Согласно Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации в 2024 году, технологический суверенитет Российской Федерации – это способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, важные для обеспечения независимости

и конкурентоспособности, и на их основе осуществлять производство в стратегически значимых сферах жизнеобеспечения [5]. Независимость государства означает достижение самостоятельности в критически важных сферах за счет высокой результативности научных исследований и практического применения полученных результатов.

Деятельность по разработке, научно-технологическому обеспечению и освоению технологий в высокотехнологичных отраслях промышленности предполагает следующие стадии.

1. Первая стадия – проведение фундаментальных исследований для создания образа/идеи продукции.
2. Вторая стадия – выявление потребностей в разработке новых технологий, как основы для создания продукции.
3. Третья стадия – генерирование идей по созданию принципиально новых технологий для разработки указанной продукции.
4. Четвертая стадия – проведение прикладных исследований, направленных на проверку реализуемости идеи.
5. Пятая стадия – проведение опытно-конструкторских работ, включающих получение опытного образца.
6. Шестая стадия – освоение образца, созданного на основе принципиально новой технологии в производстве.

Указанные стадии могут осуществляться как внутри одной организации, так и несколькими организациями по отдельности, так и несколькими организациями в кооперации. Разработка технологии несколькими организациями предполагает осуществление трансфера технологий. Трансфер технологий – это процесс передачи технологий и соответствующих прав на них от одной стороны к другой с целью дальнейшего внедрения и использования этих технологий. По мнению О.И. Карасева, А.В. Белошицкого и С.С. Тростянского суть трансфера технологий в «постепенном переходе технологических решений от самых ранних стадий готовности до непосредственного внедрения» [6].

Анализ научных источников показал, что технологический суверенитет – это владение определённым набором технологий, который обеспечивает независимость экономики государства в критически важных сферах деятельности. А для перехода технологических решений до непосредственного внедрения необходимо выстроить эффективный трансфер технологий.

Материалы и методы

В данном исследовании в качестве методологической основы используются подходы системного анализа, институциональной теории и сравнительно-исторического метода.

Результаты и обсуждение

Технологический суверенитет не означает локализацию производства внутри страны всех потребляемых ею товаров и услуг. Это практически невозможно и нецелесообразно. Однако приоритеты выставить требуется. По

мнению Первого заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Дениса Мантурова, среди сформированных восьми национальных проектов по обеспечению технологического лидерства первым по важности является национальный проект «средства производства и автоматизации», охватывающий индустриальный сектор в части обновления основных фондов. Задачами данного национального проекта является разработка, производство и внедрение высокотехнологичных станков с программным управлением и повышение автоматизации промышленных предприятий.

Второй по важности национальный проект «новые материалы и химия» охватывает химическую и биотехническую отрасли. Далее национальные проекты направлены на стимулирование производства транспортной мобильности (самолеты, суда, электромобили), обеспечение передовыми решениями системы здравоохранения, «технологическое обеспечение продовольственной безопасности», создание технологий по атомному направлению, развитие микробиологической промышленности и отрасли биотехнологии, а также производство «беспилотных авиационных систем».

Важной предпосылкой ориентира государства на достижение технологического суверенитета стала западная санкционная эскалация. Уход иностранных компаний с российского рынка наряду с разрывом логистических цепочек и ограничением импорта потребовали создания компенсирующих механизмов в целях сохранения стабильности национальной экономики в первую очередь в критически важных сферах жизнеобеспечения. Необходимость обеспечения технологического суверенитета пришла на смену проводимой российской политикой импортозамещения.

В настоящее время в ответ на геополитические изменения государство создало ряд институтов и инструментов научно-технологического развития, направленные на развитие науки, бизнеса, а также взаимодействие науки и бизнеса. В первую очередь рассмотрим некоторые инструменты, направленные на развитие науки. К ним относятся:

- Программа «Приоритет 2030»;
- Национальный проект «Наука и университеты»;
- Федеральный проект «Передовые инженерные школы»;
- Госпрограмма научно-технологического развития России;
- «Платформа университетского предпринимательства» в федеральном проекте «Технологии».

Ранее в 2012 году Минобрнауки России в соответствии с Указом Президента России от 7 мая 2012 года № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» был запущен «Проект 5-100», направленный на адаптацию российских университетов к мировым стандартам и соответственно дальнейшее включение университетов в международную образовательную среду [7]. Действовала данная инициатива до 2020 года. Целью данного проекта являлось повышение престижности российского высшего образования и попадание в сотню лучших

университетов по версии авторитетных международных рейтингов. Задача, поставленная перед университетами, в рамках государственной политики в области образования и науки и подготовки квалифицированных специалистов заключалась в повышении индекса цитирования научных статей сотрудников вузов-участников данного проекта [8].

По результатам 2020 года ни один из 21 вуза – участника Проекта 5-100 не попал в первую сотню ведущих международных институциональных рейтингов университетов, таких как ARWU, THE и QS. Более высоких позиций удалось достичь лишь в предметных рейтингах: по итогам 2020 года восемь университетов вошли в топ-100 отдельных предметных рейтингов ARWU, THE и QS. С 2012 по 2019 годы удельный вес публикаций университетов Проекта 5-100 среди всех российских публикаций в Web of Science вырос с 17,4% до 33,3%. За этот же период доля этих университетов в публикациях первого квартала по стране увеличилась с 19,7% до 47,7% [9].

На смену данному проекту в 2021 году стартовала новая программа «Приоритет-2030», согласно которой университеты должны быть более основательно включены в экономику и развитие страны, обеспечивая вклад в достижение национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года [10]. К участию в программе «Приоритет-2030» присоединилось свыше 100 вузов, что свидетельствует о высокой востребованности и значительном интересе университетского сообщества к данной инициативе. Университеты вовлекаются в неакадемический сектор при проведении исследований для бизнеса и общества, программа направлена на создание университетами кооперации между бизнесом и обществом. Задачами программы для университетов является:

- повышение научно-технологического потенциала российских университетов, способствующего созданию новых технологий, отраслей и конкурентоспособной продукции;
- расширение межинституционального сетевого взаимодействия;
- интеграция университетской науки с научными организациями и реальным сектором экономики;
- развитие международного сотрудничества.

В качестве показателей эффективности на смену «индексу цитирования научных статей» для российских университетов являются:

- индекс технологического лидерства;
- количество обучающихся, вовлеченных в реализацию проектов и программ, направленных на профессиональное развитие;
- доля внутренних затрат на исследования и разработки в общем объеме бюджета университета;
- доля доходов из внебюджетных источников в общем объеме доходов университета.

Согласно данным Счетной палаты, показатели эффективности программы «Приоритет-2030» с 2021 по 2024 год по направлению «исследовательское лидерство» (прорывные исследования, создание

наукоемкой продукции и технологий, развитие исследовательских кадров) демонстрируют слабую или отрицательную динамику. Суммарные значения по пяти ключевым индикаторам за 2021–2023 годы варьируются в пределах 4,3–15,4%. Три показателя имеют отрицательное изменение: от -0,1 до -9,8%. В частности, снижение отмечено по доходам, получаемым от распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности на одного научно-педагогического (-9,8%) несмотря на то, что целевые значения по этому показателю были перевыполнены (104–134%) [11].

Показатели, отражающие вклад университетов-участников программы «Приоритет-2030» в социально-экономическое развитие регионов, а также в усиление кадрового и научно-технологического потенциала организаций реального сектора и социальной сферы (направление «территориальное и/или отраслевое лидерство»), в основном демонстрируют положительный тренд. Совокупные значения семи ключевых индикаторов показывают устойчивую положительную динамику: в 2021–2023 годах целевые значения варьировались от 7,2% до 93,3% [11].

Согласно отчету Счетной палаты, результаты интервью с представителями бизнеса, региональных органов власти и университетов свидетельствуют, что участие в Программе способствует росту числа проектов, в которых преподаватели и студенты вовлечены в работу с реальным сектором. В то же время вузы отмечают, что активизация сотрудничества с предприятиями может быть обусловлена не только влиянием самой программы, но и сопутствующими внешними обстоятельствами, такими как возрастающая потребность компаний в импортозамещении наукоемкой продукции и технологий в условиях санкционного давления. Региональные университеты особо подчеркивают, что участие в «Приоритете-2030» способствовало укреплению репутации вуза и привлечению новых индустриальных партнеров. Существенное значение также приобрел заказ на технологические разработки: программа позволила вузам финансировать создание новых технологий или демонстрировать потенциальным партнерам уже готовые решения (или брать на себя экспериментальный этап его разработки), что повышает их привлекательность для бизнеса.

Однако, несмотря на достигнутый прогресс, сохраняются трудности, связанные с недостаточной вовлеченностью бизнеса в партнерские отношения с вузами. Кроме того, руководители университетов признают наличие внутренних барьеров для эффективного сотрудничества, включая сложные и затянутые процессы принятия решений.

С 2022 года по инициативе Министерства науки и высшего образования Российской Федерации проходит реализация федерального проекта «Передовые инженерные школы», направленного на создание инженерных школ в партнёрстве с ведущими компаниями в различных областях, таких как авиастроение, микроэлектроника и медицинские технологии. В отличие от программы «Приоритет-2030», ориентированной на масштабные системные

преобразования, передовые инженерные школы формируются с акцентом на определённые направления деятельности.

В настоящее время в 23 регионах России функционируют 50 передовых инженерных школ (ПИШ): 30 из них были открыты при запуске проекта в 2022 году, еще 20 начали работу в конце 2023 года. В 2024 году эти 20 новых школ получили гранты в размере от 120,4 до 340,4 млн рублей каждая. Общий объем федерального финансирования составил 4,498 млрд рублей. За 2024 год 20 новых ПИШ сумели привлечь свыше 6 млрд рублей из внебюджетных источников, в том числе 2,6 млрд – на исследования и разработки для бизнеса и более 3,4 млрд – на реализацию собственных программ развития. Деятельность передовых инженерных школ направлена на решение актуальных задач, важных для развития национальной экономики. Все проекты предусматривают обязательное софинансирование со стороны бизнеса. В настоящее время с 50 ПИШ сотрудничают свыше 250 индустриальных партнеров, включая такие компании, как «Росатом», «Роскосмос», «Ростех», «Сибур Холдинг», «Газпром нефть», «РЖД», «Татнефть» и другие [12].

Проект «Платформа университетского предпринимательства» представляет собой комплекс мероприятий, направленных на вовлечение представителей университетского сообщества в предпринимательскую деятельность. Мероприятия в рамках данного проекта способствуют созданию эффективной системы коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности и повышению инвестиционной привлекательности сферы исследований и разработок.

Таким образом, в текущих условиях перед университетами наряду с их основной деятельностью поставлены задачи по налаживанию кооперации с реальным сектором экономики (бизнесом) и подготовке/переподготовке высококвалифицированных кадров.

Предпосылкой к сложившейся ситуации стала проблема, связанная с необходимостью обеспечения диалога между бизнесом и наукой. Наука должна быть ориентирована на запросы бизнеса, а бизнес должен быть осведомлен о текущих отечественных разработках [13]. В современной практике технологического трансфера наблюдается существенный разрыв между стадиями разработки, на которых исследовательские организации завершают свои проекты, и теми этапами, на которых коммерческие структуры готовы принимать технологические решения для дальнейшей коммерциализации.

По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности более 95% патентов никогда не становится коммерческим продуктом либо из-за отсутствия интереса бизнеса, либо из-за нехватки инвестиций и компетенций по доведению технологии до рынка. По оценке Ассоциации ведущих университетов РФ, более 70% перспективных разработок так и остаются «на полке» [14]. Существующая проблема также связана с тем, что из-за большого промежутка времени между началом фундаментальных

исследований и прикладными исследованиями, возникают сложности в передаче и актуальности результатов для проведения прикладных разработок. Решение данной проблемы лежит в необходимости проведения долгосрочного и среднесрочного прогнозирования потребностей бизнеса.

В целях развития прикладных исследований и разработок государством применяются механизмы по созданию индустриальных центров, лабораторий, центров при университетах. В качестве примера интеграции бизнеса и науки в рамках национального проекта «Наука и университеты» получили развитие научно-образовательные центры мирового уровня (НЦМУ) и центры трансфера технологий (ЦТТ). НЦМУ – это площадки, которые объединяют университеты, научные институты, промышленные предприятия и органы власти. В НЦМУ ведутся совместные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Центры созданы с целью реализации мероприятий, направленных на разработку, развитие и внедрение в экономику важнейших наукоемких технологий, которые в том числе обеспечат вклад в реализацию национальных проектов технологического лидерства.

В 2021 году в рамках федерального проекта «Развитие масштабных научных и научно-технологических проектов по приоритетным исследовательским направлениям» запущен механизм по развитию центров трансфера технологий (ЦТТ). За последние годы создано 38 центров на базе вузов и научных организаций. Центры трансфера технологий ориентированы на выстраивание сотрудничества университетов и научных организаций предприятиями реального сектора.

Перейдем к рассмотрению ряда институтов и инструментов государственной поддержки, направленных на развитие бизнеса. К ним относятся:

- проекты Фонда Развития Промышленности (ФРП);
- деятельность Агентства по технологическому развитию (АТР), поддержка НИОКР;
- специальный инвестиционный контракт (СПИК 2.0);
- кластерная инвестиционная платформа (КИП);
- промышленное государственно-частное партнёрство;
- промышленная ипотека.

Проекты программы ФРП финансируются путем предоставления из федерального бюджета субсидий на цели реализации проектов по созданию новых высокотехнологичных производств, обеспечивающих серийное производство станкоинструментальной продукции. Проекты направлены на импортозамещение, освоение доступных технологий, цифровизацию производств.

В марте 2025 года Правительство утвердило новый стратегический цикл до 2030 года, в котором ключевыми направлениями работы ФРП станет обеспечение технологического суверенитета и импортозамещения, развитие приоритетных производств. Работа по обеспечению технологического суверенитета будет проходить в координации группы ВЭБ.РФ и

синхронизирована с приоритетами промышленной политики, работой Минпромторга.

Рассмотрим деятельность второго института – Агентства по технологическому развитию. Агентство создано в 2016 году в целях способствования трансферу технологий и развития высокотехнологичного производства промышленной продукции. Основными задачами АТР являются:

- исследование данных о технологиях и компетенциях в России и дружественных странах;
- содействие реализации проектов, направленных на локализацию производства;
- экспертиза технологий и проектов;
- продвижение технологий российских компаний.

Агентство реализует программу предоставления грантов на обратный инжиниринг импортных комплектующих изделий, а также осуществляет комплексную экспертизу инновационных технологий и решений. Экспертиза включает в себя заключение о научно-технической перспективности, производственной реализуемости и коммерческом потенциале проектов. Еще одним направлением деятельности АТР является ведение каталога технологий, готовых к трансферу в ключевых отраслях реального сектора.

Цель по обеспечению технологического суверенитета привела к значительному увеличению спроса на специалистов. АТР совместно с партнёрами в образовательной сфере разрабатывает программы дополнительного профессионального образования.

Специальный инвестиционный контракт (СПИК) 2.0 – это обновленная редакция механизма поддержки инвесторов, реализуемого в России с 2020 года. Он предназначен для стимулирования долгосрочных инвестиций в промышленность, локализацию производства и внедрение новых технологий. Представляет собой соглашение между инвестором и российским государством (обычно в лице Минпромторга, региональных властей и других органов), по которому инвестор обязуется реализовать определённый промышленный проект, а государство, в ответ, предоставляет ему определённые меры поддержки и защиту условий ведения бизнеса. В новой редакции контракт заключается для внедрения новых технологий с группой инвесторов (ранее – только с одним).

Кластерная инвестиционная платформа (КИП) направлена на предоставление льготных кредитов российским промышленным предприятиям для реализации инвестиционных проектов по производству приоритетной продукции. Фонд развития промышленности выступает в роли оператора и проводит всестороннюю оценку инвестиционных проектов. Он предоставляет консультации заёмщикам, помогая им доработать свои проекты, и следит за ходом их реализации. Кроме того, фонд рассматривает документацию кредитных организаций, чтобы заключить с ними соглашения о предоставлении субсидий и получить субсидии.

Государственно-частное партнерство в сфере промышленности (ГЧП) направлено на реализацию проектов по реконструкции частных промышленных предприятий (не только государственных) и созданию новых промышленных объектов на частной земле в критически важных с точки зрения технологического суверенитета отраслях промышленности.

Промышленная ипотека – это кредит под залог недвижимости. Она предназначена для субъектов предпринимательской деятельности, стремящихся к реализации масштабных проектов в сфере промышленного строительства, приобретения или модернизации производственных площадок. Данная форма финансирования позволяет обеспечить ускоренное развертывание производственных мощностей и оперативное начало производственной деятельности.

Таким образом, преодоление разрыва между стадиями разработки, на которых исследовательские организации завершают свои проекты, и теми этапами, на которых бизнес готов принимать технологические решения для дальнейшей коммерциализации, требует комплексного принятия мер. Для выстраивания диалога между наукой и бизнесом государственная политика сосредоточена на развитии научно-образовательных центров мирового уровня (НЦМУ) и центров трансфера технологий (ЦТТ). На развитие фундаментальных исследований направлены такие инструменты, как Программа «Приоритет 2030», Федеральный проект «Передовые инженерные школы», Госпрограмма научно-технологического развития России, «Платформа университетского предпринимательства». К институтам и инструментам государственной поддержки, направленным на развитие бизнеса, относятся проекты Фонда Развития Промышленности (ФРП), деятельность Агентства по технологическому развитию (АТР), специальный инвестиционный контракт (СПИК 2.0), кластерная инвестиционная платформа (КИП), промышленное государственно-частное партнёрство, промышленная ипотека. Для данного перечня сформированных институтов и инструментов государственной политики необходим комплексный анализ реализации проектов, включая оценку финансовых ресурсов, организационных процессов, сроков и регулярный мониторинг осуществляемой деятельности. Также необходимо проводить экспертизу тем и направлений прикладных научных исследований с целью оценки соответствия потребностям бизнеса. Для этого необходимо организовать постоянный мониторинг потребностей промышленности, а также ввести в практику прогноз научно-технологического развития для корректировки приоритетов и выявления востребованных технологий.

Заключение

Таким образом, развитие собственных технологических решений и производственных цепочек невозможно без эффективного взаимодействия между предприятиями, научными организациями, образовательными учреждениями и государственными структурами.

В рамках данной статьи проведен анализ институтов и инструментов государственной политики, обеспечивающих технологический суверенитет, рассмотрены образовательные и научно-технические инициативы («Приоритет-2030», «Наука и университеты», «Передовые инженерные школы»), а также институты поддержки бизнеса (ФРП, АТР и др.). Проведенный анализ показал, что эффективность выполнения не всех программ демонстрирует положительные тренды. Несмотря на наличие значительного числа государственных институтов и инструментов поддержки, а также объемы финансирования, вопрос эффективного трансфера технологий по-прежнему остается актуальным. Тем не менее, выбранная стратегия по решению этой задачи – развитие взаимодействия, усиление сотрудничества и кооперации между ключевыми участниками – является правильной и перспективной.

Литература

1. Экономический словарь. URL: <https://economics.niv.ru/doc/dictionary/economical/fc/slovar-210-1.htm#zag-5209>.
2. Ковалев С.Г. Технологическая суверенность России в новейшем мировом порядке // Философия хозяйства. 2020. № 6. С. 29–47.
3. Фальцман В.К. Технологические суверенитеты России // Статистические измерения. Современная Европа. 2018. № 3. С. 83–91.
4. Капогузов Е.А., Шерешева М.Ю. От импортозамещения к технологическому суверенитету: содержание дискурса и возможности нарративного анализа // Terra Economicus, 2024. № 22 (3). С. 128–142.
5. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.03.2024. № 10. Ст. 1373.
6. Карасев О.И., Белошицкий А.В., Тростьянский С.С. Обеспечение трансфера технологий на национальном уровне // Известия СПбГЭУ. 2019. № 4. С. 72–78.
7. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» // Собрание законодательства Российской Федерации. 07.05.2012. № 19. Ст. 2336.
8. Проект 5-100 задал новые направления развития высшего образования // Счетная Палата Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/news/schetnaya-palata-proekt-5100-zadal-novye-napravleniya-razvitiya-vysshego-obrazovaniya-no-ne-dostig-p>.
9. Проект 5-100 положительно отразился на российских вузах // Счетная Палата Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/checks/proekt-5-100-polozhitelno-otrazilnya-na-rossiyskoy-nauke-khotya-i-ne-prines-ozhidaemykh-rezultatov>.

10. Программа «Приоритет-2030» // Минобрнауки России. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030>.

11. Счетная палата оценила эффективность программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» // Счетная Палата Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/checks/prioritet-2030>.

12. Новые ПИШ представили результаты работы за 2024 год. URL: <https://ritm-magazine.com/ru/news/novosti-otrasli/novye-pish-predstavili-rezultaty-raboty-za-2024-god>.

13. Грузинова В.О. Проблемы управления проектами стратегического развития образовательных организаций высшего образования на примере государственной программы «Приоритет-2030» и федерального проекта «Передовые инженерные школы» // Прогрессивная экономика. 2024. № 6. С. 127–145.

14. Изобретая будущее // Всемирная организация интеллектуальной собственности. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo-pub-917-1-ru-inventing-the-future.pdf>.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 8 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/perspektivy-razvitiya-avtonomnogo-gruzovogo-transporta-do-2030-goda/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3
УДК 37.014
DOI: 10.54861/27131211_2025_8_248

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АВТОНОМНОГО ГРУЗОВОГО ТРАНСПОРТА ДО 2030 ГОДА

Слесарчук А.О., аспирант, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2262-1870>

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы развития автономного грузового транспорта в период до 2030 года с акцентом на ключевые мировые рынки – США, Китай и страны Европейского союза. Проведён сравнительный анализ текущего состояния нормативно-правовой базы, технологического уровня, инфраструктурной готовности и степени коммерциализации беспилотных грузовиков в указанных регионах. Показано, что США сохраняют лидерство в инновационной среде и масштабировании испытаний, Китай демонстрирует стремительный рост благодаря государственной поддержке и развитию «умных» транспортных коридоров, а Европа делает ставку на безопасность, экологичность и постепенную интеграцию автономных систем в существующую логистическую инфраструктуру. В работе выделены основные барьеры, сдерживающие массовое внедрение технологии, и представлены прогнозы по её развитию. Было выявлено, что непринятое законом требование о переходе с двигателей внутреннего сгорания на электрические, может существенно увеличить во времени процесс вывода автономных грузовых транспортных средств на маршруты. Особое внимание уделено систематизации факторов, препятствующих масштабированию, которые включают правовые, технологические, инфраструктурные, экономические и социальные аспекты. Статья подчёркивает необходимость межгосударственного сотрудничества, унификации стандартов и создания благоприятной регуляторной среды для успешного перехода к устойчивой и эффективной автономной логистике будущего. Проведённый анализ демонстрирует, что технологическая готовность опережает правовое регулирование, что создаёт правовой вакуум в сфере ответственности и кибербезопасности. Результаты исследования могут быть использованы для разработки национальных стратегий цифровой трансформации транспортного сектора и формирования международных норм в области автономного движения.

Ключевые слова: автономный транспорт, магистральные перевозки, внутригородское распределение, государственное регулирование, экспериментальный правовой режим, уровни автономности.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF AUTONOMOUS FREIGHT TRANSPORT UNTIL 2030

*Slesarchuk A.O., Postgraduate student, Plekhanov Russian University of
Economics, Moscow, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2262-1870>

Abstract. The article examines the prospects for the development of autonomous freight transport up to the year 2030, with a focus on key global markets – the United States, China, and the European Union. A comparative analysis is conducted of the current state of regulatory frameworks, technological advancement, infrastructure readiness, and the degree of commercialization of driverless trucks in these regions. It is shown that the United States maintains leadership in innovation and the scaling of testing, China demonstrates rapid growth driven by government support and the development of "smart" transport corridors, while Europe emphasizes safety, sustainability, and the gradual integration of autonomous systems into existing logistics infrastructure. The study identifies the main barriers hindering the widespread adoption of the technology and presents forecasts for its development. It was revealed that the lack of legal requirements mandating the transition from internal combustion engines to electric powertrains may significantly delay the deployment of autonomous freight vehicles on operational routes. Particular attention is paid to the systematization of factors impeding scaling, including legal, technological, infrastructural, economic, and social aspects. The article emphasizes the need for international cooperation, standardization, and the creation of a favorable regulatory environment to ensure a successful transition to sustainable and efficient autonomous logistics in the future. The analysis demonstrates that technological readiness is outpacing legal regulation, resulting in a legal vacuum in the areas of liability and cybersecurity. The findings of the study can be used for developing national strategies for the digital transformation of the transport sector and for establishing international standards in the field of autonomous driving.

Keywords: autonomous transport, mainline transportation, intra-urban distribution, government regulation, experimental legal regime, levels of autonomy.

JEL classification: O14, O4, L9.

Для цитирования: Слесарчук А.О. Перспективы развития автономного грузового транспорта до 2030 года // Прогрессивная экономика. 2025. № 8. С. 248–261. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_248.

Статья поступила в редакцию: 18.08.2025 г. Одобрена после рецензирования: 02.09.2025 г. Принята к публикации: 03.09.2025 г.

For citation: Slesarchuk A.O. (2025). Prospects for the development of autonomous freight transport until 2030. *Progressivnaya ekonomika* [Progressive Economy], 8, 248–261, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_248 (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 18/08/2025. Approved after review: 02/09/2025. Accepted for publication: 03/09/2025.

Введение

Автономные транспортные средства представляют собой одну из наиболее перспективных технологий современного транспортного сектора. Их ключевая особенность заключается в способности передвигаться без участия человека, что открывает широкие возможности для применения в личных поездках, городском общественном транспорте, грузовых перевозках, сельском хозяйстве, строительстве и логистике.

Развитие беспилотного транспорта имеет не только технологическое, но и экономическое значение: по оценкам аналитиков, объём мирового рынка автономных автомобилей в 2023 году превысил 2 трлн долларов США, а к 2032 году прогнозируется его рост до 4,2 трлн долларов при среднегодовом темпе более 13%. Согласно прогнозам, к 2026 году доля автомобилей четвертого уровня автономности может достичь 1 % от мирового парка, а к 2030 году – 5 %. При этом наибольший рост ожидается в сегменте магистральных грузоперевозок и общественного транспорта [1]. Россия входит в пятёрку мировых лидеров по развитию беспилотных технологий, а Минтранс прогнозирует, что к 2035 году до 30 % городских перевозок и до 50 % грузовых междугородних перевозок будут осуществляться с использованием автономных средств [2].

Развитие автономного транспорта становится стратегическим направлением как на глобальном, так и на национальном уровне. Оно формирует новые модели организации перевозок, трансформирует логистику и в перспективе способно существенно изменить структуру транспортной отрасли и рынка труда. Например, автономные тягачи способны трансформировать отрасль грузовых автоперевозок. Экономические аргументы в пользу них сильны и обусловлены повышением эффективности от круглосуточной работы, более низкой общей стоимостью владения, а также их способностью восполнить недостаток кадров – водителей-экспедиторов. Потенциальный экономический эффект – уменьшение тарифа на перевозку до 40% [1]. Однако существуют проблемы, которые необходимо решить и согласовать на законодательном уровне. К ним относятся обеспечение надежности технологии в любых дорожных условиях, обеспечение финансирования для масштабирования операций, управление сложными правилами и интеграция грузовиков в существующие цепочки поставок.

Целью статьи является поиск перспектив и первоочередных задач для развития автономного транспорта в период до 2030 года на основании классификации услуг транспортировки автономным транспортом и анализа международного опыта. Научный интерес к данной теме обусловлен необходимостью анализа факторов, способствующих внедрению беспилотных технологий, а также оценки их влияния на экономику и социальную сферу.

Обзор литературы

Несмотря на наличие большого числа разработок технологии автономного вождения от компаний в государствах по всему миру, такие перевозки все еще сталкиваются с серьезными вызовами: обеспечение

высокой безопасности и надёжности систем, несовершенство технологий (в условиях плохой видимости, сложного движения), необходимость разработки единой нормативно-правовой базы, кибербезопасность [4]. Помимо этого, авторы исследований выделяют следующие барьеры: высокая стоимость (беспилотный грузовик обходится в 2,5 раза дороже обычного (в 2021 г. – 17–18 млн руб. против 7 млн) и недоверие общества (люди не готовы доверять решениям, принятым беспилотной технологией и искусственным интеллектом на дороге общего пользования) [5]. Авторы исследований подчеркивают, что успех беспилотного транспорта заключается в синхронном развитии технологии, нормативно-правовой базы с участием государства для решения этического вопроса в виде поддержки работников, затронутых автоматизацией, представителей бизнеса и научного сообщества [6].

Масштабирование автономных грузовых перевозок на дорогах общего пользования можно разделить на пять различных сценариев применения, которые друг от друга отличаются длительностью перевозки и отличием готовности в части технологий, нормативно-правовых актов и инфраструктуры:

- дальние перевозки от склада к складу;
- средние перевозки от склада к складу;
- средние перевозки от точки приемки груза к точке сдачи груза;
- внутригородское распределение;
- операции на закрытых территориях.

Самыми перспективными на данный момент являются перевозки с помощью автономных тягачей от склада к складу на дорогах общего пользования. С одной стороны, внутригородская логистика является куда более сложной задачей, так как водитель выполняет еще и роль экспедитора, а именно: осуществляет приемку и осмотр груза, погрузку, разгрузку, следит за правильностью оформления документов. Данные функции не могут быть легко автоматизированы.

Для эксплуатации на дорогах общего пользования маршрутам между хабами с фиксированными точками следования отводится одно из ключевых мест в качестве перспективного направления для внедрения автономных грузовиков. Внутригородская доставка и распределение является более сложной задачей для автономного вождения, так как водитель-экспедитор на таких маршрутах выполняет дополнительные задачи в виде погрузки-разгрузки, процесс автоматизации которых может быть затруднен, и в виде отслеживания статуса электронных документов или мониторинга за их подписанием на бумажном носителе. Отличительной чертой автономных перевозок на длительные и средние расстояния является потребность в дополнительной инфраструктуре, например, такой как зарядные станции. Если производители автономных тягачей продолжают производить автомобили с двигателем внутреннего сгорания, то это не будет требовать дополнительных инфраструктурных решений в виде зарядных станций и т.п., а значит сценарий

дальних перевозок от хаба к хабу станет более простым для масштабирования и приоритетным для отрасли грузовых перевозок, так как такой вид перевозок составляет более 50% от всего рынка.

Эксплуатация автономных грузовых автомобилей в замкнутых территориях, таких как строительные площадки, складские комплексы, сельскохозяйственные объекты и порты, представляет собой перспективное направление для выполнения маневровых работ, так как эти операции можно проводить в контролируемых условиях, они являются повторяющимися задачами с редким отклонением алгоритма. Более того движение автономных транспортных средств на закрытой территории в меньшей степени подвержено влиянию нормативных и экосистемных государственных или муниципальных ограничений.

По оценкам автора, в Российской Федерации внедрение высокоавтоматизированных транспортных средств и расширение автономных логистических коридоров будет происходить быстрее за счет большой территории, нехватки кадров водителей и отсутствия трансграничных нормативных препятствий по сравнению с европейскими странами. Нормативная работа в РФ для введения в правовое поле высокоавтоматизированных транспортных средств началась с экспериментального правового режима (ЭПР), принятого в рамках Постановления Правительства Российской Федерации №1879 от 17 октября 2022 года для реализации инициативы «Беспилотные коридоры» на автомобильной дороге общего пользования федерального значения М-11 «Нева» [7]. Этот правовой режим запущен для апробации технологий и сервисов для автономного вождения, разработки стандартов «умных» дорог и соответствующей инфраструктуры. Несмотря на то, что документ призван снижать нормативные барьеры, в тексте документа они все же существуют – это строгий перечень дорог общего пользования М-11 «Нева», М-12 «Восток», А-113 ЦКАД и наличие водителя-испытателя для высокоавтоматизированных транспортных средств 1 категории и инженера-испытателя для высокоавтоматизированных транспортных средств 2 категории (оба пункта стали доступны только в редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 07.08.2024 № 1062) [8]. В рамках стратегии развития к 2030 году предусматривается перевод в категорию дорог, готовых к использованию беспилотного транспорта, до 19,5 тыс. км магистралей. Это станет основой для формирования передовых логистических систем общенационального масштаба [9].

Перечень стран, которые уже сейчас тестируют или легализуют беспилотные грузовики, ограничен. В него входят Германия, США, Китай, ОАЭ, Япония, эти страны вводят законы о лицензировании, страховании, ответственности оператора ИИ, но это – внутригосударственное регулирование.

На 2025 год нет ни единой международной конвенции, регулирующей движение автономного транспорта и роль экспедитора на автономном

транспорте: в 2016 году Европейская экономическая комиссия ООН (UNECE) осуществила пересмотр Венской конвенции о дорожном движении (1968), по итогам которого разрешила использование автопилота при соблюдении строгих условий – то есть добавлено изменение в часть об использовании новой технологии в транспортном средстве, а не в часть о коммерческой деятельности осуществляемой с помощью него: «Использование систем автоматизированного вождения допускается при условии, что водитель может немедленно взять контроль над транспортным средством, когда это необходимо» [10]. Таким образом, поправка открыла путь для внедрения на дорогах общего пользования транспортных средств 2 и 3 уровня автономности (по классификации SAE [11]), послужила толчком для развития технологии автономного вождения в странах-участницах Конвенции, сохранила ответственность за транспортное средство за водителем, однако не уточнила зоны ответственности за возможные дорожно-транспортные происшествия.

Проанализировав источники, можно утверждать, что США лидируют по внедрению автономных грузовых автомобилей благодаря дефициту водителей-дальнобойщиков и большим расстояниям, а также в части нормативного регулирования – в июле 2025 года проходит слушание закон «The America Drives Act» [12]. Предполагается такой закон будет превалировать над законами штатов, касающихся автономных коммерческих транспортных средств, одновременно поддерживая внедрение и регулирование автономных транспортных средств в торговле между штатами. Если это предложение станет законом, государством будет разрешена эксплуатация коммерческих автомобилей с автоматизированными системами вождения уровня 4 или уровня 5 на основании отсутствия человека в салоне.

Однако на данный момент запреты и разрешения на пользование дорожной инфраструктурой автономными транспортными средствами выдаются и регулируются на местном уровне. На практике наибольшую свободу дают Техас, Аризона, Нью-Мексико, где на 2025 год официально разрешены коммерческие перевозки беспилотными фурами без человека в кабине. С 1 мая на участке Техас – Даллас компанией Aurora запущены коммерческие рейсы без водителя за рулем. Система Aurora Driver соответствует стандарту SAE Level 4, что означает, что она может работать без вмешательства человека в определенной области [13]. К концу 2025 года компания планирует расширить маршруты до Эль-Пасо, штат Техас, и Финикса. Беспилотные фуры изначально допускаются к работе на межштатных, скоростных автотрассах с минимальным числом сложных перекрестков и ограниченным числом неожиданных ситуаций. Это облегчает масштабируемое внедрение и повышает предсказуемость дорожных условий.

В автономных перевозках Европа видит высокие преимущества в общей стоимости владения, но сталкивается с более медленным внедрением из-за международных нормативных препятствий. Это следствие того, что каждая страна ЕС имеет свои правила по испытаниям, ответственности и страхованию, и сложности эксплуатации за счет невозможности

трансграничного движения без переключения режимов, отсутствия устойчивой связи на некоторых дорогах, HD-карты и умной инфраструктуры и сопротивления со стороны профсоюзов дальнотойщиков в контексте потенциально потери рабочих мест для 2,5 млн. водителей, работающих только в сегменте дальних перевозок [14]. Отличительным стал европейский проект EMSEBLE, реализация которого была в 2018 - 2022 годах. Проект был сфокусирован на развитии стандартизированных технологий группового движения грузовых автомобилей с применением технологии V2V (vehicle-to-vehicle) для взаимодействия машин разных производителей [15]. В рамках проекта удалось совместить 7 грузовых автомобилей разных производителей (грузовой караван). Результат эксперимента зафиксировали как - 15% всех грузовиков их текущего потока потенциально могут воспользоваться услугами грузового каравана, с помощью функции поддержки, разработанной в рамках проекта ENSEMBLE. Лидером в части разработок и испытаний среди европейских государств выступает Германия за счет концептов MAN (Volkswagen Group) и Mercedes-Benz Trucks, которые в 2021 году первые в мире получили разрешение от профильного Федерального автотранспортного ведомства Германии на эксплуатацию автономного грузового автомобиля уровня L3 на основании технических требований UN-R157 [16].

Китай имеет свой путь развития и масштабирования автономных перевозок за счет государственной поддержки, мощного технологического сектора и огромного рынка транспортно-логистических услуг, но барьерами для развития являются ограничения на использование данных с GPS и камер (из-за законов о конфиденциальности и национальной безопасности) и централизованная выдача разрешений на использование дорожной инфраструктуры для пилотных испытаний и коммерческих автономных рейсов. Однако местное и национальное регулирование может отличаться - правила могут различаться по городам (например, Шэньчжэнь, Пекин, Дэцин, Ханчжоу) и опирается на локальные законы, а также общенациональные директивы Минпромторга и Министерства общественной безопасности.

Так в Шэньчжэне в 2022 году были введены первые в Китае правила для интеллектуальных подключенных транспортных средств (ICV), устраняющие правовые пробелы в отечественной индустрии ICV. В этих правилах изложены правила и процедуры управления для ICV в таких областях, как доступ на рынок, регистрация, урегулирование несчастных случаев и юридическая ответственность [17]. А также 1 августа 2022 года Китай принял постановление, которое дает разрешение на эксплуатацию автономных транспортных средств без участия человека на водительском сиденье – но только в пределах зон, определенных городскими властями [18]. Китайские органы общественной безопасности в августе 2024 года выдали 16 000 лицензий на использование автономного транспорта, а также открыли доступ к 32 200 км дорог по всей стране для движения автономного транспорта [19].

Суммируя изложенное выше, можно утверждать, что роль экспедитора в условиях автономии существенно не изменится, так на нем останутся

функции организации маршрута, страхования, таможенное оформление и отслеживание груза. Однако данная роль может трансформироваться, либо увеличится зона ответственности, так как на данный момент законодательно не принято решение, кто будет виноват, если автономный транспорт попадет в ДТП – экспедитор, разработчик беспилотной технологии и ИИ, принимающего решения для маневров или оператор?

Результаты и обсуждение

Все рассмотренные страны выше ожидают принятия закона о высокоавтоматизированных транспортных средствах в перспективе ближайших двух лет. То есть можно предполагать, что вопрос о легализации логистической деятельности на автономных транспортных средствах в правовом поле будет решен. Для масштабирования автономных перевозок необходимо также совершенствовать готовность технологий (см. табл. 1).

К 2030 году ожидается готовность технологий, нормативных актов и инфраструктуры, обеспечивающих развитие дальних перевозок от склада к складу. Основным направлением станет приведение стационарных маршрутов вдоль автомагистралей в соответствие требованиям стандарта L3 с целью обеспечения устойчивой и безопасной работы транспортных средств с высоким уровнем автоматизации. Регулирование в данной сфере будет сосредоточено преимущественно на федеральных маршрутах, где планируется модернизация протяжённых транспортных коридоров для адаптации их к использованию автономных автомобилей. Важным условием станет и развитие радиосвязи: на тех участках федеральных трасс, где ранее отсутствовало стабильное покрытие, будет обеспечено подключение беспилотного транспорта к серверам автопилота, что создаст основу для массового внедрения технологий автономных перевозок.

Согласно прогнозам, к 2026 году доля автомобилей четвертого уровня автономности в мире может составить около 1 %, а к 2030 году – уже 5 %. В России перспективы ещё масштабнее: по оценке Минтранса, к 2035 году до 50 % междугородних грузовых перевозок на ключевых магистралях и около 30 % пассажирских перевозок будут осуществляться с использованием автономного транспорта [2]. С учётом того, что только в России парк грузовых автомобилей превышает 3,6 млн единиц, переход даже части перевозок на беспилотные технологии будет иметь значительный эффект для всей транспортной системы и экономики страны.

В сфере средних перевозок от склада к складу внедрение автономных технологий потребует сравнительно меньших затрат на создание новой инфраструктуры, чем в случае магистральных маршрутов большой протяженности, а на процесс будет оказывать влияние государственная политика в области устойчивого развития: в частности, возможные запреты на использование двигателей внутреннего сгорания могут ускорить переход к беспилотным решениям. При сохранении существующей системы диспетчеризации такие перевозки обладают высокой вероятностью начала эксплуатации уже в среднесрочной перспективе.

Средние перевозки от точки приёма груза к точке его сдачи сопряжены с большей технологической сложностью. Она связана как с необходимостью поддержания высокого качества связи, так и с повышенными требованиями к детализации цифровых карт, что обусловлено вариативностью маршрутов. В отличие от относительно предсказуемых коридоров «склад–склад», этот сегмент потребует более масштабной модернизации инфраструктуры.

Развитие внутригородского распределения в наибольшей степени зависит от прогресса в области лёгких транспортных средств, которые способны выполнять задачи «последней мили» [21]. В то же время высокая плотность участников дорожного движения и вероятность технических неисправностей, способных повлечь угрозу безопасности людей, будут замедлять процессы нормативного регулирования и практическое внедрение беспилотных решений в городских условиях.

Наибольшие перспективы в краткосрочной перспективе связаны с операциями на закрытых территориях. Повторяющийся характер задач на промышленных объектах, логистических хабах или в складских комплексах позволяет упростить внедрение «умной» инфраструктуры, оснащённой датчиками и системой V2X для подключения транспортных средств [22]. Дополнительным преимуществом является готовность высокодетализированных карт таких территорий, которые могут регулярно актуализироваться и использоваться в работе автономного транспорта.

Таблица 1

Ожидаемая готовность технологий, нормативного регулирования и инфраструктуры к 2030 году

Тип перевозки	Технологии	Нормативное регулирование	Инфраструктура
Дальние перевозки от склада к складу	65%	80%	55%
Средние перевозки от склада к складу	75%	80%	75%
Средние перевозки от точки приёма груза к точке сдачи груза	50%	80%	70%
Внутригородское распределение	25%	25%	25%
Операции на закрытых территориях	95%	95%	95%

Источник: составлено автором

Для того, чтобы рынок транспортно-логистических услуг пополнился новым видом услуг – автоперевозки на беспилотном транспорте, необходимо перестроить существующую экосистему. В таблице 2 представлены основные роли и задачи, которые необходимы для обеспечения этого к 2030 году. Практическое внедрение автономных грузоперевозок повлечёт за собой появление новых участников и трансформацию традиционных ролей в отрасли, что потребует слаженного взаимодействия всех звеньев цепочки создания стоимости для успешного и эффективного запуска технологий. В частности, операторам автономных автопарков потребуется развернуть системы удаленного мониторинга и протоколы экстренного реагирования. Эта необходимость обусловлена тем, что действующие нормативные требования,

такие как обязательная установка аварийного знака на физическом носителе, несовместимы с концепцией полностью беспилотной эксплуатации транспортных средств. Эффективная интеграция беспилотных грузовиков потребует от операторов логистических компаний модернизации складских мощностей и повышения квалификации персонала.

Таблица 2

Сопоставление заинтересованных сторон экосистемы автономных грузовых перевозок и их задач и сохраняющиеся пробелы

Роль	Стейкхолдеры	Задачи	Ключевые барьеры, препятствующие масштабированию технологии к 2030 году.
Производство	Производители автомобилей	Разрабатывать и выпускать в серийное производство транспортные средства, предназначенные для автономного использования	– Текущая E/E Architecture (Electrical/Electronic Architecture) - электрическая и электронная архитектура требует пересмотра и создания нового концепта для автономных транспортных средств
	Поставщики оборудования, программного и аппаратного обеспечения	Разрабатывать программное и аппаратное обеспечение для автономного вождения, адаптированное к потребностям локальных клиентов	– Нет гарантированной безопасности в различных условиях эксплуатации и регионах – Текущее оборудование и программное обеспечение на данный момент не является легко масштабируемым и доступным по цене
Инструменты реализации	Венчурные капиталисты, стратегические инвесторы	Обеспечить финансирование НИОКР	– Сложности с поиском инвесторов с твердой приверженностью инвестиционному проекту
	Государственное регулирование	Разработать стандарты для автономного транспорта и сопутствующей инфраструктуры, установление зон, разработка алгоритма выдачи лицензий	– Наличие только регионального регулирования на территориях некоторых субъектов
	Страхование	Разработка моделей и политики оценки рисков	– Закрытость крупномасштабных данных для создания надежных моделей и политик управления рисками автономных перевозок

Операции	Инфраструктура	Зарядные станции, связь V2X, интеграция с государственной службой мониторинга дорожного движения	<ul style="list-style-type: none"> – Нет единых стандартов для производства и установки зарядных станций на магистральных дорогах и датчиков связи V2X – Нет примеров интеграции коммерческих компаний в системы управления трафиком
	Владельцы автономного флота (производители автономных транспортных средств, 3PL операторы, лизинговые компании)	Собственные грузовики, сдача в аренду операторам или самостоятельная эксплуатация	<ul style="list-style-type: none"> – Нет достаточной статистики для определения роли и модели продаж (цена за километр, цена за килограмм и т.д.) – Нет гарантий, что обеспечена бесперебойная работа в режиме 24/7 для использования преимуществ общей стоимости владения
	Управление флотом (производители автономных транспортных средств, 3PL)	Диспетчерский пункт – подготовка новых кадров – инженер-испытатель, (дистанционное) техническое обслуживание, ремонт	<ul style="list-style-type: none"> – Отсутствие диспетчерской вышки (оповещение, дистанционное управление и т.д.), оборудования и персонала на маршрутах для реагирования на чрезвычайные ситуации
	Оператор транспорта	Складская сеть, перегрузка груза с пилотируемого транспортного средства на беспилотное, разгрузка/погрузка, предварительная проверка груза	<ul style="list-style-type: none"> – Складские площадки, готовые к работе с высокоавтоматизированными транспортными средствами – Отсутствие высококвалифицированной рабочей силы и регламентов для технологических процессов для обслуживания автономных грузовых автомобилей
	Цифровая платформа	Согласование нагрузки, оптимизация маршрутов, управление автопарком, интеграция с TMS	<ul style="list-style-type: none"> – Отсутствие фиксации четкого распределения задач, поскольку на эту роль претендуют многие заинтересованные стороны – Отсутствие единой платформы для поддержки автопарков с несколькими производителями
Использование	Клиент (грузовладелец)	Заказ услуг транспортировки	<ul style="list-style-type: none"> – Отсутствие единой платформы для заказа услуг автономной перевозки, необходимость в разработке тендерных площадок аналогичных текущим

Источник: составлено автором по данным World Economic Forum *Autonomous Vehicles: Timeline and Roadmap Ahead* [20]

Цифровые платформы также должны будут развиваться по мере того, как на рынок будут выходить многочисленные заинтересованные стороны. Эти платформы должны предоставлять унифицированные решения, которые поддерживают автопарки с транспортными средствами различных автопроизводителей и четко определяют роли. Кроме того, инвестирование в модернизацию инфраструктуры является необходимым условием для масштабирования автономных грузовых перевозок, так как корректное функционирование автономных транспортных средств требует одинакового качества дорожного покрытия и разметки.

Для клиента ключевым стимулом к переходу на автономные перевозки является перспектива минимизации операционных издержек и повышения эффективности логистических цепочек. Интенсификация спроса прогнозируется непосредственно после создания необходимых технологических и регуляторных условий.

Заключение

Таким образом, к 2030 году для масштабирования рынка автономных грузовых перевозок и формирования целостной экосистемы потребуются комплексное взаимодействие государства, компаний-разработчиков технологий и транспортно-логистических операторов. Государственным органам предстоит разработать долгосрочные концепции развития отрасли, принять недостающие нормативно-правовые акты, унифицировать стандарты и создать условия для легализации и регулирования деятельности в данной сфере. Важным направлением станет организация переквалификации водителей-дальнобойщиков, обеспечение федеральных трасс устойчивым мобильным радиопокрытием, а также разработка механизмов государственно-частного партнёрства. Компании-разработчики технологий должны сконцентрировать усилия на совершенствовании систем автономного вождения и снижении их стоимости для последующего масштабирования на различных производителей грузового транспорта. В свою очередь, транспортно-логистические компании будут играть ключевую роль в подготовке кадров для диспетчерских и мониторинговых центров, а также в адаптации процедур закупки и внедрения автономных перевозок в существующие бизнес-процессы.

Совокупность указанных мер позволит обеспечить системное развитие беспилотных перевозок и станет основой для реализации президентской инициативы «Беспилотные коридоры», что в перспективе будет способствовать не только повышению эффективности логистической инфраструктуры, но и формированию новой технологической парадигмы транспортной отрасли России.

Литература

1. Аналитики спрогнозировали долю беспилотных авто в России в 80% к 2042-му // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/02/2025/67a0d2459a7947716a276c7f.
2. Россия заняла третье место в рейтинге готовности стран к автономному транспорту // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/528003-rossia-zanala-tret-e-mesto-v-rejtinge-gotovnosti-stran-k-avtonomnomu-transportu>.
3. Слесарчук А.О. Экономическая эффективность автономного транспорта на магистральных маршрутах // Технологии менеджмента в современной экономике: тенденции и перспективы : Материалы V Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 13–15 марта 2025 г.) : в 3 т. / отв. ред. М.В. Чараева, Е.Н. Карпова ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2025
4. Лебедев Г.А., Коровин Г.С., Федотов М.В. Автоматизация грузовых перевозок машин в логистических перевозках: экономические перспективы и особенности реализации // BECSOR. 2024. № 1 С. 28–35.
5. Крюкова М.А., Пупышев А.П., Корелин Д.А. и др. Развитие и внедрение автономного транспорта // Эффективный ответ на современные вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий: материалы XVI Международной научно-технической конференции. Екатеринбург : УГЛТУ, 2025. С. 289–296.
6. Qu Rui The Implementation and Potential Ramifications of Autonomous Driving Technology in The Realm of Freight Transportation and Logistics // Academic Journal of Science and Technology. 2023. Vol. 7. No. 3.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 октября 2022 г. № 1849 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств в отношении реализации инициативы «Беспилотные логистические коридоры» // СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405410787/>.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 августа 2024 г. № 1062 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 17 октября 2022 г. № 1849» // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482823/.
9. На трассе М-11 «Нева» введен экспериментальный правовой режим для беспилотного грузового автотранспорта // Министерство транспорта Российской Федерации // Минтранс. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/10435>
10. Convention on road traffic // The United Nations. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/CN/2015/CN.162.2015-Eng.pdf>.

11. SAE J3016 Levels of Driving Automation // SAE International. URL: <https://www.sae.org/news/2019/01/sae-updates-j3016-automated-driving-graphic>.

12. America drives Act // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/119th-congress/house-bill/4661/text/ih>.

13. Aurora Begins Commercial Driverless Trucking in Texas, Ushering in a New Era of Freight // Aurora Press Releases. URL: <https://ir.aurora.tech/news-events/press-releases/detail/119/aurora-begins-commercial-driverless-trucking-in-texas-ushering-in-a-new-era-of-freight>.

14. Driverless trucks: new report maps out global action on driver jobs and legal issues // ACEA Driving mobility for Europe. URL: <https://www.acea.auto/press-release/driverless-trucks-new-report-maps-out-global-action-on-driver-jobs-and-legal-issues/>.

15. The ENSEMBLE project ends after 4 years of technology development on multi-brand truck platooning // CLEPA European Association of Automotive Suppliers. URL: <https://www.clepa.eu/insights-updates/news/the-ensemble-project-ends-after-4-years-of-technology-development-on-multi-brand-truck-platooning/>.

16. First internationally valid system approval // Mercedes-Benz Group AG. URL: <https://group.mercedes-benz.com/innovation/product-innovation/autonomous-driving/system-approval-for-conditionally-automated-driving.html>.

17. Cooperation Zone of Shenzhen: Shenzhen's autonomous vehicles shift into high gear // Qianhai Shenzhen-Hongkong Modern Service Industry. URL: https://qh.sz.gov.cn/en/news/content/post_11582726.html.

18. Real driverless cars are now legal in Shenzhen, China's tech hub // Techcrunch. URL: <https://techcrunch.com/2022/07/25/real-driverless-cars-legal-in-chinas-shenzhen/>.

19. 16,000 test licenses for autonomous vehicles issued in China // The State Council the people's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/news/202408/27/content_WS66cd745ac6d0868f4e8ea485.html.

20. Autonomous Vehicles: Timeline and Roadmap Ahead, White paper // World Economic Forum in collaboration with Boston Consulting Group, April 2025.

21. Бахарев В.В., Лычакова А.Д. Направления экологизации логистики последней мили // Прогрессивная экономика. 2023. № 8. С. 37–51.

22. Дюкова О.М., Ли Цзысюань. Влияние логистической координации на устойчивость цепей поставок // Прогрессивная экономика. 2025. № 7. С. 80–91.

Международный научно-исследовательский журнал
«Прогрессивная экономика»
№ 8 / 2025 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/ekonomicheskie-modeli-integraczi-itehnologij-blokchejn-v-bankovskuyu-sistemu-rossii/
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3
УДК 796.062.4
DOI: 10.54861/27131211_2025_8_262

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ БЛОКЧЕЙН В БАНКОВСКУЮ СИСТЕМУ РОССИИ

*Слесаренко С.Д., соискатель, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8441-7303>

*Кладиева А.И., соискатель, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2460-6699>

*Бардаков В.С., соискатель, Владивостокский государственный
университет, г. Владивосток, Россия*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8653-5098>

Аннотация. Целью настоящей статьи является разработка экономических моделей интеграции блокчейн-технологий в банковскую систему России для повышения эффективности и снижения операционных издержек. В работе рассмотрены теоретические основы блокчейн-технологий в финансовом секторе, проанализирован мировой опыт их внедрения и исследовано текущее состояние российской банковской системы. Методология исследования включает анализ экономических моделей, оценку функций полезности банков от внедрения блокчейна, расчет чистой приведенной стоимости проектов и моделирование динамики операционных расходов. В процессе достижения поставленной цели авторами выявлены ключевые преимущества блокчейн-технологий: повышение прозрачности транзакций, автоматизация процессов через смарт-контракты, сокращение времени обработки операций до 20% и снижение операционных издержек до 30%. Исследование показало, что основными барьерами внедрения являются высокие первоначальные затраты, составляющие до 10% ИТ-бюджета банка, технические ограничения масштабируемости и вопросы кибербезопасности. Сделано предположение, что несмотря на существующие риски, преимущества блокчейна могут значительно улучшить процессы в банковской сфере. В результате исследования авторами предложены практические рекомендации по минимизации рисков и поэтапному внедрению блокчейн-решений в российских банках с учетом национальных особенностей регулирования и существующей инфраструктуры.

Ключевые слова: блокчейн-технологии, банковская система России, экономические модели, смарт-контракты, цифровая трансформация, операционные издержки, финансовые инновации.

ECONOMIC MODELS FOR INTEGRATING BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES INTO THE RUSSIAN BANKING SYSTEM

*Slesarenko S.D., PhD applicant, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8441-7303>

Kladieva A.I., PhD applicant, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2460-6699>

Bardakov V.S., PhD applicant, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8653-5098>

Abstract. The purpose of this article is to develop economic models for integrating blockchain technologies into the Russian banking system to increase efficiency and reduce transaction costs. The paper examines the theoretical foundations of blockchain technologies in the financial sector, analyzes the global experience of their implementation, and examines the current state of the Russian banking system. The research methodology includes an analysis of economic models, an assessment of the utility functions of banks from the introduction of blockchain, the calculation of the net present value of projects and modeling the dynamics of operating expenses. In the process of achieving this goal, the authors identified the key advantages of blockchain technologies: increasing transaction transparency, automating processes through smart contracts, reducing transaction processing time by up to 20% and reducing transaction costs by up to 30%. The study showed that the main barriers to implementation are high initial costs of up to 10% of the bank's IT budget, technical limitations of scalability and cybersecurity issues. It is assumed that despite the existing risks, the advantages of blockchain can significantly improve the processes in the banking sector. As a result of the research, the authors proposed practical recommendations for minimizing risks and phased implementation of blockchain solutions in Russian banks, taking into account national regulatory specifics and existing infrastructure.

Keywords: blockchain technologies, Russian banking system, economic models, smart contracts, digital transformation, operational costs, financial innovations.

JEL classification: O32, G21, C6.

Для цитирования: Слесаренко С.Д., Кладиева А.И., Бардаков В.С. Экономические модели интеграции технологий блокчейн в банковскую систему России // Прогрессивная экономика. 2025. № 8. С. 262–277. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_262.

Статья поступила в редакцию: 26.08.2025 г. Одобрена после рецензирования: 03.09.2025 г. Принята к публикации: 04.09.2025 г.

For citation: Slesarenko S.D., Kladieva A.I., Bardakov V.S. (2025). Economic Models for Integrating Blockchain Technologies into the Russian Banking System. *Progressivnaya*

ekonomika [Progressive Economy], 8, 262–277, https://doi.org/10.54861/27131211_2025_8_262
(In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 26/08/2025. Approved after review: 03/09/2025. Accepted for publication: 04/09/2025.

Введение

Современное состояние глобальной экономической системы характеризуется интенсивным развитием технологий распределенных реестров, что находит отражение в возросшем научном интересе к их практическому применению в различных сегментах народного хозяйства, в частности, в сфере финансового посредничества. Фундаментальные характеристики блокчейн-технологий, включающие принципы децентрализованного управления, транспарентности информационных потоков и криптографической защищенности данных, формируют теоретические и практические предпосылки для модернизации существующих организационно-экономических механизмов функционирования кредитно-финансовых институтов.

Процессы цифровой трансформации национальной экономики в сочетании с усилением международной конкурентоспособности обуславливают императив технологической модернизации отечественной банковской системы, что актуализирует необходимость научного исследования потенциала внедрения передовых финансовых технологий как инструмента обеспечения конкурентных преимуществ и оптимизации операционной эффективности кредитных организаций.

Анализ современного состояния российского банковского сектора позволяет выделить ключевые системные ограничения, проявляющиеся в чрезмерной централизации управленческих процессов, высоком уровне транзакционных издержек при осуществлении операционной деятельности, а также в недостаточном уровне прозрачности механизмов реализации финансовых операций, что создает объективную потребность в поиске инновационных технологических решений для преодоления выявленных структурных дисбалансов. Все эти проблемы требуют поиска новых подходов, которые могут обеспечить более эффективное управление процессами и повысить доверие клиентов. Технологии блокчейн, благодаря своим характеристикам, представляют собой один из возможных инструментов для решения данных задач, однако интеграция блокчейн в банковскую систему сопряжена с рядом вопросов, требующих глубокого анализа, таких как экономическая целесообразность, потенциальные риски и технические ограничения.

Основной целью данной работы является разработка экономической модели, основанной на применении технологий блокчейн, для повышения прозрачности и снижения издержек в банковской системе России. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: исследовать существующие подходы к интеграции блокчейна в финансовый сектор,

выявить ключевые преимущества и риски, связанные с внедрением данной технологии, а также предложить конкретные рекомендации по её применению в российских банках с учётом особенностей их работы.

Обзор литературы

Блокчейн представляет собой инновационную технологию распределённой базы данных, в которой информация хранится в виде последовательной цепочки блоков. Каждый блок включает данные о транзакциях, временную метку и уникальный идентификатор, связанный с предыдущим блоком с использованием криптографических алгоритмов. «Хранение всех выполненных транзакций осуществляется непосредственно в блоках, при этом существует особая взаимосвязь между ними - каждый блок ссылается на предыдущий» [1, с. 3]. Такой подход обеспечивает неизменность данных, так как любое изменение в одном блоке нарушает всю цепочку, что делает подделку практически невозможной. Указанное свойство придаёт блокчейну особую ценность для финансовых операций, где необходимы высокая степень безопасности и прозрачности.

Блокчейн-технологии предоставляют значительные преимущества в контексте финансовых операций, что делает их привлекательными для банковского сектора. Одним из ключевых преимуществ является повышение прозрачности транзакций. Согласно отчету PwC за 2020 год, 84% компаний по всему миру рассматривают блокчейн как инновацию, способную улучшить прозрачность финансовых процессов. Указанный эффект обеспечивается посредством реализации принципов децентрализованной архитектуры распределённых реестров, при которой каждая финансовая операция фиксируется в криптографически защищенной базе данных с публичным доступом для участников сети. Практическое применение данных технологий создает предпосылки для оптимизации операционных затрат кредитных институтов за счет элиминирования посреднических функций и автоматизации бизнес-процессов. Технологическая платформа RippleNet, внедренная международными банками, обеспечивает сокращение временных параметров трансграничных платежей с нескольких дней до минут, формируя качественно новый уровень эффективности финансового посредничества.

Практическая реализация технологий распределённых реестров в сфере финансового посредничества, несмотря на наличие существенных конкурентных преимуществ, характеризуется совокупностью системных ограничений и институциональных барьеров (табл. 1). Ключевым структурным недостатком выступает избыточное потребление энергоресурсов блокчейн-платформами. В частности, функционирование сети Bitcoin требует затрат энергии, сопоставимых с национальным энергодбалансом государств среднего размера, что актуализирует проблематику экологической устойчивости данной технологической парадигмы в долгосрочной перспективе. Вместе с тем, масштабируемость блокчейн-решений остается значительной проблемой. В отчете Европейского центрального банка за 2021 год отмечается, что существующие блокчейн-сети не способны эффективно

обрабатывать большое количество транзакций, что затрудняет их интеграцию в крупные финансовые системы [2]. Все эти аспекты указывают на необходимость дальнейшего развития технологий и поиска решений для преодоления существующих ограничений.

Таблица 1

Преимущества и недостатки блокчейн-технологий в финансовом секторе

Аспект	Описание
Повышение прозрачности	Децентрализованный неизменяемый реестр
Сокращение операционных издержек	Устранение посредников и автоматизация процессов
Сокращение времени транзакций	Пример RippleNet
Высокая энергозатратность	Потребление энергии сетью Bitcoin, сопоставимое с Аргентиной
Проблемы масштабируемости	Ограниченная способность обработки большого количества транзакций

Источник: составлено авторами по данным [2]

Мировой опыт содержит множество успешных примеров интеграции блокчейн-технологий в банковские системы, что подтверждает их эффективность и потенциал для трансформации финансового сектора. Так, в 2020 году банк HSBC внедрил свою блокчейн-платформу Digital Vault, оцифровав активы на сумму 20 миллиардов долларов, значительно улучшив тем самым прозрачность и доступность данных для инвесторов. В Швейцарии SEBA Bank активно использует блокчейн для управления цифровыми активами и криптовалютами, став одним из первых банков, получивших лицензию от швейцарского финансового регулятора FINMA. Кроме того, в 2019 году австралийский Commonwealth Bank of Australia применил блокчейн для отслеживания поставок миндаля из Австралии в Германию, что повысило прозрачность и сократило время обработки данных в цепочке поставок. Примеры показывают, что блокчейн открывает новые горизонты для повышения эффективности и прозрачности в банковской сфере, а также способствует улучшению обслуживания клиентов.

Следует отметить, что в научных трудах, например в статьях Л.А. Цветковой [3], В.Н. Грепана [4], В.А. Овинникова [5] идентифицированы ключевые инвесторы и бенефициары в развитии технологий блокчейн в мире и в России. Отмечена высокая конкурентоспособность российских разработок, уникальная кадровая обеспеченность, а также благоприятные климатические условия для развития технологий блокчейна в РФ.

На начало 2023 года российская банковская система сталкивалась с рядом значительных проблем, угрожающих её устойчивости и эффективности. Одной из ключевых является высокая доля проблемных кредитов, составившая около 6,5% от общего кредитного портфеля. При этом в 2022 году наблюдалось снижение темпов роста активов банковского сектора, что стало следствием экономических санкций и общего сокращения деловой активности. Анализ указанных факторов демонстрирует, что совокупность

технологических и организационных ограничений оказывает существенное давление на кредитно-финансовые институты, сужая их возможности для стратегического развития и укрепления конкурентных позиций. В условиях цифровой экономики актуализируется потребность в формировании и развитии бизнес-экосистем финансового сектора, предполагающих тесную интеграцию разнородных сервисов и ориентацию на повышение уровня клиентской лояльности. Данное экосистемное направление рассматривается в качестве перспективного механизма преодоления существующих системных барьеров и обеспечения устойчивости банковской системы во время трансформации ее ключевых бизнес-моделей.

Цифровая модернизация традиционных финансовых институтов в России представляет собой одновременно значительный потенциал и серьёзный вызов. По результатам отчёта PwC за 2021 год, более 70% российских банков сталкиваются с затруднениями при реализации цифровой трансформации, в первую очередь вследствие дефицита квалифицированных кадров и высоких расходов на внедрение инновационных технологий, что замедляет процесс модернизации. Дополнительное эмпирическое исследование компании Deloitte указывает на то, что порядка 60% банков испытывают сложности в обеспечении адекватного уровня кибербезопасности, что ставит под вопрос надёжность и интеграцию цифровых сервисов в экосистемные бизнес-модели.

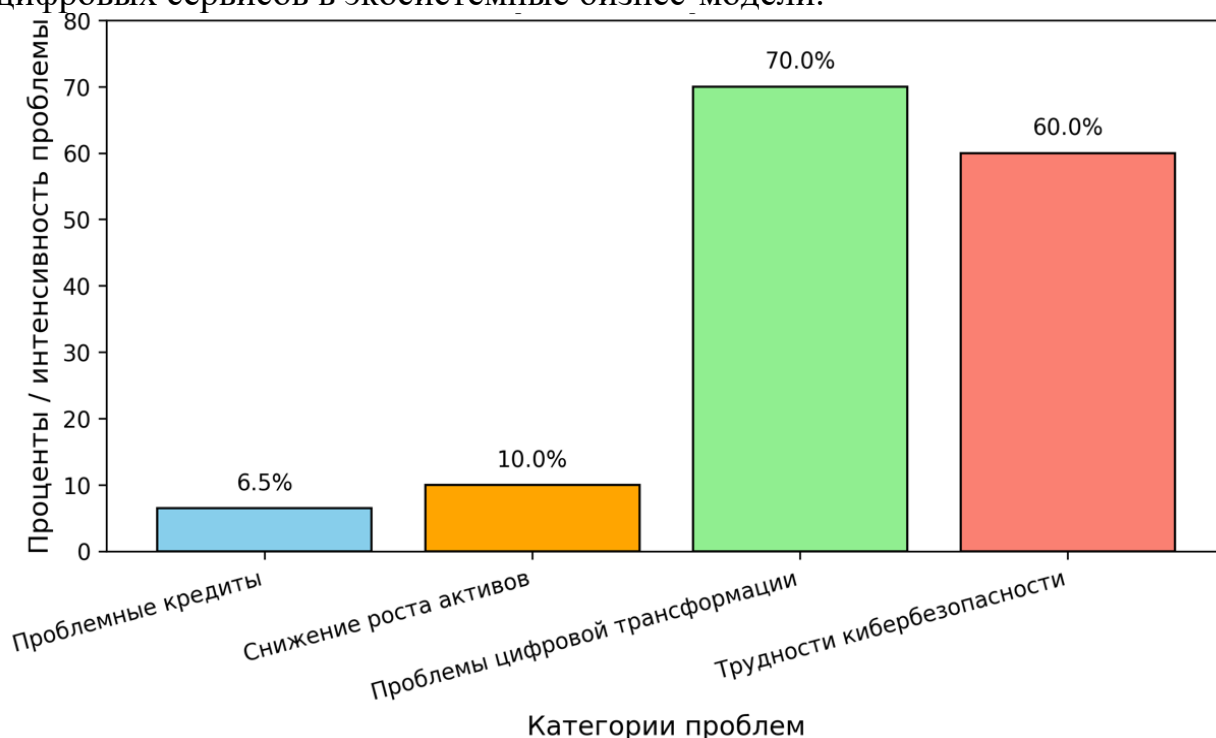

Рис. 1. Основные проблемы российских банков

Источник: составлено авторами по данным [2]

Увеличение числа цифровых транзакций и сложность защиты данных клиентов ставят под угрозу доверие к финансовым институтам. Эти вызовы

требуют значительных инвестиций и стратегического подхода для их преодоления.

Потенциальные области применения блокчейна в российском банковском секторе

Технология блокчейн предлагает значительный потенциал для трансформации банковской системы России. Одним из ключевых направлений её применения является повышение прозрачности транзакций и снижение операционных затрат (см. рис. 2) [6].

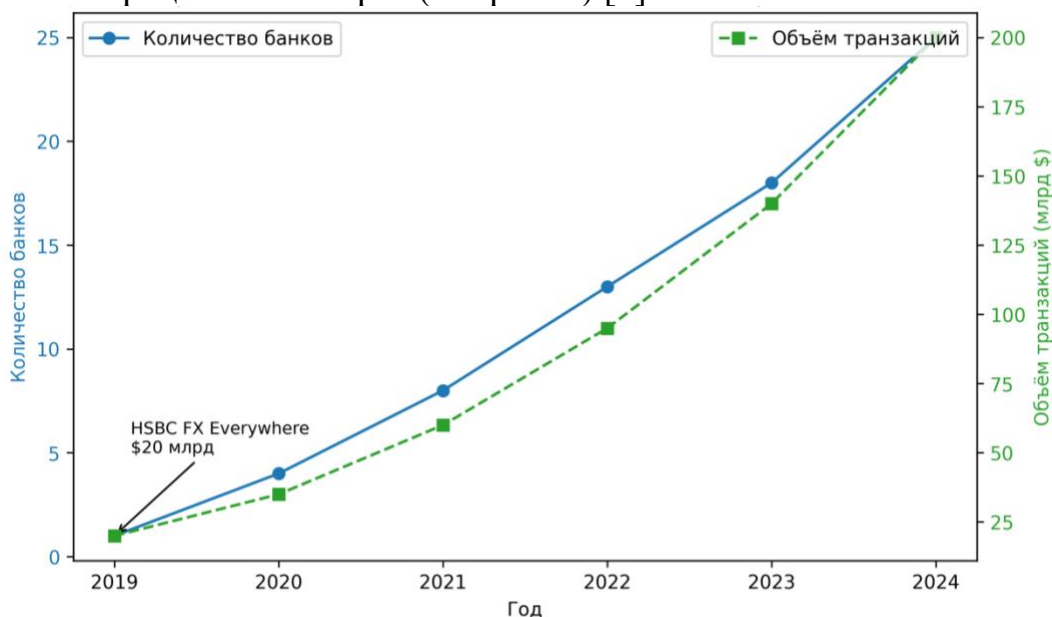

Рис. 2. Основные проблемы российских банков

Источник: составлено авторами по данным [12]

Исследование PwC показывает, что 77% финансовых организаций планируют внедрить блокчейн в своих процессах с целью повышения эффективности. Прозрачность, обеспечиваемая неизменяемостью записей в блокчейне, способствует укреплению доверия между участниками финансовых операций и снижает риск мошенничества. При этом автоматизация процессов с использованием смарт-контрактов позволяет существенно сократить временные и финансовые затраты на выполнение операций. Сюе Цяньвэнь и Головенчик в своей статье обобщают процесс развития технологии блокчейн, анализируют её преимущества и недостатки, а также указывают на риски, с которыми сталкивается интеграция блокчейна в реальную экономику [7].

Мировая практика содержит успешные примеры использования блокчейна в банковском секторе, что подчеркивает его потенциал для внедрения и в России. Блокчейн, возникший как система учета для криптовалюты биткойн, ознаменовал начало новой эпохи в разработке децентрализованных решений [8]. Уже в 2019 году финансовая организация HSBC внедрила блокчейн-платформу FXEverywhere, позволившую провести транзакционные операции на общую сумму свыше 20 млрд долл. США, что

обеспечило не только ускорение обработки валютных платежей, но и заметное снижение операционных издержек. Аналогичным образом банковский консорциум JPMorgan Chase разработал корпоративную распределённую платформу Quorum для межбанковских расчётов, которая демонстрирует высокую пропускную способность и криптографическую защищённость транзакций, подтверждая потенциал блокчейн-технологий в повышении эффективности и надёжности ключевых процессов кредитно-финансовых институтов.

Экономические модели интеграции блокчейн-технологий в банковскую систему

Блокчейн-технологии начали активно внедряться в банковский сектор с середины 2010-х годов, и это связано с их уникальной способностью решать ряд ключевых задач, которые стоят перед современными финансовыми институтами. Barclays одним из первых продемонстрировал практический потенциал распределённых реестров, внедрив блокчейн-решения для оптимизации внутренних операционных процессов. В результате была достигнута существенная экономия на административных и транзакционных издержках, а также ускорены расчёты между структурными подразделениями банка. Помимо этого, блокчейн-технологии оказывают заметное влияние на повышение уровня прозрачности и подотчётности финансовых операций: как отмечают А.А. Наумова и В.Н. Кузьмичёва, «технология блокчейн в совокупности с умными контрактами может лишить коррупционеров возможности совершать противозаконные действия» [9]. Такое сочетание эффективности и антикоррупционного потенциала делает распределённые реестры инструментом трансформации банковского сектора и обеспечения институционального доверия.

Таким образом, блокчейн не только способствует повышению эффективности работы банков, но и играет важную роль в создании более честной и открытой финансовой системы, что особенно актуально в условиях глобальных вызовов и угроз, связанных с коррупцией и мошенничеством. Внедрение этих технологий открывает новые горизонты для финансовых учреждений, позволяя им не только оптимизировать свои процессы, но и укреплять доверие со стороны клиентов и общества в целом.

Интеграция блокчейн-технологий в банковскую систему оказывает значительное влияние на операционные расходы. Исследование компании Accenture показывает, что использование блокчейна может снизить эти расходы до 30%. Это достигается благодаря автоматизации процессов, которые ранее требовали значительных временных и финансовых затрат, а также уменьшению числа посредников, что упрощает цепочку обработки транзакций. Например, в пилотных проектах таких российских банков, как Сбербанк и Альфа-Банк, была продемонстрирована возможность снижения затрат на обработку транзакций за счет внедрения блокчейн-решений. Эти случаи подтверждают потенциал технологии для оптимизации затратных процессов. В условиях цифровой экономики наиболее разрушительные

последствия для банков вызывает введение технологии блокчейна и использование в расчетах частных цифровых валют-стейблконов [10]. Таким образом, блокчейн не только способствует снижению операционных расходов, но и вносит кардинальные изменения в подходы к расчетам и взаимодействию с клиентами.

Внедрение блокчейн-технологий в банковскую сферу оказывает значительное влияние на доходность операций благодаря ряду ключевых факторов. Актуальность исследования определяется быстрым развитием цифровых технологий и их воздействием на финансовые рынки. В современных условиях виртуальные активы выступают ключевым элементом экономической инфраструктуры, открывая новые возможности для инвестиционной деятельности и оптимизации корпоративных процессов [11]. По данным отчёта PwC, внедрение блокчейн-решений способно снизить операционные затраты кредитно-финансовых организаций на уровне до 30%, что прямо отражается на увеличении их рентабельности. Кроме того, ускорение обработки трансграничных платежей за счёт распределённых реестров снижает комиссионные расходы, а платформа Ripple демонстрирует возможность сокращения транзакционных издержек до 60%, что подчёркивает потенциал данных технологий в повышении конкурентоспособности банковской системы.

Интегральная модель экономической эффективности. Чистая приведенная стоимость (NPV) блокчейн-проекта

Для оценки интегральной экономической эффективности блокчейн-проекта применяется методология расчета чистой приведенной стоимости (NPV), которая учитывает как прямые затраты, так и косвенные выгоды от внедрения технологии. Прямые затраты включают расходы на разработку, покупку лицензий, оборудование и обучение сотрудников. Косвенные выгоды проявляются в снижении транзакционных издержек, ускорении обработки операций и повышении общей эффективности процессов. Например, внедрение блокчейн-технологий в финансовом секторе, как показало исследование PwC, может сократить операционные расходы до 30%, что существенно повышает экономическую привлекательность таких проектов. При этом важно учитывать, что «экосистемы криптовалют нуждаются в качественной оценке рисков и в составлении корректных прогнозов в рамках актуальных экономико-математических методов исследования, современных моделей и показателей анализа эффективности отдельных элементов» [12, с. 4]. Поэтому комплексный подход к оценке не только финансовых, но и рискованных аспектов внедрения блокчейн-технологий является ключевым для их успешной реализации.

Одним из наиболее значительных преимуществ, которые предоставляет внедрение блокчейн-технологий в банковскую систему, является значительное повышение оперативности и прозрачности финансовых операций (рис. 3). В 2021 году Сбербанк России начал активное тестирование своей блокчейн-платформы, направленной на автоматизацию процессов

торгового финансирования. Это нововведение позволило сократить время обработки сделок на целых 20%, что наглядно демонстрирует огромный потенциал данной технологии в повышении общей эффективности работы банков и снижении временных затрат на выполнение различных операций. Кроме того, использование блокчейна способствует снижению операционных расходов, так как автоматизация процессов и исключение необходимости в посредниках делают финансовые операции более доступными и надежными для клиентов. Блокчейн, являясь основой для смарт-контрактов, предлагает альтернативу традиционным финансовым системам, открывая новые горизонты для осуществления финансовых операций и транзакций [13, с. 8].

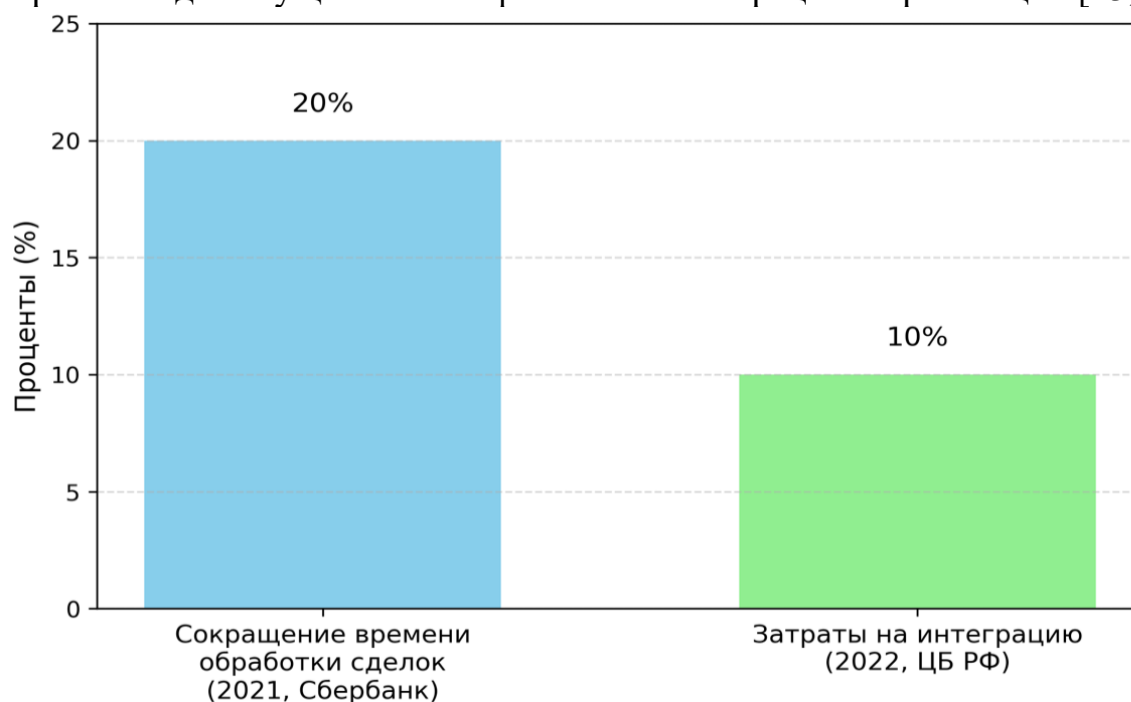

Рис. 3. Ключевые показатели внедрения блокчейна в банковской системе

Источник: составлено авторами по данным [19]

Тем не менее, внедрение блокчейн-технологий, несмотря на все свои очевидные преимущества, сопряжено с рядом серьезных вызовов и трудностей. Одним из ключевых факторов, который необходимо учитывать, является высокая стоимость первоначальной интеграции. Согласно отчету Центробанка России за 2022 год, затраты на внедрение блокчейн-решений могут достигать до 10% годового бюджета банка, выделяемого на ИТ-инфраструктуру. Это обстоятельство требует тщательного планирования и глубокого анализа экономической целесообразности таких инвестиций. Кроме того, необходимо учитывать и технологические риски, такие как уязвимости в области кибербезопасности, а также необходимость адаптации существующих систем к новым стандартам и требованиям. Исследования Д.А. Казаковой, М.С. Копанева и С.Н. Ткаченко подчеркивают, что «широкому внедрению технологии мешают ограничения. Перечислим ключевые из них: технические ограничения» [14, с. 4]. Таким образом, несмотря на многообещающие

перспективы, перед банками стоит ряд вызовов, которые необходимо преодолеть для успешной интеграции блокчейн-технологий в их операционную деятельность.

Использование смарт-контрактов для автоматизации процессов

Одним из ключевых преимуществ использования смарт-контрактов в банковской системе является значительное сокращение операционных издержек. Исследование PwC показывает, что автоматизация процессов с помощью смарт-контрактов может снизить расходы банков до 30%. Сокращение достигается за счёт исключения посредников и повышения скорости обработки транзакций. При этом смарт-контракты обеспечивают высокий уровень безопасности, так как данные в блокчейне защищены от несанкционированного доступа. Внедрение смарт-контрактов не только улучшает эффективность, но и способствует конкурентоспособности банковских учреждений. Ш. Халметова отмечает, что основные темы включают влияние ИИ, машинного обучения и блокчейна на банковские процессы и отношения с клиентами [15], что подчеркивает важность комплексного подхода к внедрению новых технологий в банковский сектор.

Одним из ярких примеров применения смарт-контрактов в банковской системе является пилотный проект Сбербанка, запущенный в 2020 году. Он был направлен на автоматизацию аккредитивных операций с использованием смарт-контрактов, что позволило сократить время обработки транзакций с нескольких дней до нескольких минут. Благодаря использованию смарт-контрактов достигается не только ускорение исполнения финансовых операций, но и повышение их прозрачности и надёжности в рамках интегрированных блокчейн-экосистем. Данному примеру служит внедрение программных алгоритмов автоматического исполнения условий договоров, что обеспечивает минимизацию операционных рисков и подтверждает готовность банковской отрасли к масштабированному применению распределённых реестров. Вместе с тем, цифровая трансформация системы финансового контроля в энергокомпаниях представляет собой комплексный процесс, затрагивающий технологические, методологические, организационные и кадровые аспекты, что подчёркивает необходимость многопрофильного подхода при интеграции инновационных инструментов, включая смарт-контракты, в различные сектора экономики [16, с. 17].

Внедрение технологий распределённых реестров в банковской системе сопряжено с рисками кибербезопасности, масштабируемости, законодательной неопределённости, дефицита квалифицированных кадров и защиты персональных данных. Согласно отчету PwC 2021 года, киберугрозы представляют собой основной источник опасений для 47% руководителей финансовых компаний, поскольку блокчейн, как и любая цифровая технология, может стать объектом хакерских атак. Вместе с тем, исследование Gartner 2022 года указывает на то, что 60% проектов блокчейн сталкиваются с проблемами совместимости с существующими системами, что создает дополнительные сложности при их интеграции. Эти риски подчеркивают

важность тщательной подготовки и анализа перед началом внедрения блокчейн-решений. Следует отметить, что блокчейн-технология предоставляет возможность создания прозрачных и неподдельных записей о транзакциях и событиях. Каждое изменение в блокчейне регистрируется и хранится навсегда, и эта информация доступна всем участникам сети [17]. Таким образом, несмотря на существующие риски, преимущества блокчейна могут значительно улучшить процессы в банковской сфере, если будут учтены все аспекты его внедрения.

Для минимизации рисков, связанных с внедрением блокчейн-технологий, необходимо применять комплексные меры, направленные на обеспечение безопасности и надежности систем. В 2020 году Центробанк России выпустил рекомендации по использованию технологий распределенного реестра, которые включают защиту данных, управление доступом и мониторинг операций. Примером успешной реализации таких подходов является проект MasterChain, где используются шифрование данных и мультиподписи для обеспечения безопасности транзакций. Эти меры не только снижают вероятность кибератак, но и способствуют повышению доверия к блокчейн-решениям среди участников финансового рынка. При этом важно учитывать, что индустрия 4.0 предполагает использование нового подхода к производству, базирующегося на массовом внедрении информационных технологий в промышленность, широком применении искусственного интеллекта, осуществлении масштабной автоматизации бизнес-процессов [18]. Интеграция блокчейн-технологий в рамках этой новой индустриальной парадигмы может значительно повысить как эффективность, так и безопасность бизнес-процессов.

Одним из ключевых преимуществ блокчейн-технологий является их способность значительно повышать операционную эффективность банковских процессов. В отчете McKinsey 2021 года отмечено, что внедрение блокчейн позволяет сократить операционные издержки банков на 30% за счет автоматизации и упрощения процессов. Например, Сбербанк России успешно применил блокчейн для автоматизации процесса аккредитивов, что сократило время обработки с 10 дней до 1 дня. Эти результаты демонстрируют потенциал блокчейн-решений в оптимизации банковских операций и улучшении качества предоставляемых услуг. В дополнение к банковской сфере, рассмотрены возможности применения технологии блокчейна, раскрыта ее роль в организации документооборота, составлении единого отраслевого реестра качества продукции [19].

В таблице 2 представлены характеристики рисков и преимуществ внедрения блокчейн-технологий в банковской системе.

Таблица 2

Сравнительная таблица рисков и преимуществ внедрения блокчейн-технологий в банковской системе

Параметр	Описание	Статистические данные / Примеры
Источники риска	Киберугрозы	47% доля респондентов, отмечающих данный риск
Источники риска	Проблемы совместимости	60% доля респондентов, отмечающих данный риск
Меры безопасности	Рекомендации Центробанка	Внедрение стандартов безопасности
Меры безопасности	Проект MasterChain	Национальная блокчейн-платформа
Преимущества	Снижение операционных издержек	На 30% (по оценкам банков)
Преимущества	Сокращение времени обработки аккредитивов	С 10 до 1 дня (по данным Сбербанка)

Источник: составлено авторами по данным [20]

Внедрение блокчейн-технологий в банковскую сферу приводит к значительным изменениям в бизнес-моделях банков, что подтверждается конкретными примерами из практики. В 2018 году Сбербанк России провел пилотный проект, направленный на использование блокчейн-технологий для автоматизации и ускорения процессов заключения сделок по торговому финансированию. Нововведение сократило время обработки сделок с нескольких дней до нескольких часов, а на международной арене применение блокчейн-сетей, таких как Interbank Information Network (IIN) от JPMorgan Chase, обеспечило снижение операционных издержек за счёт прозрачности и ускорения трансграничных транзакций, в то время как тестирование блокчейн-решений ВТБ Банком в 2020 году для управления цепями поставок не только оптимизировало логистические процессы, но и снизило риски мошенничества, что в совокупности свидетельствует о потенциале распределённых реестров в модернизации банковских бизнес-моделей и повышении их конкурентоспособности [20]. Блокчейн может быть использован для улучшения процессов и повышения эффективности деятельности компаний.

В последние годы блокчейн-технологии привлекли значительное внимание со стороны финансового сектора России (см. рис. 4). Центральный банк Российской Федерации в 2019 году инициировал запуск платформы «Мастерчейн», национальной сети на основе блокчейна, разработанной для обеспечения взаимодействия между финансовыми организациями. Это ускоряет и упрощает процесс обмена данными и проведения транзакций. Согласно отчету PwC за 2020 год, 84% российских банков рассматривают блокчейн как стратегически важную технологию для своей деятельности, что свидетельствует о высоком уровне заинтересованности банковского сектора в использовании возможностей, которые предоставляет блокчейн. К ним относятся повышение прозрачности, снижение издержек и улучшение безопасности операций. В 2021 году Сбербанк, один из крупнейших финансовых институтов России, получил лицензию на выпуск цифровых

финансовых активов, что подтверждает конкретные шаги по интеграции блокчейна в банковскую систему. Бизнес и государственные структуры не могут игнорировать потенциал блокчейна, а технологическими компаниями уже практически сформирована цифровая инфраструктура, которая необходима для реализации этой концепции [21].

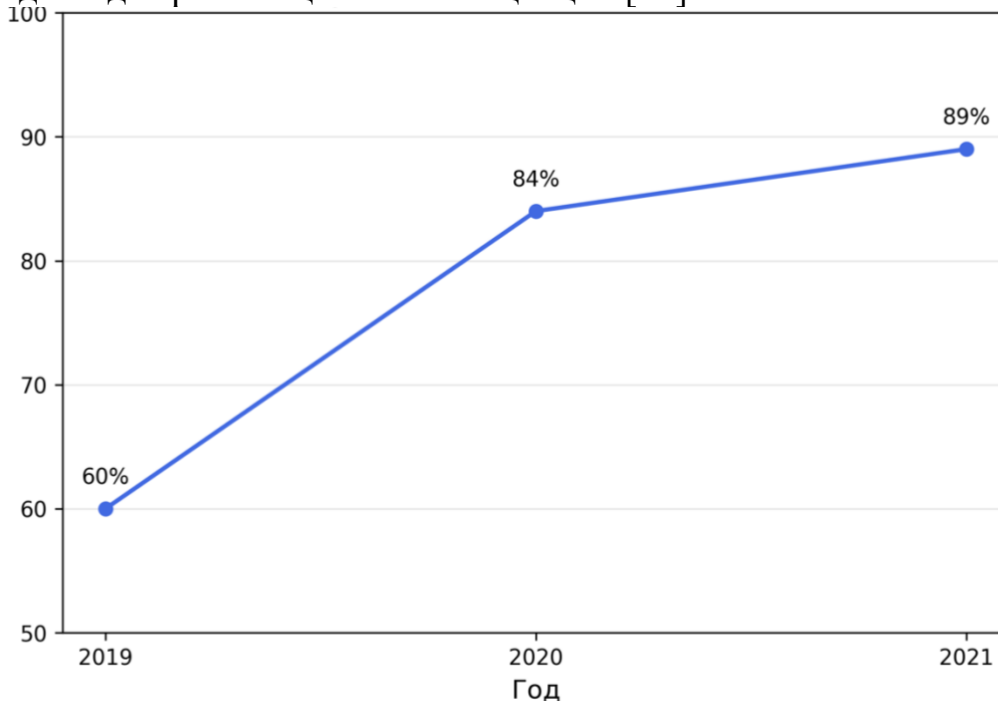

Рис. 4. Динамика восприятия блокчейна российскими банками (доля банков, считающих блокчейн стратегической технологией)

Источник: составлено автором по данным [21]

Заключение

Исследование показало, что интеграция блокчейн-технологий в банковскую систему России позволяет значительно повысить прозрачность финансовых операций и сократить издержки за счёт автоматизации процессов посредством смарт-контрактов и распределённых реестров, что подтверждают экономические модели эффективности и устойчивости банковских институтов, однако внедрение данных решений сопряжено с высокими затратами на интеграцию, необходимостью адаптации к существующим системам и обеспечением кибербезопасности. Эти аспекты требуют детального анализа и разработки стратегий, направленных на минимизацию рисков и максимизацию выгод от использования блокчейна в банковской сфере.

Для дальнейшего развития данной темы рекомендуется сосредоточиться на изучении практических аспектов внедрения блокчейн-решений в различных сегментах банковской системы. Следует также уделить внимание разработке образовательных программ для специалистов финансовой отрасли, чтобы повысить их осведомленность о возможностях и особенностях блокчейн-технологий. Исследование международного опыта и адаптация

успешных практик к условиям российского рынка представляют собой важное направление для будущих исследований.

Литература

1. Котун М.М. Использование блокчейн-технологий в корпоративных финансах // Международный научно-практический интернет-журнал «ПРО-Экономика». 2023. № 2. С. 1–12.
2. Утакаева И.Х., Никитенко В.О., Тутаяев И.А. Особенности внедрения технологии блокчейн в цифровую экономику // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 7. С. 91–92.
3. Цветкова Л.А. Перспективы развития технологии блокчейн в России: конкурентные преимущества и барьеры // Экономика науки. 2017. Т. 3, № 4. С. 275–296.
4. Грепан В.Н. Влияние технологии блокчейн на международные платежи и переводы // Прогрессивная экономика. 2023. № 11. С. 190 – 202.
5. Овинников В.А. Феномен блокчейна в культурном пространстве: проблемы и перспективы // Прогрессивная экономика. 2023. № 3. С. 69–81.
6. Субочев А.П., Бурмакина Л.А., Долганова О.И. Развитие финансовых экосистем в цифровую эпоху: тенденции и перспективы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 4. С. 173–174.
7. Сюе Цяньвэнь, Головенчик Г.Г. Риск применения технологии блокчейн // Экономика устойчивого развития. 2021. № 1. С. 282–283.
8. Оразгалиева Ш.О., Тажиева С.К. Технология блокчейн как инструмент повышения эффективности государственного управления в РК // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. 2025. № 1. С. 120–139. DOI: 10.32523/2789-4320-2025-1-120-139.
9. Наумова А.А., Кузьмичёва В.Н. Основные направления применения блокчейн-технологий в экономике России // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2020. № 4 (43). С. 120–125.
10. Пашковская И.В. Конкурентные возможности банков в цифровой экономике // Вестник евразийской науки. 2021. Т. 13, № 6. С. 1–15. URL: <https://esj.today/PDF/50ECVN621.pdf> (дата обращения: 25.08.2025).
11. Федоренко Т.А. Технология распределенных реестров: трансформация финансового сектора // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16, № 6. С. 1–18. URL: <https://esj.today/PDF/20FAVN624.pdf> (дата обращения: 25.08.2025).
12. Кваша Д.Ю. Технологии моделирования криптовалютных экосистем: монография. М.: Финансы и статистика, 2023. 180 с.
13. Аликаева М.В., Волов М.А. Использование смарт-контрактов в сфере децентрализованных финансов // Фундаментальные исследования. 2025. № 2. С. 8–12.
14. Казакова Д.А., Копанев М.С., Ткаченко С.Н. Значимость технологии блокчейн в банковской сфере // Вестник Балтийского

федерального университета им. И. Канта. Серия: Экономические и юридические науки. 2021. № 4. С. 43–48.

15. Халметова Ш. Цифровая трансформация банковского сектора // Academic Research in Modern Science. 2024. Vol 3. P. 98–103.

16. Бибииков П.С. Цифровые технологии, блокчейн и искусственный интеллект в развитии финансового контроля электроэнергетических корпораций // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17, № s2. С. 1–20. URL: <https://esj.today/PDF/15FAVN225.pdf>.

17. Смирнова А.А., Вялитова Д.Р. Проблемы и перспективы использования технологии блокчейн в цифровой экономике России // Экономика и предпринимательство. 2023. № 7. С. 52–56.

18. Костюкова Е.Н. Смарт-контракт и его использование в логистике // Современные проблемы экономики и управления: сб. науч. трудов. Минск: Институт бизнеса БГУ, 2023. С. 145–152.

19. Кузнецова Т.И. Возможности использования блокчейна в различных отраслях экономики // Гуманитарный вестник. 2020. № 5. С. 1–8.

20. Рябова Е.С. Внедрение технологии блокчейн в компании (опыт российской фирмы): дис. ... магистра экон. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 85 с.

21. Ушаков Д.С., Подольская Т.В., Сысоева А.А. Анализ потенциала применения блокчейн-технологии в современной мировой экономике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 151–160.